

ДАНИЭЛЬ ЗЕА РЕЙ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Не каждая история начинается с рождения. Не каждый путь заканчивается смертью. Она поняла это в свои двадцать семь. Поняла, когда, наконец, умерла. Никто не обещал, что будет легко. Никто не говорил, что ее там ждут. Ее назовут новым именем и с презрением скажут, что она "пробужденная". Ее выкинут, как тряпку, в новый Мир и посмотрят, что из этого получится. И он не протянет ей своей руки. Ведь ему тридцать три, и он ненавидит таких, как она. Но ведь никто не обещал, что будет просто. Никто не говорил, что ему не придется ее защищать. Эта история начнется со смерти. Эта любовь произрастет из ненависти. Это пробуждение расставит все по своим местам.

Даниэль Зеа Рэй
Пробуждение

"В жизни мы часто задаем себе вопрос, что ждет нас после смерти и ждет ли вообще нас там что-нибудь. Я не была исключением, и задавала себе этот вопрос всегда. Задавала, пока, наконец, не умерла..."

Это был тяжелый день, хотя, если задуматься, он мало чем отличался от всех предыдущих. У меня отказали легкие. Я понимала, что это — последняя фаза процесса, и через несколько часов, а то и минут, мое сердце, наконец, перестанет биться. Умирать тяжело. И страшно...

Эта смерть для меня была окончательной, и не стану кривить душой, единственной, которую я ждала. Трубка неудобно торчала из шеи. Говорить я больше не могла, да и сил на слова уже не осталось. Я устала. Борьба устала, и жить, вот так, как жила.

Саша сидел возле моей кровати и, молча, смотрел на меня. Он ждал. Я пошевелила пальцами, и он тут же поднялся с кресла и наклонился к моим высохшим губам.

— Ты обещаешь? — спросила я беззвучно.

— Да, я же дал тебе слово, — ответил он и сел опять на свое место.

Мне не хватало воздуха. Легкие постепенно наполнялись жидкостью, и мне все время хотелось кашлять, но аппарат не позволял выдохнуть, с силой толкая в меня кислород и принося телу очередную боль.

Что-то изменилось в следующий миг. Грудь сдавило, и я почувствовала, как мое сердце начинает быстрее биться. "Тук, тук-тук-тук", — говорило оно, набирая темп перед последним толчком.

Приборы запищали, и Саша снова вскочил. Он плакал. Странно, только теперь я это заметила. "Не нужно. Я готова. Я хочу" — говорила ему про себя я.

Он никого не звал, да и не пришли бы они. Все было решено и записано. "Тук-тук-тук". "Ну, вот и все. Наконец-то, я свободна..." "Тук"...

Глава 1

"Я всегда мечтала начать все заново. Понимаешь, с приходом этой болезни смысл моего существования оборвался. Каждый новый день превратился в ожидание того, что непременно должно было произойти. Шестнадцать лет. Жизнь только начиналась, а на ней уже был поставлен крест. Знаешь, о чем я подумала, когда поняла, что он сделал? Нет, не о втором шансе. Я подумала о том, что следует быть крайне осторожной в своих мечтах: кто знает, возможно, они когда-нибудь сбудутся..."

Из разговора от 06.11.3565

— Гийон, я не прошу тебя сделать это ради меня. Это — прямой приказ! — ревел пожилой мужчина, сидя в своем кожаном кресле напротив него.

— Я найду способ избавиться от этой петли.

— Не найдешь! Она слишком важна для нас!

— Тебя сразу послать или оформить это в должностной записке?

— Послушай, мальчик, ты все сделаешь, как тебе велено. И обо всем, что узнаешь, будешь докладывать непосредственно мне.

— Она не только очередная богатая сучка, она еще и вам нужна! Как ты это себе представляешь?! Неандерталец в роли аналитика группы даниилов. Она ничего не знает!

— Узнает! И ты сделаешь все возможное, чтобы помочь ей. Ты не представляешь, на что она способна. Мне дали почитать всего лишь часть ее дела, и поверь, вскоре тебе нечего будет расследовать.

— Да пошел ты!

— Сам туда иди!

— Я тебе обещаю, что это привилегированное создание вылетит из моей группы через неделю.

— Она не похожа на остальных.

— Конечно же, нет! Старухе более тысячи лет! Естественно, она не похожа на остальных. Что тебе нужно от нее? Чего ты хочешь?

— Информация, только и всего. Я надеюсь, что она сможет мне помочь. Проблема в том, что я не уверен, тот ли она человек, который мне нужен.

— Что-то я не понял?

— Мне только дали понять, что девушка может владеть информацией, которая мне необходима.

— И я стану для тебя гадалкой? Знает — не знает? Повезет — не повезет?

— Гийон, послушай, я ее видел. Они передали ее нам только потому, что я об этом позаботился. Она пригодится тебе, поверь мне.

— Бред. Аналитик! С ее уровнем образования, ей только полы в баре мыть.

— Да, она немного отстала, но быстро освоится.

— И что? Нам за ней по очереди наблюдать?

— Меня предупредили, что она может натворить глупостей.

— Отлично! Еще и нестабильная. За это ты будешь мне должен.

— Это еще почему?

— Специально свинью мне подложил.

— Я оказал тебе услугу, сынок. Ты еще поблагодаришь меня за это.

— Как всегда, самоуверенности тебе не занимать...

— Гийон, твоя группа расследует самые жестокие дела. Ты хорошо разбираешься в их психологии, у тебя даже есть один из них!

— На воспитание Маркуса ушло пять лет.

— Но он прижился.

— От него не меньше головной боли, чем тогда, поверь.

— И она приживется.

— В своей группе после завершения этого твоего задания я ее не оставлю.

— Если ты решишь избавиться от нее, я сопротивляться не стану. Ее зовут Кайлин Рудецкая. Родилась в 2035 году. Умерла в 2062.

— Где материалы ее дела?

— Их нет. Все засекречено.

— Ты издеваешься?

— Я же сказал, что мне самому дали изучить только часть.

— Кто же она такая?

— Выясни сам. Ты же даниил все-таки.

— Все. С этим закончили. Где ее забрать?

— Из центра. Под расписку. Заберешь лично.

— Это я буду решать сам. Отныне она в моей юрисдикции.

— Гийон! Не доводи меня!

— А ты напиши докладную, и я не стану больше мозолить тебе глаза.

— Напишу! Когда-нибудь... А теперь проваливай из моего кабинета! Твое мерцание меня уже достало.

— Оно всех достало. И, поверь, меня тоже.

Она ждала, когда за ней придут, вот уже шесть часов. Все это время она тихо сидела на кровати и смотрела в окно. Чужой мир, другое время, новая жизнь. Она не выбирала. За нее сделал выбор он.

Ровно три недели назад она открыла свои глаза и поняла, что свет, слепящий ее, вовсе не врата в пресловутый рай, а потолочные лампы, встречающие ее холодным голубым сиянием. Черные тени, что замелькали перед уставшими глазами, словно темные демоны, вышедшие из недр другого мира, чтобы забрать ее душу, вовсе не мифические создания, а реальные люди, стоящие подле нее. Чужие голоса пронзили чуткий слух, словно тысячи криков гибнущих людей, молящих о помощи. Только не умирали они на самом деле. Умирала как раз таки она. Или не умирала?

Ключевой вопрос и оказался ответом: нет, она не умирала. Слезы горечи оросили ресницы, и сдавленный стон безысходности проник в пространство вокруг. Она все поняла.

— Год? — спросил чужой охрипший голос, оказавшийся ее собственным.

— Она что-то говорит, — забеспокоились люди вокруг.

Кто-то надел ей на лицо кислородную маску, но она не собиралась так просто сдаваться. Попытка поднять руку не увенчалась успехом: у нее не было никаких сил.

Кто-то склонил к ней голову и приподнял маску:

— Год? — прошептала она на чужом языке.

— Три тысячи пятьсот шестьдесят пятый, — ответил звонкий женский голос.

Она закрыла глаза и больше не плакала. Она знала, для чего они это сделали. Она

помнила имя того, кто предал ее.

— Катъеирина?

Она обернулась и увидела в дверях довольно высокого и широкоплечего мужчину в одном из нелепых нарядов, которые носили люди за стенами этого здания. Волосы незнакомца были острижены у самых корней, а на голове среди них виднелся затейливый темно-синий рисунок.

— Вы опоздали.

— Я и сам об этом знаю.

— А извиняться среди вас не принято?

— А среди вас?

— Было.

— Среди нас тоже было.

Она развернулась на кровати и теперь уже более внимательно посмотрела на вошедшего. Она знала, что время изменило человечество за все эти годы. Исчезли светлые оттенки волос, кожа стала более смуглой, а глаза потемнели настолько, что светлым цветом оказался шоколадный оттенок, а не серый, как у этого незнакомца. Был ли он из ее времени, или родился позже? Сейчас это не имело значения. Он пришел за ней, как неравный по происхождению, как часть того мира, в котором она оказалась, поэтому, когда бы он не родился, для нее он был одним из них.

— Могу я узнать ваше имя? — спросила она, поднимаясь со своего места.

— Маркус.

— Очень приятно, Маркус. "Катерина".

— То есть, Кайлин.

— Здесь все называют меня этим именем. Почему не Кэтрин тогда?

— Все меняется, и имена тоже. Вы русская, и этот язык умер сотни лет назад точно так же, как и все остальные. Что же вы хотите от имен?

— Я хочу, чтобы имя, данное мне родителями, осталось прежним. Чтобы язык, на котором разговаривал мой народ, понимал хоть кто-нибудь.

— Война стерла грани между людьми. В этом мире остались лишь коренные жители и пробужденные, к которым относимся мы с вами. Это другая жизнь, и она не дарована вам родителями. Они дали ее вам, и они назвали вас Кайлин.

— До чего же мы докатились? До единого Мира или потери своего собственного "я"?

— Мы стали убивать друг друга и занимались исключительно этим на протяжении четырехсот лет. Достаточный срок, для того чтобы потерять корни и собственное "я" вместе с ними.

— А где родились Вы?

— В этом Центре, — ответил Маркус и улыбнулся.

— Хороший ответ. Но американский акцент портит впечатление.

— Бывали в Америке?

— И не раз.

— Тогда понятно. Кстати, ваше произношение достойно похвалы.

— Спасибо за комплемент, — коротко ответила Кайлин, пресекая дальнейшие расспросы. — Вы отвезете меня в новый дом?

— Да, для этого я здесь.

— Мне дали одну из этих стеклянных карточек. Правда, я все равно не понимаю, как

ими пользоваться.

— Вы быстро освоитесь. Думаю, для начала стоит нам захватить в магазин, ведь кроме этой больничной пижамы у Вас ничего нет.

— Отвезите меня домой, пожалуйста. Покупки я сделаю позже.

— Ладно, как хотите. Могу я называть Вас на "ты"?

— Можешь, Маркус. Тем более, что ты явно старше меня.

— Мне тридцать четыре.

— Женат?

— Нет.

— А дети?

— Это вопрос? — рассмеялся Маркус.

— Нет, просто интересно. Моя бабушка говорила, что если мужчина не остепениться до сорока лет, он не сделает этого никогда.

— Ну, у меня в запасе еще шесть лет.

— Не так уж и много, Маркус.

— Странный мы затеяли разговор, ты не находишь?

— Извини, не хотела тебя обидеть.

— Ну что, пойдём?

— Пойдем, — ответила она и побрела за ним следом.

Он вывел ее через центральный холл. Здесь никто не обращал внимания на странный внешний вид молодой девушки. Нет-нет, она не была какой-то особенной. В своем времени она больше походила на обычную серую мышь.

Невзрачная внешность, болезненная худоба и маленький рост наделяли ее способностью растворяться в толпе или сливаться с мебелью в заполненной людьми комнате. Она была безликой, да, так можно сказать. "Безликой", но только не для этого времени.

Вокруг толпилось много людей. Высокие, со смуглой кожей и яркими волосами самых разных оттенков, любых, только не природных, они казались мифическими инопланетными созданиями, похожими на людей, но не являющимися таковыми. Нет, они не были устрашающими. Скорее красивыми, но какой-то неестественной, искусственно созданной красотой. В моде приветствовались ярко-фиолетовые и темно-бардовые тона окраски. Аляповатые головы светились, словно неоновые рекламы на проспекте, привлекая внимание окружающих и быстро утомляющие глаза своей пестротой.

Маркус снисходительно улыбнулся, когда Кайлин, немного замешкав, притормозила у самой двери.

— Боишься?

— Нет.

— А стоило бы, — не без иронии бросил он.

Светоотражающие темные двери открылись перед ней автоматически, и она шагнула за территорию, где прежде была в абсолютной изоляции. Тяжелый спертый воздух ударил ей в лицо и сдавил грудь. Она попыталась вдохнуть его, но закашлялась.

— Думала, за тысячу с лишним лет здесь ничего не изменится? Я тоже так думал. Привыкай: чистый воздух здесь большая редкость.

Она подняла глаза и в первый раз не через стекло своей комнаты взглянула на этот мир. Высотные зеркальные здания, потоки машин, мчащиеся над головой в бесконечном числе

рядов, вздымающихся вверх за самую границу облаков. Здесь не было ни деревьев, ни зелени, только стальные, бетонные, зеркальные и блестящие здания, холодные и величественные хозяева этого чужого мира.

— В городе есть парки?

— Есть, но очень мало. Как-нибудь я свожу тебя в один из них.

— Где твоя машина?

— Сейчас подадут.

Они подошли к дороге, и в следующее мгновение перед ними оказалась черная блестящая машина с известным Кате логотипом "Мерседес". Со стороны водительского сидения вышел один из тех, кого она часто встречала в Центре.

Они все по странной прихоти своих конструкторов казались очень похожими друг на друга. Гладкая стальная "кожа", большие красные глаза и приветливое лицо с имитацией носа и губ. Они обладали мимикой, и каждое запрограммированное движение на их лицах смотрелось очень искренне, будто их обладатели действительно могли испытывать какие бы то ни было эмоции.

Робот подошел к ней и, улыбнувшись, представился:

— Мое имя — Ено. А Ваше — Катерина?

— Без акцента?

— Это одна из моих программ. Если Вы захотите, я смог бы с вами поговорить на русском.

— Это лишнее, тем более, что русским языком больше никто не пользуется.

— В Вашем голосе я различаю нотки депрессивного настроения. Мне стоит беспокоиться?

— Ено, тебе стоит замолчать и больше меня ни о чем не спрашивать.

Робот склонил голову на бок и улыбнулся.

— Как пожелаете.

Ее усадили на заднее сидение автомобиля. Ено и Маркус сели впереди.

— Почему ты сел за руль, а не робот?

— Потому что это моя машина, а не Ено. Поедем по земле. Боюсь, к полетам ты еще не готова.

— Меня не укачивало в самолетах.

— Поверь, свою первую поездку в атмосфере на автомобиле ты запомнишь навсегда.

Она только хмыкнула в ответ, после чего пристегнулась пятиточечным ремнем безопасности и окончательно расслабилась.

По ее меркам, Маркус водил машину отвратительно. И даже не смотря на скоростной режим, предписывающий двигаться со скоростью не более девяноста километров в час, для езды на такой машине по пустынным асфальтированным улицам города, где все движение концентрировалось над головой, Маркус, казалось, не был готов.

— Почему здесь нет машин?

За Маркуса ответил Ено:

— В атмосфере скорость передвижения не ограничена, тогда как здесь существует свой лимит.

— Поэтому все полагают, что доберутся по воздуху быстрее?

— Конечно.

— Как долго нужно обучаться, чтобы получить права?

— Если в прошлой жизни у тебя были права, то для наземного транспорта их получать не обязательно: всего лишь следует обратиться в архив, чтобы Центр криогенезации подтвердил это документально.

— А при чем здесь Центр?

— В его архивах хранятся все личные дела вновь пробужденных. Они засекречены и принадлежат Центру.

— И мое тоже?

— И твое тоже.

— А какие у меня права? Кто я вообще в этом мире?

— Тебе не объяснили элементарных вещей? — удивился Маркус.

— Наверное, я не слишком упорствовала с вопросами.

— Пока ты не прошла тест на интеграцию, за тебя несет ответственность Центр или доверенное лицо. Тебя не могут арестовать, осудить или подвергнуть наказанию, потому что ты не являешься гражданином этого общества.

— А ты гражданин?

— Да. Три года назад я сдал все экзамены и защитил диплом даниила второго уровня.

— Судьи?

— Да, судьи.

— А кем ты был в прошлой жизни?

— Прокурором.

— Мне не понятно устройство этого общества. Я привыкла к тому, что судебная власть — это отдельная ветвь власти. А здесь нет полиции, только даниилы, которые и расследуют и выносят приговор.

— Не все так просто. У каждого даниила есть определенный уровень правовой власти. Я пока защитил только второй и могу осуждать за нетяжкие преступления. Даниилы первого уровня не могут выступать обвинителями, точно так же, как и выносить приговор.

— А высший может убивать?

— Осудить на смерть может даниил и третьего уровня. Четвертый уровень — самый высокий среди нас. Эти даниилы вершат суд за самые тяжкие преступления. Высшим уровнем обладает только один человек в стране — Верховный даниил. Он-то нами всеми и руководит.

— В общем, суть дела не изменилась. Разница в том, что сегодня кто-то — дознаватель, а завтра — судья.

— Ты все правильно поняла.

— За мной должен был приехать некий Гийон Самари. Какой у него уровень?

— Четвертый.

— И я нахожусь в его юрисдикции?

— Да, пока не станешь гражданином, или он не передаст опеку кому-нибудь другому.

— И когда я смогу увидеть своего опекуна?

— Завтра, скорее всего, когда выйдешь на работу.

— Ненавижу все эти дела...

— Тебе уже доводилось работать аналитиком?

— Теперь это так называется? — засмеялась она.

— А как это называлось в твое время?

— "Приведите сюда Катерину. Немедленно!", — вот как это называлось.

— То есть, ты не была следователем?

— Нет, не была.

— А кем тогда была?

— Что, в личном деле не написано?

Маркус замялся.

— Ага, почитать, значит, не дали, — сделала вывод она.

— Материалы твоего личного дела засекречены. С ним знаком только Гийон.

— Ну, тогда у него и спроси, кем я была.

Тем временем они въехали в совершенно другой район города, который разительно отличался от всего того, что они проезжали ранее. Этот уголок города словно переместился сюда из прошлого.

Белые кукольные домики выстроились в ряд у широкой дороги. Аккуратные, подстриженные газоны и кустарники. Кое-где деревья и цветы. Низкие декоративные заборчики перед каждым домом и старомодные почтовые ящики, неизвестно зачем стоящие здесь.

— Не хватает только домохозяек, мирно болтающих друг с другом, — засмеялась Кайлин.

— Нравится это место?

— Не знаю. Театрально как-то, неправдоподобно.

— Это один из самых дорогих кварталов города.

— А самый дорогой квартал — это дворцы, выстроенные в ряд?

Маркус и Ено оценили ее шутку, засмеявшись в голос.

— Нет, самые престижные районы города — это Северный и Южный парки.

— Жизнь на опушке стала самой дорогой?

— Да, если лес вокруг настоящий, а не голографический.

— Где же тогда буду жить я? В картонной коробке под мостом?

— Не говори ерунды. Здесь, конечно.

— Здесь?

— Все пробужденные здесь живут.

— Выходит, за все это время ничего не изменилось: выживают лишь те, кто заплатил. Для остальных этот путь закрыт. Не честно, не правда ли? Почему бы не спасти обреченного ребенка или беременную женщину? Зачем, разве от них будет какой-нибудь толк? Нет. И вот, проходит тысяча лет, а мир по-прежнему стоит на коленях перед золотым тельцом.

Маркус и Ено обернулись к ней.

— Ты лучше на дорогу смотри, а не на меня, — напомнила ему Кайлин и сложила руки на груди.

— Не забывай, что я тоже пробужденный.

— Говоришь, прокурором был? Много денег сберег?

— Достаточно.

— Почему же решил второй шанс купить? Не успел все дела завершить?

— Я согласился просто так. Шансов все равно не было. А деньги... Кому они нужны после смерти?

— Живым, у которых их нет.

— Но ты сама ничем не отличаешься от меня. Сколько ты отдала корпорации за процедуру?

— Нисколько, — ответила Катя и отвернулась.

— Что, смотреть в глаза правде тяжело? Проще других осуждать?

— Вы заслуживаете осуждения.

— А ты — нет?

— Даже большего, чем ты можешь себе представить...

Ее новый дом оказался просторным двухэтажным сооружением, таким же кукольным снаружи, как и все соседние. Белый, с зеленой лужайкой и железным почтовым ящиком возле заборчика. Только зайдя внутрь, она поняла, что фасад коренным образом отличается от содержания. Толстые стеклянные стены, автоматическая подсветка пола и потолка, многочисленные приборы и сенсорные компьютерные экраны, которыми она научилась пользоваться в Центре для связи с медицинским персоналом. Все чужое, странное и не вполне понятное.

— Нравится? — спросил Маркус, осматриваясь вокруг.

— Нет. Никогда не любила хай-тек.

— Все эти устройства значительно облегчают жизнь.

— У меня вся жизнь уйдет на ознакомление с инструкциями по эксплуатации, — заметила Кайлин и прошла в гостиную.

Внизу помещение условно можно было разделить на три зоны: холл, гостиную и кухню. В гостиной кроме большого светлого кожаного дивана и стеклянного столика, стоящего на черном ковре, не было ничего. Здесь же, отделенная от остального пространства толстой стеной, высотой около метра, располагалась кухня. Она обогнула декоративную преграду и первым же делом открыла большой двухкамерный холодильник, в котором ничего, кроме пакета молока и двух бутербродов с ветчиной не было.

Кайлин "пробежалась" глазами по стальным створкам многочисленных кухонных шкафчиков и открыла один из них: тарелки и чашки, стоящие внутри, ничем не отличались от тех керамических, которыми она привыкла пользоваться.

Катерина подошла к электрической плите, оценила ее большую электронную панель управления с множеством кнопок, бросила взгляд на духовой шкаф, вмонтированный рядом, и "микроволновку", стоящую на нем, и скептически посмотрела на странный прибор, похожий на стеклянный куб с кнопками на передней панели. Она указала на него пальцем, и Ено, увидев ее замешательство, тут же пришел на помощь.

— Это микроволновый преобразователь. Есть продукты, которые продаются в готовом виде в специальных пакетах. Вы должны положить этот пакет в шкаф и задать программу, указанную на упаковке.

Ено приблизился к одному из шкафчиков и открыл его. На полочках аккуратно были разложены какие-то блестящие пакеты. Он достал один из них и прочитал надпись: "картофельное пюре с индейкой". Затем подошел к "коробке", положил в нее пакетик и нажал на несколько кнопок, светящихся на передней панели прибора: вспышка синего света мигнула внутри, и Кайлин увидела, что пакет заметно увеличился в объеме. Ено достал его и раскрыл. Внутри на блестящей подставке лежала порция картофельного пюре и кусочек индейки, от которых в воздух поднимался пар.

— Вот, можете попробовать!

Она подошла к странному угощению и понюхала его.

— Не похоже на настоящую картошку, — заметила она и, набрав немного пюре на палец, осторожно попробовала угощение. — Какая гадость! Резина, настоящая!!!

— Здесь содержится набор необходимых питательных веществ, — пояснил Ено.

— Это невозможно есть. Химия сплошная.

— А я привык, — хмыкнул Маркус.

— Хорошо, хоть в Центре еда была настоящей, — только и ответила она. — Ладно, ребята, можете идти.

Маркус и Ено удивленно уставились на нее.

— А покупки? Да и дом мы еще не осмотрели.

— В другой раз. Я хочу отдохнуть.

— А магазин? Тебе завтра на работу. Не пойдешь же ты в этом? — он указал пальцем на ее ядовито зеленую пижаму.

— Это не твои заботы, Маркус. Я хочу, чтобы вы немедленно отсюда убрались! Вон!!! — закричала она.

Ено и Маркус только переглянулись, и, ничего не говоря, вышли из дома.

— Ну и мигера! — пожаловался он роботу, садясь в машину.

— У нее депрессия, такое поведение оправдано.

— Ты останешься здесь?

— Да. Гийон поручил мне постоянно за ней наблюдать.

— И где ты обоснуешься?

— Вон под тем кустом.

— Замечательный ты агрегат! Ни холода не боишься, ни спать тебе не надо. Завидую я тебе.

— Не стоит. Это — моя работа.

— Ладно, я поехал. Франческа наверняка уже заждалась.

— Твоя любовница ждет тебя дома?

— Боже упаси! Я не привожу их домой. Это мой шалаш, там им делать нечего.

— Тогда, до завтра, Маркус.

— Пока, Ено. Заеду утром. Звони, если что.

— Хорошо. Маркус?

— Да.

— Тебе не кажется, что эта девушка очень необычная?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Она красива, но на тебя не произвела впечатления.

— Это как?

— Ты не оценил ее, как привлекательную женщину.

— Не могу сказать, что она ужасна, но рядом с Сианной, которую я отношу к разряду привлекательных, ей лучше не стоять.

— И в этом твоя главная ошибка.

— Тебе виднее, Ено. Наверняка ты уже смоделировал в своем электронном мозгу всевозможные образы этой "красавицы".

— Я определяю красоту исходя из биометрических параметров. Ее тело и лицо симметрично на вяносто два процента, что означает, что ее внешность на семь процентов более совершенна, чем у Сианны. Однако, при этом ты не стал причислять ее к разряду красивых женщин. Что же я упустил?

— Мужчина не оценивает женщину по симметрии лица. Она может быть вообще не симметричной, и в этом будет заключаться ее привлекательность. С Кайлин дело совсем в

другом. Эти светлые волосы и бледное лицо на фоне зеленого больничного костюма смотрятся просто ужасно. Кроме того, она какая-то слишком худая и скрюченная. Бесформенная, короче. А грация, кокетство? Ты видел, как она ходит?

— Мне интересна твоя точка зрения, Маркус. Я обязательно подумаю над этим.

— Думай. Потом поделишься своими выводами.

Катерина обошла весь особняк за десять минут. Три спальни наверху, гардеробная, две ванных комнаты и балкон. Самым уютным помещением в доме ей показался подвал, вход в который был спрятан в нише под лестницей. Он был обит деревом и там горел приглушенный теплый свет. Все было хорошо, пока она не подошла к маленькому окошку вверху стены и не поняла, что это — бутафория. Привычная дрожь пробежала по ее телу, и Катя быстро покинула злосчастное помещение.

Было всего лишь восемь вечера, и Маркус оказался совершенно прав: кроме больничного костюма, любезно подаренного ей Центом, у нее ничего не было. Она долго осматривала электронные приборы внизу, пока не наткнулась на какой-то блестящий обруч. Сначала она надела его на голову, но тут же, осознав ошибку, сдвинула на глаза. Впереди, откуда не возьмись, появился экран компьютера и клавиши, парящие в воздухе. Она попыталась разобраться в программе, и еще спустя двадцать минут, наконец, вышла в мировую электронную сеть.

Через час заказ на доставку одежды, еды и элементарных средств гигиены был готов. Срок доставки — не более трех часов. Что ж, делать было нечего, и Катя решила найти телевизор. Усевшись на диван в гостиной, она задумалась над тем, где же все-таки расположен этот объект "всемирного тяготения" и как его включить.

— Телевизор, черт побери! — громко прокричала она, как вдруг перед ее глазами возникла проекция экрана с большим числом каналов на нем.

— Новости, — произнесла она, и ее выбору престало пять каналов с различными репортажами.

Она выбрала тот, где диктор рассказывала о подписании какого-то договора между континентами.

За три часа ожидания она узнала, что на Земле до сих пор кто-то голодает, что в Африке строят очередную термоядерную энергетическую станцию, что жители Америки пострадали от нового урагана, а в Европе, где она находилась, расширен круг лиц, имеющих право на гражданство.

И теперь она поняла, что за тысячу с хвостиком лет кардинальным образом ничего не изменилось: люди по-прежнему верили в Бога, не имея реальных доказательств его существования, и все еще задавались вопросом, существует ли разумная жизнь во Вселенной, кроме земной.

В дверь позвонили, и она рывком бросилась ее открывать.

Ено с лужайки ее собственного дома наблюдал за тем, как несколько молодых людей перетаскивают из грузовичка какие-то коробки с вещами. "Что ж, по крайней мере, девушка разобралась с тем, как можно делать покупки", — подумал он и автоматически улыбнулся.

"Я никогда не считала себя привлекательной. Постепенно я перестала и следить за собой. Почему? Потому что внимание людей, а особенно мужчин, сделало бы мое существование окончательно невыносимым. Я превратилась в собственную тень, которую замечали лишь те, кому это было необходимо. Не верь, если кто-то скажет, что ему все равно, как к нему относятся. Каждый хочет быть особенным и красивым, пусть даже для одного человека, но все же, хочет..."

Из разговора от 17.11.3565

В девять часов утра группа Гийона как всегда собралась в кафе на первом этаже Центра управления даниилами. Это была хорошая традиция — начинать рабочий день с завтрака в неофициальной обстановке. Не хватало только Маркуса, Ено и новой подопечной, от появления которой он ничего, кроме очередных проблем, не ждал.

— У нас новый эпизод, — начал свой монолог Гийон. — Недалеко отсюда. Молодая одинокая пробужденная.

— Пятая, — прокомментировала Сианна, очень привлекательная девушка с малиновыми длинными волосами лет тридцати.

— Позавтракаем и поедem. Группа криминалистов уже поработала. Так что место происшествия в нашем распоряжении.

— Где Маркус? — не без неприязни спросил Рихтор, высокий боров, на вид не старше тридцати пяти, сидящий возле Сианны и плотоядно смотрящий на нее.

— Рихтор, прекрати так вызывающе смотреть на свою жену.

— Прости, Гийон.

— Проехали. Кайлин проспала, поэтому они с Ено задерживаются.

— Ей честь оказали, — забурчала Сианна, — а она поспать решила?

— Судя по всему, это назначение ее мало интересует.

— Как же я из всех ненавижу!

— И Маркуса? — ехидно заметил Рихтор.

— Маркус — исключение, подтверждающее правило.

Дверь кафе распахнулась, и в нее вошли трое. Ено и Маркуса узнали все, а вот то существо, что шло за ними следом, склонив свою голову, они никак не ожидали встретить в приличном месте.

Девушка, на вид лет двадцати пяти, не больше, была одета, как нищенка. Синие свободные джинсы, майка под горло, расстегнутая легкая куртка поверх и ботинки на низком ходу. Половину лица закрывали темные очки, из-под которых выглядывал только маленький носик и правильной формы тонкие губы. У девушки были длинные светлые волосы, собранные в хвост за спиной и белая, словно лист ватмана, кожа. Вышагивала она, как настоящий мужик: размашисто и уверенно, и это несмотря на всю сутулость ее и без того маленького тела.

Смотреть было не на что. Ни груди, ни бедер — вообще ничего. То ли одежда была ей не впору, то ли прятать под ней действительно было нечего, но Сианна поняла одно: даже деньги не помогли этому существу стать похожей на женщину.

Гийон вопросительно посмотрел на Маркуса, но тот только пожал плечами и

усмехнулся.

Катерина подошла к круглому столику и едва не открыла от удивления рот, в упор глядя только на одного человека.

Он был... Кем же он был? Роботом? Мужчиной? Красивые и строгие черты лица искажала граница его собственной кожи, плавно переходящая в какую-то мерцающую, поблескивающую непонятными электрическими разрядами поверхность. На глаза был надет узкий темный обруч, напрочь лишаящий окружающих возможности заглянуть ему в глаза. Волосы коротко острижены и выбриты на затылке, образуя похожий на рисунок Маркуса узор, только темно-красный. Блестящая "кожа", как она бы ее назвала, начиналась у правого уха, подкрадывалась к кромке губ и разрезала подбородок, покрывая всю его шею. Да, он был красив, этот мужчина. Когда-то был... Густые темные брови, прямой ровный нос. Высокие скулы и мощный подбородок. Аккуратные, не слишком полные губы и смуглая кожа.

Она невольно протянула руку, чтобы прикоснуться к этому мерцанию на его лице, совершенно забыв о правилах поведения с незнакомыми людьми, но он резко перехватил ее кисть и настолько сильно сжал в своей стальной в прямом смысле ладони, что она выгнулась от боли.

— В следующий раз, когда вздумаешь прикоснуться ко мне, спрашивай разрешения.

— Извините, — выдавила она из себя, и он отпустил ее.

Растирая онемевшую руку, она начала рассматривать всех остальных. Высокий боров напротив странного человека был довольно симпатичным. Темные волосы он аккуратно зачесал назад. Лицо жесткое, каменное, с крупными чертами. Девушка рядом с ним была похожа на фотомоделю. Первыми бросались в глаза длинные малиновые волосы. Этот цвет ей шел, подчеркивая смуглую бархатистую кожу. Красивые темные, как ночь, миндалевидные глаза, длинные ресницы, похоже, что накладные, небольшой аккуратный носик и сочные губы. Девушка была высокой с объемными формами, подчеркнутыми малиновой блузкой под цвет волос с вызывающим вырезом и странными высокими плечиками, собранными в "фонарики". Мужчины были одеты практически одинаково: черные короткие кожаные куртки с рукавами — гармошками, такие же кожаные штаны, как рукава курток, и белые рубашки с расстегнутыми воротами.

— Познакомьтесь, — наконец разрядил обстановку Маркус, — это Катъеирина.

— Коверкать собственный язык мы не будем, — оборвал его мерцающий мужчина. — Эквивалент твоего имени в современном языке — Кайлин, поэтому — привыкай.

— Вы, насколько я поняла, и есть мой опекун?

— Да, меня зовут Гийон. Это Рихтор и его жена Сианна.

— Очень приятно, — Катя протянула руку Гийону, чтобы поздороваться, но тот только отвернулся в ответ. Тогда она наклонилась к Рихтору, и, увидев, как тот засмеялся ей в лицо, опустила руку.

— Рукопожатие — знак уважения. А ты здесь — никто! — отчеканила девушка и вызывающе улыбнулась.

Кайлин никак не ожидала такого приема. Кем она была для них? Человеком? А разве можно так вести себя с человеком?

Ее подбодрил Маркус, который уложив свою тяжелую ладонь ей на плечо, придвинул стул и усадил за стол.

— Тебе все-таки не нравится твое новое имя? — мягко спросил он.

— Мне все равно, — ответила она и, казалось, согнулась еще больше.

Гийон смотрел на это "чудо в перьях", и задавался вопросом: какого черта Цеми понадобилось от этого пугала? Она не производила впечатления сильной женщины. Она была убогой во всем: в своих движениях, манере держаться и в собственном внешнем виде. Он бы мог разглядеть ее глаза за этой оправой, да и что там говорить, он бы мог обмерить ее фигуру под всей этой одеждой, но она настолько не привлекла его внимания, что он даже не стал напрягаться.

— Сегодня тяжелый день, — прервал тишину Гийон, — очередной эпизод. Давайте побыстрее осмотрим место происшествия и приступим к оформлению документации.

— Могу я выпить кофе? — неожиданно для всех перебила его Кайлин.

— Те, кто опаздывают на работу, лишаются такой привилегии.

— Что ж, тогда можете считать, что я вообще сегодня не явилась, — спокойным тоном ответила она и поднялась из-за стола.

— А вот и коготки! — засмеялась Сианна и подмигнула Гийону.

— Сядь на свое место! — тихо прогремел он и Кайлин, вопреки первоначальному порыву, опустилась назад. — Вбей в себе в голову одно правило, — продолжил он, — в твоей жизни теперь все определяю я. У тебя нет прав, нет желаний и нет свободы. Ты все поняла?

— Я — человек и свободна с рождения, — неожиданно прошипела она в ответ.

— Ты была человеком, а теперь ты — пробужденная. Объясню по-другому: если ты не будешь делать то, что тебе говорят, я отправлю тебя обратно в Центр, объявлю нестабильной, и на этом твоя новая жизнь в этом мире будет окончена. Ты все поняла?

Испугалась ли она его слов? Нет, она не боялась смерти. Но осознание того, что у нее нет никаких прав, ее потрясло. Рабство? Она в рабстве?

Кайлин повернулась к Маркусу и посмотрела на него. Он не видел, сколько боли выражали ее глаза, но почувствовал, насколько ей плохо. Он едва улыбнулся и ответил ей:

— Относись к этому, как к этапу в своей жизни. Никто не причинит тебе вреда. Просто Гийон пытается сказать, что он в ответе за тебя, и отныне тебе придется ему подчиняться. Мы не должны опаздывать на работу.

— И из-за опоздания я лишусь завтрака и буду смотреть, как едите вы все?

Гийон приподнял одну бровь и посмотрел на это сгорбленное существо.

— Какой ты хочешь кофе? — неожиданно спросил он.

— "Латте", двойной.

— Что? — не понял он.

— Вам не знакомо слово "Латте"? Это кофе с горячим молоком и сахаром.

— А-а-а. В наше время он называется "кофе с молоком и сахаром".

— Пусть будет так.

— "Латте", — хмыкнул он. — Дженни, — крикнул Гийон, — принеси нашей госпоже "Латте", пожалуйста!

Девушка-официантка, к которой он обращался, удивленно уставилась на него.

— Что, простите?

— Вот видишь, — он повернулся к Кайлин, — здесь не знают таких слов. Научись, пожалуйста, выражаться без этих своих оборотов.

— Как же узнать, что они никому не известны?

— Поинтересуйся у Маркуса, все-таки вы с ним почти ровесники.

Маркус вперил свой взгляд в стол, чтобы больше не испытывать это чувство стыда перед ней. Да, Гийон был обладателем редкого заносчивого характера, а если учесть, что и судьба этого человека наложила на его личность определенный отпечаток, получалась весьма взрывоопасная смесь.

Через минуту девушка принесла ей большой картонный стаканчик с кофе, который по аромату мало чем походил не то, что на "Латте", а на кофе в принципе. И насколько бы ни было сильным ее желание выпить это пойло, она не стала его пробовать.

— Чего же ты не пьешь? — засмеялся Гийон. — Или опять что-то не так?

— Ничего, — ответила она и полезла в карман за стеклянной карточкой.

— О, ну это совсем другое дело! Сегодня Кайлин оплачивает наш завтрак. Спасибо, дорогуша!

Она больше не смотрела на него. Официантка забрала карточку и вскоре принесла прибор с сенсорным экраном. Катя знала, что нужно приложить к нему палец, чтобы просканировать отпечаток.

— Ну, а теперь пора выдвигаться, — объявил Гийон, поднимаясь со своего места.

Маркус подошел к Кайлин и, наклонившись к самому уху, спросил:

— Может, возьмешь кофе с собой?

— Спасибо, Маркус, не нужно, — прошептала она и встала из-за стола.

— Поедешь с Ено! — бросил напоследок Гийон и направился к выходу.

Маркус нагнал его у самой машины:

— Зачем ты так с ней?

— Как, "так"?

— Она ничего нам не сделала. Подумаешь, опоздала? Кто из ребят не опаздывал?

— Маркус, посмотри на нее. Какой с нее аналитик? Того и гляди, грохнется на пол при виде места преступления. В лучшем случае ее стошнит.

— Ну и что? Она же не выбирала эту должность. Девушка вообще очень странно ведет себя. И она вполне способна была язвительно ответить тебе в кафе, хотя не и стала этого делать.

— Хочешь сказать, что у этого существа есть характер?

— Да, вчера она была более разговорчивой, чем сегодня.

— Что же с ней произошло?

— Мы напугали ее.

— Ничего, переживет.

— Это не правильно, Гийон. Ей тяжело, и мы должны это понять.

— Слушай, чего ты так волнуешься за эту миллионершу!?

— Она из простых.

— Не смей меня.

— Говорю тебе. Я не первый раз забираю пробужденных. Сам таким был. Первое место, куда они едут — это банк. А Кайлин поехала домой.

— Это еще ничего не значит.

— Она не знает, сколько на ее счету денег. Она вообще ничего не знает.

— Но, средства на криогенезацию она все-таки нашла?

— Все равно что-то с ней не так.

Гийон обернулся у самой машины и посмотрел на Кайлин. Девушка вышагивала рядом с Ено, спрятав руки в карманы. "Слишком убогая для богачки", — подумал он и громко

окликнул ее.

Она подняла голову и выпрямилась, остановившись. Он почему-то непроизвольно отпрянул.

— Поедешь со мной, Кайлин.

Она едва заметно кивнула и направилась к его ярко-красному автомобилю.

— Веди аккуратно. Она не привыкла летать, — напомнил ему Маркус.

— Сам знаю, — буркнул в ответ Гийон и сел в машину.

Катя плюхнулась на переднее сидение "ягуара" и пристегнула ремни.

— Водила когда-нибудь автомобиль?

— Да, когда-то.

— Значит, и таким управлять сможешь.

— Тут много приборов.

— Разберешься, если не дура.

Он завел двигатель и на Кайлин обрушился рев музыки. Это был тяжелый рок в исполнении симфонического оркестра. Женский голос под сопровождение ударных, виолончелей и духовых пел о неразделенной любви и ненависти к бывшему объекту притязаний. Кайлин и сама любила громко включать музыку, когда садилась за руль, но этот удар по ушам даже ей пришелся не по вкусу.

Она повернулась к Гийону с намерением попросить убавить звук, но не успела. Ее вдавило в мягкое кожаное сидение, как парашютиста в асфальт, и перед глазами замелькали здания бизнес — квартала, куда они приехали утром.

— А-а-а!!! — заголосила она, понимая, что на таких скоростях еще не ездил по земле, как вдруг машину дернуло вверх и через несколько мгновений они врезались в границу облаков.

— Боже, помоги, — прошептала Кайлин, когда опекун начал маневрировать сквозь потоки машин, которыми кишело здесь все пространство вокруг, и красочно выругалась на родном языке, — когда он рванул вниз, приземлившись на подъездной дороге к очередному фешенебельному району.

— Ну, что? Уже тошнит или потерпишь до места?

— Потерплю, — страдальческим голосом ответила Кайлин и тут же вылетела из машины.

Обочина была не лучшим местом для рвотных спазмов, но в этой ситуации ей не из чего было выбирать.

Он подошел к ней со спины, вперив взгляд в сгибающееся тело над землей. Странно, но он все же сочувствовал ей, тем более, что и тошнить Кайлин особо было нечем.

— Вода есть? — спросила она, все еще стоя согнувшись.

— Сейчас принесу.

Он достал из салона бутылку с питьевой водой и протянул ей. Она сняла свои темные очки и, прополоскав рот, сплюнула прямо на дорогу.

Он смотрел на эту девушку и не мог понять, что с ним происходит. Не было в ней ничего особенного. Все вроде бы та же маленькая фигурка и грустное лицо. Но глаза... Таких глаз он еще не видел. А знал он многих женщин, большинство из которых были самыми красивыми среди себе подобных. Но, ни у одной из них он не видел таких глаз. Темно-синие, насыщенные своим тоном настолько, что казалось, сейчас превратятся в озера под ее длинными ресницами.

Гийон вздрогнул от этого взгляда. Обреченность, мука и тоска одновременно смотрели на него из недр ее души. И та же грусть, что сквозила в каждом движении ее тела.

— Все? — спросил он, отворачиваясь.

— Да, спасибо.

— Не за что. Скоро привыкнешь.

В молчании они добрались до нужного дома. Вокруг толпились зеваки и сновали люди, в таких же черных костюмах, как и у Гийона.

— В первый раз можешь не заходить, — с презрением и какой-то жалостью произнес он.

Она не просила жалеть себя, особенно если это презренное сострадание исходило от того, кто явно ее ни во что не ставил.

— Если помощь такой, как я, вам не нужна, зачем вообще я здесь?

Гийона это разозлило. Он пожалел ее, а она мало того, что не приняла его великодушного предложения, так еще и огрызнулась в ответ.

— Тоже мне, помощница. С твоим уровнем знаний тебе только полы и мыть, и то, фейсконтроль не пройдешь. Так что, скажи спасибо, что моя группа и я, в частности, приняли тебя. А теперь, незаменимая ты наша, отрывай свой тощий задок от сидения и молча шагай за мной. Если хоть на шаг отойдешь или что-нибудь тронешь на месте преступления, я с тебя три шкуры спущу. Все поняла?

Она даже не стала отвечать. Его пафосная речь и так объяснила ей, где именно ее место. Когда-то таким же тоном с ней говорил совсем другой человек, и тому сукиному сыну, она смогла ответить. Здесь, в этом времени, она была никем, а потому и ответ ее мало кого интересовал.

Он вышел из машины и направился к дому. Она побрела за ним следом.

— Привет, Гийон, — невесело отозвался мужчина на входе.

— Что здесь?

— Как обычно. Двадцать пять лет, пробужденная. Восемнадцать ножевых и все остальное...

— Что-нибудь уже нашли?

— Ничего. Никаких следов.

— Ладно, Поль. Пойду, посмотрю.

— Надень защиту. Там смердит, как в аду.

— Сколько она пролежала?

— Сианна сказала, что около четырех дней.

— Они с Рихтором уже здесь?

— Да. Приехали минут десять назад.

— Спасибо Поль. Ено! — позвал Гийон.

Робот беззвучно подошел к нему.

— Ты осматриваешь все, как обычно. Записать обязательно.

— Хорошо, Гийон.

Кайлин, не поднимая головы, вошла за Гийоном в темный холл. Запах разлагающейся плоти в этом замкнутом пространстве стал действительно невыносимым. Катя по привычке потянулась в карман за эвкалиптовой мазью, чтобы перебить эту жуткую вонь, но, в последний момент, остановилась. "Глупо", — подумала она, вспомнив, что мази при ней нет.

Небольшой холл слева переходил в гостиную, справа было подножье лестницы, ведущей на второй этаж.

Гийон остановился в центре гостиной и медленно осмотрелся. Здесь все было в порядке. Каждая вещь, кажется, лежала на своем месте. И никаких следов борьбы, крови или....спермы. Он огляделся еще раз: да, семенной жидкости здесь точно не было.

Катя, в отличие от него, сразу же подошла к голографическим фоторамкам: объемные, словно живые маленькие люди улыбались и смеялись на них. Она без труда определила хозяйку дома, которая, судя по всему, вела довольно разгульный образ жизни.

Брюнетка, невысокая, симпатичная, грудь размера четвертого (и это при таком маленьком росте!), округлости ниже талии в купальнике тоже смотрелась на все сто. В ее мире такие девушки пользовались особой популярностью: если они не были замужем за состоятельными людьми, они обслуживали их за хорошие деньги, и Кайлин, глядя на фотографии, где жертва везде была полуголой и с бокалом в руках, перестала сомневаться в ее ремесле. Конечно, она могла поделиться своими догадками с Гийоном, но решила, что все равно потуги ее "древнего" аналитического ума он не оценит.

— Не отставай! — прикрикнул Гийон и нырнул куда-то под лестницу.

Дверь в подвал была распахнута настежь. Свет включен. Катерина ступила на стальную ступеньку и едва не согнулась пополам снова. Зажав нос рукой, и вдыхая кислород ртом, она подавила непрошенные позывы на рвоту и начала спускаться вниз.

— Здесь тоже нет спермы, — сказал Гийон, стоя возле тела.

— Может, ее не насиловали? — просила Сианна и отошла к стене, измалеванной чем-то, вроде черной краски.

— Когда ты будешь ее вскрывать?

— Сегодня, дай только здесь осмотреться.

— Позвонишь мне вечером и скажешь, что накопала.

— Это будет предварительно, ты знаешь.

— Знаю, Сианна.

— Где Маркус?

— Еще не приехал.

— Почему я не удивлен?

Все вдруг засмеялись, но тут же вдохнув полной грудью смердящий аромат, закашлялись.

— Он оставил послание на этот раз.

— Ублюдок вошел во вкус. Что там?

— Не могу понять, что за язык, — сказала Сианна, обращаясь к Рихтору.

— Кириллица, судя по всему. Сейчас позову Ено, — ответил Рихтор и достал из кармана сложенный вчетверо контактный обруч.

Кайлин посмотрела на стену, и без труда озвучила строки, написанные на русском языке:

"Спи спокойно, мой малыш,

Подкрадусь я, словно мышь.

Ты увидишь новый сон —

Возрождения свой стон.

Твоим криком упиваясь,

Сталью в тело вновь вторгаясь,

Я сотру с лица Земли

Оскорбления твои.

Твое тело не воспрянет,

Духом новым не восстанет.

Ты заснешь здесь навсегда,

Спи спокойно, дочь моя".

— Переведи, — буркнул на нее Гийон.

— Это — стихотворение. Могу лишь общий смысл передать.

— Ну, так передавай!

Она тяжело вздохнула и попыталась перевести дословно каждую строчку. Получилось немного коряво, но суть уловили все.

— Выходит, я был прав. Он из таких, как ты.

Кайлин невольно обернулась и с ненавистью посмотрела на Гийона.

— Я не убиваю людей.

— Ты пробужденная.

— Да, я — пробужденная, и, похоже, в этом мире пробуждение вызывает только ненависть и презрение.

— А чего ты хотела? Вы пришли сюда чуть более ста лет назад и сразу же начались беспорядки и серии убийств. Кривокогенезация повреждает ваши мозги, и только единицы сохраняют ясность ума и адаптируются в обществе.

— Если я стою здесь, значит я — одна из этих единиц?

— Ты в своем уме, по крайней мере, так считают они, но про адаптацию говорить еще рано.

— Удивительно, как Маркус смог с вами ужиться.

— Маркус и в прошлой жизни многого достиг. Такие люди всем нужны.

— Значит, я не отношусь к ценным приобретениям?

— Сама ответь на этот вопрос: чего ты добилась за свою жизнь?

Она отвернулась от него и сжала маленькие кулачки. Кем она была? Чего она достигла? И как получилось, что в одно прекрасное утро ее "задвинули" в дальний угол и приказали молчать? Что она приобрела с этим? Деньги, что они пообещали, или уверенность в том, что умрет собственной смертью? Им даже не пришлось ее убивать. Болезнь к тому времени настолько прогрессировала, что она стала похожа на собственную тень, блуждающую между клиникой и своим рабочим кабинетом. Чего добилась она за свою прошлую жизнь? Многого, только не того, чего на самом деле хотела.

Катя приблизилась к покойнице. Темно-серое обнаженное тело, измазанное черной засохшей кровью, лежало на полу на животе. Волосы сбились клочьями на затылке, руки скрюченные и сжатые в кулаки, покоились по сторонам. Катерина обреченно посмотрела на нее.

— Вы все одинаковы. Вы презираете, хотя сделать ничего не можете. Вы приказываете, и мы выполняем. И каждый раз, используя нас, вы не говорите "спасибо". Вам просто наплевать. Одна форма зависимости, окрашенная разными тонами возможных причин. Для нее, скорее всего, этим тоном была нужда. Наверное, кто-то из богатых сыграл с ней злую шутку, мечтая увидеть под собой и после смерти. Но шутка не удалась, и по непонятным причинам она осталась здесь одна, вынужденная зарабатывать тем, что лучше всего умела. Не мне судить. И не вам. И не ублюдку, который это с ней сделал.

Гийон, Сианна и Рихтор посмотрели на Кайлин. Они не все поняли, но ее предположение о способе добывать деньги жертвой, действительно немного их удивило.

— Почему ты решила, что она из эскорта? — спросил Гийон.

— Достаточно красива, вполне состоятельна, одинока, при этом вращается в кругу самых разношерстных и, очевидно, богатых мужчин. Кто она? Скорее всего — проститутка.

— "Невада", а не "проститутка".

— Называйте, как хотите. Суть не меняется.

Гийон посмотрел на Рихтора.

— Проверь списки зарегистрированных невад. Возможно, она принадлежала к Гильдии.

— Вам еще нужна моя помощь, или я могу идти? — спросила Кайлин, глядя в упор на Гийона.

— Твоя работа — анализировать, и рабочий день еще не окончен. Так что давай, работай.

— Ладно, — пожалала плечами она и, присев на корточки перед жертвой, пальцами дотронулась до холодной плоти.

— Ты что творишь? — взревел Гийон. — Я же сказал ничего не трогать!

Ее голова медленно и верно начала кружиться. Она поднялась на ноги и, определив нужное направление, побрела к лестнице.

— Куда ты собралась?

— Плохо, — промямлила она. — Выйду, подышу.

— А я уже думал, что тебя не проберет, — заметил Гийон и ехидно улыбнулся.

Она слабо помнила, как попала на задний дворик дома через кухню. У нее только и хватило сил, что присесть на холодные ступеньки. Несколько человек из даниилов, что были здесь, обернулись к странно одетой пробужденной, которой явно было плохо.

— Кто это? — спросил один у другого.

— Одна из группы Гийона. Новенькая.

— Посмотри на нее, позорище какое-то.

— Тут уже все с него смеются. Маркус еще ладно, но это?

— Гийон всегда был на своей волне.

И хотя этим двоим и казалось, что они говорят достаточно тихо, Кайлин слышала каждое мерзкое слово, брошенное в ее адрес.

— Что-то она серой стала. Пойду, все-таки, Гийона позову.

— Иди, я к ней подходить не стану. Слишком страшная.

— Гийон, — позвал его один из младших даниилов, заглядывая в подвал.

— Чего тебе?

— Там эта, пробужденная твоя...

— И что?

— Да как-то неважно она выглядит. Плохо ей, по-моему.

— Так подойди и узнай точно!

— Сам подходи к этому чучелу.

Гийон оценивающе посмотрел на лицо даниила, выглядывающего из-за двери, и подумал о том, что называть его аналитика "чучелом" может только он или кто-нибудь из его людей, а не этот зеленый щенок, который даже узнать точно в чем дело не может.

— Еще раз назовешь моего аналитика "чучелом", и я тебя на ночные смены переведу. Понял?

— Да, Гийон, — ответил молодой человек и скрылся за дверью.

— И ты пойдешь? — с презрением произнесла Сианна.

— Ну, ты же или Рихтор не пойдете?

— Нет, даже не думай.

— Значит, придется мне.

Гийон вышел на улицу, но Кайлин не обнаружил. Тогда он вернулся в дом и сквозь кухню, которая находилась возле гостиной, прошел к черному входу.

Кайлин сидела на ступеньках, держась обеими руками за голову. Ее глаза были открыты, но, тем не менее, это был не тот взгляд, что он увидел на обочине дороги. Эти глаза были пустыми и....источающими страх. Словно ужас наполнял их и некое безумие.

— Кайлин? — тихо позвал он ее, приседая перед ней.

— Тш-ш-ш, — ответила она. — Я уже проснулась. Пол в подвале холодный. Здесь темно. И я голая, почему-то. Ничего не понимаю. Не помню ничего. Нужно включить свет. Вот только как подняться? Ноги не слушаются, в голове стучит. Что со мной? Кто здесь? Здесь кто-то есть? Ответьте! Кто здесь?!

Тело Кайлин согнулось пополам, и горло сдавило судорогой. Она попыталась вздохнуть, но преодолеть спазм, охвативший грудь, была не в состоянии. Ее били ножом в спину. Раз, два, три, четыре... Она потеряла счет. Боль слилась в одно целое, и разум ее погрузился в гул. Голос жертвы слился с ее собственным и стал похож на единый вопль той, которую убили, и той, что переживала ее смерть сейчас.

Гийон ничего не мог понять. Он видел, что ей больно, и схватил ее за плечи, но она продолжала корчиться в муках, обвисая в его руках.

— Сианна! — рявкнул он.

Те двое, что наблюдали за ними со стороны, бросились в разные стороны, призывая на помощь.

Он подхватил Кайлин на руки и через дом понес к главному выходу.

— Сианна! Помоги!

Девушка выбежала из подвала и бросилась к нему. Кайлин без сознания лежала на его руках. Гийон остановился и опустился на колени. Со всех сторон к ним подбежали люди, перешептываясь, спрашивая, чем можно помочь и не понимая, что же все-таки произошло.

Общий гул прервал шумный вдох Кайлин. Глотнув кислород полной грудью, она открыла глаза и в ужасе уставилась на странный обруч Гийона, склонившегося над ней.

"В первый раз я вообще не поняла, что произошло. Это было на похоронах дяди. Мне тогда только исполнилось двенадцать лет. Дядя лежал дома в гробу, и толпа родственников и близких людей собралась, чтобы проводить его в последний путь. Я, вслед за матерью, подошла к гробу и дотронулась до его руки. Я простояла так совсем недолго, а когда отошла, почувствовала странную боль в груди. Я видела лица людей, которых не знала и которые пытались мне помочь. Я понимала, что это происходит не со мной, что это уже было, с дядей, но изменить что-либо или приказать себе не испытывать этого не могла. В двенадцать лет я умерла в первый раз. Ты думаешь, умирать страшно? Нет, самое страшное — это жить в ожидании смерти..."

Из разговора от 06.11.3565

— Твою мать, что это было? — проревел Гийон, потерявший свое пресловутое самообладание.

— Все в порядке, меня можно отпустить, — охрипшим голосом ответила она и попыталась подняться.

Гийон не стал ее удерживать. Он присел рядом и взглянул на ее покачивающееся тело. Сутулая, уставшая, она выглядела все такой же болезненно бледной с непонятным ему обреченным выражением на осунувшемся лице.

Никто в этот момент не назвал бы ее красивой, и Гийон не был исключением. И он знал ответ на вопрос: "почему?" В ней не было жизни. Ее тело, воскрешенное по чьей-то воле и пробужденное ото сна именно в это время, потеряло свою душу. А может, в нем никогда ее и не было? Может, она утратила ее еще в прошлой жизни? Или душа есть, но она никак не может очнуться из забытья? Или сама Кайлин не желает, чтобы кто-нибудь разбудил ее?

Пробуждение... Для нее этот процесс еще не был завершен. Кайлин застряла посередине, между прошлым и будущим, и, в конце концов, должна была выбрать: просыпаться ей или уснуть навсегда.

В его мире такое состояние пробужденных было предвестником "нестабильности". Эти люди были склонны к тяжелым продолжительным депрессиям, расстройствам психики и самоубийству. Последним, обычно, они и заканчивали свой новый путь. Нестабильность была опасным состоянием, и выяви он у нее первые признаки нарушения поведенческих реакций, Гийон обязан был бы сообщить об этом в Центр криогенезации, после чего жизнь этой девушки была бы прервана искусственным путем. Нестабильность — это процесс, который мог перейти в болезнь или пройти бесследно. "Болезнь души" пробужденных в его мире не умели лечить, поэтому жертву просто уничтожали.

Поборники прав человека боролись за отмену этой высшей меры защиты населения от пробужденных, но кроме расширения группы лиц, имеющих право на гражданство, ничего не добились.

— Ее отравили, — прервал его размышления сиплый голосок девушки, стоящей перед ним и нервно заламывающей свои руки.

— Ты уверена?

— Да. Она ничего не помнила и не знала, где находится.

Все окружающие смотрели на даниила четвертого уровня, единственного среди них,

достигшего таких высот карьерного роста, и не понимали, о чем он говорит со своей пробужденной.

— Теперь могу я посидеть в машине? — спросила она.

— Да. Подожди меня там.

Он достал из куртки ключи и протянул ей.

Девушка без тени сомнения выхватила блестящий брелок у него из рук, и, не обращая внимания на собравшихся здесь людей, вышла на улицу.

Маркус наткнулся на нее в дверях, и, пропустив вперед, вошел в дом. Вид сидящего на полу Гийона в окружении толпы даниилов, его насторожил.

— Что-то случилось? — спросил он, пробираясь к своему начальнику.

— Кажется к нам в группу попала одна из нейрамы.

— Нейрамы? У Кайлин дар нейрамы?

— Да. Только такого я еще не видел. Да и ты тоже.

— И на что она способна?

— Она способна пережить чужую смерть. В прямом смысле.

— Вот, черт! Нейрамы среди пробужденных — это редкость.

Гийон внимательно огляделся и, неожиданно подскочив с места, прорычал:

— Чего собрались? Заняться нечем?

Все тут же разбрелись по сторонам.

— Ено! — позвал робота Гийон.

— Я здесь, — отозвался Ено, выглянув из-за его спины.

— Подними все сохранившиеся архивные материалы по периоду 2035 — 2057 года. Газеты, новости, все, что сможешь, и попробуй найти хоть какое-нибудь описание или упоминание о ней. Невозможно, чтобы девушка с ее способностями прожила свою жизнь незаметно.

— На это уйдет очень много времени.

— А я и не тороплю тебя.

— Как скажешь, Гийон.

— Сианна?

— Я здесь.

— Возьми ее ДНК на анализ. Посмотри, что там с наследственностью. А лучше вообще обследуй ее. Может, найдем причину ее смерти.

— Нужно ее согласие на это.

Гийон вопросительно взглянул на подчиненную:

— Ты что, собралась ей рассказать, зачем обследуешь?

— Нет, но...

— Никаких "но", Сианна. Чтобы отчет лежал у меня на столе через неделю.

— Сделаю, Гийон.

— Маркус?

— Да.

— Ты с ней вроде бы ладишь.

— Ну, не то чтобы...

— Приведи ее в порядок. Понимаю, что задача не из легких, но из нее нужно сделать человека. Женщины, конечно, уже не получится, но хотя бы приличное что-нибудь сотвори.

— Гийон! — позвал его один из даниилов, вошедший в дом.

— Что еще?

— Эта девушка, пробужденная, ты разрешил ей уехать?

Гийон, не веря собственным ушам, переспросил юнца:

— Что я разрешил?

Молодой человек сразу же подбоченился и тихо ответил:

— Она уехала только что... На твоей машине...

Кайлин добрела до красного "ягуара" и по привычке плюхнулась на водительское сидение. Приборная доска загорелась автоматически, и приятный женский голос поприветствовал водителя. Здесь все было так же, как и в машинах ее времени. Две педали, автоматическая коробка передач, и множество приборов, среди которых она без труда определила спидометр и датчик, куда следовало вставить электронный брелок, чтобы завести автомобиль.

О чем она думала, когда активировала неизвестный ей двигатель? О том, что очень хочет прокатиться на этой машине. Что ей терять? Чего бояться? В этом мире, в этой жизни — нечего.

Она опомнилась только тогда, когда на скорости не менее двухсот километров в час выезжала за границу города. Она всегда любила скорость. Ей иногда казалось, что таким способом она сможет умчаться от себя, своих проблем и своей болезни. Что однажды ей повезет, и машину занесет на крутом повороте, и она, Катерина, наконец-то, по стечению обстоятельств, освободиться от бремени жизни.

Мегаполис остался за ее спиной, а перед ней продолжали мелькать дорожные знаки, окруженные желтой высохшей землей пустыни, простирающейся вокруг.

Когда-то здесь зеленели поля, окруженные густыми лесами, мелькающими за стеклами автомобиля. Сейчас же на этом месте не осталось ничего. Иссушенная земля, высосанная жизнь. И за сколько? Всего за тысячу с хвостиком лет. Миллионы столетий природа создавала себя. Для чего? Чтобы ее дитя уничтожило все вокруг всего лишь за несколько тысяч лет.

Кайлин резко повернула руль и вылетела на обочину. Машину занесло, и она, закрыв глаза и подняв руки в вверх, сняла ногу с педали "газа". Ее бросало в стороны, и она надеялась, что вот-вот автомобиль перевернется и ее брэнное тело раздавит металл. Она хотела этого, ждала, но судьба опять распорядилась иначе. Управление взял на себя бортовой компьютер, и автомобиль, выровняв курс, остановился вдали от дороги.

Кайлин засмеялась.

— Жизнь. Будь ты проклята — жизнь!

Кайлин вылезла из автомобиля и побрела вперед. Наконец, ее ноги устали, и она упала на землю, распластавшись на спине и раскинув руки по сторонам. Ей хотелось увидеть голубое небо над головой, как в детстве, когда она играла в снежных ангелов со своим братом. Но далеко вверху мелькали черные точки машин и светящиеся неоновые рекламы. Не было больше чистого неба, точно так же, как и не было рядом с ней ее брата.

Слезы теплыми струйками потекли из глаз. С минуту она пыталась бороться с охватившем ее горем, но все же осознание смерти близких было слишком тяжелым бременем, чтобы бороться с ним, и она разрыдалась. Почему она не подумала об этом раньше? Почему только теперь поняла, что все, кого она знала — давно мертвы?

Гийон собирался отправить ее в Центр, как только найдет. Тем более, что для этого не требовалось особо напрягаться. По датчику, встроенному в двигатель его машины, он без

труда определил ее местоположение. Он поехал с Маркусом в пустыню и искренне надеялся, что с его стальной красной любимицей все будет в порядке.

Он нашел Кайлин посреди пустыни в трехстах метрах от своего автомобиля. Она лежала на желтой иссушенной земле и плакала. Навзрыд, стирая влагу с щек и глаз, задыхаясь от судорожных спазмов в груди. Гийон остановился перед ней и все никак не мог сообразить, что же делать дальше. В сущности, от растерянности его спас Маркус, который подлетев к этой девушке, протянул к ней руки и обнял.

Как мало человеку нужно, порой, получить, чтобы обрести смысл. Иногда и объятия абсолютно чужого существа способны сотворить чудо и согреть ту часть тела, которая до этого не хотела жить. Кайлин схватилась за Маркуса и вжалась в теплое тело до боли в груди.

— Что случилось? Что с тобой? — нежным голосом спросил Маркус.

— Они все мертвы, — сквозь рыдания ответила она.

— Кто "все"?

— Все, Маркус, все они мертвы.

— И ты только сейчас поняла это?

— Да, — ответила она и замолчала.

Маркус недоумевающее посмотрел на Гийона, который пребывал в состоянии оцепенения. Гийон и раньше наблюдал за человеческой истерикой. Но от слез этой женщины ему стало больно. Словно это он сам только сейчас понял, что самые близкие ему люди давно оставили его, и он влачит это существование только потому, что остался жив.

Картинки из прошлого мелькнули в его сознании и он отвернулся от той, что заставила его их вспомнить. Давно это было. Словно вечность назад.

— Они не работали с ней, — с грустью в голосе ответил он на немой вопрос Маркуса. — Сволочи, спихнули ее на нас.

Гийон вновь посмотрел на Кайлин и задумался. Эта девушка, эта пробужденная, похоже, стала им не нужной. Центр оживил существо, и не получив от него желаемого, выкинул на улицу, за ненадобностью. Нет, ему было совершенно наплевать на Кайлин и ее судьбу. Ну, не совсем "совершенно", но все же, наплевать. А вот чье-то желание побыстрее отделаться от нее будило в нем интерес.

Тем временем Маркус отпустил Кайлин, и она молча поднялась с земли. Гийон еще раз посмотрел на нее, и злобно усмехнулся.

— Я принимаю тебя в свою группу.

— Что? — не поняла она и уставилась на него.

— Ты принята в мою группу.

— Я уже в ней!

Он резко приблизился к ней и сжал своей стальной рукой ее лицо.

— Впредь, если я что-то говорю, ты должна меня выслушать молча и не задавать встречных вопросов. Завтра ты явишься на работу вовремя, и в том виде, который принят в нынешнем обществе. Ты будешь исполнять все, что я тебе поручу, и беспрекословно подчиняться приказам всех остальных членов группы, включая Ено. И еще одно: больше никогда не смей садиться за руль моего автомобиля, по той простой причине, что он — мой, а не твой. А теперь ответь на простой вопрос: кто тебя криогенизировал?

— Я не знаю! — прокричала она и вырвалась из-под его руки.

— Уверен, что ты знаешь не только имя того человека, но и причину, по которой они

пробудили тебя сейчас.

— Причину, говоришь? А тебе разве не известно, зачем они это сделали? Не ты ли должен узнать то, чего я не помню? Или они не дали четких инструкций, когда передавали тебе на поруки очередную ничтожную тварь?!

— Ты так много знаешь о моем отношении к подобным тебе?

— Ты не удосужился даже этого скрыть!

— Я ничего тебе не должен. Для меня ты — предмет неодушевленный, так что если хочешь расстаться со своей никчемной жизнью — дерзай, я останавливать тебя не стану.

Она, молча, смотрела на него, а он так же, в молчании, всмался в линию горизонта за ее спиной.

— Я не просила себя воскрешать, — прошептала она. — Не просила...

— Ты получила шанс, которого у других не было. Мне наплевать, кто его тебе дал и почему, но тебя я презираю еще больше, чем остальных, таких же, как и ты. Они, по крайней мере, пытаются бороться, а ты настолько слаба и ничтожна в своей слабости, что даже не можешь найти в себе силы послать меня, не говоря уже о том, чтобы найти причину для того, чтобы выжить в этот раз.

Он бросил ей это в лицо, словно плевок, а затем развернулся и пошел назад к своей машине.

— Гийон! — окликнул его стальной женский голос, принадлежащий женщине, которую он, по всей видимости, еще не знал.

Он обернулся и увидел маленькую женскую фигурку, натянутую, словно струна, со взглядом, способным испепелить его на месте и руками, сжатыми в кулаки. Безусловно, это была другая женщина. И честно говоря, Гийон не ожидал разглядеть в Кайлин подобное существо.

— Пошел ты!!!

— Я смотрю, ты оживилась? — усмехнулся он.

— Пошел ты, ублюдок! — вновь прокричала она и показала ему третий палец.

Он, ничего не ответив, отвернулся и направился к своей машине.

— Куда нам ехать? — прокричал ему вслед Маркус.

— Куда хотите. Чтобы сегодня я больше ее не видел.

Говоря это, он улыбался. Чему? Гийон и сам не знал, чему тут улыбаться. Вряд ли ее смелости хватит надолго. Наверняка завтра в кафе войдет все то же убогое создание в темных очках и попросит заказать ему кофе с молоком, под странным названием "Латте".

"Меня много кто ненавидел. В основном те, от кого я требовала невозможное. И я получала то, чего хотела. Однажды, проходя мимо своего секретаря, которому я сделала замечание по оформлению документов, мне в спину было "брошено" слово "сука". Я услышала то, чего не должна была слышать, и обернулась, перепугав Феклу до смерти. "Да, я сука" — ответила я. "Умная сука. А ты — любовница руководителя проекта". Следует сказать, что Фекла была моей единственной подругой в последующие годы. Она погибла за три месяца до моей смерти: выбросилась из окна своего пентхауса. К ней на похороны не пришел никто из сотрудников, кроме меня. Тогда я поняла кое-что: лучше пусть тебя искренне ненавидят, чем возносят фальшивые признания в любви..."

Из разговора от 17.11.3565

— Куда ты меня везешь? — спросила Кайлин, когда Маркус остановился на одном из светофоров в центре города.

— В торговый центр, где тебе подберут одежду.

— Разве я просила тебя об этом?

— Нет, но прилично одеться тебе все-таки придется.

— Я ничего не понимаю в этой вашей моде. Ты только взгляни на свои штаны! Это же гофра какая-то!

— Это — модная гофра, а на тебе потертые джинсы, которые сейчас носят только бомжи и попрошайки на улицах.

— Одежда не изменит отношения окружающих ко мне.

— Ошибаешься. От твоего внешнего вида зависит многое, а порой даже все. Ты ведь умная женщина, образованная, судя по тому, насколько хорошо владеешь языком, но кто, взглянув на тебя, подумает об этом?

— Мне глубоко наплевать, что обо мне думают, Маркус.

— Ладно, но неужели тебе приятно слышать в свой адрес такие неуместные комментарии?

— Я привыкла к этому. Думаешь, в прошлой жизни ко мне относились иначе? Только в то время они перешептывались за спиной, а сейчас говорят все в лицо.

— И тебе это нравится?

— Неужели ты веришь, что переодев меня в приличный костюм что-либо изменится?

— Изменится твое собственное отношение к себе. Это главное. К тебе никогда не станут относиться лучше, чем ты сама к себе относишься. Посмотри на себя. Когда в последний раз ты выщипывала свои брови?

— Не помню.

— Про остальное спрашивать даже не буду. Вообще не представляю, как ты жила! Какой мужчина мог с тобой спать? Слепой?

— В моей жизни не было места для мужчин.

— Кто же тебя так обидел?

— Никто.

— Нет, был кто-то. Наверняка был. Тебе сколько лет?

— Двадцать семь.

— И ты хочешь сказать, что за двадцать семь лет никого не встретила и не полюбила?

— Почему же, был один засранец. Жаль только, что я слишком поздно это поняла.

— И после этого ты плюнула на себя?

— Нет, Маркус. Я плюнула на себя гораздо раньше. Просто мне показалось, что он отличается от остальных. Только показалось...

— Что ты хочешь этим сказать?

— Думаешь, у меня нет вкуса? Или я не знаю, какая стрижка мне идет, и какой цвет волос лучше подходит к оттенку моей кожи?

— Если знаешь, отчего же выглядишь так плохо?

Он задал ей простой вопрос, но найти ответ Кайлин не смогла. Тогда, в прошлом, ее запущенность имела значение и смысл. Она ограждала ее от посягательств и соблазнов внешнего мира. Но сейчас все это было бессмысленным. Так почему же она не изменилась? Почему осталась такой, какой была?

— Ты молода, — продолжал Маркус. — У тебя все еще впереди. Ты можешь встретить человека сейчас, выйти замуж и завести свору маленьких забияк. Неужели какой-то урод из прошлого сможет тебе помешать? Отрицательный опыт — тоже опыт. Сделай выводы и иди дальше.

Кайлин истерически рассмеялась.

— Тебя послушать, так смысл бытия сводиться к воспроизведению потомства и ведению домашнего хозяйства! Я не из таких, Маркус. Это — не мое.

— Знаешь, от скольких женщин я это слышал? Все вы, в конце концов, заканчиваете одинаково: выходите замуж и рожаете детей.

— Я до этого не дойду, обещаю.

Теперь смеялся Маркус.

— "Если хочешь рассмешить Бога, поведай ему о своих планах". Поверь мне, рано или поздно, на твоем пути встанет мужчина, которому ты просто не сможешь ответить "нет".

— Бла-бла-бла.

— Я это все к чему: давай ты приведешь себя в порядок. Не гарантирую, что коренным образом это изменит отношение окружающих к тебе, но хуже уже не будет.

— Где там хуже. Мой опекун меня ненавидит, коллеги презирают, а ты жалеешь. Остается только индифферентный ко всему Ено, но он робот, а не человек.

— Ставлю пять кредитов на то, что если ты позволишь мне поработать над твоим внешним видом, завтра в кафе тебя никто не узнает.

— А это много, "пять кредитов"?

— Ну, на завтрак для всей команды хватит. Если ничего из моей затеи не выйдет, послезавтра ты снова натянешь на себя эти позорные вытертые штаны и будешь жить, как жила.

— Один день?

— Всего один.

— Ладно. И что ты собираешься со мной сделать?

— Для начала, обновлю гардероб.

— Для начала?

— Да, затем придется наведаться в салон и что-нибудь придумать с волосами и макияжем.

— Я не позволю тебе отрезать мою косу и выкрасить голову в зеленый цвет.

— Я, конечно, кое-что смыслю в современной моде, но, честно говоря, зеленый и малиной мне тоже не по душе. А вот красный тебе вполне подойдет.

— Издеваешься?

— А что, нельзя?

— Давай, продолжай линчевание ведьмы!

— Думаю, на сегодня с тебя хватит.

— Мы скоро доберемся до нужного магазина? Несколько торговых центров мы уже проехали.

— Мы едем в определенный магазин. Его хозяйка — моя знакомая.

— А обычный супермаркет не подойдет?

— Не хочу тебя расстраивать, но в обычный супермаркет тебя в таком виде не пустят.

— Это как?

— Привыкай. В этом мире бояться асоциальных людей, особенно, если они пробужденные.

— Что же мы такого совершили, за что нас так ненавидят?

— Мы с тобой ничего не совершали. А вот пробужденные из первой волны натворили много бед.

— Это из-за осложнений после криогенезации?

— Да, в основном. Ты же понимаешь, что тебе повезло.

— Зря ты так думаешь. Я не могу кое-что вспомнить из своего прошлого.

— И много черных пятен?

— Достаточно.

— Странно признаваться в этом тебе, но у меня были проблемы с речью после пробуждения.

— Ты не мог говорить?

— Да, я не мог правильно выговаривать слова.

— И долго это продолжалось?

— Пока Гийон не заставил меня зачитать ему по вечерам Уголовный Кодекс.

— Что? — засмеялась Кайлин.

— Да-да. Практически каждый вечер я вслух читал Гийону параграфы из законодательства. Два месяца мучений — и я не только мог выносить приговоры, но и вполне четко произносил слова.

— Гийон не производит впечатления человека, который мог бы на такое пойти.

— Я знаю, Кайлин. Но у всякого поведения есть свой первоисточник.

— Хочешь сказать, что его ненависть ко мне имеет личное происхождение?

— Его жена и маленький сын погибли в автокатастрофе по вине пьяного пробужденного. Гийон выжил, ценой некоторых преобразований, которые ты уже оценила, но женщину и ребенка спасти не удалось. Хуже всего, что виновный в аварии не был гражданином и ответственности за содеянное не понес.

— Это как?

— А вот так. За его спиной стояли влиятельные люди и единственное, что грозило обвиняемому — это признание нестабильным. Естественно, диагноз не подтвердился, и он остался жив.

— А где он сейчас?

— Не знаю. Сианна как-то обмолвилась, что Гийону известно его место жительства, но

на этом всякие домыслы прекратились.

— А ты как думаешь?

— Не знаю, честно.

— И давно это с ним произошло?

— Еще до моего прихода в группу.

— У него левая рука стальная.

— И левая нога тоже. Точно так же, как и вся грудь.

— А сколько ему лет?

— Тридцать три.

Тем временем Маркус припарковал свой автомобиль у высотного зеркального здания, на первом этаже которого располагался модный бутик.

В окнах этого магазина, запечатленные в пластмассовой форме, стояли недвижимые фигуры мужчин и женщин, разодетые в наряды ярких цветов.

Маркус помог Кайлин выбраться из машины и повел ее к главному входу в магазин. Девушка, конечно, заметила, как он мимолетно кивнул двум охранникам, напрягшимся при появлении Кайлин в этом месте. Но молодые люди быстро окинули посетителей презрительным взглядом и тут же отвернулись в другую сторону.

— Будь я здесь одна, меня бы не пустили?

— Нет.

— Все настолько плохо?

— Более чем.

Она прикусила нижнюю губу и, согнувшись пополам, ускорила шаг.

— Разогнись! — прошипел Маркус ей в самое ухо.

— Что?

— Разогнись! И шаг уменьши. Шагаешь размашисто, будто мужик.

— Так быстрее получается ходить.

— Так получается некрасиво, Кайлин. Ты же женщина. Шажки должны быть маленькими, движения плавными, а спина выпрямленной!

Он с силой ударил ее по хребту, и Кайлин невольно вытянулась, словно струна.

— Больно же!

— Теперь будешь получать каждый раз, как только согнешься.

— Зачем ты это делаешь? Я ведь никто для тебя!

— Потому что когда-то для меня подобную вещь сделал Гийон. Возможно, когда-нибудь ты сделаешь то же самое для кого-то еще.

— А если нет?

— Жизнь твоя — решать тебе.

Магазин оказался не скромным бутиком, а огромным двухуровневым центром моды. Здесь было мало людей, но судя по размаху, прибыль заведение получало неплохую.

— Дорогие вещи, — отметила Кайлин, подойдя к стойке с осенними кашемировыми пальто разных моделей. — Швы аккуратные, ровные, и ткани не из дешевых.

— Думаю, твой карман не опустеет от набега по этим рядам.

Кайлин посмотрела на ценник и присвистнула.

— Далеко за пять кредитов...

— Это настоящий кашемир, — ответил ей приятный женский голос.

Кайлин обернулась и увидела молодую женщину, лет тридцати, стоящую возле Маркуса.

В отличие от Сианны и других женщин, которых она встречала на улице, эта незнакомка была одета не столь вызывающе, точнее сказать, вообще не вызывающе: строгий бежевый пиджак поверх глухой белой блузки и широкие черные вельветовые брюки. Кайлин удивилась такому наряду. Он был... Он был обычным для ее времени. Никаких "фонариков" или стоек на рукавах, блестящих ярких деталей и нелепых оборок. Женщина была брюнеткой, с длинными волосами, собранными заколкой на затылке. Ее темная кожа и почти черные глаза не оставляли сомнений: перед Кайлин не пробужденная, а коренной житель этого времени.

— Меня зовут Сойя, — улыбнулась незнакомка и протянула Кайлин руку.

— Кайлин, — ответила она и пожала смуглую ладонь.

— Красивое имя.

— Спасибо.

— Судя по вашему выбору, — Сойя указала пальцем на пальто, — Вы предпочитаете изделия из натуральных материалов свободного покроя.

— Они удобны.

— Конечно, — кивнула Сойя и повернулась к Маркусу.

— Думаю, мы справимся сами. Ты можешь подождать Кайлин на диване. Девочки принесут тебе кофе.

— Я бы хотел поучаствовать в выборе.

— Никто не лишает тебя этой возможности. Ты лишь будешь видеть конечный вариант и выносить приговор.

— Кайлин, ты согласна?

— Я не против

Ожидание Маркуса длилось около часа. За это время он осушил три чашечки кофе и изучил все журналы, лежащие возле него на столике. Маркус, конечно, знал, что в новой одежде Кайлин будет выглядеть значительно лучше, чем в тех тряпках, что облачила на себя сегодня. Но, если бы он знал, насколько измениться ее внешний вид в специально подобранных нарядах, поставил бы на кон не пять кредитов, а пятьсот.

— Нравится? — осторожно спросила Кайлин, простояв в новой одежде перед неммым Маркусом в течение нескольких минут.

— Нет, — лаконично ответил он и обратился к Сойе.

— Ее нужно облизать, понимаешь? Я не думал, что у нее такая фигура. Точнее, что она вообще у нее есть. Этот наряд ей идет, но он не подчеркивает ее достоинства настолько, насколько бы мне этого хотелось.

— Я против! — перебила его Кайлин. — Чем тебе не нравится эти брюки и блузка?

— Твое мнение здесь вообще не учитывается. Будешь мерить то, что я скажу.

— Мне нравится эта одежда. Другую я мерить не стану.

Маркус несколько минут молча размышлял над ее словами, а затем просто согласился с ее выбором. В конце концов, для того, чтобы изменить человека, не достаточно насильно переодеть его. Он должен чувствовать себя в новой одежде прежде всего удобно. И если Кайлин согласилась натянуть на себя что-то кроме джинсов и майки, это уже прогресс.

Спустя два часа они покинули бутик и направились в салон красоты. Педикюр, маникюр, депиляция, посещение косметолога и шесть часов ожидания измотали Маркуса окончательно. Он уже перестал удивляться происходящим метаморфозам, и откровенно хотел в ближайшее время поставить точку и передать Кайлин в руки Ено.

Самая большая потасовка случилась в салоне у парикмахера. Кайлин напрочь отказалась остригать свою косу и оттенять волосы.

— Собираешься ходить с этим конским хвостом?

— Я привыкла к нему.

— Ну, давай хотя бы длину немного уменьшим. Тяжело же такую шевелюру мыть?

Подумай, сколько ты сэкономишь на шампуне?

Кайлин скривила лицо и показала Маркусу язык, за что получила настоящий подзатыльник.

— Ведешь себя просто отвратительно!

— Волосы должны остаться длинными.

— Ниже плеч.

— Ниже лопаток.

— Немного выше.

— Вровень! Это последнее слово.

— Согласен! — ответил Маркус и засмеялся.

Через полтора часа уставший Маркус безуспешно пытался открыть дверь собственно дома. Когда, после длительной возни с электронным замком, стальная преграда неожиданно распахнулась перед ним сама, он понял, что на этом тяготы его сегодняшнего дня еще не окончены.

Гийон фривольно раскинулся на любимом кожаном диванчике Маркуса и, попивая дорогой чай из большой кружки, помахал ему рукой.

— Я же просил тебя, не врываться ко мне без приглашения.

— Смени замки, если тебя не устраивает мое присутствие.

— А если бы я привел женщину?

— Да ты под страхом смерти не покажешь ни одной из них дорогу сюда.

Маркус прошел в гостиную и плюхнулся на диван рядом с другом.

— Хочешь узнать, что у меня получилось?

— Не без этого.

— Ничего не получилось, — ответил Маркус и отобрал у Гийона чашку с чаем.

— Завари себе сам, — ответил Гийон и забрал ее обратно.

— Вообще-то, это мой чай. Так что давай, делись.

Гийон приподнял свой контактный обруч и посмотрел на Маркуса.

— Ладно, только не поперхнись.

— Спасибо. Так, что там с Кайлин?

— Получилось совсем не то, на что я рассчитывал.

— Не могу сказать, что ты меня удивил, но все же надежда, что можно что-то исправить, была.

— Зачем тебе это? — спросил Маркус, закрывая уставшие глаза.

— Что именно?

— Пускай бы ходила как есть. Нам-то какое дело?

— Не хочу становиться объектом досужих разговоров. Хватит с нее странного поведения, пускай хотя бы внешне не выделяется из толпы.

— Несчастливая она, Гийон. Такая же, как и ты.

— Кто сказал, что я несчастный?

— А кто сказал, что ты счастлив?

— Я в порядке. А вот у нее большие проблемы.

— Она спрашивала о тебе.

Маркус заметил, как напрягся Гийон.

— И что ты ей ответил?

— Правду.

— А она?

— Ничего. Да и что тут скажешь? Ты всегда будешь ненавидеть таких, как мы.

— Ты тоже, между прочим.

— Я — другое дело. Во мне нет предвзятости к ним, а в тебе есть. Вот, что она тебе сделала сегодня утром, что ты так себя вел?

— Она опоздала на работу.

— Ну и черт с этим! Ты позволил себе оскорбить ее, и остальные последовали твоему примеру, а ты не пресек этого. Теперь они постоянно будут ее третировать, пока опять же ты сам не остановишь их.

— Мне наплевать на ее комфорт.

— Глаза у нее красивые. Сейчас таких нет.

— Это ты к чему только что сказал?

— К тому, что у нее красивые глаза.

— Это единственное, что в ней есть привлекательного.

— Ага! — подхватился Маркус и указал пальцем на друга. — Заметил все-таки!

— Тут только слепой не заметит.

— Что ты будешь с ней делать?

— Не знаю пока. По сути, она все еще в пограничном состоянии.

— Не очень-то она и нужна им, раз не работали с ней.

— Я тоже об этом думал. Пока пущу все на самотек. Посмотрим, к чему это приведет.

— Она сказала, что у нее провалы в памяти.

— Удобная отговорка.

— Согласен. Итак, — подытожил Маркус, — что мы о ней знаем: образована, хорошо владеет языком, путешествовала по Миру, замкнута, склонна к депрессии, обладает даром нейрами и что-то скрывает. Что-нибудь еще?

— Страшная, как грех.

— А вот Ено сказал, что она красива.

— Что? — засмеялся Гийон.

— Он просканировал ее биометрические параметры, и сказал, что она на семь процентов симметричнее Сианны.

Гийон чуть не поперхнулся чаем, рассмеявшись.

— Мне тоже было смешно. А потом я подумал над тем, что он сказал.

— И к какому выводу ты пришел? Что уродство тоже бывает симметричным?

— Нет, что мы оцениваем человека далеко не по биометрическим параметрам.

— Хочешь сказать, что это — неправильно?

— Нет, наоборот, так и должно быть. Но я не об этом. Что, если мы часто не замечаем важных деталей просто потому, что не пытаемся уловить сущность?

— Маркус, ты что, заболел?

— Может, иногда необходимо взглянуть на биометрические параметры, чтобы докопаться до чего-то более важного?

- Ты что-то пытаешься мне сказать?
- Это философский бред, Гийон. Прости, просто нахлынуло.
- Ну, философствование — это основа твоего нормального поведения.
- Пиво будешь?
- Темное.
- Сейчас налью.
- Сианна вскрыла труп, — сменил тему разговора Гийон.
- И что?
- Девушка была беременной.
- О-па! А вот и нить!
- Да, словно подарок судьбы. Найдем папашу, возможно, выйдем на след.
- А что с ядом, о котором ты говорил?
- Это Кайлин сказала, что ее отравили. Но эксперты ничего не нашли.
- Может, разрушиться в крови успел?
- Не исключено.
- Ты по-прежнему склоняешься к версии убийств на сексуальной почве?
- Да. Это — самый подходящий вариант.
- Ты попросишь Кайлин вступить в контакт с предыдущими жертвами?
- Скорее всего.
- Тяжело это.
- Что именно?
- Умирать каждый день.
- Ей не привыкать.
- К этому нельзя привыкнуть, Гийон.
- Судя по тому, что она в прошлой жизни хотела умереть, — ты прав.
- Самоубийство?
- Не исключено.
- А если так?
- Ей решать. Все-таки, это — ее жизнь.
- Жалко мне ее.
- А мне нет.
- Ты жесток.
- Не отрицаю.
- Слишком жесток.
- Что ты хочешь этим сказать?
- Зацепила она тебя чем-то.

Гийон развернулся на диване и бросил гневный взгляд в сторону Макруса, разливающего пиво по бокалам.

- Ты в своем уме?
- Конечно.
- Ты ее видел?
- Я не об этом. Какой бы она ни была, как бы ни выглядела, с ней ты ведешь себя странно. Агрессивно слишком.
- И что из этого?
- Ты индифферентен к женщинам, Гийон. А Кайлин выводит тебя из себя.

— А в тебе она вызывает жалость. Так что, она и тебя "зацепила"?

— Я с нормальными женщинами сплю, Гийон. А ты путаешься только с невадами.

— Не вижу связи.

— Зато я вижу. Ты ничего не испытываешь к этим красивым существам природы. А на Кайлин ты реагируешь.

— Я все понял, Маркус, — засмеялся Гийон. — В твоём понимании ненависть и неприязнь — это полезные чувства.

Маркус рассмеялся в ответ, однако, только ему одному было известно, чем вызван этот смех.

"Однажды я встретила мужчину, в которого влюбилась с первого взгляда. Это было очень мучительно для меня. В последующие годы мы работали вместе. Я знала, что не имею право испытывать к нему какие-либо чувства, но поделать с собой ничего не могла. Он общался со мной, иногда даже в неформальной обстановке, но когда он смотрел на меня, я отчетливо читала в его глазах жалость. С тех самых пор я ненавижу это чувство. Иногда мне даже казалось, что лучше бы он ненавидел меня. Возможно, ненависть, как обратная сторона страсти, согрела бы мое сердце гораздо больше, чем презренное чувство жалости..."

Из разговора от 06.11.3565

Утро у Гийона не задалось с самого начала. Проснувшись с головной болью и неприятным привкусом во рту на диване в гостиной у Маркуса, он едва ли смог оторвать свою голову от подушки.

— Маркус! — позвал он в тишине и тут же пожалел об этом, схватившись руками за голову.

— Я здесь, — донеслось откуда-то снизу.

Гийон свесился с дивана и взглянул на пол.

— Ты здесь спал?

— Очевидно, — простонал Маркус, переворачиваясь на бок. — Не стоило нам переходить на водку.

— Это была твоя идея. Который час?

Маркус разомкнул веки и посмотрел на расплывающиеся стрелки своих наручных часов.

— Половина восьмого, — протянул он и вновь закрыл глаза.

— Вот, дерьмо!

— Полное.

— Давай, вставай. Нельзя опаздывать.

— Знаю. Черт! Я должен был заехать за Кайлин!

— Свяжись с Ено и попроси его доставить ее на работу.

— Сейчас, — прохрипел Маркус и поднялся с пола.

Гийон и Маркус не опоздали на утреннее кофейное собрание. Явившись на пять минут раньше, они увидели Сианну и Рихтора, попивающих черный кофе. Гийон осмотрелся по сторонам, но, ни Кайлин, ни Ено нигде не заметил. Это неприятное обстоятельство разбредило больную голову Гийона гораздо сильнее, чем утреннее похмелье, и он вылил свое негодование в одно длинное нецензурное предложение.

— Зря ты кипятишься, — ответила ему Сианна. — Они уже приехали, но Кайлин понадобилось срочно зайти в аптеку. За нее извинился Ено и обещал, что они вернуться во время.

— Что за срочность? Тампоны закончились?

— Сомневаюсь, что ей они вообще нужны, — засмеялась Сианна и подозвала официанта.

— Это я попросил ее, — ответил Маркус.

— Тампоны тебе купить? — не удержалась от комментария Сианна.

— Тампоны предпочитаешь ты, крошка. А я люблю парацетамол.

— А вы почаще с Гийоном собирайтесь: глядишь — иммунитет к похмелью выработается.

— Не твое дело, — коротко ответил Гийон. — Где же эта чертова девчонка с моим лекарством?

— Ено вижу, — отозвался Рихтор. — И он, по-моему, один.

Все, как по команде, обернулись и посмотрели на Ено, вошедшего в кафе. Маркус улыбнулся своей победе, ведь девушку, что вошла прямо перед ним, не узнал никто.

— Доброе утро! — поздоровался робот и присел за стол.

— Ты в своем уме? — взревел Гийон. — Где пробужденная?!

— Она здесь! — ответил робот и указал стальным пальцем незнакомку у барной стойки.

— Где? — не понял Гийон и осмотрелся по сторонам.

— Прямо у стойки, — пояснил робот и улыбнулся.

Девушка, о которой говорил робот, действительно была пробужденной. На этом ее сходство с убогим существом, которое все видели только вчера, заканчивалось. Светлые русые волосы были затянуты в тугий хвост на затылке. Маленькая, судя по всему, хрупкая фигурка была облачена в свободный короткий черный плащ. Белая блузка с воротником-стойкой, широкие темные брюки и аккуратные осенние ботинки на низком ходу сотворили чудо — пробужденная стала похожа не просто на человека, она явно напоминала женщину.

Девушка, словно ощутив их общий взгляд на себе, обернулась. На ней не было макияжа. Черные брови идеальной формы приподнимались над темно-синими глазами, наполненными все той же печалью, что и вчера. Сегодня оттенок ее кожи напоминал шелковую поверхность лепестков бледно-розового цветочка, только что упавшего с дерева. Ее высокие скулы, маленький носик и тонкие губы смотрелись настолько гармонично, что Гийон невольно вспомнил о пресловутых биометрических параметрах и тут же зафиксировал нужные данные в контактном обруче.

Результат в девяносто два процента симметрии только раздосадовал его. "Против природы не попрешь", — в сердцах произнес он и сфокусировался на ее фигуре. Измерив приблизительную окружность ее запястья и, соотнеся ее с ростом, он рассчитал схему возможного строения ее тела, используя все те же девяносто два процента от совершенства.

Результат еще больше втоптал чувство собственной предвзятости Гийона по отношению к этой женщине в грязь, ведь сам того не замечая, он детально сконструировал форму ее груди и ягодиц под одеждой.

Кайлин перевала взгляд на Гийона и замерла на месте с двумя стаканами воды в руках, будто догадалась о том, что он без спроса изучает особенности ее тела с каким-то пристрастием и непонятным рвением.

Он посмотрел в ее глаза и прочел в них.... гнев. "О, черт", — очнулся он и шарахнулся, словно подросток, которого застали подглядывающим за девицами в женской раздевалке.

Этот моментный порыв взбесил его еще больше, чем похмелье и возможность опоздания Кайлин на работу.

Гийон повернулся к Маркусу и понял, что тот пристально наблюдает за ним. Друг не улыбался, не смеялся и не шутил. Будто знал, что одна единственная улыбка на его лице превратится в разбитую губу в следующее же мгновение. Нет, Маркус не провоцировал друга. Наоборот, он застыл в странной позе некоего раздумья и озадаченности. О чем были его мысли? Заметил ли он что-то, чего не видел ранее, и было ли в этом нечто особенное?

— Тебе не смешно? — прошипел Гийон, обращаясь к нему.

— Вчера было, а сегодня — нет.

— Отчего же? Ты превратил жабу в человека.

— Кайлин не жаба, Гийон, и ты это знаешь.

Гийон злорадно улыбнулся и повернулся к подошедшей Кайлин.

— Ты опоздала на три минуты.

— И тебе "доброе утро", — ответила она и сунула ему под нос стакан с водой. —

"Противоядие", — прокомментировала девушка и подала второй стакан Маркусу.

— Спасибо, солнышко, — ответил тот и залпом осушил содержимое.

— Меня зовут Катя или Кайлин, Маркус. Советую запомнить.

— Кайлин, ты забыла, о чем я тебе говорил вчера? — напомнил ей Гийон.

— Это после запоя бывает амнезия. А я, к счастью, этим не страдаю.

— Что-то ты перья распустила. Смотри, пташка, падать больно будет.

— Не сомневаюсь, — ответила Кайлин и отвернулась.

— Ты проиграла, — вздохнул Маркус. — С тебя пять кредитов.

— Всего пять? — переспросил Гийон. — Я бы на твоём месте поставил больше.

— А ты знаешь, на что мы спорили?

— Это и дураку понятно. Ее никто не узнал.

— Да, просчитался я с суммой.

— Ну, что ж, поскольку Кайлин, наконец-то, соизволила к нам присоединиться, начнем работать.

Кайлин пропустила упрек мимо ушей, понимая, что спорить — себе дороже, и присела на свободный стул возле Гийона. Аромат духов, взрезавшийся в его обоняние, а заодно и память, свел горло старшего даниила судорогой, и Гийон едва не закашлялся.

— Даже невады не выливают на себя столько туалетной воды, — пробурчал он и зажал нос рукой.

Кому угодно, даже себе самому, он не был в состоянии признаться, что этот аромат ему понравился. Он помнил название парфюма, который она использовала, знал, что на каждой женщине, словно платье, он "смотрится" по-разному. Но сочетание естественного аромата кожи Кайлин и этого тяжелого благоухания составило неповторимый букет, который хотелось вдыхать чаще. И дабы прекратить эту изощренную пытку над его и без того поруганными безразличием и ненавистью, он зажал нос рукой.

Кайлин демонстративно поднялась с места и пересела на стул напротив, разместившись между Маркусом и Сианной.

Девушка, уподобляясь поведению Гийона, зажала нос рукой и отвернулась.

— Рада, что Вам нравится классический "Orium", — улыбнулась Кайлин.

— Это древний аромат твоего прошлого, — ответила Сианна и помахала рукой перед носом, разгоняя воздух.

— Такой же древний, как и твой "Chanel".

Сианна от удивления даже приоткрыла рот:

— В отличие от тебя, я не выливаю на себя целый флакон, — парировала она.

— Нет, только половину...

— Хватит! — перебил их Гийон, пресекая развитие перебранки. — Ты забыла, о чем я разговаривал с тобой вчера, Кайлин?

— Замолкаю, — ответила пробужденная, сложив ладони перед лицом и кланяясь

Гийону, словно учителю.

— Из всех присутствующих, только ты не знакома с материалами данной серии преступлений, — продолжил Гийон, как ни в чем не бывало. — На сегодняшний день у нас есть пять однотипных убийств. Все жертвы — молодые одинокие пробужденные в возрасте от двадцати пяти до тридцати двух лет. Способ убийства — нанесение множественных колотых ран. Все женщины были найденными голыми в собственных домах спустя несколько дней после смерти. Три жертвы перед смертью имели сексуальный контакт, однако, следов спермы нам обнаружить не удалось.

— Точно так же, как и волос или фрагментов кожи под ногтями жертв, — добавил Рихтор и отхлебнул кофе из чашки.

— Либо они занимались сексом с кем-то перед гибелью добровольно, либо у них не было сил бороться, — пояснил Маркус.

— Я так понимаю, что убийца подошел к делу с особой подготовкой, — предположила Кайлин. — Вы можете по ДНК установить личность?

— Не все люди зарегистрированы в базе геномов, Кайлин, — ответил Гийон. — Это дело добровольное. В отличие от отпечатков пальцев или сканирования сетчатки.

— Почему Вы подозреваете именно пробужденного?

— Потому что в девяноста процентах случаях подобные преступления совершают именно они. А последнее послание от убийцы в виде стихотворения подтверждает это предположение. Судя по всему, в прошлой жизни он был русским.

— Это вовсе не обязательно. Во-первых, на русском языке разговаривали не только русские. А во-вторых, остается еще десять процентов, которых Вы не учли.

— Мы идем по наиболее очевидному пути.

— Это я уже поняла. А женщины были как-то связаны между собой? Может, что-то общее: один тренер по фитнесу, один магазин, где совершали покупки?

— У двоих совпадает клиника, куда они обращались за медицинской помощью. На этом все нити прерываются.

— Вы хотите, чтобы я проконтактировала с остальными жертвами? — напрямую задала вопрос Кайлин, чем немного удивила Гийона.

Он не ожидал, что она перейдет к сути дела так быстро.

— Я еще не решил.

— То есть? — возмутилась Сианна. — Она нейрами, это ее долг!

— Твоего мнения в этом вопросе я спрашивать не собираюсь, — отрезал Гийон и вперил взгляд в подопечную.

— Это глупо — не воспользоваться таким шансом. Возможно, ей удастся опознать убийцу.

— Или пережить еще четыре смерти и три изнасилования?

У Сианны пропал дар речи. Перед ней сидел человек, который был готов пойти на все, ради раскрытия преступления. И вдруг, он отказывается от такого рода помощи!

— Ей не привыкать, ведь так, Кайлин? — спросила Сианна, глядя при этом на Гийона.

Он, не отворачиваясь от нее, все же перевел взгляд на Кайлин, которая в этот момент активно прикусывала свою нижнюю губу.

— Акт изнасилования не воспринимается мною во время видения. Нет, я понимаю, что происходит, но в этот момент меня либо душат, либо бьют или режут, поэтому я переживаю эти ощущения более остро, чем все остальное.

— Жертву душат.

— Что? — не поняла Кайлин.

— Душат, бьют, режут не тебя, а жертву, — ответил Гийон и отвернулся.

— Для меня нет разницы. Я переживаю все это, значит, я и есть жертва.

— Странно, что при таком отношении к делу ты все еще в своем уме.

— Это спорный вопрос, — заметил Рихтор и улыбнулся.

— Есть еще одна особенность моего дара. Ограничение давности преступления — две недели. Если от момента смерти проходит более четырнадцати дней, я ничего не вижу.

Опять же, чем меньше времени прошло, тем ярче мои видения.

— То есть, две недели — крайний предел?

— Да, Гийон.

— Тогда вариант с другими жертвами отпадает. Предыдущая погибла около месяца назад.

— Я могла бы поучаствовать в других расследованиях.

Гийон не без удивления посмотрел на нее. Человек, который добровольно соглашается пройти через все это точно должен быть не в своем уме.

— Ты работаешь только с моей группой и ни с кем больше.

— А как же остальные?

— Невозможно помочь всем на Свете. Так что оставь свой запал для других дел, например, займись собой. Тебе это идет на пользу.

Кайлин молча проглотила намек и, сжав губы в тонкую линию, отвернулась. Неужели она все еще настолько плохо выглядит? Неужели, стереотип поведения, который она отработывала столько лет, навсегда закрепился за ней?

— В отличие от нас с тобой, — прохрипел Маркус, — Кайлин сегодня выглядит превосходно.

И в подтверждение своих слов, стукнул подопечную по спине.

Кайлин тут же выпрямилась на стуле и вперила гневный взгляд в Маркуса.

— Вот, теперь ты смотришься просто потрясающе! — засмеялся он и тут же схватился за голову.

— Это кара Господня. Жаль только, что на моего опекуна она, кажется, снизошла не в полной мере.

— Еще одно слово про твоего опекуна, — прошипел Гийон, — и ты отправишься мыть его кабинет!

— Простите, Хозяин, — ответила она и поклонилась.

Маркус, Сианна и Рихтор не смогли сдержать смеха.

— Думаешь, если обладаешь даром нейрами, я стану перед тобой на цыпочках ходить?

— Что такое "нейрами"? — неожиданно спросила Кайлин, разрядив тем самым обстановку.

— Нейрами, — ответил Рихтор, — это люди с определенными экстрасенсорными способностями. Большинство нейрами объединены в гильдию.

— Интересно.

— Тебя все равно туда не примут, — рассмеялся Рихтор.

— Это почему же?

— Пробужденных не берут. Вы для них — люди второго сорта.

— Не только для них...

— Тебя что-нибудь не устраивает? — оживился Рихтор.

— Почему же, все прекрасно. Я довольна своим рабским положением в этом обществе и отношением коренных жителей к своей персоне. Все так дружелюбны, а главное, очень уважительно ко мне относятся, особенно мой опекун.

Гийон приподнял брови, вопросительно глядя на нее.

— А еще мне нравится моя новая должность: крутиться возле стольких почтенных даниилов — это же настоящее Провидение, особенно когда ни черта не понимаешь в такой работе. Зато можно строить из себя важную персону: я ведь, мать вашу, аналитик!

— Это хорошо, что ты реально оцениваешь ситуацию, — засмеялся Рихтор.

— По-твоему, это смешно, Рихтор? Представь, что завтра ты проснулся и оказался в чужом мире. И вот, ты так же сидишь в кафе в окружении абсолютно чужих для тебя людей, презирующих само твое существование, и благодаришь их за то, что взяли тебя на работу.

— Рихтор не давал согласия на криогенезацию, — перебил ее монолог Гийон. — А ты получила второй шанс. Так кого ты винишь в том, что ни черта из себя не представляешь теперь? Не нравится работать аналитиком, не работай вообще, средства тебе это наверняка позволяют. А если ты хочешь нам рассказать, какой великой и гениальной ты была в прошлой жизни, так нам на это наплевать. Здесь ты не более, чем стул, стоящий у этого столика.

Кайлин нечего было ему противопоставить. Она знала, что он прав на все сто. Обидно? Безусловно, обидно. Какую работу она могла получить в этом мире? Уборщицы? А не работать вообще она не могла. Не так ее воспитали. Когда ей в Центре предложили эту должность, она поначалу обрадовалась. Но только потом в ходе разговора поняла, что они не спрашивали ее мнения, они приказывали. Столько лет, потраченных на обучение, столько бессонных ночей, принесенных в жертву великой идее, и все впустую. Мысль о том, что можно было бы все вернуть, наверстать упущенное, но она знала, что платой за это станут ее убеждения и идеалы. А она никогда не хотела попускаться такими вещами. Дать себе слабину когда-то оказалось довольно просто, но счет за этот поступок стал непомерным.

— Чем мы будем заниматься сегодня? — спросила она.

— Работой, — ответил Гийон. — Наш офис на третьем этаже. Ено тебе все покажет. Я даже нашел для тебя отличный рабочий кабинет. Будешь перебирать и раскладывать бумажки.

— Вы все еще используете бумагу?

— Конечно. Это просто и более надежно, порой, чем техника.

— А можно мне поработать с материалами дел, которые мы расследуем?

— В свободное от основной работы время.

— Все ясно, — хмыкнула она.

"Центр управления даниилами", в здании которого они находились, представлял собой огромный многоэтажный офисный центр. Здесь было несколько десятков подразделений даниилов, каждое из которых входило в состав определенного отдела.

Минув маленький пропускной пункт с несколькими младшими даниилами на посту, они вошли в большой лифт и поднялись на третий этаж.

Здесь было довольно просторно и уютно. Небольшой холл разделялся на три отдельных коридора, каждый из которых принадлежал своему подразделению. Они свернули направо, и Кайлин едва успела прочесть вывеску над дверью: "Отдел особо тяжких преступлений".

— А кто еще работает на этом этаже? — спросила она у Ено, идущего позади нее.

— Слева от лифта сидят криминалисты, а прямо — специалисты по нравственным преступлениям.

— Их так мало?

— Это здание — одно из многих, и в каждом из них есть такие же отделы.

— Ено, а чем конкретно занимаемся мы?

— Мы расследуем серийные убийства.

— А их много?

— Не очень, но все-таки есть.

— Такая работа должна угнетать.

— Так и происходит. С каждым из сотрудников работает психоаналитик.

— С каждым?

— Да, это обязательное условие нашего труда.

— И у всех один и тот же врач?

— Да, я помогаю всем без исключения.

Кайлин от удивления разинула рот.

— Ты? Психотерапевт?

— Да, это одна из моих обязанностей.

— Только не говори мне, что ты собираешься копать в моей голове.

— Гийон распорядился начать со следующей недели.

— Я не буду с тобой говорить.

— Не стоит тебе так нервничать. В этом нет ничего особенного, просто дважды в неделю мы будем обсуждать проблемы, которые тебя волнуют и с которыми тебе трудно справиться.

— Вся моя жизнь — одни сплошные проблемы.

Кайлин так увлеклась беседой, что даже не заметила, как все остальные разошлись по своим кабинетам. Она огляделась и насчитала как минимум десять дверей, за которыми каждый из ее коллег мог скрыться.

— У всех, включая меня, есть свой собственный офис. В конце коридора расположен туалет и комната отдыха. На дверях висят таблички, так что здесь ты точно не заблудишься.

— А где буду работать я?

— Вон там, — робот указал в сторону уборной.

— В туалете?

— Нет, там рядом есть еще одно помещение. Раньше оно использовалось в качестве подсобки, но теперь там будешь работать ты.

— Весьма великодушно...

— Там довольно уютно. Тебе должно понравиться.

Она сомневалась, что комната, расположенная прямо возле туалета, может ей понравиться. Но выбора у нее все равно не было, потому она молча последовала за Ено.

Дверь в ее новый "офис", в отличие от всех остальных, была железной и блокировалась электронным замком. Ено что-то начал нажимать на электронной панели, затем попросил ее приложить свой палец к экрану и загрузил данные в память.

— Теперь ты беспрепятственно можешь сюда входить.

— Точно так же, как и все остальные...

Как только тяжелая дверь открылась, Кайлин поняла, что работать в этом помещении не сможет.

Этот "офис", общей площадью около семи метров квадратных, напоминал ей маленький уютный гробик, в котором ее непременно должны были похоронить. Стол, куча папок на нем и стул — вот и весь интерьер ее нового рабочего кабинета. Но даже такие условия она согласна была принять с благодарностью, если бы не одно обстоятельство: здесь не было окон.

Кайлин поежилась в дверном проеме и шагнула обратно в коридор.

— Что-то не так? — поинтересовался Ено, вопросительно склоняя свою стальную голову.

— Да, я не смогу здесь работать.

— Но это — приказ Гийона.

— А другого подсобного помещения у вас нет?

— Нет. Но если ты по каким-то причинам не хочешь работать здесь, можно обратиться к Гийону: возможно, он разрешит твою проблему.

— Ено, я не смогу здесь находиться.

Робот внимательно осмотрелся, а затем повернулся к Кайлин:

— В моей голове родилось одно предположение: ты страдаешь клаустрофобией?

— Я не смогу, Ено...

— Ничего страшного. Следует поговорить с Гийоном и объяснить ему причины твоего замешательства.

— Нет! — отрезала она. — Нет, я не хочу, чтобы ты говорил с ним. Ни с кем, Ено. Я не хочу, чтобы ты вообще кому-нибудь говорил об этом.

Ено снова склонил голову на бок и улыбнулся:

— Это болезнь, Кайлин, а не твоя прихоть. Гийон поймет.

— Нет, Ено. Кто угодно, но только не Гийон.

Почему она так решила? О, она готова была биться об заклад, что как только Гийон узнает о ее проблеме, он запрет ее в этом помещении и заблокирует дверь, обозвав свой поступок "терапией путем преодоления". Она не в первый раз оказывалась в подобной ситуации. Раньше ей часто приходилось работать с архивными материалами в подвале, потому она нашла свой особенный ключик, который позволял ее мозгу мириться с прихотями обстоятельств.

— Ено, а эта дверь может закрываться не полностью?

— Ты хочешь оставить ее приоткрытой, чтобы создать иллюзию свободного пространства?

— Именно это я и хочу сделать.

— Хорошо, я заблокирую механизм автоматического закрытия, и ты сможешь оставлять ее приоткрытой.

— Это меня вполне устроит.

— Ну что ж, тогда первый сеанс психотерапии можно считать состоявшимся.

Кайлин прошла в помещение, оставив позади себя приоткрытую дверь. Холодок все же пробежал по ее спине, но после нескольких глубоких вдохов, она смогла справиться с этими отголосками подсознательного страха.

Кайлин провела рукой по старой изношенной деревянной поверхности рабочего стола и села на стул. Перед ней лежало несколько пустых папок, а рядом с ними огромная стопка бумаг. Она взяла одну из них в руки и попыталась понять, что это вообще такое.

Показания и протоколы экспертиз были перепутаны. Нумерация страниц совершенно не

совпадала, и невозможно было понять, что к чему относится. В этот момент Ено просунул свою стальную голову в дверную щель и улыбнулся.

— Можно мне войти?

— Конечно.

Робот бесшумно приблизился к столу и взял в руки пустые папки.

— Перед тобой лежат материалы четырех старых нераскрытых дел. Кто-то развернул коробку с папками в нашем архиве несколько лет назад, но за это время никто так и не удосужился собрать все, как было.

— А зачем вообще это собирать? У вас что, электронных баз данных нет?

— Есть, но документы, которые лежат перед тобой, являются единственным источником информации. Иногда наши сервера выходят из строя. Потому у каждого электронного документа есть своя печатная копия. Как только ты соберешь эти четыре дела воедино, мы отсканируем материалы и загрузим в архив.

— А загрузить по отдельности, а затем автоматически систематизировать вы не можете?

— Не знаю, — пожал плечами Ено. — Это задание поручил тебе Гийон.

— Ну, тогда все ясно. Спасибо, что хоть чем-то заняли. Не удивлюсь, если он сам нарочно опрокинул эту коробку еще вчера.

— Это твое первое поручение. Думаю, если ты достаточно быстро справишься, Гийон доверит тебе еще что-нибудь.

— Разобрать коробки в архиве?

— Возможно, и тебе придется выполнять эту работу.

— Я все поняла, Ено, спасибо.

— Вот, держи папки. Их всего четыре.

— "Всего четыре". Здесь не меньше тысячи листов! Я потрачу на это неделю!

— А тебе есть куда спешить?

— Нет, в том-то и дело.

— Могу я идти?

— Конечно, Ено.

— Обедаем мы внизу около часа дня. За тобой кто-нибудь зайдет.

— Буду иметь в виду, спасибо еще раз.

— Не за что, — ответил робот и вышел в коридор, оставив дверь за собой приоткрытой.

Покрутившись на стуле, Кайлин поняла, что от старых привычек невозможно избавиться даже с помощью криогенезации. Она привыкла к движению. Постоянному, направленному движению по своему кабинету. Она часто раскладывала документы на полу, садилась среди них и на протяжении нескольких часов, а то и дней пыталась разрешить очередную проблему. И еще Кайлин любила грызть карандаши. И хотя брат утверждал, что это очень вредная привычка, Кайлин не собиралась от нее отказываться. Схватив со стола карандаш, она засунула его в рот и потянулась к стопке с бумагами...

Гийон направлялся в уборную, когда заметил, что дверь в бывшее подсобное помещение не заперта. Заглянув внутрь, он увидел, что Кайлин сидит на полу посреди вороха разложенных бумаг и что-то бубнит себе под нос. Он несколько минут тихо наблюдал за сменой выражений на ее лице, пока она брала в руки одну бумажку за другой, внимательно что-то изучая. Девушка настолько погрузилась в некие раздумья, что даже не заметила его присутствия.

Гийон не ожидал увидеть ее такой собранной и сконцентрированной. И хотя он прекрасно мог оценить уровень интеллекта, который был необходим человеку для выполнения этого монотонного труда, ее поведение его впечатлило. Она вникала в происходящее, не просто перекладывая бумажки, а вчитываясь в их содержание и даже что-то проговаривая себе под нос. И еще Кайлин грызла карандаш... Это показалось ему довольно забавным и он невольно улыбнулся.

Звук закрывающейся двери прорезал тишину, и Кайлин встрепенулась на месте. Ее бросило в жар, а воздух перехватило на вдохе. Кайлин медленно поднялась с пола и спокойно попыталась открыть дверь, но, потянув ее за ручку, поняла, что она не открывается.

— Спокойно! Спокойно! — начала она говорить сама себе. — Нужно разблокировать ее. Только разблокировать.

Кайлин подошла к электронной панели и приложила к ней свой палец, но ничего не произошло. Этот чертов прибор не работал!!!

Кайлин попыталась еще раз подергать ручку, но стальная преграда так и не поддалась.

— Позвонить! Нужно позвонить кому-нибудь!

Девушка осмотрелась, но тут же вспомнила, что в этой комнате ни телефона ни компьютера нет.

В ушах зашумело, ноги стали ватными, а голова медленно, но верно пустилась в круговорот. Кайлин постучала в дверь кулаком, надеясь, что ее кто-нибудь услышит, но это оказалось пустой тратой времени.

Она почувствовала, как ее сердце начинает сбиваться с ритма. Капли холодной влаги выступили на лице, руки онемели, и воздуха в помещении стало не хватать. Стены закружились перед глазами, и теперь она уже не могла понять, где именно находится. Закрыв глаза, она медленно осела на пол и попыталась успокоиться. Один глубокий вдох сменял другой, но долгожданного облегчения это не приносило. В памяти стали проноситься крики людей, сливающиеся с ее собственными, и темнота, густая, едкая, вновь окутала ее тело.

Кайлин почувствовала боль в груди. Нечто сжало ее сердце и не захотело отпустить. Девушка пригнулась к полу и заплакала. Эта форма безысходности была для нее самой страшной. Она запирала ее изнутри, делая заложницей собственного подсознания. И борьба с собой и своими страхами становилась невыносимой. Тело отказывалось подчиняться, и первородный животный инстинкт самосохранения завладевал мозгом. Кайлин поднялась с пола и начала метаться по помещению, сминая бумагу под ногами.

— Помогите! — закричала она. — Помогите!!! Пожалуйста, вытащите меня отсюда!!!

Гийон выходил из уборной, когда услышал странный стук в железную дверь рядом. Он подошел поближе и попытался открыть ее, но замок не поддался.

— Кайлин? — позвал он, но кроме странного писка ничего не услышал. — Кайлин?

Девушка начала колотить железную преграду ногами и выкрикивать мольбы о помощи.

— Что там такое? — послышался голос Маркуса за спиной.

— Не знаю. Я закрыл эту чертову дверь не более пяти минут назад, а теперь она не открывается.

— Кайлин! Все в порядке! — прокричал Маркус. — Не переживай, сейчас мы тебя выпустим!

Но девушка, казалось, и не слышала его вовсе.

— Что это с ней? — не понял Маркус.

— Дерьмо! — взвыл Гийон. — Программа зависла.

— Так перезагрузи.

— Уже делаю.

— Кайлин! Перестань стучать в дверь! Сейчас мы тебя выпустим!

— Бесполезно, — буркнул себе под нос Гийон.

— Что?

— Я говорю, бесполезно. У этой ненормальной — истерика.

— Кайлин? — вновь позвал Маркус.

В это время в коридор вышли Рихтор и Сианна.

— Что там у вас происходит?

— Рихтор, помоги перезагрузить программу, — прокричал Гийон.

— Для этого нужен ПК. Сейчас принесу.

— А где дурнушка? — спросила Сианна, подходя к ним поближе.

— Кайлин заперта внутри, — пояснил Маркус.

— Ух-х-х, как стучит, — засмеялась девушка.

— Не вижу ничего смешного, — осадил ее веселье Гийон.

— Пусти меня, — попросил Рихтор, протягивая свой ПК. — Это просто, если знать, что делать.

— А где Ено? — возмутился Гийон. — Я же просил его присматривать за ней!

— Он внизу. Я отправила его за кофе, — ответила Сианна.

— Он что, твоя нянька? В комнате отдыха есть автомат: взяла бы да заварила!

— Я не могу пить этот стрихнин.

— Готово, — перебил их Рихтор. — Открывай!

Маркус даже не успел коснуться ручки, когда железная дверь ударила его по лбу и в глазах потемнело.

— Какого...

Кайлин выбежала в коридор, и жадно глотая воздух ртом, закашлялась. Девушка выглядела ужасно. Волосы растрепались, на лице выступил пот и глаза, наполненные ужасом, покраснелись и отекли.

— Все хорошо? — спросил Гийон, поддерживая Маркуса за плечо.

— Вроде бы.

Кайлин в это время продолжала пригибаться к полу в попытках схватить ртом больше кислорода.

— Воды принести? — поинтересовался Гийон, наклоняясь перед ней и заглядывая в зареванное лицо.

— Да. Пожалуйста.

— Что это было? — промямлил Маркус, растирая ссадину на лбу.

— Ничего, — огрызнулась Кайлин и снова закашлялась.

— Что-то не похоже на "ничего"?

Гийон тем временем подал ей стакан воды. Девушка моментально осушила его и протянула обратно.

— Спасибо.

— У нее клаустрофобия, — снисходительно пояснила Сианна, вертя пустой стакан в руках, который отдал ей Гийон.

— У тебя клаустрофобия? — переспросил Гийон.

— Это тебя не касается.

— Не будь душой! Если закрытые пространства для тебя проблема — почему раньше об этом не сказала?

— И что бы ты сделал? Переселил меня в другой кабинет?

— Вообще-то, да!

Она обернулась и посмотрела на него.

— Что-то я сомневаюсь в этом.

— Мне не нужны приступы паники посреди рабочего дня — это отвлекает от работы.

— Извините, что отвлекла Вас, Ваше Величество!

— Нет, ну вы видите?! С ней невозможно нормально разговаривать. Ты можешь перестать вести себя, как последняя идиотка, и адекватно все воспринимать?

— Ты посадил меня в комнатку возле туалета! Как я могу это воспринимать?

— Может, я должен был предоставить тебе свой рабочий кабинет в пользование?

— Здесь достаточно других свободных комнат!

— Покажи хоть одну!

— Та! — она ткнула пальцем в сторону широкой двери без таблички.

— Это серверная.

— А, та?

— Для совещаний.

— Если мне нет места, куда бы ты переселил меня?

Гийон скривил лицо и осмотрелся.

— Для тебя здесь нет места, — ответила Сианна. — Твоя клаустрофобия — это сугубо твои проблемы. Так что не жалуйся. Когда Ено показал тебе комнату, тебя все устроило.

— Нет, Сианна, — послышался доброжелательный голос робота, подошедшего к ним с пластиковым стаканчиком кофе в руках. — Прощу прощения, но это моя вина. Вопреки желанию самой Кайлин, я должен был предупредить Гийона о возможных проблемах с ее психикой.

— Моей, что?

— Психикой. Клаустрофобия — довольно серьезная проблема. Поскольку Кайлин достаточно спокойно вела себя в этом помещении с приоткрытой дверью, я предположил, что ее состояние вполне компенсировано.

— Все было бы хорошо, если бы кто-то не закрыл эту дверь! — закричала Кайлин.

— Этим кем-то был я, — отозвался Гийон.

— Ты?

— Ну, откуда мне было знать, что ты оставила ее приоткрытой специально!

— Так ты закрыл и заблокировал ее!?

— Нет, только закрыл.

— Сбой в программе произошел из-за попытки неправильного ввода данных, — перебил их Рихтор.

Кайлин разогнулась в полный рост и с ненавистью посмотрела на них всех. Сианна ехидно улыбалась, Маркус потирал ушибленный лоб, Рихтор смотрел в сторону, Гийон о чем-то размышлял, а Ено, продолжая держать стаканчик с кофе в руках, опять склонил свою железную голову.

— Вам всем наплевать, — тихо прошептала она. — Всем наплевать...

— А чего ты хотела? — спросил ее Рихтор. — Чтобы мы все дружно пожалели тебя, бедняжку?

Кайлин выпрямилась на месте и сжала пальцы в кулаки. Гийон посмотрел в ее глаза и увидел ту же женщину, что стояла перед ним в пустыне вчера. Она была красива. Она была независима и недвижима, словно гора. В этой женщине была сила, внутренняя гордость, которая заставляла ее тело натягиваться, словно струна. В этих темно-синих глазах не было обреченности и беспомощности, только желание бороться, до конца, до последнего вдоха. Кем же была она в прошлой жизни? Что же заставило ее спрятаться под этой толстой скорлупой из убогости и безликости? И кто же она все-таки такая на самом деле?

— Таким как я не нужна ваша жалость. Между жалостью и участием залегает пропасть, которую вы, по всей видимости, не способны узреть.

Все замолчали, в замешательстве всматриваясь в стоящую перед ними хрупкую фигурку. Ее слова поняли лишь двое человек. Оба, каждый в свое время, испытали все это на себе. Взгляды, шепот за спиной и всеобщую жалость к собственному горю. Это бесило, выводило из себя, и хотелось объяснить, что ничего не кончено, что жизнь их продолжается, и они обязательно справятся с этим. Но новые скользкие взгляды словно говорили о другом: "нет-нет, все ужасно, ужасно". И тоска вновь наполняла сердце, напоминая о том, что очень трудно забыть.

— Пора идти на обед, — разрушил всеобщее молчание Гийон. — Приведи себя в порядок, — обратился он к Кайлин, — и зайди в мой кабинет.

Все нехотя зашевелились и побрели в сторону выхода.

Как только последняя фигура скрылась где-то в холле, Кайлин, словно исчерпав последние силы, рухнула на пол. Откинув голову, она распустила тугий жгут, сжимавший ее спутавшиеся волосы, и густые волнистые пряди, закручиваясь в причудливые локоны, рассыпались по ее плечам. Кончиками пальцев она начала массировать виски и закрыла глаза.

— С тобой все в порядке? — послышался низкий спокойный голос над ее головой.

Она подняла глаза и поняла, что Гийон, по неведомой ей причине, вернулся назад.

— Нет, со мной не все в порядке, — ответила она.

Он присел перед ней на корточки и приподнял бледное лицо за подбородок. Она посмотрела на него и в груди что-то сжалось. Его прикосновение не было грубым, не было оно и неприятным. Просто теплые пальцы коснулись ее лица, и от этого стало почему-то легче.

Он долго всматривался в ее лицо. Темно-синие радужки были окружены красными тонкими жилками, заставшими ее склеры кровавой сетью. Мокрые слипшиеся ресницы, цепляясь друг за друга, навязчиво лезли в глаза. Черты ее лица заострились, а кожа приобрела не свойственный ей зеленоватый оттенок.

— Я никогда не думал, что страх, подобный этому, может настолько изматывать.

— Я тоже когда-то так не думала, — ответила Кайлин и отвернулась от него.

— Ты не всегда этим страдала?

— Нет. Это не врожденное.

— Что же произошло?

— Не спрашивай.

— Почему?

— Это история моей прошлой жизни, и вспоминать ее я не хочу.

— Давай, я помогу тебе добраться до туалета.

— Я в состоянии сделать это сама. Я быстро, тебе не придется меня долго ждать.

— Думаю, что сначала нам лучше пообедать. Поговорим потом.

— Я не пойду обедать.

— Почему?

— Все эти взгляды и смешки в мой адрес не располагают к появлению аппетита.

— Ты не похожа на женщину, которую особо волнует чужое мнение.

Кайлин невольно улыбнулась его словам, и это заметил Гийон.

— Ты в прошлом была лидером. Наверняка руководила каким-нибудь отделом, а, может быть, и предприятием.

— Что-то вроде.

— Вроде чего: отдела или предприятия?

— Отдела, — усмехнулась она.

— И теперь тебе трудно начинать все сначала.

— Не трудно, Гийон. Это тяжело, по-настоящему тяжело. Что толку от моего присутствия? Кому я здесь могу помочь?

— А в тебе есть стремление помогать?

— Я не привыкла сидеть, сложа руки. Мне нужно занятие, задание, которое необходимо выполнить. А ты доверил мне сортировку страниц в старых незакрытых делах.

— А ты хотела, чтобы я доверил тебе расследование одного из новых преступлений?

— Нет, но...

Гийон поднялся на ноги и зашагал в сторону холла.

— Спустишься вниз по лестнице, если с лифтом проблемы. Чтобы через десять минут сидела в кафе.

— От тебя не знаешь чего ждать в следующую минуту!

— От тебя тоже.

"Смыслом моей жизни всегда была работа. Я хотела творить, надеялась, что смогу добиться чего-то. Но с каждым днем мое время просачивалось сквозь пальцы, и я понимала, что не успею... Брат был намного талантливее меня. Задачу, над которой я могла биться несколько недель, он решал за считанные часы. И в какой-то момент я полностью доверилась ему. Он стал моим маяком, и успех был почти осязаем. Когда я, наконец, поняла, к чему все движется, что-либо менять было уже поздно. И я сдалась. Тяжело это — отказываться от своих надежд, но выбирать к тому времени было уже не из чего. Тогда я совершенно ясно поняла, что своими руками вымостила для себя дорожку в ад..."

Из разговора от 14.11.3565

За обедом разговоры велись исключительно о результатах медицинской экспертизы последней жертвы. Кайлин не вступала в общую беседу. Внимательно прислушиваясь к отдельным фразам, она постепенно смогла вникнуть в суть дела.

Погибшая была беременной. Срок очень маленький, но все же экспертам удалось получить образцы ДНК зародыша. Теперь задача была предельно простой: сравнить полученный образец с данными, имеющимися в базе геномов, и, если повезет, найти несколько подходящих кандидатов на отцовство.

На следующий день их группе предстояло разделиться и собрать показания у всех лиц, знавших и общавшихся с жертвой. О том, чем займется сама Кайлин, не говорил никто. Она уже было подумала, что про нее совсем забыли, как вдруг Маркус ненавязчиво намекнул Гийону, что нового аналитика все-таки стоит чем-нибудь "нагрузить".

— Кайлин поедет со мной в дом последней жертвы. Я хочу еще раз все осмотреть. Ей это будет полезно, глядишь, еще несколько новых идей подкинет.

— Так вы узнали, кем была эта девушка? — спросила Кайлин, поднося вилку ко рту.

— Она не состояла в Гильдии невад.

— Значит, я ошиблась?

— Это ничего не значит. Она могла работать неофициально, только со своим узким кругом клиентов.

Кайлин в ответ только пожала плечами и продолжила поглощать тушеный картофель.

— У тебя, я смотрю, аппетит прорезался? — подколот ее Гийон.

— Да, пока вы обсуждали дела насущные, я смогла поесть.

— Это хорошо. А то скоро просвечиваться начнешь.

— Я от природы такая. Сколько бы ни ела, в весе все равно не прибавляю.

— В женщине должно быть хоть что-то, кроме костей.

Кайлин вопросительно приподняла брови:

— Меня мои кости несколько не смущают.

— Это мы уже поняли.

— Я могу продолжить есть, или вы все так и будете заглядывать мне в тарелку?

— Ешь-ешь, — похлопал ее по плечу Маркус и ударил кулаком по спине.

— А-а-ай!

— Следи за спиной.

— Но, я же ем!

— Ты всегда должна помнить о ней. Скукожилась над тарелкой, того гляди, горб вырастет.

Сианна искренне рассмеялась:

— И ты, Маркус, надеешься ее перевоспитать? Боюсь, это невозможно.

— Почему?

— Она наверняка всегда такой была.

— Какой, "такой"? — настороженно переспросила Кайлин.

— Мужеподобной.

— Ты хочешь сказать, что я похожа на мужчину?

— А разве нет?

— Тогда ты похожа на проститутку.

Гийон и Маркус замерли в молчании. Рихтор заметно напрягся, но все же промолчал.

— По-твоему, если женщина следит за собой и хорошо выглядит — она невада?

— А, по-твоему, если не следит за собой, то — мужчина?

— Дело не только во внешнем виде. Посмотри, как ты ходишь? Как ведешь себя?

Маркусу просто неудобно рядом с тобой находиться, потому он из шкуры вон лезет, чтобы что-то исправить. Но мы-то с тобой знаем, что старую собаку новым трюкам не обучишь.

Кайлин повернулась и взглянула на Маркуса.

— Тебе стыдно находиться рядом со мной?

— Нет, конечно. Я же сказал, что ты прекрасно выглядишь.

Кайлин положила приборы на стол и медленно поднялась со стула.

— Я такая, какая есть. Я сутулюсь, размашисто хожу и гремлю костями. Да, я такая!

Зато все вы на моем фоне смотрите самыми очаровательными на свете людьми. Я подожду вас в холле.

— Я не разрешал тебе уходить, — отчеканил Гийон.

— Могу я уйти? — сквозь глубокий вдох спросила она.

— Нет. Пойдешь вместе со всеми.

Кайлин опустила на стул и сложила руки на груди.

— Есть, Хозяин.

— Слушаюсь, — поправил ее Гийон.

— Что?

— "Слушаюсь, Хозяин", — ты хотела сказать.

— Тебе лучше не знать того, что я хотела сказать.

— А тебе лучше помолчать, пока я не вышел из себя.

"Себе дороже", — подумала Кайлин и отвернулась.

Погрузившись в собственные мысли, она не заметила, как все закончили трапезу.

— Кайлин, ты идешь? — позвал ее Маркус.

— Да, — отрешенно отозвалась она и поднялась из-за стола.

— Шевелись, — буркнул Гийон, — мне нужно уезжать.

Кайлин испепелила его взглядом и отвернулась.

— Ты с нами на лифте или пешком? — спросил Маркус, кладя руку ей на плечо.

— Пешком, — ответила она и отстранилась.

Когда Кайлин, наконец, преодолела два высоченных пролета и вышла в холл третьего этажа, оказалось, что Гийон ждет ее там.

— Медленно ходишь. Следует тебе в зале поработать, иначе так и будешь язык

свешивать от малейшего напряжения.

— Я подумаю над твоим предложением.

— Ты не поняла. Это приказ.

— Да, Хозяин.

— Слушаюсь.

Кайлин остановилась посреди коридора и, пропустив его вперед, показала третий палец.

— И тебя туда же, — отчеканил Гийон.

— Ты не мог этого видеть.

— Зеркало прямо по курсу. Прекрасный вид, не так ли?

Кайлин напрягла зрение и действительно, в конце длинного коридора увидела небольшое зеркало, висящее на стене. Даже если постараться, она все равно не смогла бы разглядеть в нем себя, тем более, показывающей третий палец.

— Так вот зачем этот обруч... — прошептала она себе под нос.

Гийон остановился перед дверями в собственный кабинет и повернулся к ней.

— Мне все равно, как далеко ты меня посылаешь и что при этом думаешь. Но запомни: если еще раз ты посмеешь показать мне этот палец, я его сломаю. Не люблю этих жестов, особенно, когда ими пользуются только подобные тебе.

С этими словами он открыл перед ней дверь и пропустил вперед.

Кабинет Гийона привел ее в некое замешательство. Она, почему-то, представляла себе это помещение иначе. В ее голове образ рабочего кабинета опекуна непременно должен был отражать его характер: современный холодный интерьер, минимализм и идеальный порядок.

Но, войдя в дверь вслед за Гийоном, она попала в царство какой-то теплоты и милых маленьких вещей. Огромный светлый ковер, деревянная мебель с резными ножками, кожаные кресла, массивный дубовый рабочий стол, бар — неизвестно для чего стоящий здесь, ведь на работе пить спиртное не положено, — грамоты и фотографии с неизвестными ей, но явно значимыми персонами, книжные стеллажи, статуэтки, аккуратно расставленные по полочкам, старомодные часы со стрелками, маятник, несколько открыток и портрет некой женщины, снисходительно улыбающейся всем присутствующим со стены.

Здесь было уютно, словно комната эта находилась вовсе не в офисном здании, а где-то далеко, в загородном доме на берегу большого озера, куда владелец приезжал на выходные, чтобы отдохнуть.

Остановившись на входе, она боялась сделать следующий шаг, восторженно вглядываясь в каждую деталь обстановки. Гийон замешкал и тоже огляделся. Ему было не понятно ее удивление, и он даже напрягся, будто боялся, что подопечная уловит в этом помещении нечто личное, нечто важное для него самого.

Он посмотрел на Кайлин и все то время, пока она медленно перемещала взгляд от одного предмета к другому, наблюдал за ней. В уголках ее глаз появились маленькие морщинки и от этого черты лица ее стали мягкими, а взгляд будто потеплел. Она прикусила нижнюю губу, и Гийон узнал этот жест. Кажется, она всегда так делала, когда задумывалась о чем-то. Ему показалось, что ей понравилось то, что она увидела. Что же может нравиться ей здесь, в помещении, где большую часть времени обитает ненавистный ей человек?

— Чей это портрет? — спросила она.

— Ты здесь не на экскурсии, — буркнул он и отвернулся.

Когда, спустя несколько мгновений, он посмотрел на нее вновь, лицо ее ничего не

выражало. Устремленное себе под ноги, оно нависало тенью над ее сторбленным телом и сложенными на животе руками. Глаза ее перестали светиться, и знакомая ему обреченность заняла свое законное место в ее грустном взгляде.

На сердце у него стало спокойнее. Такой он хотел ее видеть: маленькой, смирившейся и отрешенной. Почему? Потому что в другой Кайлин он чувствовал силу, огонь, который его привлекал.

— Ты будешь работать в моей комнате отдыха. Там можешь трогать все, что пожелаешь. Но если я хоть раз застаю тебя в этом кабинете, сующей свой нос куда не следует, мало тебе не покажется.

— У меня нет привычки рыться в чужих вещах, — соврала она, припоминая, как искала нужные документы в офисе своего бывшего начальника.

— У меня много дел. Можешь идти.

Он бросил эти слова с таким видом, будто она удостоилась аудиенции, как минимум Министра, и теперь задерживает его.

Кайлин, догадавшись, что разговор на этом окончен, прошла в единственную внутреннюю дверь его кабинета и попала в маленькую комнату отдыха. Небольшой шерстяной ковер, диванчик, кресло, кофейный столик, шкаф с чайными принадлежностями, тарелками и приборами, чайник, кофеварка, голографический телевизор и стопка аккуратно сложенных газет на полу возле кресла, — все было в ее полном распоряжении. И главное, здесь было окно: большое, широкое, оно открывало ее взору вид на широкую улицу и высотное здание напротив.

— Можешь закрыть за собой дверь, — прокричал Гийон, присаживаясь за свой рабочий стол.

— Могу я перенести документы сюда?

— Делай, что хочешь, только не мешай.

Кайлин несколько раз прошествовала через кабинет опекуна с пачками мятых бумаг. Спустя некоторое время Гийон заглянул к ней и, застав пробужденную, грызущую карандаш, среди вороха бумаг на полу, объявил, что уезжает.

— До конца рабочего дня ты вернешься или мне закрыть все самой?

— Вернусь. Где туалет, ты знаешь, так что... — не договорив, он быстро скрылся за дверью.

Вернулся он около пяти. Если учесть, что в пять десять рабочее время заканчивалось, можно сказать, что он приехал вовремя.

Пребывая в скверном расположении духа после разговора с Цеми, он заглянул в комнату к Кайлин и обомлел: девушка, сидя на полу и облокотившись о диван, читала....газету. Папки с документами были выложены в стопку и лежали на кофейном столике.

— Ты что, все разложила? — не веря собственным глазам, произнес Гийон.

Кайлин оторвала глаза от интересной статьи и посмотрела на него:

— Вообще-то, да!

— И сколько у тебя ушло на это времени?

— Часа два, наверное, — пожала плечами она.

— Ты разложила более тысячи листов из четырех разных дел в нужной нумерации по папкам?

— Да.

— За два часа?

— Да.

Не поверив ей на слово, он прошел в комнату и взял со стола одну из папок. Пролистав подшитые в нее листы, он взял другую папку, затем еще одну, и еще... Все бумаги действительно были разложены в порядке нумерации.

— Как ты это сделала? — с неподдельным удивлением спросил он.

— А ты присмотрись внимательнее, может, поймешь...

Он с прищуром взглянул на нее и пролистал страницы, особо не всматриваясь в содержание.

— Как? — повторил он.

Она поднялась с пола и, отогнув край листа, поднесла его к свету: бумага просвечивала зеленоватым оттенком. Затем она подобрала другую папку и снова поднесла край листа на свет — он был желтоватым.

— Каждое дело печатали на типовой бумаге, но в разное время. Мне повезло: все дела отличаются друг от друга по оттенку листов. Оставалось только разложить номера. Около трехсот страниц на каждое дело — не так-то и много.

Он посмотрел на нее, как на существо не с этой планеты. Гийон понимал, что столь простой и неординарный метод сортировки бумажного материала вряд ли бы пришел ему в голову. Ведь, зная он, что листы отличаются по оттенку, тщательнее подобрал бы документы...

— Интересный подход, — ответил Гийон и кинул папку на пол.

Кайлин посмотрела сначала на него, затем на папку, и все поняла.

— Это что, тебе не нужно?

— Нет, конечно. Все это есть в базе.

От злости, переполнившей ее чашу терпения на сегодня, у Кайлин свело горло. Она не знала, что ответить. Ни одной связной мысли, ни одного приличного слова не было в ее голове. В ярости она схватила одно из дел, и, отогнув скобы, вырвала все листы, бросив их ему в лицо.

— А теперь сложи все это заново! — заревел он, опешив от такой наглости.

Кайлин же, ослепленная гневом, схватила другую папку, и пачка листов на этот раз ударила ему в грудь.

— Давай, давай! Там еще две осталось! — начал подначивать он.

Тогда она подняла с пола упавшие листы и начала рвать их, разбрасывая по сторонам.

— Совсем с ума сошла? — закричал он.

— А что? Так интереснее, не находишь?! Буду клеить скотчем! Неплохой пазл получится!

Он подгрел ногой несколько листов и подбросил их воздух.

— Жаль, что я раньше до этого не додумался.

— Ублюдок!!! — завопила она и топнула ногой по полу.

— Психичка! Приди в себя, наконец!

— Это низко! Я ведь старалась!

— Я дал тебе задание! Если ты справишься раньше, нужно было не газеты читать, а спросить у других, не нужна ли им помощь!

— Это смешно! Без твоего согласия здесь никто ничего мне не поручит!

— Ты не пробовала. Если ты не можешь проявить инициативу даже в таких

элементарных вещах, какое дело я могу тебе доверить? Мало того, что ты ни черта не знаешь, не имеешь даже общего представления об элементарных вещах, так ты еще и ленива. Ты — неотесанный безграмотный бездельник, живущий на подачку от какой-то дойной коровы и претендующий на значимое место в этом мире!

"Безграмотная", "неотесанная бездельница", — только этими словами он характеризовал ее. Она презирала таких людей, таких, к которым он ее причислил.

— Ненавижу! Как же я тебя ненавижу!!! — прохрипела она и, сжав руки в кулачках, вдруг расплакалась.

Эти слезы, прыснувшие из глаз! Она не хотела их. Но подавить желание разреветься она не смогла. Вся злость Гийона, почему-то, растаяла в один миг. И на место непрощенной ярости пришло непрощенное чувство вины. Чисто мужское состояние, когда ты не можешь понять, что такого сделал, чтобы довести женщину до этих самых слез. И беспомощность, когда не видишь способа прекратить эту женскую истерику, кроме как сбежать от нее.

— Ты чего? — промямлил он.

— Уйди!

— Ты что, из-за этого собралась здесь рыдать?

— Уйди!!! Не хочу тебя видеть! Ты словно весь сделан из стали! Не человек, а робот!!!

Это последняя фраза прочно засела в его мозгу. Кайлин даже не поняла, что произнесла, возможно, самые обидные для него слова. Да и откуда ей было знать, что в теле его мало чего осталось от человека...

Злость на нее за эту рану внутри, вылилась в желание отомстить ей самым жестоким образом. Он напрягся, обдумывая свой ответ, а затем, набрав побольше воздуха, прокричал:

— Уж лучше быть роботом, чем таким убогим подобием женщины, как ты!!!

Бросив это, он вышел в дверь и хлопнул ею так, что у Кайлин зазвенело в ушах.

Она посмотрела на пол, усыпанный разорванными клочьями бумаги, и упала на колени. "Убогим подобием женщины" — вот кем она была.

Она плакала молча, позволяя теплым слезам сочиться из глаз и падать на чистый мягкий ворс ковра.

Кем же она стала за все эти годы? В кого превратилась? А главное, когда именно произошла эта перемена. Она не помнила. Не смогла выудить из прошлого этот момент.

— Убогое подобие женщины, — прохрипела она, а потом, вдруг, выпрямилась и прекратила плакать.

Глаза ее распахнулись и твердая уверенность в том, что это не так, стрельнула в ее голове. Резвее не сегодня ей улыбнулся покупатель в аптеке? Разве не без интереса ее рассматривал официант в кафе, когда заказ делала не она? Разве сегодня кто-нибудь из сторонних людей что-нибудь сказал про нее плохого? Нет! Нет, черт побери! И сегодня ее замечали, обращали внимание. Никакой жалости, никакого презрения.

Нет, она была другой. Он сказал это специально, чтобы побольнее уколоть, ужалить сильнее. Потому что она обидела его первой. Это она указала ему на его физический недостаток, сравнив с роботом. Это она воспользовалась столь низким приемом, чтобы уязвить его самолюбие. И тут Кайлин почувствовала себя сволочью.

Поднявшись с пола, она начала подбирать разорванные листы бумаги и собирать их в стопки. Что с ними теперь делать? Может, действительно склеить, раз все равно никакой другой работы Гийон ей не даст?

В дверь постучали.

— Да? — отозвалась она.

— Ты идешь? — спросил Маркус, заглядывая внутрь.

— Да, сейчас.

— Что тут случилось? Кто все это учинил?

— Я, кто ж еще.

— Как это произошло?

— Лучше тебе не знать, Маркус.

— Ты опять поругалась с Гийоном?

— Да.

— Тебе не стоит провоцировать его.

— Мне тяжело сдерживаться.

— Относись ко всему проще. Пойдем, я завезу тебя домой.

Кайлин еще раз окинула взглядом свою новую рабочую комнату, усыпанную листами бумаги и, зацепив один из них носком на прощание, вышла вслед за Маркусом.

Рабочее утро началось, как обычно, с завтрака в кафе. Гийон пришел одним из последних, и, молча присаживаясь на свое место, тут же заказал кофе. Кайлин сидела возле Сианны и почитывала какую-то книгу. Насыщенно синий тон блузки, которую она выбрала сегодня, изумительно оттенял ее кожу и акцентировал внимание на глазах. Гийон, сам того не замечая, задержал взгляд на ее лице чуть дольше, чем это требовалось, и не сразу понял, что к нему обращаются.

— Я сказала: "Привет, Гийон", — повторила Сианна.

— Да, всем привет, — тихо ответил он и отвернулся.

— Что сегодня? — спросила Сианна, пытаясь разрядить обстановку.

Кайлин, словно только сейчас заметив присутствие начальника рядом, оторвалась от книги и подняла глаза.

— Читать дома будешь, а здесь изволь работать, — буркнул Гийон, смотря куда-то в сторону.

Кайлин захлопнула книгу и пристроила ее себе на колени.

— Итак, — начал Гийон, — вчера я разговаривал с Цемеи. Он весьма обеспокоен тем, что назревает вокруг. На днях запланировано заседание комиссии по правам пробужденных насчет вопроса узаконивания процедуры предоставления гражданства в случаях, когда пробужденные вступают в брак с гражданами.

— То есть? — не поняла Кайлин.

— На сегодняшний день, когда пробужденный вступает в брак, опека над ним автоматически переходит в руки супруга.

— А это нормально, когда муж или жена являются опекуном?

— В том-то и дело, что нет, — вздохнул Маркус. — Но и не нормально, когда муж или жена находятся под опекой какого-либо третьего лица.

— У этого решения есть обратная сторона, — ответила Кайлин.

В этот момент на нее уставилось пять пар глаз.

— Что? — переспросил Гийон, будто не понял сути ее реплики.

— Кто-то может нажиться на этом, — пожала плечами Кайлин. — Эту лазейку предоставляет вся ваша система.

— Но она работает, эта система, — воспротивился Гийон.

— Каким образом? Лишая людей права распоряжаться собственной жизнью?

— Она охраняет всех нас от последствий действия вируса криогенезации.

— Не Сакар повреждает мозг, а сам процесс умирания.

— Ошибаешься, — ехидно ухмыльнулся Гийон. — Они просто не стали акцентировать твое внимание на носительстве вируса.

— Что?

— После пробуждения вирус остается в теле в неактивном состоянии. Он не опасен для окружающих, но, тем не менее, каждый пробужденный — его носитель.

— Это мне известно. Ничего нового.

— Да-да-да, — залепетала Сианна. — А еще ты не прошла обследование у нас в Центре.

— То есть?

— Мне вчера позвонили из кадрового отдела и сообщили, что у них нет данных твоего медицинского обследования.

— Запросите их из Центра криогенезации, — пожала плечами Кайлин.

— И потратить на процедуру целую неделю? Один только запрос составить чего стоит!

— Так в чем проблема? Этим должен заниматься кадровый отдел, а не ты.

— Ты закреплена за нами, и если твои документы не в порядке, мы за это несем ответственность.

— Ладно, что нужно сделать?

— Пройти медосмотр, — улыбнулась Сианна и посмотрела на Гийона.

Тот кивнул и продолжил:

— Сианна, займись этим. Проведи в наш медицинский центр: там у тебя полно знакомых, так что пусть быстро все сделают и закончим на этом.

— Как скажешь, — согласилась Сианна.

Кайлин, конечно же, сразу поняла, в чем здесь дело. Но что они могли найти, проведя тесты? Имя ее им известно, причину ее смерти они все равно не определяют. Разве что... Да, черт с этим. Какое им дело? Только если посмеются, а это она вполне сможет пережить.

— Когда поедем на этот медосмотр?

— После обеда, — ответила Сианна, допивая свой кофе. — Я зайду за тобой.

— Хорошо.

Дальше обсуждение плавно перетекло в русло "кто какие документы уже подготовил", "кто конкретно будет беседовать со свидетелями" и "когда они планируют справиться с этим заданием". Затем Гийон очень прозрачно намекнул, что в день заседания комиссии по правам пробужденных Маркусу и Кайлин лучше посидеть дома и не высовываться, на что Маркус весьма красноречиво ответил, что он найдет, чем заняться у Кайлин дома.

И пусть Кайлин не восприняла просьбу Гийона серьезно, самого опекуна весьма заботил вопрос безопасности подопечной и собственного друга. Он вспомнил, чем обернулось прошлое подобное мероприятие и заметно напрягся, представляя, что в этот раз из разъяренной толпы протестующих придется вытаскивать не Маркуса, а Кайлин. И эта задача показалась ему практически не выполнимой. Она даже ударить не сможет, если что-нибудь произойдет, не говоря уже о том, чтобы отбиться от своры людей, норовящих разорвать ее в клочья в тот же миг.

Все поднялись со своих мест, и направились к лифту. Кайлин спрятала книгу, которую начала читать сегодня, подмышку и побрела за ними следом.

— Сегодня решила с нами прокатиться? — засмеялся Рихтор.

— Бойтесь заразиться клаустрофобией?

— Ну, если ты повторишь вчерашний номер с нами в лифте, боюсь я больше не смогу в нем ездить.

Общий хохот врезался в уши Кайлин. Она промолчала, глядя на свое искаженное отражение в стальной поверхности закрывающихся перед ней дверей. Глубокий вдох, несколько секунд ожидания, и она снова была свободной. "Вполне сносно" — подумала Кайлин и поставила еще одну галочку в строку: "Борьба с собой".

Гийон не появлялся в собственном кабинете более часа. Кайлин с грустью подумала, что он наверняка старается избегать ее общества, потому не торопится приступить к делам в рабочем кабинете. С другой стороны, без его присутствия за дверью она ощущала себя более комфортно.

Кайлин выходила из уборной, когда увидела, что опекун возвращается к себе вместе с Маркусом. Замешкав на полпути, Гийон остановился.

— Где ты была? — спросил он.

— В туалете, — ответила Кайлин, приближаясь к ним.

— Ты все понял?

— Да, Гийон. Завтра сделаю.

— Хорошо.

Гийон вошел в кабинет первым. Даже не оглянувшись, он попытался закрыть дверь перед ее носом, но она успела протянуть руку и перехватить ее. Маркус, заметив эту сцену, громко рассмеялся, но ничего не сказал.

Войдя в бывшую комнату отдыха, а нынче свой "офис", Кайлин закрыла дверь за собой и села на пол. Возобновив свое "творчество", она довольно быстро отвлеклась от неприятного инцидента.

Гийон сел за свой рабочий стол и не сразу заметил, что что-то не так. В углу, среди документов и других бумаг, лежал помятый листок, склеенный из обрывков прозрачным скотчем. Он потянулся за ним и взял в руки. Надпись на листке была написана от руки: "Прости меня".

Вот так она попросила прощение за то, что, как ему показалось, сделала специально. И держа в руках помятый листок простой офисной бумаги, склеенный из довольно мелких кусочков, он понял, что получил какой-то особенный подарок, странным образом согревающий его изнутри от одного только прикосновения.

Выдвинув одну из шуфлядок, он бросил послание внутрь. Наваждение покинуло его, но чувства презрения и стыда где-то внутри самого себя никуда не делись.

Он поднялся со своего места и тихо подошел к смежной двери. Там, в другой комнате, было тихо. Он приоткрыл дверь и заглянул внутрь: Кайлин, держащая во рту изгрызенный карандаш, со скотчем, прилепленным где-то на запястье, выглядела, мягко сказать, неформально. Обернувшись на звук открывающейся двери, она встретилась со знакомым контактным обручем глазами.

— Собирайся, выезжаем через пять минут, — сказал он и тут же закрыл за собой дверь.

Кайлин улыбнулась этим словам, потому что вопреки всей сухости подобной фразы, они были произнесены без злости и агрессии по отношению к ней.

"Однажды я спросила Феклу, зачем ей все это. Неужели зависимость от кого-то может быть настолько сильной? "Ты думаешь, я его люблю? — засмеялась Фекла. — Нет, Катюша, я привыкла жить в роскоши, и он дает мне все это. А секс — это всего лишь секс, не больше, не меньше". "А если ты встретишь другого? Того, кто не сможет дать тебе всего этого?" "Я откажусь от него. Без денег в этом мире нас не ждет ничего хорошего". "Заработай сама", — возражала я. "А я и зарабатываю!" — ответила Фекла. Я так и не смогла понять ее. У Феклы было будущее, а у меня — нет. Большая разница, великолепные перспективы. Как жаль, что люди способны с легкостью разбрасываться теми вещами, которые представляют ценности для других. Очень жаль..."

Из разговора от 17.11.2365

Садясь в машину рядом с Гийоном на подземной парковке, Кайлин мысленно приготовилась пройти через все круги ада.

— Все хорошо? — спросил он, заводя двигатель.

— Да, — кивнула она и глубоко вздохнула.

Музыка на этот раз не оглушила ее, да и в сидение не вдавило после старта. Выехав на одну из оживленных улиц города, Гийон плавно начал набирать скорость.

— Расслабься и откинься назад.

Она попыталась расслабиться и вдруг поняла, что машину дернуло лишь слегка, и картинки за окном проносятся не настолько быстро, как могло бы быть. Автомобиль оторвался от земли и устремился вверх. Гийон мельком посмотрел на нее и невольно улыбнулся, заметив, с каким энтузиазмом она осматривается вокруг. Ворвавшись в поток машин в небе и перестроившись в нужный ряд, он спокойно следовал за кем-то, летящим впереди.

Кайлин впервые в здравом уме увидела этот город сверху. Ровные дороги и маленькие здания, очень похожие друг на друга с этой высоты, люди, едва различимые, и машины, летящие вокруг, снизу и сверху, перекрестки, светофоры, знаки дорожного движения и неоновые рекламы, парящие тут же, рядом с ними.

Гийон перестраивался из одного уровня в другой, спокойно лавируя среди всего этого многообразия автомобилей, настойчиво сдерживая привычные порывы набрать скорость и оставить всех, летящих рядом, позади.

— Приготовься, сейчас спускаемся.

Сказав это, он встроился в поток машин, летящих вниз, и спустя несколько минут приземлился недалеко от квартала, который был ей не знаком.

— Никогда не думала, что смогу увидеть все это. Раньше об этом только мечтали. А сейчас люди летают на собственных автомобилях.

— Не думаю, что все изменилось кардинальным образом.

— Зелени не хватает. В мое время в этом городе было много деревьев и парков, газонов, украшенных цветами, а сейчас...

— Асфальт и бетон.

— Да, асфальт и бетон.

— Приехали.

Он остановился напротив небольшого особняка и заглушил двигатель.

— Но, это не тот дом? — удивилась Кайлин.

— Не тот. Это дом предыдущей жертвы. Ее убили месяц назад.

— Особняк еще не продали?

— Нет. Он опечатан.

— Но почему мы приехали сюда?

— Я хочу, чтобы ты осмотрела его. Эта девушка, жертва, всего на несколько лет старше тебя. Тело нашли в спальне. Ранения нанесли охотничьим ножом. Скорее всего, она проснулась от первого удара.

— Когда она родилась?

— В 2034.

— Из моего времени.

— Остальные тоже из твоего времени.

— Интересно...

— Нам тоже. Но, это, кажется все, что действительно объединяет их.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кайлин вышла из автомобиля и пошла вслед за опекуном. Гийон приложил палец в электронный замок на двери, и тот с характерный щелчком открылся.

Внутри было довольно светло. Просторный холл, лестница на второй этаж, гостевая, кухня, подвал — ничего особенного.

— Типовая, какая-то, планировка.

— Эти дома практически одинаковы. Их строит Центр, а потом заселяет вас.

— А я-то думала, что эти районы построены самими обитателями.

— Спальня, где обнаружили тело, наверху.

— А кто ее нашел?

— Домработница.

— Давно жертву пробудили?

— Более года назад.

— Она стала гражданином или у нее был опекун?

— Ее опекуном являлся Центр, как и твоим сначала.

— Почему же она не получила гражданство?

— Откуда мне знать. Она работала секретарем в одной маленькой фирме. Все коллеги отзывались о ней, как о милой, покладистой девушке, которая вела чуть ли ни монашеский образ жизни. Ни мужчины, ни друзей, только коллеги и обслуживающий персонал.

Кайлин прошла на кухню и осмотрелась. Вдоль стоящей отдельно столешницы висели кастрюли и сковородки. Кайлин открыла холодильник и задохнулась: воняло гнилью и еще чем-то. Несмотря на это, Кайлин все же пробежалась глазами по содержимому холодильника. Помидоры, огурцы, морковь, йогурты в пачках, сыр, испорченное мясо, майонез, кетчуп.

Кайлин закрыла холодильник и начала осматривать содержимое шкафчиков. Здесь было практически все, кроме фастфуда и злополучных блестящих пакетов для микроволнового преобразователя. Крупы, молоко в пакетах, соки, чай, кофе, шоколад, печенье.

Кайлин еще раз осмотрелась, обратив особое внимание на идеальный порядок, царивший вокруг.

— Домработница готовила для нее?

— Нет, она только убирала дом раз в две недели.

— У-гу.

— Что?

— Покажи мне ее ванную.

— Пойдем. Это на втором этаже.

Ванная комната хозяйской спальни, с окровавленными простынями, ничем не отличалась от ее собственной. Кайлин заглянула в корзину с грязным бельем: трусики, майка, колготки и полотенце.

Кайлин прошла в спальню и бегло пробежалась взглядом вокруг. Ни фотографий, ни книг, ни случайно брошенных вещей.

— Она что, была перфекционисткой?

— В смысле?

— В какой день недели ее убили?

— В смысле?

— Ну, понедельник или пятница, например?

— Подожди, сейчас вспомню.....В четверг.

— Четверг, середина недели, а у нее в доме идеальный порядок. Даже я за два дня умудрилась навести бардак. И при этом предполагается, что сама она дом не убирала, — рассуждала вслух Кайлин.

— Вполне возможно, что она была очень аккуратной.

Кайлин подошла к гардеробной и заглянула внутрь: обычные вещи, ничего из современных ультрамодных нарядов, коробки с обувью, шарфы, нижнее белье.

— А что соседи говорят?

— Ничего. Они даже имени ее не знали.

— То есть, она не общалась с ними?

— Нет.

— А как часто они вообще видели ее дома?

— Толку от их рассказов мало. Все утверждают, что в доме она появлялась, потому что по вечерам здесь горел свет. Но в доме есть второй выход, который ведет на параллельную улицу. Кроме того, у жертвы было две машины.

— Не многовато ли для скромной замкнутой девушки?

— Версия о двойной жизни проскакивала. Но мы ничего не смогли найти.

— То есть невадой она быть не могла.

— Этого я не говорил. Девушка вполне могла вести двойную жизнь и тщательно это скрывать.

— Понятное дело. Кому нужны досужие разговоры.

— Дело не только в сплетнях. Экскорт легализован только для членов Гильдии невад. Остальные — вне закона.

— И Центр, как ее опекун, должен был отвечать за ее правопорядную жизнь?

— Безусловно.

Кайлин еще раз осмотрелась по сторонам.

— Не знаю, Гийон. Во всем этом, — она провела рукой, очерчивая пространство, — есть что-то неправильное.

— Дом, как дом.

— Здесь не уютно.

Гийон театрально вздохнул.

— Даже не знаю, на что я рассчитывал, привезя тебя сюда.

Кайлин пожала плечами и поникла.

— Пойдем. Здесь нам больше нечего делать. Ребята наверняка уже собираются на обед.

— А где ела она?

— Что? — вновь не понял сути ее вопроса Гийон.

— Она готовила сама и ела дома?

— Ну, да. По крайней мере, еду в ресторане она не заказывала, насколько нам это известно.

— И она предпочитала "живые" продукты, а не эти полуфабрикаты.

— Пробужденные редко покупают всю эту муть. Они состоятельны и могут себе позволить есть здоровую пищу.

— Здоровую?

— Да, здоровую.

— Стоп! — воскликнула Кайлин и, прошмыгнув мимо него, бросилась вниз.

Гийон нагнал ее на кухне, где Кайлин судорожно открывала шкафчик за шкафчиком и бегло перебирала все содержимое.

— Что ты ищешь? — не оценил ее энтузиазма Гийон.

— Соль! Где соль? Где приправы? Она ест мясо, овощи, она не следит за фигурой, потому что предпочитает майонез и печенье. Она готовит сама и ест дома. Она должна, как минимум, солить пищу.

— Может, соль закончилась?

— Тогда ответь мне, где солянка? Где она?

И тут Гийон понял, что она имеет в виду.

— У нее идеальный порядок в доме в середине рабочей недели, притом, что уборщица не была у нее две недели. У нее почти не собралось грязного белья. И при забитом продуктами холодильнике, у нее нет ничего готового, а, главное, нет соли и солянки вообще. Она не жила здесь.

— Судя по всему, нет, — ответила Кайлин, присаживаясь на пол.

Гийон подошел к ней и присел рядом.

— Но она все-таки постоянно появлялась здесь.

— Она могла с кем-нибудь встречаться здесь. Ты сам сказал, что здесь два выхода. А что, если сюда приезжал кто-нибудь еще?

— Любовник?

— И еду они могли привозить с собой, если вообще здесь ели.

— Нужно проверить все бытовые приборы. Попробуем узнать, как часто ими пользовались.

— В любом случае, после таких вечерних встреч здесь кто-то должен был убирать.

— Сама?

— Вряд ли. Ведет двойную жизнь. Богата. Ухоженная, наверное.

— Да, маникюр, что надо.

— Вот видишь. Таким тарелку за собой вымыть трудно, не говоря уже о том, чтобы пропылесосить.

— Если наша версия подтвердится, следует искать не только любовника, а еще и человека, который здесь хозяйничал в ее отсутствие.

— А счета ее вы проверили?

— Нет доступа.

— Это как?

— А вот так, Кайли.

— Кем она была в прошлой жизни?

— Этого мы тоже не знаем.

— Как вы можете вести расследование, не имея даже общего понятия о том, кем были жертвы? Может, все они работали когда-то вместе? Дружили? Может, их убил тот, кто знал их там, в прошлом?

— Вся информация засекречена и доступа к ней у меня нет.

— Такое ощущение, что Центру криогенезации действительно есть, что скрывать.

Гийон внимательно посмотрел на нее и задумался. Кайлин не знала, что за мысли сейчас бродят в его голове, но ей самой тоже стало не по себе. Он ведь и о ней ничего не знает. А что сделал бы, если бы узнал? Ничего хорошего, наверное.

— Итак, — продолжала размышлять вслух Кайлин, — дом убрали до прихода уборщицы, кто-то накупил продуктов, чтобы все вы решили, что жила она именно здесь.

— "Мы решили".

— Что?

— "Мы решили, что она жила именно здесь".

Кайлин только усмехнулась.

— Ты вместе с нами расследуешь это дело.

— Как скажешь.

— По нашим данным, на ее имени не числится больше никакой недвижимости.

— Дом, где я живу, тоже пока еще не мой, — ответила Кайлин. — Я не оформила его в собственность, хотя документы уже пришли.

— Хочешь сказать, что владельцем недвижимости, я имею в виду то место, где она на самом деле жила, является Центр?

— Или любовник.

— Или любовник. Ты нашла нить, Кайли.

"Кайли". Еще никто не называл ее так. "Кайли".

— А что с остальными домами? Их мы можем осмотреть?

— Нет. Они проданы. Но у нас есть записи Ено. Нужно все еще раз изучить. С тобой, — добавил он.

— Который час?

Гийон посмотрел на наручные часы:

— Час дня.

— Я есть хочу.

— Тогда поехали. Наши, скорее всего, уже обедают.

— И она додумалась до этого? — причитала Сианна, расхаживая по совещательной. —

Не могу поверить, что эта пробужденная хоть до чего-то смогла додуматься!

— Она подмечает детали. И не лишена логики, — ответил Гийон.

— А где она сейчас?

— Склеивает бумажки в комнате.

— Какие бумажки? — не понял Рихтор.

— Не важно. В общем, я хочу просмотреть с ней записи осмотров Ено. Возможно, она

еще что-нибудь найдет.

— Говорил же, что она необычная, — вздохнул Маркус. — Это же надо, какая-то соль!

— Все дело в том, что мы осматривали место преступления с целью найти улики, чтобы нарисовать полноценную картину убийства и, возможно, найти преступника. А Кайлин подошла к делу с другой стороны. Она пришла в этот дом для того, чтобы узнать что-нибудь о его хозяине, то есть жертве.

— Хочешь сказать, что мы — облажались? — зашипела Сианна.

— В данном случае — по полной.

— Но ее версию еще нужно доказать!

— Не думаю, что на это уйдет много времени.

— Надо же, просто соль! — снова воскликнул Маркус и засмеялся. — Молодец, девочка!

— Согласен.

Все присутствующие, включая Ено, в безмолвии уставились на Гийона.

— Что?

— Ничего. Просто странно это слышать от тебя, — развела руками Сианна.

— Я не отрицаю очевидное. Она нейрами. Не лишена ума, внимательна к мелочам, образованна, руководила людьми.

— Какими людьми? — перебил его Рихтор.

— Вчера призналась, что была какой-то начальницей.

— Интересно. А чем она занималась?

— Без понятия. Может, языками?

— Лингвист?

— Почему нет. Она прекрасно говорит на классическом английском.

— Возможно. Но зачем тогда Центру простой лингвист?

— Хороший вопрос, — согласился Маркус. — А если переводчик? Если работала с сильными мира сего?

— Вряд ли, — покачал головой Гийон. — Ты же видел, в каком виде она пришла в первый день на работу. Если бы она вращалась в высших кругах, не смогла бы позволить себе такую запущенность.

— Тогда, не знаю.

— Я тоже. Ладно. На этом пока все. Сианна, когда ты собираешься отвести ее на обследование?

— Прямо сейчас. Потом домой закину.

— Хорошо. Ено, присмотришь.

— Конечно.

— Сианна, а когда все эти тесты будут готовы?

— Завтра, скорее всего.

— А ты, Ено? Что-нибудь нашел в архивах?

— Пока ничего. Объем информации слишком большой.

— Ищи. Мне, честно говоря, даже интересно, кого же нам Цемеи подкинул. Это все. Всем работать.

Сианна постучалась в дверь к Кайлин, но заглядывать не стала.

— Поехали! У нас мало времени!

— Сейчас, — послышалось изнутри.

Гийон, посмеиваясь, наблюдал за метаниями Сианны по собственному рабочему кабинету.

— Где же твое терпение, Сианна? — усмехнулся он.

— Не знаю. Она выводит меня из себя, вот и все.

— Это плохое качество для даниила.

— Скажи это себе, — ответила Сианна и скривила лицо.

Кайлин вышла из комнаты. Попрощавшись с Гийоном, она направилась к выходу, следом за Сианной, которая ждала ее уже в коридоре. Кайлин не успела понять, когда именно Гийон спохватился со своего места, нагнал ее и вырвал из подмышки злосчастную книгу.

— Так-так, — покачал головой Гийон, прочитав название. — И, что мы читаем!?

— Отдай.

— Пожалуйста.

Он протянул ей книгу, и когда ее рука уже коснулась обложки, снова вырвал ее.

— Почему, Кайлин? Почему именно это? — спросил он, вертя книгу у нее перед глазами.

— Что хочу, то и читаю. Ты отдашь ее мне?

— Когда ответишь на вопрос.

— В таком случае, можешь оставить это себе, — хмыкнула Кайлин и вышла из кабинета, хлопнув дверью.

Гийон присел в свое рабочее кресло и открыл первую страницу.

"История криогенезации началась в 2060 году с открытием особого вируса, названного, в последствие, "Сакар". Он был создан искусственно группой ученых, которые в 2071 году за свое открытие удостоились Нобелевской Премии. Когда во время награждения руководителю исследования Фредерику Нуссону задали вопрос о том, почему вирус назвали именно "Сакар", он ответил: "Для того, чтобы Вы об этом спросили". На самом деле название вируса происходит от фамилии первого человека, подвергнутого действию вируса, а именно Сакару Вильсону, который был креогенезирован в 2061 году. Его пробудили спустя три недели, подвергнув тело медленному выведению из состояния анабиоза от воздействия низких температур. Доброволец не только выжил, но и вполне нормально себя чувствовал после трехнедельной "спячки". Вильсон умер спустя два года от инфаркта мозга в собственном доме. К сожалению, спасти этого человека уже никто не мог. Криогенезация — это разовая процедура. Из-за особого действия вируса Сакара, после пробуждения у человека развивается иммунитет, и клетки его тела становятся не восприимчивыми к действию вируса. Поэтому криогенезацию в свое время сам Фредерик Нуссон назвал "процедурой одного шанса". Криогенезация требует особых мероприятий, проводимых до момента окончательной смерти. Ошибочно мнение тех, кто говорит о пробужденных как о "живых мертвецах". Нет, они не умерли в прошлой жизни. Они пребывали в пограничном состоянии между жизнью и смертью, но шанса на выживание, в виду определенных причин, у них все равно не было. Этот шанс дали им разработки, пришедшие в Мир уже после того, как время их жизни истекло...

Гийон захлопнул книгу и бросил ее на стол. Как все просто, как складно! И ни слова о том, почему все эти люди пошли на это. От чего убегали, чем были больны и сколько денег потратили за возможность проснуться еще раз.

В отличие от Гийона, Сианна не стала щадить здоровье Кайлин и устроила ей

настоящий "разгон" на своем темно-синем седане. Выходя из машины на подземной парковке здания медицинского центра, Кайлин мысленно поблагодарила Бога за спасение. Они ехали не более десяти минут, но Кайлин на самом деле уже подумывала выскочить из машины на ходу.

Сделав несколько глубоких вдохов, она медленно поплелась за Сианной к лифту.

— Шевелись, у меня мало времени! — крикнула девушка, даже не оборачиваясь в ее сторону.

Кайлин демонстративно остановилась посреди парковки в ответ на это.

— Ну, что еще? — застонала Сианна.

— Ты можешь меня ненавидеть! Ты можешь презирать меня! Но унижать меня ты не имеешь права!

— Кто ты такая, чтобы указывать мне?

— Я прежде всего человек, которого ты не знаешь.

— Еще чего! Ты пробужденная, прикрепленная к Гийону.

— Пусть и так, но для тебя я — Кайлин Рудецкая. И поверь мне на слово, если еще раз ты позволишь себе шикнуть на меня, я развернусь и уйду в неизвестном направлении, а перед своим начальником за этот инцидент отвечать будешь ты.

— И ты тоже!

— Ради тебя, я выдержу даже это!

Сианна склонила голову, размышляя над ее словами, затем повернулась и ответила:

— Для таких, как мы, ты навсегда останешься пробужденной. Ни положение в обществе, ни гражданство этого не изменят. И мы всегда будем презирать тебя, просто потому, что это — ты. А теперь, госпожа Рудецкая, не соблаговолите ли Вы проследовать за мной?

— Соблаговолю, — ответила Кайлин и пошла вперед.

"Человек — существо социальное. Мы живем рядом друг с другом, общаемся, взаимодействуем. И это вроде бы нормально, так и должно быть. Но иногда в этом социуме мы превращаемся в стадо. Почему мы теряем собственное лицо? Почему позволяем кому-то управлять нашим поведением? Мы говорим, что боремся за собственные идеи. Но разве таким образом мы должны отстаивать то, во что верим? И на самом ли деле наши убеждения истинны? Может, кто-то слишком часто нашептывал нам на ухо о том, что это действительно так? Может и не наша это вера на самом деле?"

Из разговора от 17.11.3565

Холл приемного отделения медицинского центра был битком набит пациентами. Даже в этом месте, где все, казалось, должны были быть равными, кто-то очень заботливый отвел специальную смотровую комнату "для пробужденных".

Кайлин огляделась вокруг. Коренные жители ожидали приема на мягких сидениях, расставленных в ряды у стены, в то время как пробужденные восседали в отдельной очереди на пластиковых табуретках напротив.

— Постой здесь, я сейчас.

Кайлин даже не успела заметить, куда именно направилась Сианна. Оставшись одна посреди всех этих людей, с презрением и усталостью смотрящих на нее, она покосилась в сторону близких "по происхождению" пробужденных и встала возле одного из них.

— Вы на прием? — спросил недовольный мужчина, лет сорока пяти.

— Да.

— В таком случае, я — последний, — буркнул он и тяжело вздохнул.

— Я буду за Вами.

— Еще бы, — промычал в ответ мужчина и отвернулся от нее.

За те двадцать минут, что она проторчала в этом месте, приемное отделение заполнилось людьми до отказа.

Воздуха стало не хватать, и раздраженные пациенты начали разговаривать друг с другом уже на повышенных тонах.

— Да, сколько можно?! — послышался громкий возглас.

— Извините.

— Да, ты уже второй раз мне на ногу наступаешь! Чего вообще толчешься здесь! Иди туда, к своим!

— Какая разница, там тоже места нет!

— Большая!

— Омар Канели!!! — прокричала очередная медсестра, вышедшая "в свет", обращаясь к очереди коренных.

— Простите! — подала голос молодая пробужденная с окровавленной повязкой на руке. — А когда нас начнут принимать?

Девушка покосилась в ее сторону, и, сделав вид, что обращаются не к ней, повторила фамилию очередного пациента.

— Да, сколько это будет продолжаться! — закричал пожилой мужчина, сидящий возле нее. — Неужели нельзя принимать всех по одной очереди?!

Ему стали поддакивать отдельные голоса из группы пробужденных и вскоре все переросло в настоящую ругань. Кто-то из "коренных" пригрозил подровнять возмущающимся челюсть. Пробужденные не остались в долгу и повскакивали со своих мест.

Кайлин наблюдала за происходящим со стороны: теперь большинство из присутствующих, казалось, чудесным образом исцелилось. Хромающие вышагивали вперед, позабыв о своей боли, "умирающие" поднимались со своих мест, чтобы в "последний раз" сказать окружающим, что они думают по этому поводу. Только одна девушка, сидящая в ряду коренных, вдруг побелела и начала оседать на стуле.

Кайлин хотела позвать на помощь, но никто вокруг ее не слышал. Медицинский персонал растворился, предоставив пациентам полную свободу действий.

Кайлин сделала несколько шагов вперед, но кто-то сзади толкнул ее и она, даже не поняв, что произошло, упала на пол.

Люди бросились друг на друга, как голодные звери, выкрикивая угрозы и междометия. Все они были настолько охвачены этим занятием, что не заметили, как молодая девушка сползла со своего места на пол, держась руками за живот.

Кайлин поднялась на ноги и, распахивая кричащих локтями, попыталась подобраться к ней, но лицо внезапно возникшей перед ней женщины и удар в челюсть, снова помешали ее намерениям.

Кайлин оказалась на полу. Кто-то топтался по ее ногам, и, казалось, вот-вот должен был наступить на голову. Кайлин привстала на колени и поползла вперед. Она попыталась прокричать "помогите", "ей плохо", но все были слишком "заняты", чтобы ее услышать.

Кайлин потеряла девушку из виду. Перед глазами маячили только чьи-то ноги, и она поняла, что даже если найдет эту девушку, вытащить ее из толпы все равно не сможет. Кто-то наступил Кайлин на спину, и она прижалась к полу. Нужно было встать. Нужно. Кайлин собралась с силами, и оказалась стоящей на ногах среди беспорядочно колотящих друг друга людей. Она обернулась и увидела перед собой чей-то кулак. "О, черт!" — только и успело пронестись в ее голове.

— Кайлин! Кайлин!!!

Кто-то слишком сильно кричал ей на ухо.

— Не трясись, — прохрипела Кайлин, пытаясь совладать с адской головной болью.

— Вставай, дура, вставай!

— Сианна?

— Вставай! Давай, шевели ногами!

— Девушка! Ей плохо! Где она?

— Какая девушка? Очнись, нужно уходить!

Кайлин не могла понять, что происходит. Сирена, мелькающий красный свет, какие-то люди, мельтешащие перед глазами, крики, ругань.

— Да, шевелись же ты! — не выдержала Сианна и ударила ее по лицу.

Это моментально отрезвило Кайлин.

Недавняя потасовка превратилась в настоящее побоище. Люди молотили друг друга, не разбирая, кто есть кто. Желающие принять участие в происходящем заскакивали в распахнутые двери прямо с улицы и тут же начинали бить всех, кто попадался им на пути.

— Уходим!

— Я не уйду без нее. Ей нужна помощь!

— Кому? — не поняла Сианна.

— Девушке! Она была где-то там!

— Ты никому в этой толпе не сможешь помочь! Давай, пошли!

— Ну, и иди!

— Что?

— Иди, я сказала!

Кайлин выдернула руку из ее хвата и шмыгнула на карачках в толпу дерущихся.

Гийон не пытался принимать участие в побоище. Выдавая с ходу точные удары прямо по лицам, он уверенной поступью шел вперед. Сианна сказала, что оставила ее недалеко от кофейного автомата. Понять, где именно стоял этот автомат, в данный момент не представлялось возможным. Кто-то ударил Гийона в спину. Обернувшись, он не дал шанса нападавшему повторить свой подвиг и вырубил его на месте. Именно тогда, где-то в стороне он заметил какое-то мельтешение на полу. Подавшись в том направлении, он, наконец, увидел ее.

Кайлин ползла вперед, пытаясь тащить на себе тело какой-то девушки. Люди толкали ее ногами, кто-то пихал в торс, но она все равно продолжала свои слабые попытки продвинуться дальше.

Силы Кайлин были уже на исходе. Головная боль и шум в ушах мешали мыслить. Чего она хотела? Куда вообще ползла?

— Ах, ты!!! — послышалось где-то над головой, и направленный удар в голову снова лишил ее света.

Гийон никогда не думал, что способен на такой гнев. Он видел, как один из "коренных" повернулся к Кайлин и со всей силы кулаком ударил несчастную, ползущую по полу, по голове. Кайлин потеряла сознание мгновенно. А Гийон? Гийон при виде этой сцены пришел в ярость.

Растолкав окружающих, он с ревом бросился к нападавшему и "впечатал" его в пол. Кто-то из дерущихся рядом обратился к Гийону:

— Кто это? — спросил незнакомец, лицо которого было испачкано кровью.

— Не знаю. Помогите донести их до медицинской стойки.

Мужчина подхватил полуживую "коренную" и пошел вперед. Гийон, перекинув Кайлин через плечо, направился за ним вслед.

Кайлин отчетливо слышала писк кардиомонитора. О, насколько знаком ей был этот звук!

Подняв руки, она начала шарить ими по телу, срывая датчики и отбрасывая их в сторону. Капельницы были следующими на очереди, и, к тому моменту, как ее руки кто-то прижал к матрацу, основная часть работы была уже выполнена.

— Успокойся! — прогремел до боли знакомый голос, и запястья сковала боль.

— Убери это! Убери это немедленно!

— Успокойся!

— Не хочу! Убери! — кричала Кайлин, пытаясь вырваться и закончить начатое.

— Вколите ей что-нибудь!

— Не удерживайте ее, — ответил спокойный голос. — Пусть идет, если хочет.

— Но?

— У нее сотрясение. Если хочет, может идти.

Гийон отпустил ее руки и отошел от кровати.

Кайлин не успокоилась, пока не избавилась от последнего провода, соединяющего ее с

медицинскими приборами.

Затем, запахнув ворот больничной ночной рубашки, она попыталась встать с кровати, но пошатнулась.

— Где она? — спросила Кайлин, присаживаясь обратно.

— Кто?

— Ты прекрасно знаешь! — закричала она, прижимая руки к груди.

Гийон молчал. Почему он сразу понял, о ком она говорит? Откуда ему было известно, что правда причинит Кайлин страдания? И отчего его язык разбух во рту, не имея возможности пошевелиться?

— Где она? — прошептала Кайлин, вытирая слезы, брызнувшие из глаз.

— Тебе не стоит ее видеть, — ответил Гийон и отвернулся.

Кайлин проснулась от собственного крика. Открыв глаза, она поняла, что плачет. Лицо молодой девушки по-прежнему стояло перед ее глазами. И она ничем не могла ей помочь.

Кайлин медленно поднялась с кровати. Голова все еще болела и кружилась, но, по крайней мере, девушка почувствовала, что может идти. Внизу в холле ее дома горел свет. Она прислушалась и смогла разобрать шепот говорящих.

— И много они нашли старых травм?

— Да. Позвоночник, кости рук и ног. Только череп, похоже, она еще не ломала.

— И что предположил врач?

— Скорее всего, это результат серьезной травмы.

— Все-таки самоубийство?

— Он не знает. В любом случае кости уже давно срослись. Есть еще незначительные изменения в сердце, но Сианна сказала, что она могла умереть не сразу, а провалиться на койке еще пару месяцев. Тогда, по ее версии, сердце ее и подвело.

— Мы всегда думаем о чем-то неприятном. А вдруг Кайлин просто попала в аварию и шансов на выживание у нее почти не осталось?

— Ясно одно — нам не известна причина ее смерти.

— А что с Сакаром?

— Все, как обычно. Антител очень мало в ее крови.

— Ты сказал, что есть какая-то особенная новость.

— Даже не знаю, говорить ли тебе об этом.

— Да, будет тебе, Гийон!

— Маркус, я не шучу. Если ты хотя бы намекнешь ей на то, что знаешь...

— Клянусь! Ну, что же эта за новость?

— Кайлин — девственница...

В этот момент у самой Кайлин, держащейся за перила на лестнице, подкосились ноги, и она с грохотом опустилась на пятую точку.

Гийон вышел в холл и посмотрел на нее.

— Тебе нужно в постели лежать, а не по дому шляться.

Кайлин вперила в него свой взгляд.

— Тебе помочь или сама поднимешься?

— Убирайтесь, оба, немедленно...

— Что? — не понял Гийон.

— Я сказала, чтобы вы оба немедленно убрались из моего дома!

— Не тебе указывать мне на дверь!

— Все в порядке? — поинтересовался Маркус, приближаясь к лестнице.

— Где Ено? — спросила Кайлин, не предпринимая попыток подняться на ноги.

— Я отпустил его. Он вернется завтра.

— Уходите.

— Ничего пижамка! — засмеялся Маркус, поднимаясь к ней. — Симпатичные медведи!

Гийон присмотрелся к ее наряду, и, чуть было, не рассмеялся. Взрослая девица, а спит в детской пижаме.

— Давайте, смейтесь! Ну, что же вы? Не нужно стесняться!

Маркус повернулся к Гийону и посмотрел на друга. Конечно, не о пижаме она говорила сейчас. Конечно же, не о ней...

— Почему ты обижаешься? — спросил Гийон. — Эта ночная униформа действительно немного не соответствует твоему возрасту.

— Зато она удобная! — прокричала Кайлин и расплакалась.

Маркус протянул руки и помог ей подняться.

— Давай, я провожу тебя в спальню.

— Я не хочу спать.

— Чего тогда хочешь?

— Пить.

— Пойдем вниз. Может, заварить тебе чай?

— Да, черный.

— Сейчас сделаем.

Маркус провел ее на кухню и усадил на стул. Кайлин заметила, что сами гости пили совсем не кофе. Бутылка виски и пачка яблочного сока вполне определенно об этом свидетельствовали.

Гийон протянул ей стакан воды. Кайлин в несколько глотков осушила его и поставила на стол.

— У меня синяк под глазом и на подбородке. Не думаю, что с таким лицом я смогу завтра выйти на работу.

— Неделю дома посидишь, — ответил Гийон как ни в чем не бывало.

— А что с Сианной?

— С ней все хорошо. Она не пострадала.

— Не сомневалась, — усмехнулась Кайлин и тут же схватилась за голову.

— Мне очень жаль, Кайлин, что все так получилось, но из этого тебе следует сделать определенные выводы.

— Мне, выводы? Они налетели друг на друга, словно голодные животные! Всем было наплевать на то, что происходит. И что? Дело обошлось погромом? Умер человек, Гийон. Ни в чем не повинный человек!

— Все несколько хуже, чем ты себе представляешь.

— Неужели...

— Да. Столкновение в медицинском центре переросло в массовые беспорядки в городе.

Кайлин отняла руку от головы и посмотрела на Гийона:

— Какие беспорядки?

— Коренные жители вышли на улицы. В новостях прогремел репортаж о невинной жертве потасовки с пробужденными в приемном отделении. И, к сожалению, жертва оказалась коренной жительницей.

— Так вот почему вы здесь... — Кайлин запнулась, подбирая слова — ...попиваете...

— Сейчас каждый квартал пробужденных оцеплен. Надеюсь, толпа не прорвет посты.

— Надеетесь? По-моему, вы пьете сейчас!

— А что еще остается, — рассмеялся Маркус и поставил перед Кайлин кружку с горячим чаем.

— Тихо что-то для беспорядков.

— Они еще не дошли сюда.

— И когда сей великий час наста...

В воздухе раздался мощный взрыв. Кайлин не поняла, что произошло. В следующий момент она лежала на полу, придавленная чьим-то телом. Ощущение было таким, будто ее барабанные перепонки лопнули в один момент. Все погрузилось в монотонный гул, и Кайлин закричала, не слыша собственного голоса.

Кто-то сполз с нее и, схватив за живот, потащил за собой по полу. Вспышка света ослепила Кайлин, волна воздуха выбила стекла в доме и накрыла ее на полу, отбросив к холодильнику.

Кайлин открыла глаза и увидела Маркуса, лежащего рядом с ней и кричащего что-то Гийону.

Кайлин закрыла слезящиеся глаза и зажала уши руками. Кто-то оттащивал ее в сторону. Некто ущупывал ее тело. Он начала извиваться на полу, пытаясь оттолкнуть от себя эти чужие руки. Пощечина быстро привела ее в чувства. Кайлин распахнула веки и встретилась с красными глазами.

Его лицо, мерцавшее в темноте неоновыми импульсами на искусственной коже, нависло над ней. И красные с багрово-красным оттенком радужки почти скрытые расширившимися зрачками, на дне которых она ничего, кроме темноты не увидела, повергли ее в шок.

Видение длилось всего несколько секунд, пока Гийон не отвернулся.

Остальное она помнила смутно. Искореженная мебель ее нового дома, фары патрульных машин, люди, не понимающие, что произошло, раненые, беспомощные, высыпающие на улицу из своих домов, машины скорой помощи и пожарной охраны, разбитые и смятые автомобили, деревья, выкорчеванные из земли и военные, снующие вокруг с фонариками в руках. Что это было? Что произошло? Война? Но как? Почему? Против кого и кто ее начал?

Кайлин больше не видела Гийона. Он оставил ее с Маркусом на кухне и скрылся где-то в холле. Маркус помог ей подняться с пола и под руку вывел из дома. Кайлин еще несколько раз оборачивалась назад, пытаясь найти там, позади себя, человека, в глазах которого ничего, кроме пустоты не увидела. Но так и не нашла. Он ушел. От нее ушел. И унес что-то вместе с собой. Что-то, что отнял у нее без разрешения...

Ответственность за теракт взяла на себя организация "За свободу от нестабильности". В четырех микрорайонах, где жили в основном пробужденные, одновременно прогремело два взрыва. По прошествии недели участников и организаторов удалось обнаружить. Это были шестеро молодых коренных людей. К этому времени число погибших возросло до сорока двух человек. Большинство — пробужденные. Пострадало порядка трехсот мирных жителей. В городе на т дни дня было введено военное положение.

Куда подевались разгневанные коренные, громящие на своем пути все, что попадалось им под руку? Где спряталась эта всеобщая ненависть? Город замер в ожидании. Дни

сменяли друг друга, как слайды во время презентации. Закат, затем снова рассвет, и все для Кайлин повторялось сначала.

Завтрак в пустой палате. Лицо Маркуса, заглянувшего к ней ближе в полудню. Несколько ободряющих фраз и выдуманные "приветы" от ее коллег. Визит лечащего врача. Опять ободряющие фразы и фальшивые улыбки. Обед. Процедуры. Сон. Лицо Ено постоянно дежурившего возле ее палаты и заглядывающего только тогда, когда она его звала. Ужин. Программа новостей. Электронная книга. Вечерний обход и долгая ночь без сна. И ни одного визита Гийона. За семь дней, что она провела в этой палате, ее опекун ни разу к ней не пришел. А чего она хотела? На что рассчитывала? Что он прибежит к ней, возьмет за руку и скажет, что все будет хорошо? Или хотя бы вообще придет к ней...

Маркус предлагал Кайлин помощь в восстановлении ее дома. Хотел все отремонтировать к ее возвращению. Но она наотрез отказалась. Однажды ночью, последней ее ночью в этой палате, она задумалась над тем, что так и не побывала на могиле родителей и брата, если таковые вообще сохранились. Кайлин дала себе слово, что обязательно съездит к ним. Ну, хотя бы попытается их найти. Когда? На свой день рождения. Как раз, за неделю она сможет купить машину и подтвердить свои водительские права для вождения наземного транспорта. Да, неделя — это достаточный срок.

В день выписки Маркус приехал за ней с цветами. Это были темно-фиолетовые розы. Красивые цветы. И холодные. Пожалуй, даже слишком холодные в своей красоте.

Маркус с Ено отвезли ее домой. Не смотря на все заверения Маркуса, что он только поменял окна в ее жилище, Кайлин прекрасно видела все метаморфозы, которые здесь произошли за время ее отсутствия. Даже старомодный почтовый ящик стоял на месте старого.

Маркус проводил Кайлин внутрь, в то время, как Ено принял решение подождать его в машине. В доме рабочие постарались на славу: все было восстановлено точь-в-точь, как раньше, и большой кожаный диван в гостиной снова стоял на прежнем месте.

— Нравится?

— Спасибо тебе, Маркус. Не знаю, как буду рассчитываться с тобой.

— Об этом не беспокойся. Страховка покрыла все расходы.

— А как ты получил деньги?

— Их получил Гийон как отвой опекун.

— Что ж, спасибо хоть за этот жест доброй воли.

— Зря ты так...

— Странно это произносить вслух, но ты, Маркус, единственный близкий для меня человек в этом мире. Как жаль, что не ты стал моим опекуном.

— Я бы не справился с этой миссией, — засмеялся Маркус.

— Да, для того, чтобы управлять другим человеком, нельзя испытывать никаких эмоций, только холодный расчет. А ты, Маркус, слишком человечный для этого.

Маркус повернулся к ней, и Кайлин не узнала его. Лицо друга перекошило. Он смотрел с осуждением и некой злобой, льющейся на нее из глубины его серых глаз.

— Гийон спас тебе жизнь, Кайлин. Как только Сианна позвонила ему и доложила о том, что не смогла вывести тебя из толпы, Гийон, не раздумывая, бросился за тобой. Это он достал тебя оттуда. Хотя мог этого и не делать. Он остался присматривать за тобой в тот вечер, хотя мог доверить эту миссию мне или Ено. Он спас тебе жизнь в ту ночь, закрывая собой от ударной волны. И теперь ты стоишь здесь, живая и невредимая, и говоришь о нем,

как о бессердечном ублюдке? Это ты, увидев его без экрана на глазах, испустила такой крик, будто на тебя смотрел зверь, а не человек. И не думай, что ему все равно. Он ушел, потому что не хотел больше тебя пугать. Так кто после этого более человечный, Кайлин: ты или твой опекун?

Маркус вышел из ее дома, громко хлопнув дверью. Кайлин еще несколько минут простояла на одном месте с цветами в руках, а потом швырнула букет в стену и расплакалась.

"Тяжело это — смотреть в глаза человеку, перед которым чувствуешь свою вину. И не выносимо, когда понимаешь, что он не в состоянии тебя простить. Только теперь я это понимаю. Так смотрела на меня моя мать. Когда мама умерла, прощение уже не имело никакого смысла. Только потом, погибая на больничной койке в своей палате, я действительно пожалела о том, что так и не смогла простить ее. Это был мой крест, не ее. Только мой..."Из разговора от 21.11.3565

Гийон впервые в жизни почувствовал, что не хочет идти на работу. Все эти дни он старался просто не вспоминать о существовании Кайлин. Но сегодня он увидит ее снова. Черт бы побрал эту убогую!!! Гийон пытался убедить себя в том, что для него эта женщина — вообще никто. И уж ее отношение к нему его волнует меньше всего на Свете. Только вот боль внутри до сих пор не потухла и не растворилась.

Утром в день ее возвращения на работу он долго смотрел на себя обнаженного в зеркале в ванной. Настоящий получеловек... Злосчастная граница искусственной кожи переходила с его шеи на грудь, левая половина которой давно уже была не его собственной. Где-то под ребрами линия наискось пересекала мышцы живота и ускользала на бедро. Стальное бедро...

Невады никогда не чурались его тела. Наоборот, оно привлекало их. Особенно им нравилось это мерцание, которое играло синеватыми огоньками в темноте. И никто из них не смотрел в его глаза с тем ужасом, с которым посмотрела она.

— Будь ты проклята!!! — прокричал Гийон, и со всей силы ударил стальным кулаком в зеркало.

Кайлин с Ено приехали на работу раньше всех. Ено за всю дорогу не проронил ни слова. Она тоже не пыталась поддерживать разговор. В другой день это могло бы ее несколько напрячь, но только не в этот. Наверное, программа Ено была слишком хорошо написана, и робот без труда мог различить моменты, когда человеку требуется общение, а когда лучше оставить его в покое наедине со своими мыслями.

Сианна и Рихтор появились первыми. Сухо поздоровавшись, они даже не сочли нужным изобразить на лицах хоть какой-нибудь намек на улыбку.

— Рано тебя выпустили, — заметила Сианна, переворачивая страницы утреннего меню.

— Ты так говоришь, будто я побывала в тюрьме.

— А ты, разве не знала, что твое лечение было принудительным?

— То есть? — не поняла Кайлин.

— Гийон распорядился, чтобы тебя оставили в больнице во что бы то ни стало, а выписали только с его письменного разрешения.

— Что ж, по крайней мере мое заключение было не долгим и вполне тер-пи-мым.

Гийон присел на стул напротив Кайлин и, произнеся нечто вроде "здравствуйте", занялся изучением меню. Кайлин еще в течение нескольких минут молча наблюдала за ним, но он, казалось, вообще не замечал ее присутствия за этим столом.

— Всем привет! — бодро поздоровался Маркус и присел на стул рядом с Кайлин. — Как дела? — обратился он ко всем присутствующим.

Все сделали вид, что вопрос был риторическим.

— Хорошо день начинается, — засмеялся Маркус и стукнул Кайлин по спине.

— Да, сколько можно?

— Пока сутулиться не перестанешь.

— Старую собаку, как говорится... — прокомментировала Сианна и подняла руку, чтобы пригласить официанта.

— А это что? — спросил Маркус, заметив на коленях у Кайлин какие-то бумаги.

— Ничего.

— Так уж и ничего, — ответил он и выдернул листы из ее сжатых пальцев.

— Отдай!

— Подожди-ка! Нет, ну вы гляньте! Разрешение на вождение наземного легкового автотранспорта. И Центр эти бумажки уже подписал.

— Маркус, отдай немедленно!

— Так дело же за малым! Гийон, подпиши ей разрешение на вождение, и наш Ено больше не будет по утрам отвозить ее на работу.

Гийон оторвался от меню и посмотрел на Маркуса.

— С какой стати я должен подписывать ей разрешение?

Кайлин от неожиданности даже приоткрыла рот.

— Ну, — замялся Маркус, — мне же ты без проблем его подписал...

— В том, что ты отвратительно водишь автомобиль, я убедился лично. А вот как водит автомобиль Кайлин мне не известно.

— Ты предлагаешь ей сдать тебе экзамен?

— Хорошая идея, — улыбнулся Гийон.

Кайлин прочла в этой улыбке сарказм. Он не станет подписывать эти документы. И экзамен она никогда не сможет ему сдать...

Горло Кайлин свело судорогой. Что она могла предпринять в ответ на это? Ничего! Без подписи опекуна на разрешении ей не видать водительских прав, как своих ушей.

— Прекрасный ход, — ответила Кайлин и вырвала документы из рук Маркуса.

— Это — не шахматная партия, Кайлин, и я — не твой противник.

— Нет. Ты мой кукловод.

Гийон захлопнул папку с меню и бросил ее на стол.

— Ты нашла подходящее определение, "куколка".

— Я не "куколка". По крайней мере, не твоя "куколка".

Гийон наклонился через стол и заглянул ей в глаза. О-о-о! В них полыхал настоящий гнев!

— А разве найдутся еще претенденты на роль твоего покровителя?

Да, это было низко. И он, черт возьми, знал об этом. Но сейчас, глядя в ее глаза и читая в них боль и уязвимость, он почувствовал себя отомщенным.

Кайлин побагровела на глазах и, не стерпев унижения, бросила бумаги, что держала в руках, ему в лицо.

— Итак, — как ни в чем не бывало, продолжил Гийон, — на этом закончили. Теперь о работе. Тебе, куколка моя, предстоит сегодня поработать с Ено. Он покажет тебе записи осмотров домов остальных жертв. А ты попробуешь напрячь свои мозги и выдать очередную стоящую мысль. Можешь всего лишь одну. Большого я от тебя не требую.

— Что еще? — спросила Кайлин, откидываясь на спинку стула и складывая руки на груди.

— Мало? Тогда закончи клеивать бумажки, которые до сих пор разбросаны по всей моей комнате.

— Моей комнате, ты хотел сказать.

— Нет, эта комната — моя, а ты в ней всего лишь гость. Так что изволь навести там порядок.

— Еще что-нибудь? — сладким голосом повторила Кайлин и натянуто улыбнулась.

— Пока — это все.

— Да, совсем забыла сказать: если еще раз ты позволишь себе порыться в моих личных вещах, я разгромлю твой кабинет.

Гийон сдвинул брови и вопросительно посмотрел на нее.

— Какие вещи?

— Мои вещи в моем доме.

— Кто-то был в твоём доме?

— Только не прикидывайся! — повысила тон Кайлин и наклонилась к нему. — Я пока еще в состоянии понять, рылся кто-нибудь в моих вещах или нет!

Гийон посмотрел на каждого из сидящих за столом, а затем перевел взгляд на Кайлин:

— Когда ты это обнаружила?

— Вчера вечером. Стоило на несколько часов в магазин отлучиться, и на тебе...

— У тебя в доме установлена охранная сигнализация. Код от нее известен только мне. И вчера вечером в доме у тебя был не я.

Кайлин рассмеялась. И хотя сторонний человек мог бы подумать, что ей весело, Гийон уловил истерические нотки в этом смехе.

— Успокойся, — приказным тоном ответил Гийон, и Кайлин, как это ни странно, замолчала. — Как ты определила, что в доме кто-то был?

— Я никогда не закрываю за собой двери, ты знаешь почему. А когда я вернулась вчера двери в подвал и мою спальню были закрыты.

— Это все?

— Нет, — замялась Кайлин и умолкла.

— Ну? Говори, что еще?

— Мой компьютер. Кто-то его включал.

— Компьютер?

— Да. Такой же обрuch, как и у вас всех.

— И ты оставляешь его дома?

— Да, — пожала плечами Кайлин.

— Зачем тебе портативный контактный ПК?

— В смысле?

— Кайлин, у тебя какое-то странное мышление. Это средство связи прежде всего. Его придумали для того, чтобы носить с собой. Кроме того, если там хранятся твои личные данные, зачем оставлять его дома?

— Не знаю. Связь мне не нужна: Ено и так за мной по пятам тягается. А носить его с собой — зачем? Я не работаю на нем, так, развлекаюсь.

— И давно ты знаешь, что Ено приглядывает за тобой?

— Да, почти сразу поняла. Чуть что — Ено через десять минут у меня. Даже подумывала, не пригласить ли его в дом: пусть лучше на диване сторожит, чем под забором в кустах прячется. А потом решила, что ему все равно.

— Все ясно. А как ты определила, что компьютер включали?

— Размер головы у меня не такой большой, как у того, кто его на себя примерял.

— Рихтор, ты с группой криминалистов едешь в дом к Кайлин.

— Постойте, это значит, что никто из вас вчера у меня не был?

Все уставились на нее, как на умалишенную.

— И это значит, что вчера я могла встретиться лицом к лицу с тем, кто это сделал?

— Тебе повезло, — ответил Гийон. — В следующий раз может не повезти. Я вообще не понимаю, какого черта ты сразу не забила тревогу? Ты приходишь к себе домой, понимаешь, что кто-то без спросу к тебе вломился и что?

— Но, я же была уверена, что это ты?

— Не будь дурой!!! Если мне будет нужно, я приду к тебе сам и залезу туда, куда захочу!

И ты ни черта с этим не сможешь поделать!

Кайлин снова рассмеялась. Но на этот раз искренне, до слез в глазах.

— Что-то тебе слишком весело.

— Знаешь, а я думала, что они это дело на тормозах спустят.

— Какое дело?

— А ты не знаешь?

— Не понимаю, о чем ты...

— Да, ну... Гийон, не делай из меня идиотку. Или...

Кайлин прищурилась и рассмеялась еще сильнее.

— Что опять?

— Ты не знаешь!!!

— То есть?

— Ты не знаешь, что ищешь! Как же я сразу не догадалась? Ты ничего не знаешь!

— А ты, насколько я могу судить, в курсе происходящего.

— Ну, так, осведомлена немного. Вот только не помню я того, что им нужно.

— Кому нужно?

— Всем, Гийон. Всем, с кем я имела честь общаться в этом мире.

— И тебя это веселит...

— Да!

— То есть, тебя даже не настораживает тот факт, что в твой дом вламываются без спроса и ищут то, чего ты, якобы, не помнишь?

— Угу, — кивнула Кайлин и отпила остывший кофе из стаканчика.

— Ты — ненормальная.

— Ты не первый, кто мне об этом говорит.

Несмотря на столь яркую реакцию на происходящее, Кайлин, в действительности, испугалась. Что же их остановит? И остановит ли вообще? О, да, она знала, зачем они пришли в ее дом. И самым пугающим в этом всем было то, что они могли найти зацепки, которые искали. А если нашли, то рано или поздно, они доберутся и до своей цели. Кайлин передернуло от этой мысли. В молчании допивая свой утренний "Латте", она начала лихорадочно соображать.

Что, если брат сотворил еще что-нибудь? Что-то, что могло бы навредить гораздо больше, чем то, что они создали вместе? Черт-черт-черт! Прикусив нижнюю губу, она на мгновение прокрутила в голове возможные варианты, и, наконец, приняла решение. Нужно его навестить. Его и родителей. Если есть, конечно, что навещать. Полторы тысячи лет

прошло. Война... И ехать далеко... Кайлин посмотрела на Гийона.

— Ну, говори, — ответил он, будто прочитал ее мысли.

— Я бы хотела навестить своих родственников.

— Могилы?

— Да. Я ведь имею на это право.

Гийон в течение нескольких секунд смотрел на нее, а затем спросил:

— Они значатся в списках официальных захоронений?

— Нет.

— Значит, могил уже нет.

— Я согласна просто постоять на земле, в которой они лежат.

— И ты знаешь, где искать эту землю?

— Четыре тысячи километров отсюда.

— Что?

— Четыре тысячи...

— Они что, покоятся на Северном полюсе?

— Я там родилась.

— А сюда переехала позже?

— Да.

— Ладно, а где это вообще?

— На охраняемых землях.

Гийон тяжело вздохнул и подпер рукой подбородок.

— Там нет воздушных трасс. В заповедниках запрещено летать, перемещаться по земле со скоростью, выше ста восьмидесяти километров в час, и нельзя справлять нужду на природе. Ну, скажи, хотя бы, что это на окраине охраняемых земель?

— Нет, — покачала головой она. — В центре. Три тысячи километров по заповедникам.

— С тобой не может быть все просто. И когда ты хочешь их навестить?

— Я планировала завтра выехать. Если Ено поедет со мной, мы справимся за два дня.

— Поэтому ты собиралась получить права? Чтобы вести машину самостоятельно?

— Да, — соврала Кайлин, которая только пять минут назад решила ехать именно завтра.

— Ено останется здесь.

— Тогда, Маркус?

— Я и Маркус. На моей машине. И за рулем только я.

— Зачем тогда мне ехать? — пожал плечами Маркус.

— Боюсь, если поеду я один, Кайлин назад уже не вернется...

Гийон не был дураком и понимал, что Кайлин едет не просто на кладбище к давно усопшим родственникам, она отправляется на поиски чего-то. И решение о поездке она приняла не давно, а только что, после того, как поняла, что в ее доме побывал незнакомый ей человек. Кто же это мог быть? Ясно, что не профессионал. Обученный таких элементарных ошибок бы не совершил.

Гийон внимательно посмотрел на Кайлин. В ее внешнем облике ничего не изменилось, но глаза... Гийону показалось, что ее глаза словно мечутся в поисках неких ответов. Что ж, он поедет вместе с ней. Кто знает, может, и ему в этой поездке доведется узнать нечто новое.

К концу рабочего дня у Кайлин разболелась голова. Она пересмотрела по нескольку раз

записи осмотров мест преступлений с Ено. Возможно, займись она этим делом в другое время, когда все ее мысли не были бы заняты прокручиваем возможных вариантов дальнейшего развития событий, Кайлин и смогла бы найти какие-нибудь зацепки. Но, увы...

Рихтор с группой экспертов разгромили ее дом всего за несколько часов. И ладно, если бы они хоть что-нибудь нашли. Только разбросали все и перевернули вверх тормашками. Кайлин, глядя на этот бардак, подумала было, что Рихтор специально все это учинил, но потом ее совесть выиграла: наверняка, если бы они разложили все вещи по своим местам, осмотр занял бы не два часа, а два дня.

Ровно в шесть утра Кайлин с небольшой дорожной сумкой в руках стояла в дверях собственного дома. Гийон опоздал всего на несколько минут. Его красный "ягуар" бесшумно подъехал к ее дому и из него вылез заспанный Маркус, который и забрал у нее из рук сумку.

— Куда мне садится? — спросила Кайлин, останавливаясь у машины.

— Вперед, — скомандовал Маркус и открыл перед ней дверь.

— Уверен?

— Сзади тебя точно укачает.

— И то верно, — вздохнула она и села в машину.

Гийон не стал здороваться с ней. Едва ли посмотрев в ее сторону, он тут же хмыкнул и отвернулся.

— И тебе "привет", — громко произнесла Кайлин.

— Загружай маршрут, — пробурчал он и повернул к ней панель бортового компьютера.

Кайлин, конечно, знала, что следует делать, но, взяв в руки свой контактный обрuch, на мгновение растерялась. Этой задержки было достаточно, чтобы Гийон выхватил ПК у нее из рук и занялся всем собственноручно.

— Все, — промычал он, — пристегивайся.

Кайлин даже не успела накинуть лямки ремня безопасности, как Гийон рванул с места и пошел на взлет. Спустя полтора часа, когда Маркус окончательно проснулся, а Кайлин перестало мутить, Гийон, наконец-то, подал голос.

— Почему ты решила сделать это именно сейчас?

— Родных навестить?

— Да.

— Никогда не откладывала дела в долгий ящик.

— Ты говоришь об этом, как об обязанности.

— Да, я не испытываю радужных эмоций, навещая близких мне людей там, где их давно уже нет. Поэтому, я отношусь к этому, как к обязанности.

Гийон задумался над ее словами. Он давно не был у Марти и Джерома. Может, потому что тоже не ощущал их присутствия там? Скорее, это был способ вспомнить, поговорить с самим собой, обращаясь при этом к тем, кого уже никогда не будет рядом.

— Да, наверное, это наш, чисто человеческий способ показать самим себе, что мы все еще помним тех, кого любили когда-то.

— Наверное, — согласилась Кайлин и отвернулась к окну.

Жизнь продолжалась. Одни уходили, оставляя после себя воспоминания, которые со временем стирались и из памяти потомков. Все, по сути, сводилось к приобретению опыта и дальнейшему развитию. Все правильно, и даже не жаль. В свое время ей было все равно, вспомнят о ней или нет. Почему с другими должно быть иначе?

— Странно даже, — хмыкнула Кайлин и обернулась к Маркусу. — Я знаю, что такое

смерть, и все равно боюсь умирать. Почему?

— Потому что знаешь, что не проснешься в следующий раз.

— А я и не хотела просыпаться.

— А чего ты хотела? — не выдержал Гийон.

— Умереть... — ответила Кайлин и снова прислонилась к стеклу.

Гийон долго обдумывал свой следующий вопрос, управляя машиной в тишине.

— Ты сама сделала это? — наконец, произнес он.

— Желание умереть не всегда приводит нас к суициду, Гийон.

— У тебя был сломан позвоночник, и руки тоже...

— И ноги, и таз, если тебе не все рассказали. А еще я пережила две операции. И что?

Вы решили, что я сделала это сама? Прыгнула с крыши или на полной скорости вылетела с моста?

— А ты вылетела?

— Да, вылетела. Только не с моста, а с трассы на обочину.

— И что?

— И все, Гийон. И все...

Он понял, что больше она ничего не ответит. Итак, можно сказать, разговорилась.

Кайлин огляделась по сторонам и поняла, что в небе, кроме них, почти нет машин.

Вдали виднелась граница территории, которая чем-то напоминала особо опасную зону. По крайней мере, многочисленные кричащие вывески и знаки, запрещающие дальнейшее движение по воздуху, указывали на это.

— И много таких земель осталось? — спросила Кайлин, припадая головой к стеклу.

— Нет, — ответил Гийон. — Наши предки умудрились уничтожить практически все.

— Странно это. Здесь все такое неживое, а там, кажется, виднеется лес.

— Там очень красиво, — оживился Маркус, наклоняясь сзади к Кайлин.

— Бывал на охраняемых территориях?

— Конечно. Многие хотели бы поселиться именно там, но разрешение получили только коренные жители этих мест.

— Я читала, что там довольно много маленьких экологических городков.

— В основном, там живет обслуживающий персонал и те, кто зарабатывают на туризме.

Гийон начал снижаться и Кайлин снова вдавило в сидение.

— Ух-х-х!!! — взвизгнула она и засмеялась.

Гийон мельком посмотрел на нее и не узнал. Она смеялась, словно ребенок, попавший в парк аттракционов. Он немного притормозил и, поднявшись вверх, вновь полетел вниз.

— Я смотрю, ты начинаешь получать удовольствие от полетов? — заметил Маркус, вжатый в заднее сидение.

— Да, наверное, я все-таки, научусь летать на этих машинах.

— Любишь скорость? — спросил Гийон, приземляясь на пустынную дорогу.

— Всегда любила. Только мы о разных скоростях говорим.

— Это потому, что не ты сидишь за рулем.

— Нет-нет. Ты слишком быстро реагируешь на ситуацию. Я не успеваю за тобой.

— У меня возможности зрения повыше, чем у тебя.

— Уж не знаю, повезло ли тебе, — засмеялась Кайлин и тут же умолкла. — Извини, я не имела в виду, что...

— Ты всегда говоришь первое, что приходит тебе в голову?

— Ну, да, наверное.

— В жизни от этого бывает много проблем.

— Кому, как не мне об этом знать. А не могли бы мы остановиться где-нибудь?

— Тебе "где-нибудь" или там, где есть туалет? — спросил Гийон и усмехнулся.

— Второй вариант, пожалуйста.

Придорожное кафе, возле которого остановился Гийон, располагалось прямо у пропускного пункта на охраняемую территорию. Кайлин предложила ребятам перекусить "на дорожку", но Гийон в довольно резкой форме напомнил ей о том, что ехать еще примерно сутки и времени "на покушать" у них нет.

Кайлин все же заказала обед на вынос и, усевшись в машину, громко произнесла:

— Мням-мням.

— Иногда мне кажется, что тебе не двадцать семь лет, — улыбнулся Маркус и выдернул у нее из рук один из пакетов. — Картошечка! О-о-о! Ребрышки!!! Гийон, ты уверен, что не хочешь поесть?

— Нет, спасибо, — ответил он, вдыхая приятный аромат мяса, приготовленного на гриле.

На посту охраны их досмотрели, как последних рецидивистов. Выдав, на прощание, по пластиковой карточке с надписью "разрешено", им напомнили о правилах поведения на охраняемых территориях и пожелали счастливого пути.

— Ну, объясните мне, почему запрещено ночевать в лесу и купаться в озерах?

— Это не безопасно, — пробурчал Гийон.

— А как же пикники, чистый воздух и все такое?

Гийон даже закашлялся. Она была уверена в том, что это место абсолютно безопасно и прямо-таки пышет здоровьем.

— Здесь много диких зверей, которых никто не отстреливает, а после купания в озере с тебя может слезть кожа.

Кайлин подавилась картошкой.

— Кожа слезть?

— Здесь все заражено, понимаешь? — с набитым ртом ответил Маркус. — Да, не настолько, как в других местах, но все же.

— Но, люди же купаются на пляжах!

— В курортных зонах стоят оградительные барьеры с фильтрами. А здесь природа излечивает себя сама.

Кайлин на мгновение умолкла.

— Все угробили...

— А ты в этом сомневалась?

— Я жила во времена, когда люди гуляли по лесу, собирали ягоды, грибы и купались в озерах.

— Сейчас ты живешь во времена, когда грибы и ягоды в лесах не растут.

— А люди, рожденные много лет назад, больше не являются хозяевами собственной жизни, — закончила за него Кайлин.

Солнце вошло в зенит, когда Кайлин задремала. Ей снился их загородный дом, куда они с семьей приезжали на выходные: тихий скрип половиц под босыми ногами, старый диван на веранде с давно просевшими пружинами и теплый плед, покалывающий кожу оголенных рук. Она ощутила смолянистый запах деревянного дома, нагретого на солнце, аромат

свежескошенной травы и яблок, еще недавно упавших с дерева... Казалось, вот-вот, и она сможет побежать вперед по полю, раскинув свои руки по сторонам и задевая ладонями высокую траву, вдыхая теплый воздух и слушая ветер, что бьет ее по лицу. Она могла бы залезть на старый дуб, одиноко возвышающийся на окраине поля позади их дома, и показать брату язык. Она могла бы... могла...

Кайлин проснулась, когда вокруг начало темнеть. Незаметно солнечный диск начал опускаться за линию горизонта и небо, все еще полыхающее жаром красного оттенка, стало сереть.

— Нужно найти туалет, — пробурчала Кайлин, снова закрывая глаза.

— Скоро будет городок.

— Да-да, — ответил Маркус, — иначе я нарушу закон и схожу в кусты.

— Заплати штраф и иди! — засмеялся Гийон.

— Кому, тебе?

— Можешь, мне. Я использую его по назначению.

— Тоже в кусты пойдешь? — промямлила Кайлин и усмехнулась.

Гийон посмотрел на нее, и что-то сжалось в его груди. Она отстегнула ремни безопасности и подперла коленями подбородок. Волосы спутались на ее затылке, выбиваясь отдельными прядями по сторонам. Днем они казались золотистыми, а сейчас приобрели коричневатый оттенок. Заспанные глаза, чуть приоткрытые, спрятанные под вуалью из темных длинных ресниц. Алеющий на щеке красный след от собственного колена, на котором она спала все это время, и высохшие губы, которые она то и дело обводила своим языком. Все это придавало ее общему облику некую трогательность, которая грозила прикоснуться к его существу и вызвать в нем заметное волнение.

Гийон снова уставился на линию горизонта перед собой. Выдержав всего лишь несколько минут, он снова посмотрел на нее. Взгляд его упал на ее грудь, спрятанную под рубашкой из хлопчатобумажной ткани. Кайлин не заметила, что пуговичка ее ворота давно расстегнулась, а Гийон не стал ей говорить, что с его места ему прекрасно видно очертание ее белоснежной груди и кусочек бледно-розовой плоти, кричащей о том, что соски ее все-таки нежно розовые, а не темно-бежевые, как у женщин из его времени.

— Перестань, — тихо прошептал знакомый голос с заднего сидения прямо ему на ухо.

Гийон резко отвернулся, и чуть было не потерял управление. Кайлин ударила головой о стекло и тут же окончательно проснулась.

— Ты что? — не поняла она, опуская ноги на пол.

— Ничего. Скоро остановимся.

— Ты целый день за рулем. К тому же и не ел ничего. Так дело не пойдет.

— Может, переночуем где-нибудь в гостинице? — предложил Маркус и зевнул.

— Ты так говоришь, будто здесь через каждый километр выстроен отель.

— Ну, указатели на населенные пункты я видел.

— Я тоже, — подала голос Кайлин.

— Во сне, что ли?

— Значит, мы с Маркусом видели один и тот же сон. Или нет, постой, это ты спал за рулем, а мы читали знаки.

— Опять начинаешь? — со злостью прошипел Гийон и "ударил" ногой по тормозам.

Кайлин, отстегнувшую ремни безопасности, сначала придавило к приборной панели, а затем отбросило на спинку сидения. Маркуса зажало между Кайлин и Гийоном. Сыпля

нецензурной бранью, он все-таки смог выбраться, поцарапав при этом свое плечо.

— А теперь, — спокойно ответил Гийон, — оба пристегнулись и закрыли свои рты.

— Ну, ты и засранец, — закричала Кайлин и, дернув ручку дверцы, вышла наружу.

Солнце уже скрылось за горизонтом, и пространство вокруг погрузилось в сумрак. Дорога, по которой они ехали в полном одиночестве, просматривалась на несколько километров вперед, окруженная кромкой леса. И никого вокруг.

Странно было смотреть на этот пейзаж. Он словно на миг всплыл перед ее глазами и обязательно должен был раствориться в другой реальности через мгновение.

Кайлин пересекла обочину и начала спускаться в овраг, поросший дикими кустарниками и иссушенной высокой травой. Здесь было довольно холодно, но кровь Кайлин уже закипала от гнева, и даже ветки кустов, что цеплялись за ее руки, оставляя тонкие полосы на бледной коже, она перестала замечать. Кайлин продолжала свой путь вниз, быстро погружаясь в темноту и заросли, пока не услышала разъяренный голос где-то за своей спиной:

— Куда ты собралась?! Здесь нельзя этого делать!!!

— Поцелуй меня в зад, проклятый ублюдок! — прокричала в ответ она и тут же почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног.

Цепляясь за колючие ветки вокруг, она попыталась удержаться на месте, но ноги увязли по самые колени и достать их она уже не могла.

— Маркус! — прокричала она в тишину. — Маркус!

— Да, Кайлин?

— Помоги!

— Сама вылезай, раз такая смелая!!! — проорал Гийон вместо него и вернулся в машину.

Маркус не стал долго раздумывать, и остался на своем месте.

— Уроды!!! — завопила Кайлин и попыталась пошевелить ногами.

Спустя пять минут, проведенных в абсолютной тишине, Маркус вдруг подал голос.

— Знаешь, там холодно, все-таки. А у женщин сразу после таких вот прогулок циститы обычно бывают. Потом будет проситься каждые три минуты. Оно тебе надо?

Гийон вышел из машины и, присев в пол-оборота на капот, посмотрел на Маркуса, стоящего на обочине.

— Цистит? Ты в своем уме?

— Ну, ты же был женат. Знаешь, что...

Пространство вокруг расколол жуткий женский крик. Гийон сорвался с места первым. Метнувшись вниз, куда спускалась Кайлин, он быстро достал из кобуры оружие. Внизу в кустах он заметил какое-то движение и замер, наведя дуло в ту сторону.

— Беги!!! — проревела Кайлин, поднимаясь вверх, цепляясь руками за кусты и траву на своем пути, и волоча босые ноги за собой.

Оглушительный рев раздался вокруг и Гийон понял, что рядом с ними далеко не мирный дикий зверек, а один из хозяев здешних мест — медведь.

Кайлин вообще не знала, каким чудом выбралась из трясины и куда вообще ползет. И когда дальний свет неоновых фар ударил ей в глаза, поняла, что двигалась в правильном направлении.

Позади раздался треск ломающихся веток и рев животного, потерявшего ориентацию и в панике мчащегося не в сторону от света, а прямо на него... То есть, на нее... Кайлин

замерла на месте, не способная на дальнейшее движение. Она застыла, погрузившись в мир животного страха и безысходности.

Чья-то рука схватила ее за запястье и резким движением потянула за собой. Кайлин словно куклу отбросило в сторону и придавило к земле чьим-то телом. Она закрыла глаза. Такого страха она никогда не испытывала в своей жизни. В одно мгновение она почувствовала всю свою слабость и беспомощность перед тем, кто мог убить ее одним движением когтистой лапы. И некуда бежать. И негде скрыться.

Кайлин сильнее зажмурила глаза и вжалась в теплое тело, лежащее на ней. Едва уловимый аромат мужского парфюма проник в нее вместе с воздухом и волной дрожи разлился внутри. Свет погас, и животное метнулось куда-то в сторону, с треском ломая ветви и уносясь все дальше в заросли.

Кайлин перестала дышать. Она будто все еще стояла там, в грязи, и не могла выбраться. И треск веток за спиной как будто раздался только что. И вот-вот она обернется и поймет, кому принадлежит темная фигура вдалеке...

— Дыши, — прошептал тихий голос ей на ухо, и Кайлин, открыв глаза, плотнула кислород.

Гийон раскинулся на ней, словно на мягком матрасе, и, кажется, его это нисколько не напрягало. В отличие от самой Кайлин, которая ощутив всю тяжесть огромного мужского тела на себе, была не в состоянии даже пошевелиться.

Кайлин почувствовала, как его нос прикасается к ямочке за ее ушком, как его дыхание согревает ее холодную кожу, как его губы, находясь всего лишь в нескольких миллиметрах от ее шеи, вот-вот опустятся вниз...

Гийон приподнял голову, и посмотрел на нее. Она уже не видела его лица в темноте, только понимала, что это его губы она хочет сейчас поцеловать, что это его неповторимый аромат врезается в ее память, пуская свои корни в ее подсознании.

Гийон чувствовал хрупкость ее тела, лежащего под ним. Он ощутил потребность смять его под собой, обездвигить, чтобы иметь возможность прикасаться к нему, где пожелает, иметь возможность изучать его своими руками и языком. Гийон хотел поцеловать ее, вобрать ее в свой рот, чтобы попробовать ее на вкус и ощутить, как она ласкает его в ответ.

Он напрягся, почувствовав настойчивую пульсацию в паху и боль, от соприкосновения его возбужденной плоти с плотной тканью его штанов.

— Он ушел, — прошептал Гийон, перестав дышать.

— О, Боже, — выдохнула Кайлин, осознав, что его губы отдаляются от нее.

Ее белье промокло, во рту у нее пересохло, а ощущать тяжесть его тела сверху стало слишком приятно. Она пошевелилась, пытаясь побороть свою собственную уязвимость и стыд. Она его хочет. Хочет его...

Кайлин начала извиваться под ним, пытаясь скинуть с себя.

— Прекрати!

— Слезь с меня!

— Не двигайся, — прошипел он, испытывая новую волну нестерпимой боли от ее прикосновений к его телу.

Кайлин снова заметалась под ним, цепляясь босыми ногами за его штаны.

— Где обувь потеряла? — попытался внятно произнести он.

— В трясине.

— Ты в трясине застряла? — сквозь туман в голове продолжал спрашивать Гийон.

— Да.

— Почему не сказала?

— Я звала на помощь.

— Значит, плохо звала.

И тут Кайлин нашла точку опоры для своего колена, несколько раз с силой уперев ногу ему в пах. С ее точки зрения "уперев". С ее точки зрения "с силой". На самом деле она поерзала по его плоти, замерев и надавив на прощание.

Тело Гийона охватила судорожная волна. Он скорчился над ней и откатился в сторону, зарывав от собственной беспомощности и боли, что обрушилась на него вместе с непрошенной разрядкой. И это она сделала с ним! Она заставила его кончить вот так...

— Извини, что мало, — прошептала она, неправильно интерпретировав его поведение.

— Какая же ты...

— Сволочь?

— Дура... — прохрипел Гийон, становясь на колени.

— Вы там вообще живы? — прокричал Маркус с обочины.

— Да! — ответила Кайлин и, не дожидаясь, пока Гийон поднимется с колен, поползла вверх.

"Мой брат всегда был максималистом. Все в своей жизни он доводил до конца. А если, знал, что не сможет закончить, не брался за дело вообще. Может это и плохо, может его самого это и погубило, но он, в отличие от меня не сдался и не опустил руки. И еще он никогда ничего не боялся. "Коллеги, руководство, люди, весь Мир — идите к черту, мне наплевать на всех вас". Я всегда осуждала его за это. И, почти в самом конце, казалось, даже остановила. Как же я ошиблась! Ведь мой брат в своей жизни все доводил до конца..."

Из разговора от 14.11.3565

Посмотрев на себя в свете фар, Кайлин ужаснулась. Ее белоснежная рубашка превратилась в черное рванье, а брюки, подранные на коленях и испачканные грязью, являли собой апофеоз всего произошедшего.

— В таком виде в свою машину я тебя не пушу, — раздалось за ее спиной.

— Не сомневаюсь... — промямлила Кайлин и села на переднее сидение.

Гийон не стал ее останавливать, и, скептически окинув свою одежду взглядом, сел в машину вслед за ней.

Он был раздражен. Он был зол. Он ненавидел ее за то, что она только что сделала и, в то же время, за то, что сделав это с ним, ничего не поняла.

— Будешь лично драить мой салон.

— Лучше я оплачу химчистку.

— У тебя талант вляпываться.

— Откуда мне было знать, что там медведь?

— Я же предупреждал, что здесь опасно. Но разве тебе до этого есть дело?

Кайлин ничего не ответила. Отвернувшись к окну, она закрыла глаза. Дрожь в теле до сих пор донимала ее, и унять этот непрошенный страх у Кайлин все еще не получилось.

— Успокойся, — прошептал Маркус, положив руку ей на плечо.

— Не могу. Черт!

— Здесь будет какой-то поселок, — сказал Гийон. — Остановимся. Может, там и заночуем.

Через несколько километров они действительно въехали с маленький городок. Хотя городом три кирпичных дома и магазинчик назвать было трудно.

Кайлин вышла из машины первой. Ничего не говоря, она сразу же направилась в магазин. Внутри было светло и продавец, юнец, лет шестнадцати, заметно живился, уставившись на нее в оба карих глаза.

— Здравствуйте!

— Привет, — ответила Кайлин и осмотрелась. — Туалет там? — спросила она, указывая пальцем на дверь с табличкой "десять кредитов".

— Да. Плата вперед.

— Это просто издевательство, — цокнула языком Кайлин и потянулась в карман порванных брюк.

Найти пластиковую карту она и не надеялась, но та, вопреки всем ее ожиданиям, была на своем месте. Когда Гийон и Маркус вошли в помещение следом, Кайлин уже закрывала за собой дверь "заведения".

— Здравствуйте, — заулыбался продавец, разглядывая Гийона.

— Одежду продаете? — спросил тот, не обращая никакого внимания на приветствие.

— Только рабочую.

— Где?

— Пройдите в конец того ряда. Там все разложено.

— А гостиница здесь есть?

— Это к тете Марте. Она в доме напротив живет.

Гийон подошел к ряду с рабочей одеждой и долго потирал затылок, разглядывая джинсы и майки, аккуратно разложенные в стопки перед ним.

Кайлин, тем временем, вернулась в торговый зал и подошла к нему со спины.

— А обувь где? — прокричала она, едва сдерживая ехидный смех.

— С другой стороны, — ответил продавец и уставился теперь уже на Маркуса.

— Увидеть в этом мире резиновые сапоги — настоящее чудо, не говоря уже о том, чтобы их надеть, — засмеялась Кайлин.

Гийон не обратил на ее реплику никакого внимания. Несколько минут он выбирал для себя джинсы и майку, после чего, перекинув обновки через плечо, направился к кассе.

— Тридцать кредитов, — улыбнулся юнец.

— За это? — возмутился Гийон.

— Да!

— Теперь понятно, почему здесь никто не ездит.

— Сейчас не сезон, — ответил мальчишка. — Вот, летом...

— Кайлин, ты скоро? — прокричал Гийон, недослушав.

— Да, сейчас.

— Пошевеливайся!

Кайлин вышла к ним с джинсами, майкой и резиновыми сапогами в руках.

— А лопаты у вас есть? — спросила она вполне серьезно.

— Да, а Вам какая нужна?

— Обычная.

— Сейчас принесу.

— Ты это серьезно? — вмешался Гийон. — Ты же говорила, что собираешься только навестить могилы, а не проводить эксгумацию?

— Нет, это я тебя закапать собираюсь.

— Я серьезно. Что ты задумала?

— Не твое дело.

Гийон несколько секунд размышлял, но потом все же принял решение промолчать. В любом случае, работать этой лопатой, судя по всему, придется ему.

Тетя Марта оказалась пышной женщиной в возрасте, которая тут же при виде посетителей на своем пороге принялась быстро говорить и активно жестикулировать руками.

— Конечно! Да-да-да! Вам сколько комнат? Две? Три?

При этом женщина забегала глазами от Гийона к Маркусу и обратно, явно пытаясь угадать, кто же из мужчин будет ночевать с девушкой. Гийон плотоядно улыбнулся и, хозяйским жестом обняв Кайлин за талию, ответил:

— Две комнаты.

— Хочешь спать с Маркусом? — недовольно промычала Кайлин, понимая, что судьба

ее уже предрешена.

Тетя Марта шутку не поняла и тут же выпучила оба глаза, разглядывая теперь уже только Маркуса.

— У моей жены необычное чувство юмора, — пояснил Гийон и сильнее прижал Кайлин к себе.

— Да-да. Тогда одна комната, для супругов, наверху, а Вам, молодой человек, я постелю на первом этаже.

Как только тетя Марта скрылась за дверью их с Гийоном комнаты, уведя Маркуса следом за собой, Кайлин со своей дорожной сумкой заперлась в ванной.

— Только быстро! Я тоже хочу помыться!

— Успеешь, — огрызнулась Кайлин, присаживаясь на пол и явно не торопясь раздеваться.

Гийон не стал ее ждать, и принесенный в номер ужин съел один. Когда Кайлин вышла из ванной в леггинсах и широкой рубашке поверх, Гийон уже допивал ее чай.

— Приятного.

— И тебе. Правда, я все съел, так что придется повторить заказ.

— А я и не собиралась есть. Рядом с тобой кусок в горло не ползет.

— Утром ты была другого мнения.

— Утром ты не собирался ночевать со мной в одном номере.

— Здесь опасно. А я все еще отвечаю за тебя.

— Маркус мог бы за мной присмотреть.

— А кто присмотрит за Маркусом?

Кайлин удивил его вопрос. Он сказал это уверенным тоном, будто тот факт, что ее может хотеть мужчина, является вполне очевидным и неоспоримым.

— А за тобой кто присмотрит в таком случае?

Гийон замер, не донеся кружки с остатками чая до рта. Вопрос был задан, как говорится, в лоб. И образ извивающегося тела этой девушки под ним тут же всплыл в его голове.

— Ты спишь рядом со мной и точка.

Кайлин только хмыкнула в ответ, а Гийон, так и не допив свой чай, поднялся и пошел в ванную.

Когда он вернулся, Кайлин уже спала. Свернувшись калачиком на краю огромной кровати, она умудрилась стянуть на себя большую часть одеяла, а когда Гийон с силой выдрал его из-под нее, даже не проснулась.

Под утро его разбудил тихий плач. Он обернулся и увидел, как хрупкие плечики позади него сотрясаются в приступе непонятной истерики.

— Кайлин?

Она плакала во сне. И, кажется, что-то шептала себе под нос, но он не смог разобрать слов. Взглянув на часы, Гийон понял, что на самом деле уже давно пора просыпаться. Аккуратно положив руку ей на плечо, он легонько сжал стальные пальцы и снова позвал ее:

— Кайлин? Пора вставать.

Она дернулась, пытаясь скинуть тяжелую ладонь, но он и не думал сдаваться.

— Кайлин, просыпайся.

— Саша, уйди, — прошептала она и снова попыталась скинуть его руку.

— Кайлин, вставай!!!

— Что? — спросила она, резко подпрыгивая со своего места.

— Я сказал: "Пора вставать!"

Кайлин долго не могла прийти в себя. Она не помнила, что именно ей снилось, но подушка под ее головой была мокрой, а во рту остался солоноватый привкус ее собственных слез.

Гийон спал одетым. И когда Кайлин увидела его, стоящим напротив, в джинсах и белой майке с коротким рукавом, горло ее свело судорогой.

Он выглядел, как мужчина из ее времени. Прекрасно сложенный мужчина, и довольно привлекательный. Кайлин поймала себя на мысли, что чувствует себя неуютно рядом с ним. Чувствует себя убогой и некрасивой, женщиной, на которую такие мужчины никогда не обращают внимания. Она невольно пробежалась глазами по развитым мышцам груди и живота, различая контуры его мерцающей кожи под майкой, и задержалась взглядом на его поясе.

В этот момент Гийона, который внимательно за ней наблюдал, окатило дрожью с головы до ног. Он хотел, чтобы она смотрела на него, разглядывала именно так, как сейчас. И, будь он проклят, его это заводило. Он хотел ее! Хотел ее, сидящую в этом измятой рубашке с распахнутым воротом и черных штанишках, облизывающих ее ноги, словно вторая кожа. Он хотел, чтобы она смотрела на него вот так, как сейчас, и раздевалась, обнажая белоснежную грудь и маленькие розовые соски...

— Кто такой Саша? — спросил Гийон, пытаясь отстраниться от навязчивых мыслей.

— Саша? — переспросила она, отворачиваясь от него.

— Ты назвала меня этим именем. Кто это?

— Мой брат.

— У тебя был брат?

— Да.

— Он тоже был криогенезирован?

— Нет, не был.

— Ты не можешь знать наверняка.

— Могу.

— Откуда?

Она не могла ответить ему на этот вопрос. Как объяснить, что по сравнению с братом, она — никто, и если бы Саша был криогенезирован, в ее знаниях отпала бы необходимость?

— Знаю, и все тут. Он мертв. Так же, как и мои родители.

— Ты любила брата?

— Да, — вздохнула Кайлин. — Но одного ему простить все же не могу.

— Чего?

— Того, что он криогенезировал меня.

Гийон ничего не ответил. Покидав грядные вещи в сумку, он быстро умылся и вышел из комнаты. Будить Маркуса было делом куда более трудным. Друг даже после завтрака на хозяйской кухне казался погруженным в забытие.

Остальную часть пути они ехали почти в полном молчании. По мере приближения к цели, Кайлин начинала заметно нервничать, все чаще прикусывая нижнюю губу и облизывая ее своим язычком. Она старательно вглядывалась в вид за окном, но места эти ей казались абсолютно незнакомыми.

— Скоро прибудем. Но, что-то мне подсказывает, что здесь ты не найдешь того, что

искала.

Кайлин ничего не ответила, только посмотрела на Гийона как-то странно, будто бы с опаской в глазах.

— Это ее право, — хмыкнул Маркус. — Я тоже пытался найти могилы. Но ничего, кроме поросшего зарослями карьера не обнаружил.

— Мне достаточно будет только взглянуть, — ответила Кайлин и снова отвернулась к окну.

— Как тебе джинса, Гийон? — засмеялся Маркус. — Наверное, ты ее в первый раз в жизни надел?

— Честно говоря, никогда не думал, что эта одежда может быть удобной.

В этот момент он посмотрел на джинсы Кайлин и вспомнил то утро, когда впервые увидел ее. Наверное, подбери она штаны по размеру, смотрелась бы не так убого.

Спустя сорок минут он съехал на обочину дороги и остановился посреди бескрайнего поля, покрытого выцветшей травой.

— Приехали.

— Здесь? — спросила Кайлин, словно и сама не верила в очевидное: от бывшего когда-то кладбища ничего не осталось. Время стерло все следы пребывания человека на этой земле, и люди, мирно покоящиеся где-то внизу, казалось, никогда и не существовали.

Она медленно вышла из машины и ступила на обочину.

Гийон и Маркус в молчании смотрели, как маленькая фигурка удаляется все дальше от них, уверенно шагая вперед и оставляя позади себя следы на земле. Наконец, она остановилась. Сжавшись в комок и обняв себя руками, она будто застыла, сливаясь с пейзажем в одно целое, превращаясь в темную фигуру, словно целую вечность стоящую здесь.

Спустя тридцать минут она вернулась в машину и, закрыв за собой дверь, тихо произнесла:

— Поехали.

Она казалось спокойной и, как ни странно, не было похоже, чтобы она плакала.

Гийон развернул автомобиль и поехал в обратную сторону. Чего он добился, привезя ее в это место? Что нового он узнал о ней? Гийон настолько погрузился в раздумья, что перестал обращать внимание на спидометр, замерший на отметке "восемьдесят". Маркус не стал возвращать друга к реальности, понимая, что таким образом он сам того не замечая, предоставляет Кайлин возможность в последний раз взглянуть на те места, что когда-то были для нее родными.

— Ты как? — наконец, спросил Маркус, наклоняясь к ней, замершей со сложенными на груди руками и непрерывно смотрящей в окно.

— Странно... Я ничего не чувствую. Ничего.

— Это пройдет, — вздохнул он, понимая, о чем она говорит.

— Все мое прошлое похоронено на том поле. И я сама будто осталась лежать там.

Гийон посмотрел на нее и понял, что за этой кажущейся пустотой скрыта настоящая боль, та, которую не вылечить лекарством или словом. Та, с которой приходится жить каждый день, забываясь на время и снова вспоминая в самый неподходящий момент.

— Но ты не лежишь там, — произнес он, не глядя на нее.

Неизвестно сколько они проехали в абсолютном молчании, но явно достаточно долго для того, чтобы не начать говорить снова.

— Хочешь повести машину? — спросил Гийон, обращаясь к Кайлин.

Маркус от неожиданности даже приоткрыл рот. Кайлин обернулась и, убедившись, что Гийон обращался не к Маркусу, а к ней, вопросительно посмотрела на опекуна.

— Здесь не во что врезаться, — пояснил Гийон и начал тормозить.

Кайлин пересела за водительское сидение и снова с неверием посмотрела на него.

Он только кивнул ей в ответ, и она запустила двигатель.

— Интересно, почему современные машины сохранили свой внешний облик таким, каким я его помню?

— Это только снаружи, — подал голос Маркус. — Больше нет углеводородов. Только небольшой термоядерный двигатель под капотом и мощность, о которой водители в наше время могли только мечтать.

Кайлин переключила передачу и, плавно отпустив сцепление, вжала педаль "газа". Гийона и Маркуса вдавило в сидения, но Кайлин, кажется, и этого было мало. Когда стрелка спидометра замерла на цифре "двести", Гийон напомнил ей о скоростном режиме, но Кайлин, пропустив замечание мимо ушей, лишь увеличила скорость, несясь вперед по пустынной дороге.

— У тебя есть предел? — поинтересовался Гийон.

— Да, двести шестьдесят.

— И ты на такой скорости еще способна воспринимать обстановку вокруг?

— Да.

— Вы что, с ума сошли! — заорал Маркус, пытаясь пристегнуть ремни безопасности.

— Видишь, ты его пугаешь, — спокойно ответил Гийон.

— Ладно, — сдалась Кайлин и начала "сбрасывать" скорость.

— Странно только, почему ты в воздухе не ориентируешься.

— Не знаю. Наверное, просто за тобой не поспеваю.

— Наверное...

Кайлин посмотрела в зеркало заднего вида и в то же мгновение изменилась в лице. "Ударив" по тормозам, она резко затормозила и начала разворачиваться.

— Что? — не понял Гийон. — Что случилось?

Но Кайлин была не в состоянии отвечать на вопросы. Притормозив у обочины, она выбежала из машины и со всех ног понеслась на другую сторону дороги, туда, где посреди большого поля возвышалось одинокое старое дерево, скинувшее свою листву много лет назад. С сухими ветвями и таким же мертвым стволом, но все еще стояло на своем месте, будто памятник чему-то или, может быть, кому-то.

Кайлин подбежала к стволу и, проведя ладонью по сухой шершавой коре, опустилась на колени. Слезы застлали ее глаза и громкий рев невысказанной боли наконец-то вырвался из ее груди.

Все было мертво. Все они были мертвы. И от ее мира, того, в котором она искала спасение и жизнь, и в котором была обречена на неминуемую гибель, осталось только это воспоминание — погибшее дерево, настолько прочное стоящее корнями на своем месте, что даже само время не смогло его сломить.

Гийон и Маркус в молчании ждали ее возле машины. Никто не собирался нарушать ее уединение. Да и вопросов из них никто бы задавать не стал. О чем, собственно, спрашивать? Почему именно это дерево? Смысл-то в другом. В том, чтобы вспомнить и отпустить. Понять и простить. Найти в себе силы жить дальше и осознать, что это — другая жизнь,

вторая жизнь.

Кайлин медленно поднялась с места и обернулась назад. Две фигуры, стоящие у автомобиля, и мирно ожидающие ее возвращения... Кто они для нее? И почему здесь вместе с ней?

Она еще раз окинула дерево взглядом и направилась назад.

— Все в порядке? — спросил Маркус, кладя руку ей на плечо.

— Гийон?

— Да.

— У тебя в твоём ПК есть навигатор?

— Зачем тебе?

— Мне нужно знать, где восток. Только точно, относительно дерева, иначе вскапывать придется все вокруг.

— Постой. Ты собралась капать?

— Да.

— Зачем?

— В детстве под этим деревом мы с братом сделали тайник.

— И ты надеешься, что он все еще там?

— Я не знаю, но...

Гийон посмотрел сначала на нее, потом перевел взгляд на дерево вдалеке, и, пожав плечами, достал из машины лопату.

— Восток, говоришь?

— Да, пять шагов на восток от ствола...

Гийон и сам не понимал, зачем это делает. Орудя лопатой попеременно с Маркусом, они выкопали довольно большую яму, но так ничего и не нашли.

— Не хочу тебя огорчать, но, скорее всего, тайник, в отличие от дерева, не сохранился, — обронил Гийон, откидывая от себя очередную кучку земли.

— Дай, я сама, — потянулась Кайлин.

— Что, сама?

— Капать буду!

— Да, не лезь ты! Сам сделаю, только зря все э...

Звук скрежета железа о стекло прервал его на полуслове. Он присел на корточки и стал откидывать землю руками, пока перед ним ни появился странный цилиндр, сделанный, очевидно, из очень толстого стекла.

— Что это? — не понял он, пытаясь вытащить его из земли.

— Капсула, — произнесла Кайлин и тут же кинулась помогать.

Действительно, из земли они вытащили самую настоящую стеклянную капсулу из черного стекла, запаянную по торцам.

— Ты уверена, что это — послание из прошлого? — с недоверием в голосе спросил Гийон и переглянулся с Маркусом.

— На бомбу не похоже. Да и зарыта была слишком уж глубоко, — пожал плечами Маркус и постучал по стеклу.

— Нужно ее разбить! — предложила Кайлин.

— Стекло, судя по всему, огнеупорное. Кроме того, ты не знаешь, что там. Или знаешь?

— Нет, — покачала головой Кайлин. — Но хочу узнать.

— Отойдите подальше.

— Зачем?

— Пойдем, — не стал спорить Маркус, оттащивая взволнованную Кайлин за руку в сторону.

— Но?

— Мало ли что, — тут же обронил Маркус и ускорил шаг.

Когда ребята отделились от Гийона метров на сто, он опустил цилиндр на землю, взял в руки лопату и со всей силы стальной рукой нанес удар по стеклу. Деревянный черенок от лопаты разлетелся по его рукой в щепки, сталь изогнулась и отскочила от преграды, а на темной поверхности стекла появилась небольшая трещина. Гийон отбросил сломанную лопату в сторону и со всей силы ударил по цилиндру искусственным кулаком. Стекло покрылось мелкими трещинами и начало рассыпаться у него на глазах.

Кайлин, как только поняла, что Гийон вскрыл тайник, тут же бросилась к нему.

— Что там? — кричала она, набегу.

Гийон обернулся на крик и поднялся на ноги.

— Что?! — повторила Кайлин, на скорости врезаясь в свежевскопанную горку земли и поднимая темную пыль вокруг.

Он стоял перед ней в полный рост и держал в руках листок бумаги, исписанный мелким почерком, очень похожим на каракули ее брата.

Она молча протянула руку, и он, без малейших возражений, передал ей лист.

Кайлин пристроилась на земле у самого ствола. Ее руки тряслись...

Когда Кайлин вернулась к реальности, солнце уже тихо клонилось за линию горизонта, а Маркус и Гийон спокойно восседали на капоте красного ягуара и что-то ели.

У нее хватило сил подняться на ноги и не заплакать. Так же у нее хватило сил вернуться к машине и сеть в нее. Но унять собственные трясущиеся мелкой дрожью руки она так и не смогла. Они мяли листок, то разглаживая его, то вновь перетирая между пальцев.

— Ты заметил? — спросил Маркус, делая вид, что совершенно не обращает внимания на поведение Кайлин.

— Да.

— И, что скажешь?

— Тот, кто сделал этот тайник, понимал, на что идет. Вакуумная капсула из темного огнеупорного стекла — это не то, что продается в любом магазине. Кроме того, послание оставлено в самом доступном виде.

— Ты имеешь в виду, написано на бумаге?

— Да. Информационные носители меняются каждое десятилетие, а бумага и чернила остаются прежними на протяжении стольких лет.

— Думаешь, она станет говорить об этом?

— Судя по ее реакции, нет.

— Спорим?

— Сто кредитов.

— Принято, — заулыбался Маркус и потер руки.

— Ты закончил? — спросил Гийон, сворачивая пустые пакеты, где еще несколько минут назад покоились ветчина и курица.

— Да. Пора возвращаться. Переночуем у тети Марты?

— Не знаю. Скоро стемнеет, а мы сюда добирались двенадцать часов.

— Тогда придется свернуть в один из поселков.

— Опасно там.

— Может, лучше доверить мне руль?

— Руль я могу доверить ей, а не тебе.

— Ты смотри, — засмеялся Маркус, — ее азарт тебя подстегнул?

Гийон пожал плечами в ответ и, собрав весь мусор с капота, вернулся в салон.

— Выглядишь неважно, — заметил он и запустил двигатель.

— Там больше ничего не было? — спросила она.

— Ты о чем?

— Кроме письма там было еще что-нибудь?

— Нет, — покачал головой Гийон. — Бумага только — и все.

— Ты сохранил копию?

Гийон обернулся к ней и приподнял одну бровь.

— Конечно, — ответила за него она и тяжело вздохнула.

Маркус в это время пристроился на заднем сидении и громко зевнул.

— Вы ничего не поняли, — сделала вывод Кайлин и отвернулась к окну.

— Пока — нет.

— Кем работал твой брат, что смог сделать такую капсулу?

— Не важно, кем он работал.

— Ты ничего не хочешь нам сказать? — уже без надежды в голосе спросил Маркус.

— Нет.

— Это — окончательный ответ?

— Да.

— С тебя сто кредитов! — засмеялся Гийон.

— Вы что, поспорили, расколюсь ли я сама?

— Естественно! — тут же подхватил Маркус.

— На твоём месте я бы так не веселилась, — огрызнулась Кайлин.

— А ты не на моём месте.

— Ты даже не представляешь, насколько ты прав.

— В твоём ответе следует искать скрытый смысл?

— Вы все равно ничего не сможете сделать, — вздохнула Кайлин.

— Возможно, — усмехнулся Гийон. — А, может, и сможем...

— Удачи, ребята! — вдруг истерически рассмеялась Кайлин и разорвала несчастный клочок измятой бумаги, что все это время держала в руках.

— Ну, раз ты платишь за химчистку...

— Плачу, черт побери! — закричала она. — Черт вас всех побери!!!

Они остановились в деревне в стороне от дороги. Это были дома старожилов, которые, отказавшись от всех благ современного мира, поселились в этом Богом забытом месте и, казалось, нисколько не сожалели о своём выборе.

Деревянные домики, выстроенные вдоль гравийной дороги, были сложены из брусьев. Ни водопровода, ни электричества, — вообще ничего цивилизованного здесь не было. У Гийона в голове даже проскочила мысль о том, что он попал в исторический музей, где, за довольно крупную сумму наличных кредитов, можно было попариться в бане и напялить на себя льняные рубахи.

Встретили их здесь, как ни странно, радушно, высыпав на улицу, так сказать, всей деревней сразу. Кто-то предлагал поесть, кто-то — места для ночлега, а один из селян,

аккуратно распахивая оппонентов, тут же протянул Гийону пятилитровую бутылку с прозрачной жидкостью, в которой плавали какие-то ягоды.

— Что это? — не понял даниил.

— Самогонка, — буркнула Кайлин, теснее прижимаясь к спине Маркуса.

— О, самогоночка! — потер руки Маркус. — А где капуста квашеная, где огурчики малосольные?

— Да тут все, тут! Пятьдесят метров пройти! — обрадовался мужик, наверное, больше от того, что нашел родственную душу в лице Маркуса, нежели от того, что заинтересовал клиентов, и поволок пробужденного за рукав куртки куда-то в сторону.

— А ночлег? — тут же запищала Кайлин, понимая, что ничего хорошего такое начало не предвещает.

— Да, всех положу, не переживайте! И в баньку сходим...

— Началось, — выдохнула Кайлин и поплелась следом за удаляющимся Маркусом и мужичком.

Гийона долго уговаривать не пришлось. Прижав к себе бутылку с ягодками, он подумал о том, что не все в этой жизни так плохо, как могло показаться вначале.

Через два часа на дворе у дяди Вани, так звали находчивого селянина, уже во всю шло массовое народное веселье. Пили, так сказать, всей деревней. И самое интересное, что все действие происходило на улице. Гостям выдали по меховому тулупу и быстро усадили за стол, который, неизвестно каким образом, местные женщины накрыли за десять минут.

Оказалось, что деревня эта — "Староозерное" — одна из немногих в округе, где, кроме всего прочего, жители вели собственное домашнее хозяйство. Сфера услуг была здесь довольно развита, насколько поняла Кайлин, а сами развлечения стоили не малых денег. Потому в "мертвый" сезон, каждый из жителей хотел урвать свой собственный куш.

Началось все с тоста за гостей, затем за хозяев, потом перешли на кузенов и сватов — они же соседи, — за дружбу, за любовь, за покойных родственников, за охраняемые земли, за остальные земли, за коренных, за пробужденных, а один из находчивых и изрядно подвыпивших молодых людей даже предложил персональный тост за Катерину, выговорив при этом ее имя без акцента.

Через два часа, не пьющая Кайлин поняла, что пора ретироваться, и попросила бабу Соню, женщину лет семидесяти, которая дяде Ване приходилась тещей, проводить ее в дом. Женщина девушку тут же поняла и, под общий гомон, увела из-за стола.

— Ты совсем ничего не ела, деточка.

— Спасибо, но я не голодна.

— Твои друзья, кажется, еще не скоро улягутся. Ох, уж эти мужики! Дай только повод! Да, ладно. Вот, смотри, все постелено. Холодно не будет.

— Спасибо.

— А я где лягу? — прохрипел Гийон, входя в маленькую комнатку следом за ними и придерживаясь рукой за дверной косяк.

— Под столом, — ответила Кайлин, присаживаясь на мягкую кровать, шириной не более полутора метров.

— Что ты так разнервничался, сынок? Тебе постелили рядом, за стенкой.

— Не пойдет. Она будет спать возле меня.

Баба Соня, внимательно изучив сначала Гийона, затем Кайлин, обреченно смотрящую себе под ноги и не выказывающую особых возражений, пожалала плечами и изрекла:

— Все равно под тобой проснется! Так, какая разница, где стелить?

Спустя долю секунды баба Соня прошмыгнула за дверь, прикрыв за собой последнюю.

— Иди спать в другую комнату, — ответила Кайлин и начала стаскивать с себя сапоги.

— Я и на полу могу лечь, с меня не убудет.

— Ты? Джентльмен?

— Моя работа, дорогуша, — охранять твой тощий задок.

— Ну, так охраняй! За дверью!!!

— Я — не собака, чтобы под дверью ночевать.

— Все, иди. Уходи отсюда. Я никуда не денусь. Если что — закричу. Это я хорошо умею. Так что иди, пей дальше, — ответила она и махнула рукой в сторону, как какой-нибудь прислуге.

— Ну, ты и...

— Сука? Ты это хотел сказать?

— Так ты уже знаешь, как тебя зовут?

— Знаю. А теперь давай, проваливай отсюда.

Гийон все никак не мог вспомнить, каким образом он оказался совершенно голым в парилке дяди Вани вместе с Маркусом. Кто-то очень заботливый распахнул двери бани настежь, и речи ни о каком паре уже давно не шло. Гийона привел в чувства женский смех, который доносился из предбанника. Две совершенно голых девицы, лет двадцати, не более, крутились друг возле друга, хохоча при этом и отпуская не вполне пристойные для дам шутки. Одна из них, кудрявая брюнетка, вошла в парилку первой и тут же прыгнула к Маркусу на колени. Друг, пребывая в неадекватном состоянии, тут же уложил свои руки на ее грудь и сжал пальцы. Девушка оживленно заерзала бедрами и, выгнув шею, призывно рассмеялась, наклоняясь к Гийону.

— А ты, как я посмотрю, опытная барышня, — с презрением в голосе ответил Гийон.

— На тебя хватит, — засмеялась девушка и пересела на колени к Гийону.

Ее насиженное место на коленях Маркуса тут же заняла другая девушка, тоже брюнетка, и пробужденному даже не пришлось долго держать руки с сомкнутыми пальцами навесу.

— И что ты умеешь? — рассмеялся Гийон, поражаясь, что даже в такой глуши находятся девицы настолько древней профессии.

— А чего тебе хочется? — томным голосом произнесла незнакомка и положила руку Гийона на свое бедро...

Кайлин не могла уснуть. Навязчивые мысли о том, что ее брат все же умудрился натворить дел, не давала ей покоя. И, что еще хуже, она даже знала, каким образом он мог спрятать послание для нее.

В комнату кто-то постучал, и Кайлин, разъяренная тем фактом, что Гийон все-таки решил завалиться спать к ней, подорвалась с кровати и открыла дверь.

На пороге, нагло ухмыляясь, стоял тот парень, что поднимал за нее тост за столом.

— Чего тебе? — буркнула Кайлин, опираясь о косяк.

— А то ты не знаешь?

— Проваливай отсюда.

— Да, ладно тебе, — рассмеялся юноша, — твои мужики уже развлекаются в бане, почему же ты должна сидеть в одиночестве?

— В какой бане? — не поняла Кайлин и потерла уставшие глаза.

— В нашей. А ты тут совсем одна, и такая сочная...

Кайлин закрыла дверь у него перед носом и попыталась запереть замок, но парень с силой ударил по деревянной преграде, и Кайлин откинуло назад, на пол. Парень вошел внутрь и ногой закрыл дверь за собой.

— А ты из тех, кто брезгует такими, как я? Что, пробужденные у нас теперь еще и выбирают?

— Проваливай, — закричала Кайлин, что было силы, но ее крик превратился в сдавленный звук под его жесткой рукой на ее горле.

Парень начал ее лапать, задирая рубашку и пытаясь ухватить извивающееся тело за грудь.

Вдруг кто-то оторвал его от нее и воздух, которого так не хватало, попал в грудь Кайлин. Она закашлялась и отползла в сторону, к двери. В темноте комнаты раздалось всего лишь несколько глухих ударов и тело парня, что еще недавно пытался залезть на Кайлин, было выброшено в коридор.

— Ты в порядке, девочка? — спросил уставший, но, кажется, все еще вполне трезвый голос дяди Вани.

— Да, спасибо Вам.

— Не бери в голову. Иногда они перебирают. Этот вообще-то хороший парень, но дно стакана не видит. Пойдем, я налью тебе чего-нибудь.

"Чем-нибудь" оказался отменный "первач" из личных запасов дяди Вани. Кайлин подняла стакан и в три глотка осушила ровно половину его содержимого. Огненный поток растворился в ее горле и вместе с собой принес успокоение и силы.

— Ого! Ты бы поосторожнее с этим, а того и гляди, и тебя нести придется.

— Где мои провожатые?

— А-а, — махнул рукой дядя Ваня. — Иди лучше спать, я присмотрю за тобой, не бойся.

— В бане? — тут же предположила Кайлин и начала глазами искать нужное строение.

— Ребята девок привели, так что тебе лучше туда не ходить.

— Девоч, говоришь? Сейчас я им устрою "девок"!!!

...Внимательно разглядывая молодое лицо незнакомки, что так настойчиво пыталась "орудовать" своими пальчиками, Гийон вдруг перевел взгляд вдаль и увидел Кайлин, стоящую в дверях парилки с дядей Ваней за спиной. Волосы растрепаны, глаза наполнены таким гневом, что кажется, сейчас из них посыплются искры, рубашка измята и сквозь распахнутый ворот вот-вот можно будет увидеть пупок.

— О-о-о! — заерзала девица на коленях, — а я-то думала, что ты никогда не проснешься!

Кайлин спокойно прошла в парилку, стараясь не смотреть на Маркуса, который вел себя гораздо более активно, чем Гийон, и, подняв с пола таз, наполненный уже остывшей водой, опрокинула его на своих спутников.

Мгновенный отрезвляющий эффект был достигнут, и, Кайлин, бросив на прощание нечто, вроде, "ублюдки", была такова.

Гийон оттолкнул от себя неваду и поднялся на ноги. Маркус, потирая глаза, последовал его примеру и попытался вписаться в дверной проем, но у него это плохо получилось. Гийон подхватил друга под руку и только благодаря этому тот не упал на пол.

— Эх, вы, — покачал головой дядя Ваня. — И зачем этой девочке такие заступники...

— Ты о чем? — не понял Гийон.

— Да, — махнул рукой дядя Ваня. — Наш Петька хотел залезть на нее, но я подоспел

вовремя.

— Какой Петька? — заревел Гийон. — Где?

— Иди, лучше, проспись. Я вашу девочку напоил, так что она скоро успокоится. А Петьку долго "уговаривать" не пришлось: он в курятнике спит.

— А, Кайлин?

— А что, Катюша? Разве до нее тебе было дело, когда ты тут с девками развлекался?

— Я спросил, что с Кайлин?

— Да, ничего с ней. Я вовремя успел.

Гийон вернулся в парилку и присел на деревянную скамью. Девушка тут же оказалось рядом с ним, бесстыдно поглаживая его по бедру.

— Уйди, — прошипел Гийон, отбросив ее руку.

— Да, ладно тебе! Я не хуже этой твоей. Если она не хочет, то я наоборот, не против.

— Я сказал, уходи!

Девушка тут же вскочила на ноги и зашипела в ответ:

— Влюбленный дурак! Не хочет она тебя! Такие, как эта, с полулюдьми не спят!

Гийон внимательно посмотрел на неваду сквозь линзы контактного обруча и с силой схватил ее за запястье:

— Пошла вон, потаскуха!!! И рот свой закрой!

Поднявшись, он обогнул ее, стоящую посреди парилки, и, взяв Маркуса под руку, вывел того в предбанник.

Кайлин вернулась в свою комнату и уткнулась головой в подушку. Что-то перевернулось у нее внутри, когда она увидела его и эту, сидящую у него на коленях. Наволочка под головой начала промокать, и Кайлин швырнула подушку на пол, потеряв контроль над собой и расплакавшись навзрыд.

Отчего же, из всего произошедшего с ней за последние дни, из всего, что она узнала и в чем погрязла, из всего, что могло бы произойти здесь этой ночью, глубокую рану ей нанесло только одно: он собирался переспать с той проституткой.

И когда глаза Кайлин перестали источать слезы, когда простыня под ее головой стала мокрой, когда разгулявшиеся гости разошлись по домам и последний крик растворился в тишине за окном, в комнату тихо вошел Гийон. Каждый его шаг порождал в ее сознании все новый и более невыносимый образ, один из тех, что она видела когда-то в порнофильмах. И главной героиней в этих действиях была не она, а голая проститутка, что сидела у него на коленях в бане.

Он ничего не говорил, хотя прекрасно знал, что она все еще не спит, и тихо кинув одеяло, что принес с собой, на пол, лег спать.

Утром их разбудили на завтрак. Затем спокойно проводили к машине и пожелали счастливого пути. Никто и не пытался заговорить с Кайлин. И пусть на душе у Гийона было куда более мерзко, чем он хотел бы, и пусть ночью ему приснилась Кайлин, обнаженная и сидящая у него на коленях в той самой парилке, и пусть в своем сне он занимался с ней всем, на что хватило его фантазии, Гийон так и не смог признаться самому себе в том, что невада на самом деле оказалась права: он влюбился в свою подопечную. Просто так, без всяких условий и причин, он, сам того не желая, влюбился в Кайлин.

"Что такое безумие? То, что по мнению большинства выходит за рамки общепризнанного? Но, кто определяет, где находится эта тонкая грань? И, может, у всякого поведения есть свои причины?"

Из разговора от 18.11.3565

Гийон довольно вольготно раскинулся в кресле напротив Верховного даниила и начал свой доклад.

— Мы обнаружили письмо ее брата, Александра, в тайнике.

Старко Цемеи заметно оживился и даже усмехнулся.

— Рано радуешься. Мы с Маркусом ничего не смогли понять.

— Оно с тобой?

— Да.

— Читай.

Гийон выбрал нужную команду пальцем на виртуальной клавиатуре и перед его глазами высветился перевод странного послания неизвестного Александра из прошлого.

"Привет, сестренка! Если ты нашла это письмо, значит, у меня все получилось. Да, я нарушил слово, данное тебе. Но пойми, не воспользоваться этим шансом было бы несправедливо, и даже глупо, тем более, что ты — заслуживала его больше, чем кто-либо другой. "У каждого из нас свое предназначение". Это твои слова, не мои. Я считаю, и ты не сможешь меня разубедить, что свое предназначение ты еще не выполнила. В общем, тебе придется принять все это и простить меня. Или не простить. Дело твое. Работу я забросил. Не могу. Не хочу больше этим заниматься, тем более, что и ты была против всех этих идей. Им не понять, Катюша. Не беспокойся об этом. Последнее, что я сумел сделать на нашем рабочем месте — это прототип той моей идеи. Не знаю, наверное, ты станешь ругаться, но я решил оставить его тебе. Если ты сочтешь нужным, внедришь. Если нет — я обижаться не стану. Вот и все, что я хотел тебе сказать. Живи, Катя. И никогда больше не повторяй тех ошибок, что в свое время допустили мы. Твой брат, Саша.

14.10.2058".

— Черт! — ругнулся Старко и потер подбородок.

— В ее доме рылись.

— Когда?

— Перед самым отъездом.

— Ищут. Ты, надеюсь, ее одну не оставляешь?

Гийона удивил этот вопрос. Он, почему-то, полагал, что Старко далеко наплевать на судьбу этой пробужденной, а тут...

— Нет. Почему ты сказал, что она нестабильна?

— Она была "зеленой", когда к тебе попала.

— Постой. Я что-то не понял. Это ты ее из Центра "выдернул"?

— Да, успел.

— Успел?

— Она сильная девочка. И знает что-то. Мне только шепнули, что она очень важна для них.

— Ты решил вплотную заняться этой сворой?

— Уже несколько лет мы пытаемся заставить их разгласить все документы о пробужденных и спящих людях. Но пробужденные по документам — не живые люди, а собственность корпорации. Поэтому все так сложно. Признай мы их людьми, нестабильность опять стала бы настоящей проблемой.

— Сколько пробужденных зачищают каждый год?

— Около ста тридцати.

— То есть, около та тридцати людей каждый год гибнут от того, что сошли с ума?

— Я тебя не узнаю, Гийон. Не ты ли был ярым поборником зачисток и тестов на интеграцию?

— Знаешь, просто общение с ними меня, наверное, портит. Они вроде бы обычные, Старко. Такие же, как и мы с тобой.

— Да, только в следующее мгновение они могут разбить бутылку и погромсать своих коллег на части.

— Могут. Подскажи мне, хотя бы, что ты ищешь?

— У меня есть свой осведомитель, Гийон. Он вышел на меня около двух лет назад. Я не знаю ни имени, ни должности, которую он занимает. Он попросил обратить пристальное внимание на корпорацию и устроить рейд по спискам вновь пробужденных и тех, кого признали нестабильными.

— И что? Ты повелся на это?

— Да, повелся. Ты знал, что ежегодно из двух тысяч человек, которых по закону корпорация может пробудить, около пятидесяти сразу признаются нестабильными?

— То есть, как сразу?

— А так! Эти люди не престают перед комиссией из двенадцати даниилов.

— Почему?

— Их убивают еще до приезда даниилов в процессе обезвреживания службой охраны.

— Но, кто-то же затем занимается расследованием инцидента?

— Младшие даниилы.

— Ты говоришь опасные вещи.

— И ужасные, если задуматься.

— Пятьдесят человек погибают без суда и следствия ежегодно в филиалах Центра Криогенезации во всем Мире и никому нет до этого дела?

— В нашей стране, Гийон.

— То есть?

— Это данные только по нашей стране.

Гийон несколько минут обдумывал услышанное.

— А кто шепнул тебе о Кайлин?

— Наводку на девушку мне дал тот человек, о котором я тебе говорил. Прислал документы, те, что ты сам читал и еще намекнул на необычный дар нейрами. В записке было сказано, что пробужденную необходимо забрать как можно быстрее.

— И Центр отдал ее тебе?

— Если бы не этот дар и мое личное вмешательство в дело, никто бы ее не отпустил.

— Но, ты же умеешь пользоваться законодательством?

— Спрашиваешь. Но щемить их пришлось долго. Месяц целый бумагами заваливал, пока они не ответили, что готовы предоставить ее для нашего "пользования".

— "Пользования"? Она что, вещь?

— Для них — вещь, Гийон. Пробужденная с порядковым номером вместо имени на документах.

— Так, ты по-прежнему не знаешь, что ищешь?

— Что-то внутри Центра криогенезации. Пока они чисты, как свежесвыпавший снег. Но ты-то понимаешь, что ничего белоснежного не бывает.

Гийон расхохотался. Господи! Старко искал, сам не знал чего! Он забрал Кайлин из Центра только потому, что кто-то шепнул о какой-то подпольной деятельности и о том, что девушка может владеть определенной информацией об этом. Бред! И он вляпался в это по самые уши.

— Какой от нее толк? Одни проблемы!

— Ты это зря, — покачал головой Старко.

— Ты меня в няньки записал!

— Послушай, мальчик. Она важна. Подожди еще. Сейчас они только дом обыскали. Но я чувствую, что они могут и на нее саму замахнуться.

— Не говори ерунды! Ну, работала она над чем-то со своим братом. И пусть. В прошлом они Мир не уничтожили. Что сейчас изменится?

— Гийон, это — предчувствие. Общество стоит на грани. Если на улицы попадет еще один нестабильный из этих, снова начнутся беспорядки. Это на руку кому-то.

— Кому?

— Тому, кто заказывает все эти программы по ТВ про роль пробужденных и нестабильных в нашей жизни.

— Но, ты ведь знаешь, кто заказчик.

— Знаю, — кивнул Старко.

— И?

— Ты удивишься.

— Центр? — предположил Гийон и по выражению лица Цемеи понял, что попал в точку. — Зачем это им?

— Социальное неравенство всегда выгодно тем, кто создает рабов.

— Не думал, что ты можешь огласить такое.

— Следи за ней, Гийон. Девочка эта необычная, а ты знаешь — все необычное мне интересно.

— Кроме ее дара в ней ничего нет.

Старко заулыбался еще шире.

— В тихом омуте, Гийон...

— Она сама — черт. Так что водиться там больше нечему.

— Как расследование твое?

— Никак. В прямом смысле.

— Ищи дальше. Не нравится мне это дело.

— Мне тоже.

— Все, иди. Глаза на тебя смотреть устают.

— А ты контактный ПК носи. Мне помогает.

Старко рассмеялся и потер уставшие темно-красные искусственные глаза.

— Заседание состоится на следующей неделе в понедельник, — бросил он вслед Гийону.

Но тот сделал вид, что не услышал его.

Как-никак, но встреча со Старко подкинула Гийону несколько козырей в рукав, и он собирался ими воспользоваться. Обычная? О, нет, Гийон как никто другой знал, что ничего обычного в Кайлин нет. Ясно, что она знает что-то. Вот только что именно? Гийон хотел выяснить это первым. И насколько бы не было всесторонним его доверие к Старко, он прекрасно понимал, что ничего, кроме возможности раздобыть информацию, Верховного даниила не интересуется. А это значит, что отстаивать интересы самой Кайлин будет некому.

Гийон покачал головой, осознав для себя кое-что: никто не станет ее защищать. Никто, кроме него самого.

Вернувшись в офис к обеду, он не застал свою подопечную на месте.

— Ено, это Гийон. Ты, случайно, не знаешь, где Кайлин? — спросил он, связавшись по сети с роботом.

— Она в Национальной библиотеке вместе со мной.

— И что вы там делаете?

— Кайлин пытается найти информацию о своем брате в старых публикациях.

— Где?

— Роемся в электронных архивах газет за двадцать первый век.

— И как, успешно?

— Нет. Пока ничего не смогла найти.

— Возвращайтесь сюда. Пора обедать, а затем я хотел всех собрать в комнате совещаний.

— Хорошо.

Гийон присел за рабочий стол и бросил взгляд на шуфлядку, в которую кинул ее книгу несколько дней назад. Хмыкнув себе под нос, он достал чтиво и открыл на главе "Нестабильность".

"Впервые состояние нестабильности было описано у первых пробужденных еще в 2084 году. По неизвестным причинам, у некоторых из них развивались симптомы поражения центральной нервной системы. Одни впадали в ярость, другие — в транс, который неизбежно заканчивался комой и смертью.

Первой жертвой нестабильности стала медсестра, оказывавшая помощь одному из таких пациентов. В бессознательном состоянии пробужденный избил ее, а затем вытолкнул в окно. Девушку спасти не удалось, а молодой человек, придя в себя через несколько часов, не смог вспомнить не только мотивов своего поступка, но и деталей произошедшего.

Настоящей угрозой для человечества нестабильность была признана в 3054 году, когда после массового "воскрешения" людей, жизни тысяч коренных жителей оказались под угрозой. Процедура пробуждения тогда была приостановлена на десять лет, а расследование случаев неконтролируемой агрессии привело к неутешительным выводам: Сакар, оставаясь в крови у пробужденных, повреждал их центральную нервную систему путем развития неадекватной реакции на носительство вирусных частиц. Предугадать развитие болезни непосредственно после пробуждения было невозможно, а отпускать пробужденных в мир людей без присмотра оказалось просто опасно.

В 3064 году с выходом "Закона о пробужденных" и предания им статуса особой группы людей, не являющихся гражданами, началась новая эра существования человечества. Только в 3210 году в Закон была принята первая поправка, согласно которой, после прохождения особого теста на интеграцию, пробужденные получили шанс приобретать гражданство..."

— Ты идешь обедать?

Гийон отвлекся и посмотрел на Маркуса, заглянувшего к нему в кабинет.

— Да, сейчас.

— Ты читаешь книгу?

— А что здесь такого?

— Ну, она печатная.

— Я не могу читать печатные издания?

— Можешь, но...

— Иди, я догоню.

Положив книгу обратно в стол, он поднялся и подошел к двери в комнату отдыха. Приоткрыв ее, он осмотрелся. Кайлин не принесла с собой ничего нового, ни одной вещи, признанной хоть как-то обозначить это помещение как ее рабочий кабинет. Казалось, будто Кайлин здесь и не было никогда. Но, тогда почему он вдруг настолько неуютно почувствовал себя здесь?

Гийон закрыл дверь и направился к выходу. Интересно, когда она снова начнет разговаривать с ним и Маркусом? Гийону даже начало казаться, что если она не заговорит с ним в ближайшее время, он сам станет нестабильным.

Кайлин и Ено появились в кафе последними. Кивнув всем присутствующим в знак приветствия, пробужденная спокойно присела за стол возле Маркуса и, демонстративно расправив плечи, взяла в руки меню.

— Что-нибудь нашла? — тихо спросил Гийон.

Она даже не взглянула на него, только покачала головой в знак того, что "нет".

— Что-то наша принцесса немногословна сегодня, — рассмеялась Сианна. — Неужели тебе, Гийон, все-таки удалось заткнуть ей рот?

Кайлин подняла голову и внимательно посмотрела на коренную. Ничего не произнося в ответ, она вновь уставилась в меню.

— Ого! Да, ты что-то присмирела... Может, с катушек начинаешь ехать?

— Сианна! — рявкнул Гийон так громко, что подчиненная даже вздрогнула.

— Что? — не поняла девушка.

— Думаю, тебе лучше помолчать, — спокойно ответил за Гийона Рихтор и положил руку жене на плечо.

Сианна ничего не поняла, но все-таки прислушалась к совету.

— После обеда все собираемся на совещание. Каждый доложит, что нашел, а затем попытаемся все собрать воедино.

— Если это вообще возможно, — закончил за Гийона Маркус.

Гийон повернулся к подошедшему официанту, чтобы сделать заказ, когда получил сообщение по информационной сети. Он резко поднялся из-за стола и буквально прокричал:

— Выезжаем! Труп свежий! Не более часа!

— Все, кроме Кайлин, повскакивали со своих мест.

— Адрес?

— Тайский проезд. Дом 3.

— Едем.

— А ты чего расселась?

— Я поеду с Маркусом по земле.

— Ты полетишь со мной, все ясно?

— Тогда я вообще не сдвинулся с этого места.

Ошеломленный Гийон уставился на нее. Очевидно, она действительно решила отомстить, подойдя к делу основательно.

— Ты сейчас же поднимешься со своего места и будешь делать то, что тебе положено, все поняла? И свои обиды можешь оставить при себе! Мне жаль, что тебе пришлось пострадать, но если бы ты сама не выставила меня из комнаты, ничего бы не случилось!

Кайлин посмотрела на него с такой ненавистью, что Гийона пробрала дрожь. Он осмелился переложить ответственность за произошедшее на нее! На нее! Будто бы это она напилась до полусмерти и направилась в баню развлекаться со шпюхами.

— Нравится отдавать приказы? — это была первая ее фраза за два дня, обращенная к нему лично. — Любишь руководить всем в своей жизни? Я сказала, что мне плохо. Я не долечу, понимаешь? Хотя нет, ты не понимаешь. Тебя интересует только информация. Что ж, ты ее получишь, только в том объеме, который от меня требуется.

Кайлин поднялась с места и направилась к выходу.

— Если тебе действительно плохо, тогда можешь ехать с Маркусом! — крикнул он ей в спину.

— А я и не собиралась лететь с тобой, — ответила она вышла на улицу.

Голова Кайлин начала беспокоить еще с утра. Она знала возможную причину этого недомогания, но поделать что-либо с этим уже не могла. Поиски информации о брате ни к чему не привели. Все газеты, в которых могли фигурировать их с братом имена, кто-то заботливый изъясил из архива. Кайлин напилась обезболивающего еще утром, но мигрень на это не обратила никакого внимания, продолжая измываться над ее телом.

И хотя Кайлин поехала вместе с Маркусом, и ее практически не укачало, рев сирены на крыше автомобиля отдавался в ее голове новой болью, раздражая к тому же поврежденные недавним взрывом и так удачно залеченные в больнице барабанные перепонки.

Дом жертвы, окруженный патрульными машинами и даниилами, находился в одном из престижных районов коренных жителей.

Огромный трехэтажный особняк вполне вписывался в картину respectable жилья. Колонны, мраморный пол, лужайка и парковка перед домом.

Кайлин вошла в дом вслед за Маркусом и, не обращая внимания на обстановку, направилась к месту сосредоточия даниилов. Естественно, все они крутились рядом с трупом.

— Ничего не трогать, — напомнил ей Гийон, фокусируя взгляд на обстановке вокруг.

Жертва лежала на спине. Красивая шелковая ночная рубашка была пропитана кровью. Темные длинные волосы растрепались. Она замерла с выражением ужаса на обесцвеченном лице. Ее глаза, все еще открытые, помутнели и были направлены в потолок. Кайлин сразу поняла, что она боролась. Рубашка кое-где изорвана, кровоподтеки на руках, сломанные ногти.

— Послания нигде нет, — сообщил Рихтор.

— Еще не вечер, может, он спрятал его.

— Не знаю, Гийон. Младшие соседей опрашивают. Если зацепки какие-нибудь найдут, нам сообщат.

— Ладно, осмотри весь дом еще раз. Борьба здесь была. Это первое отличие.

— Думаешь, она — не наша?

— Не знаю.

— Пусть Кайлин проверит.

Гийон резко обернулся к Рихтору:

— Своим делом занимайся. Что делать с Кайлин, я буду решать сам.

— Но, это — ее работа.

— Он прав, — с вызовом бросила Кайлин, подошедшая к труп.

— Не смей! — прорычал Гийон. — Будешь делать, что я тебе скажу.

— Ты отдал приказ, а решать, выполнить его или нет, буду я. Все в своей жизни я буду решать сама!

— Успокойся? — прокричал Гийон, надвигаясь на нее.

— Не стоит жалеть меня! Ненавижу жалость!!!

— Нет!!!

Но Кайлин была быстрее. Присев на корточки она прикоснулась к холодному телу рукой. Разъяренный Гийон, схватил ее за плечи и оторвал Кайлин от трупа.

— Хочешь страдать, давай. Я мешать не стану. А вот посмотрю с удовольствием.

— Хрен тебе! — закричала Кайлин и бросилась в ближайшую дверь, закрыв ее за собой на ключ.

Это была ванная комната. Кайлин подошла к умывальникам и, уперев руки в столешницу, посмотрела на свое отражение в огромном зеркале, висящем напротив нее. Голова перестала ее беспокоить, и это принесло несказанное облегчение. Вряд ли в своей жизни она когда-нибудь была так рада тому, что делает.

Мужчина. Она только что попрощалась с ним, и его лицо в пол оборота за закрывающейся дверью, врезалось в память Кайлин. Жертва прошла в гостевую комнату со смятыми простынями на кровати, когда кто-то настиг ее со спины. Лезвие утонуло в ее теле. Она не поняла, что произошло.

Ноги подкосились, но Кайлин осталась стоять на месте. Следующий удар пришелся в живот. Кайлин непроизвольно закричала от боли. Она начала бороться. Но, пытаясь увернуться от ударов, она каждый раз встречала на своем пути лезвие ножа, безжалостно вторгающееся в ее тело. Кайлин развернулась и налетела на нападавшего, повалив его на пол. "Мужчина в черной маске", — мелькнуло в голове Кайлин. Девушка вцепилась ему в грудь. Ударом ноги ее отбросило назад. Хаотичные движения руками перестали помогать. Нож вошел куда-то в грудь и нестерпимая боль вырвалась с последним отчаянным криком.

Дверь за ее спиной слетела с петель. Разъяренный Гийон ворвался в помещение и успел словить падающую на пол Кайлин.

— Идиотка!!!

Шумный вдох раздался в абсолютном молчании. Кайлин открыла глаза и посмотрела в лицо человеку, которому хотела что-то доказать. Что доказала, Кайлин так и не поняла, но, судя по сжатым в линию губам, нечто не совсем приятное.

— Был мужчина. Любовник. Лицо помню. Он ушел, она вернулась в эту комнату и там ее кто-то ждал. Это был мужчина. Высокий, крепкого телосложения.

— Лицо?

— В черной маске. Глаза светлые. Она не поняла, что происходит.

— Любовник?

— Нет. Любовник — коренной.

— Составь фоторобот с Ено. Затем фотографии просмотри.

— Сейчас.

Кайлин медленно поднялась с пола и побрела к выходу.

— Кайлин!

Она обернулась и застыла на месте.

— Если еще раз прикоснешься к трупам без моего разрешения, я вышвырну тебя из группы!

— Напугал!

Гийон подошел к ней и буквально зашипел:

— Она вся в сперме, так что, помой свои руки, перед тем как уйти!

Кайлин побледнела на глазах. Лицо ее исказили ужас и отвращение. Она подняла свои руки и посмотрела на них.

— В следующий раз это может оказаться правдой, дорогуша. А теперь иди, подыши, я разрешаю.

Кайлин подняла глаза и с ненавистью посмотрела на него.

— Ты знаешь, куда я тебя только что послала.

— Туда же можешь отправиться и сама.

Кайлин почему-то почувствовала, что что-то не так. Она отвернулась от него, не ответив на реплику, как только что собиралась сделать.

— Что, сказать нечего?

Но Кайлин его уже не слышала. История недавней гибели разворачивалась перед ее глазами с самого начала. Кайлин попыталась сосредоточиться на настоящем, выгнать из своей головы эти чужие воспоминания, но другая реальность накрыла ее с головой и Кайлин погрузилась в пучину боли и страданий, которые уже пережила.

— Помоги, — прошептала она, протягивая руки к опекуну, будто он был способен сотворить чудо и вытащить ее из этого кошмара.

Гийон схватил ее за плечи и затряс:

— Кайлин! Кайлин, что с тобой?!

Девушка не могла отвечать на его вопросы. Она боролась за собственную жизнь и проигрывала эту борьбу.

— Сианна, мать твою, сюда!!!

Кайлин очнулась в больничной палате. Вокруг было темно, но она отчетливо ощутила чье-то присутствие рядом.

— Что случилось? — простионала она, пытаясь присесть.

— Это ты мне расскажи, — ответил уставший мужской голос.

— Как долго я спала?

— Шесть часов.

— Ничего не помню...

— Тебя накачали под завязку.

— Чем?

— Снотворным! — вдруг закричал Гийон и подбежал к ее кровати.

— Я не понимаю! Что произошло?

— Такое с тобой уже бывало?

— Чтобы я переживала все это два раза подряд? Нет!

— Четыре раза, — спокойно ответил он и отошел от ее кровати.

— Четыре?

— Да. Причем, не приходя в себя между этими твоими видениями.

— О, Господи! — прошептала Кайлин и закрыла лицо руками.

— То есть, раньше такого не случалось?

— Нет.

— Мы связались с главой Гильдии нейрами. Они прислали одного из своих экспертов для работы с тобой.

— Думаешь, это может повториться?

— Не знаю. Но трястись над тобой снова у меня нет ни малейшего желания.

— Так не трясись!

— Что?

— Можешь, помоги! Но только не нужно всех этих стенаний и упреков! В чем я виновата перед тобой? В чем?

— Ты не послушалась меня. А теперь ты лежишь здесь и обвиняешь меня во всех своих несчастьях. Что я тебе сделал? Ну, напился, да, признаю. А про парилку вообще мало что помню. Но, я же был не один. Почему Маркусу все сошло с рук?

— Потому что за меня отвечает не он, Гийон, а ты.

Она тысячу раз была права, и Гийон это знал. Но просить у нее прощения, означало поддаться ее влиянию, признать, что в ее поступках не было ничего неправильного. А он не хотел этого делать. Кто она для него? Кто для нее он? Они чужие люди, разные.

— Все дело в тех невадах? Это тебе не дает покоя? — спросил он, догадываясь, что попал в точку.

— Ты можешь спать с кем хочешь, Гийон. Это не мое дело.

— Именно, не твое! — заревел он.

— Но развлекаться с проститутками нужно в свободное от работы время. Я доверяла тебе. Да, я не стала останавливать вас с Маркусом, когда вы решили снять стресс, набравшись самогонки. Но я думала, что ты все еще отвечал за меня, присматривал за мной.

— Ты сама выставила меня, как собаку, как обслугу за дверь! Ты вела себя не чем не лучше, чем ведешь всегда! Тебе наплевать на мотивы моих поступков и принятые мной решения. На все в этой жизни у тебя есть собственный ответ. И ты даже не удосуживаешься ставить меня в известность, когда принимаешь очередное гениальное решение!

— А кто ты мне такой, Гийон? Отец? Брат? Муж? Любовник? Почему я должна делиться с тобой своими мыслями? Что сделал ты для того, чтобы я смогла тебе доверять?

— А я мало сделал для тебя? Мало? Ты, лежишь здесь, живая и невредимая, и говоришь мне, что я ничего для тебя не сделал? Чего ты вообще хочешь?

— Чего? Меня заклеили словом "пробужденная" и сказали, что я всем вокруг что-то должна. Кому? Что я должна? Ты сам начал эту войну. Ты, кого я никогда не знала раньше, даже не удосужился пожать мне руку при первой встрече! Ты сам сказал, что я для тебя — не больше стула, стоящего у обеденного стола. Ты позволил своим коллегам издеваться надо мной. Ты промолчал, когда они зубоскалили у всех на виду, называя меня "убожеством". И после этого ты спрашиваешь: "чего я хочу"?

Гийону нечего было ей ответить. А когда мужчине нечего сказать, он предпочитает удалиться со сцены, нежели молча стоять на ней.

На этом их разговор закончился. Гийон вышел из палаты, позвав кого-то из коридора. Кайлин же поднялась с кровати и принялась отрывать от себя датчики медицинских приборов.

— Здравствуйте, — поприветствовал ее приятный мужской голос вошедшего.

— И вам, — ответила Кайлин, не прерывая своего занятия.

— Домой собираетесь?

— Да. И чем быстрее, тем лучше.

— Вы отдаете себе отчет в том, что перестали контролировать свой дар?

— Вы тот эксперт из Гильдии нейрами?

— Он самый. Меня зовут Нистен.

— Кайлин. Так вот, по поводу дара: я никогда его не контролировала. Так что, мне остается лишь надеяться, что в следующий раз мне повезет больше.

— Вы собираетесь вступать в контакт снова?

Кайлин даже засмеялась такому вопросу.

— От меня ничего не зависит. Я могу помочь, и помогаю.

— Ценой собственного здоровья?

— Да, ценой своего собственного здоровья.

— Дар — это ваша личная собственность. Никто не может Вас принудить его использовать.

— Скажите это моему опекуну.

— А разве Ваш опекун принуждал Вас к контакту?

Кайлин поднялась с кровати и осмотрелась, пытаясь найти свои вещи.

— Нет.

— Кайлин, Вам нужна профессиональная помощь.

— И чем же Вы сможете мне помочь?

— Я попробую научить Вас контролировать то, что вы испытываете.

— Всю свою жизнь я пыталась этому научиться.

— Значит, неправильно пытались.

— Позвольте спросить.

— Конечно.

— Вы сами владеете каким-нибудь "даром", как Вы это называете?

— Да.

— И?

— Я могу сказать Вам многое о ваших переживаниях, взяв Вас за руку.

— В таком случае, лучше Вам ко мне не прикасаться.

— Думаете, это просто, испытывать чужие эмоции?

Кайлин замерла на месте.

— А Вы испытываете их?

— Да.

— И как же Вы справляетесь с этим?

— Отстраняюсь в нужный момент. Наблюдаю за собой будто бы со стороны.

— И помогает?

— Да. Все чувствуется не так остро, как могло бы быть.

— И Вас этому тоже кто-то научил?

— Да.

— Не знаю, — пожала плечами Кайлин. — Если Вы опуститесь до того, что станете работать с пробужденной, вроде меня, я согласна.

— Моя жена — пробужденная.

Кайлин с интересом посмотрела на него.

— И каково это?

— Любить пробужденного?

— Да. Какого это?

— Так же, как и любить коренного, наверное...

— Спасибо, что пришли, Нистен. Если бы еще Вы подсказали мне, где моя одежда?

— Она у вашего опекуна.

— Так я и думала.

— Значит ли это, что Вы согласны поработать со мной?

— Скорее всего "да", Нистен.

— По просьбе вашего опекуна, собираться мы должны в вашем доме по вечерам.

— И он хочет присутствовать?

— Это его право. Он за Вас отвечает.

— Спасибо, Нистен. А теперь извините, но перед вашими глазами развернется весьма неприятная сцена.

— Борьба за собственную свободу?

— Что-то вроде.

— Ничего, можете приступать, — засмеялся молодой человек и присел в стоящее у окна кресло.

— Гийон!!! — во все горло заорала Кайлин.

Долго ждать опекуна не пришлось. Он заглянул в дверь и скривился при виде ее, стоящей посреди палаты в одном больничном халате.

— Где мои вещи?

— Ты останешься здесь до завтра.

— Где вещи?

— Я тебе их не отдам.

— Тогда я поеду в этой рубашке.

— Босиком?

— Именно! — ответила Кайлин, и, распахнув дверь настежь, вышла в хорошо освещенный коридор.

— Не думай, что это тебе поможет!

Развернувшись в пол-оборота на ходу, Кайлин показала ему третий палец и нырнула в дверь аварийного выхода.

Гийон разозлился настолько, что решил все же догнать нахалку. Выбежав за ней на лестницу, он увидел ее, сбегающую по ступенькам вниз.

— Я сломаю тебе этот чертов палец!!!

Кайлин в ответ на это только ускорила шаг.

Гийон кинулся следом, перепрыгивая через ступеньки и сыпля таким отборным трехэтажным, что даже сама Кайлин подивилась подобному словарному запасу. Как всегда, девушку спас Маркус. Выбежав в холл первого этажа и заметив его, стоящего рядом с Рихтором и Сианной, она бросилась со всех ног к нему.

Гийон налетел на Маркуса, в попытках ухватить Кайлин за руку, которая весьма проворно пряталась за спиной "спасителя".

— Успокойся!

— Отойди!

— Я сказал, успокойся! Прекрати!

— Что, решил в заступника поиграть?

— Гийон, ты перегибаешь палку.

— Пошел ты! Пошли Вы все! Делайте с ней, что хотите!!!

Бросив это, он развернулся и пошел в другую сторону.

— Допрыгалась? — разозлилась Сианна, хватая за руку Кайлин.

— Отпусти!

— Сколько можно, девочка? Ты с огнем играешь! — ответила Сианна и отпустила ее запястье.

— Маркус, отвези меня домой, пожалуйста.

— Сама добирайся, — спокойно ответил Маркус и пошел следом за Гийоном.

Кайлин обернулась к Сианне с Рихтором, но они уже отдалялись от нее в другом направлении.

Выйдя на улицу, босая и в больничном халате, она попыталась остановить такси, но из этой затеи тоже ничего не вышло. Машины объезжали ее, опасаясь, по всей видимости, столкнуться лицом к лицу с нестабильностью во всей своей красе. Как ни странно, но Кайлин не чувствовала холода. Адреналин повелевал ее сознанием, оставив из ощущений лишь злость и желание, во что бы то ни стало, немедленно добраться домой. Спас ее, как ни странно, Ено. Притормозив перед ней на неизвестной машине, робот открыл дверь и произнес заветное слово:

— Садись!

— Ты что творишь? — закричал Маркус, садясь в машину Гийона.

— Достала она меня, понимаешь?

— Да, черт с ней! Пусть делает, что хочет!

— Идиотка! Безмозглая!

— По-моему, ты слишком разошелся.

— Она опять мне этот палец показала! Как же я ненавижу этот ваш третий палец!

Оторвал бы на хрен!

— Успокойся. Пусть делает, что хочет.

— Да? А потом я отвечать за ее задницу буду?

— Откажись.

— И что дальше?

— Или найдут другого опекуна или...

— Вот именно, "или".

— Почему ты сделал это для нее?

— Что сделал?

— Нашел Нистена.

— Ей нужна помощь.

— И давно ты стал заступником пробужденных?

— Это — моя обязанность.

— Конечно-конечно.

— Ты хочешь мне что-то сказать, Маркус?

— Гийон, ты что, идиот?

— Что?

— Тебя бесит в ней все только потому, что она противится твоей воле. С ней у тебя не получается все контролировать. И в этом ты видишь для себя опасность.

— И это я — идиот?

— Ты не понимаешь...

— Пошел ты, Маркус!

Сообщение от Ено поступило по электронной почте Гийону на контактный обруч. К фотографии, на которой Кайлин "ловила" такси на улице прилагалась надпись: "что делать?"

Гийон откинулся на спинку водительского сидения и, перебирая пальцами в воздухе, написал короткий ответ: "отвези домой".

"Перейти грань очень легко, тяжело потом признаться самому себе, с какой же легкостью ты сделал это..."

Из разговора от 17.11.3565

Гийон, конечно, готовился к встрече с Кайлин на утренней планерке, но когда она заявила, как ни в чем не бывало, и с ехидной улыбкой на губах села напротив него, он понял, что сегодня точно ее удавит.

— Я смотрю, ты все-таки добралась вчера домой.

— Как будто ты не знал, что Ено меня отвез.

— Он потом доложил.

— Да что ты говоришь! Ено у нас теперь самостоятельно принимает решения?

Гийон, закрыл глаза и попытался взять себя в руки.

— Лучше заткнись.

— Затыкать себя будешь!

— Когда это я разрешил тебе обращаться ко мне таким тоном?

— Вчера, когда я послала тебя!

— А вот теперь ты доигралась! — взревел Гийон и подорвался со своего места.

— Не нужно, Гийон, — попытался успокоить друга Маркус, но того уже понесло.

Схватив Кайлин за рукав ее нового плаща своей здоровой рукой, он выдернул ее из-за стола и повел за собой.

— Куда ты меня тащишь?

— В туалет, охладить твой пыл.

— Что? — завопила она и стала вырываться из его рук.

Но силы были явно не равны. Гийон возвышался над ней, словно Гулливер над лилипутом, и любое ее движение было ловко пресечено цепкими мужскими руками.

Она опомнилась только тогда, когда увидела свое отражение в зеркале мужского туалета. Гийон одной рукой схватил ее за хвост, а другой включил воду в умывальнике. Одно движение — и перед ее глазами оказалось сливное отверстие белой раковины, размытое потоками воды, стекающими с ее головы. Еще одно движение — и она уже смотрела на его отражение в зеркале рядом со своим. Волосы натянулись до предела, и ее голова отклонилась назад в попытке уменьшить боль, которую он ей причинял.

— Еще раз позволишь себе оскорбить меня в присутствии коллег, — очень тихо, но вполне четко прошипел он ей на ухо, — и в следующий раз это будет вода не из крана, а из унитаза.

Сквозь одолевшую ее боль она потянула голову вперед, пытаясь освободиться от него. Гийон не понял ее порыва, и дабы не снять с нее скальп, отпустил свою руку. В одно мгновение на него обрушился шквал ударов, наносимых маленькими кулачками в лицо и грудь.

— Ублюдох! Ненавижу! Ненавижу тебя!

Он бы мог выбить из нее дух, одним движением заставить корчиться в муках на полу, но шок от того, что она способна на подобную ярость, и нежелание поднимать на нее руку, заставили его стоять, как вкопанного.

— Успокойся! — закричал он, но она, казалось, разозлилась еще больше.

— Да успокойся же ты!!! — взревел он и перехватил обе ее руки.

Боль от силы его хвата не привела ее в чувства, и она бросилась колотить его ногами.

Ловко скрестив ее руки перед собой, он слегка оттолкнул извивающуюся Калин от себя.

— Ненавижу!!! — прокричала она и с сомкнутыми кулаками полетела на него снова.

Гийон инстинктивно увернулся от ее удара, и Кайлин по инерции налетела прямо на зеркало, висящее возле них на стене. Удар лбом о зеркальную поверхность отозвался треском бьющегося стекла, и россыпь осколков посыпалась вниз, задев руки ничего не соображающей девушки.

— Кайлин!!! — взревел Гийон и кинулся к ней.

Две хрупкие бледные ручки были исполосованы мелкими порезами, из которых темно-красными струйками сочилась кровь, проливаясь на ее одежду и белый мраморный пол. Гийон хотел зажать раны, чтобы остановить кровотечение, но она завопила, словно жертва дикого хищника, и попыталась отползти от него.

— Кайлин, я не хотел!

— Нет, — словно в некоем безумии заголосила она. — Не подходи ко мне! Нет!!!

— Я не хотел!!! — крикнул он, пытаясь приблизиться к ней, но она словно раненный зверек отползала от него все дальше.

В этот момент в помещение туалета влетели Маркус, Сианна и Рихтор.

— Что ты сделал?! — завопил Маркус, кидаясь к Кайлин.

— Это не я!

— Нет, отойди! Не приближайся! — продолжала в истерике кричать Кайлин, уворачиваясь теперь уже от рук Маркуса.

На мгновение все замерли на своих местах.

— Что происходит, Кайлин? — как можно более спокойным голосом спросил Гийон.

Кайлин едва ли смогла подняться на ноги. Упершись в белоснежную раковину, она включила воду и начала мыть израненные руки. Сквозь слезы боли и унижения, страха и беспомощности, едва ли понимая, что на самом деле произошло, она шептала, словно заговор:

— Не приближайтесь. Пожалуйста. Не надо.

— Кайлин, ты боишься нас?

— Я инфицирована! — вдруг прокричала она в ответ, словно мать непослушному ребенку. — Я инфицирована Вереллеем!

— Болезнь Вереллея? — переспросил Гийон.

— Да, — простонала она.

Все продолжали стоять, широко открытыми глазами всматриваясь в женщину, которая смывала со своих ладоней источник возможного инфицирования неизлечимой болезнью. В ее понимании неизлечимой. В ее мире смертельной. В ее представлении опасной для них всех.

— Кайлин, — позвал ее Гийон.

Она не ответила, продолжая смотреть на свои руки под струей проточной воды.

— Я только посмотрю, что с твоими руками, хорошо? — произнес он и начал медленно, шаг за шагом приближаться к ней.

Кайлин, казалось, совершенно погрузилась в себя. Она поняла, что все это время, словно канатоходец, шаг за шагом она пробиралась куда-то вперед, совершенно не представляя

зачем это делает и куда идет. В какой же момент она упала? Когда именно, балансируя на грани между прошлым и будущим, она все же сорвалась и оказалась здесь?

Это он толкнул ее. Это он изо дня в день подталкивал ее, и вот к чему это привело. Он ненавидит ее. Он уничтожит ее, раздавит. И она позволит ему это. Ведь он сильнее, ведь в мыслях своих она уже зависима от него. Насколько же нужно быть ничтожной, чтобы тянуться к человеку, который тебя так сильно презирает? Соленые капли оросили ее глаза и упали вниз.

Гийон очень тихо подошел к ней сзади. Его состояние трудно было сейчас описать. Будто пелена спала с его глаз, и теперь он отчетливо представил себе картину, в которой Кайлин была заперта в рамках собственной болезни, не имея право на жизнь и свободу. Она не совершала самоубийства в прошлом, она умерла потому, что в ее времени лекарства от болезни Вереллея еще не создали.

И сейчас ее немые слезы не вызывали в нем ни презрения, ни жалости, как всегда это было раньше, только чистую, реальную физическую боль, с которой он не был в состоянии справиться. Что он должен сделать, чтобы прекратить эту пытку? Что должен был сделать для нее, чтобы она забрала эту боль из его груди? Он хотел прикоснуться к ней. О Боже, он хотел обнять ее и прижать к себе! Это желание превратилось в потребность, лекарство, которое могло бы спасти его от собственной физической боли.

Он обнял ее, потянулся и сомкнул свои ладони на ее раненных руках. Она не вздрогнула и не отстранилась от него. словно ее тело само позволило ему приблизиться к ней настолько близко.

Красная жидкость, смешиваясь с водой, окрасила его смуглую и стальную руки в бледно-розовый цвет. Кайлин посмотрела на их сплетенные ладони и каждой клеточкой своего тела ощутила близость этого мужчины рядом с собой.

— Все хорошо, — прошептал на ухо нежный мужской голос.

Кому он принадлежал? Что за человек стоял за ее спиной и сжимал ее руки в своих? Что за мужчина говорил с ней так тихо, что по телу пробежала дрожь? Тот ли, что причинил ей боль несколько минут назад? Или другой, которого она еще не знала?

— Все хорошо, — повторил он, крепче сжимая ее ладони в своих руках.

— Что же я наделала?

— Ничего плохого, Кайлин. Ты просто порезалась, — ответил он.

Маленькое хрупкое тело обмякло, ища поддержки в нем, и он стал для нее этой опорой. Облегчение вырвалось из него вместе с выдохом, и он сильнее прижался к ней.

Просыпаться всегда тяжело. Глаза не хотят открываться, а тело просит дать ему еще немного времени, расслаблено покоясь в тишине. Но вот настает черта, когда уже не можешь больше спать и понимаешь, что новый день, не смотря ни на что, все же настал. Это была другая жизнь. Новая дорога, которая вводила их обоих все дальше от указателя "конец".

— Прости меня, — прошептал он. — Прости меня.

Простые слова, но именно их ей так было необходимо от него услышать.

— И ты меня прости, — ответила она.

— Дай, я посмотрю, — перебила их тихий диалог Сианна, подошедшая с пачкой чистых бумажных полотенец.

Гийон отстранился от Кайлин и отошел в дальний угол туалета. Весь пол и его одежда были измазаны ее кровью. Красные размытые следы ассоциировались в его голове с ее собственной сущностью, размазанной по полу в общественном туалете.

Что он испытал? Что же он такое почувствовал, когда увидел, как она лбом ударяется в гладкую поверхность своего отражения? Она, которая доводила его до состояния кипения всего за несколько минут? Почему же он чувствует себя настолько беспомощным?

Он посмотрел на свои руки, и волна воспоминаний и боли захлестнула его. Он вспомнил тот день, когда сидел за рулем их семейной машины. Как пытался уйти от столкновения с мчащимся на них автомобилем. Как, выворачивая руль, мельком взглянул на свою жену, сидящую справа от него и прикрывающую лицо руками. Это был последний раз, когда он видел ее живой. И сейчас он испытал то же чувство, тот же страх и безысходность, когда увидел, как осколки этого черного зеркала падают на Кайлин, грозя забрать жизнь у этой женщины.

Гийон понял, что все, что он делал до сих пор — это отказывался признать очевидное. Он пытался уничтожить это сложное чувство, отрицая саму возможность его существования к этой женщине, которая принадлежала к классу тех, кого он больше всего ненавидел. Слабая... Разве она была слабой? Разве не проявила силу, сражаясь с ним изо дня в день? Безвольная... Разве ее воли не хватило на то, чтобы заставить себя выносить оскорбления и ненависть людей из его мира? Страшная... Не он ли каждый день тайком всматривался в черты ее лица, не находя в себе силы оторваться от нее? Кто же она — эта женщина? Кто же она такая на самом деле? И каким образом она умудрилась занять все его мысли за такое короткое время? Благодаря какому чуду она смогла стать для него всем?

— Я отвезу ее в больницу, — раздался голос Сианны за его спиной. — Ее раны придется зашить.

— Езжайте, — ответил он, не оборачиваясь.

— А ты? — не поняла Сианна.

— Она головой сильно ударилась. Проследи, чтобы они не упустили этот факт.

— А ты? — повторила вопрос Сианна.

— А я поеду домой. Встретимся завтра, — ответил он, и резко развернувшись, вышел из помещения, даже не взглянув ни на одного из них.

Кайлин продолжала стоять на месте, в то время, как Сианна оборачивала ее руки в бумажные полотенца. Она не видела, как он ушел, но знала, что он даже не посмотрел в ее сторону. И понимание этого причинило ей гораздо большую боль, нежели прикосновения Сианны к ее раненым рукам.

— Придется шить, — раздался голос Сианны рядом с ней.

— Шить, так шить, — ответила она и направилась к выходу.

Кайлин наложили около двадцати семи швов. Голова ее практически не болела, потому обследоваться дальше она напрочь отказалась. Сианна, к большому удивлению Кайлин, предложила ей остаться у них с Рихтором дома, чтобы кто-то мог позаботиться о ее руках, которыми она теперь с трудом могла себя обслуживать. Кайлин поблагодарила ее за столь великодушное предложение и отказалась, а Сианна в свою очередь не стала настаивать.

После обеда Гийону позвонили и предупредили, что завтра состоится детальный разбор произошедшего с его подопечной, и мягко намекнули на то, что он может потерять не столько свое опекуновство, но и лишиться звания даниила. Гийон ответил, что ему на все наплевать, и положил трубку.

День медленно проплывал перед его глазами, а он, совершенно отрешенный, все пытался собрать свои мысли воедино в звенящей голове.

Вечером к нему приехал Маркус и, найдя друга в крайне плачевном состоянии с

бутылкой виски в руках перед телевизором, попытался промыть тому мозги.

— Что с тобой? — спросил Маркус, присаживаясь рядом.

— Все в порядке. Видишь, смотрю новости.

— Ты хотя бы отдаешь себе отчет, чем все это может закончиться?

— Чем, Маркус? Я потеряю четвертую степень власти и скачусь до третьей? Или они вообще лишат меня звания даниила?

— В том, что с ней произошло — твоя вина. Если она настолько бесит тебя, почему не отказался от опекуна?

Гийон оторвался от экрана и посмотрел на Маркуса.

— Что ты вообще здесь делаешь? Езжай лучше к ней. Утешь ее. Скажи, какое я ничтожество. Глядишь, обломиться тебе что-нибудь.

— Ты что несешь?

— Что я несу? Не ты ли у нас опекаешь ее? Или это я с ее головы пылинки сдуваю?

— Я всего лишь пытаюсь помочь ей.

— Ну, так и помогай! Чего ты от меня хочешь?

— Поговори с ней. Все зависит от ее показаний.

— И что я ей скажу? "Пожалуйста? Моя карьера в твоих руках?" Или, может, я сниму с ее рук двадцать семь швов?

— Откуда ты знаешь, сколько у нее швов?

— Сианна доложила.

— Ясно.

— Что тебе ясно? Я не стану с ней говорить. Завтра вся эта чертова дребедень закончится и она, наконец-то, избавиться от всех нас, а мы — от нее.

— Дурак ты, Гийон.

— Пошел ты!!!

— Сам туда иди!!! Думаешь, никто не замечает, как ты на нее смотришь? Изучаешь каждый день? Ты поехал ради нее черт знает куда, икать неизвестно что. Ты напился до чертей, когда она выставила тебя из своей комнаты! Ты даже не собирался спать с той шлюхой в бане! Ты ее не хотел!!! Ты думаешь, что мы сегодня ничего не поняли? Твою мать, Гийон, найди в себе силы признаться хотя бы самому себе в том, что ты в нее влюблен!

— Я не западаю на убогих.

— Ладно! — воскликнул Маркус. — Для тебя убогая, а для меня в самый раз. Нравиться мне спать с такими, как она. Фигурка аккуратненькая, даже есть за что подержаться. И сама ничего. Как думаешь, какая она в постели? Взбалмошная и агрессивная или близость мужика придаст ей кротости? Если мне понравится, могу потом тебе ее передать. Или пробужденные тебя не заво...

Удар в челюсть пришелся на конец предложения. Очнулся Маркус уже лежа на полу, в то время, как его друг громил собственный дом. Бутылка виски улетела в сторону лестницы, кофейный столик в окно, стулья из гостиной вслед за столиком.

Спустя несколько минут все стихло. Маркус приподнялся с пола и увидел, как Гийон спокойно открывает следующую бутылку спиртного.

— Мне в стакан налей! — крикнул он.

— Пошел ты! — последовал четкий ответ.

— Ладно, сам налью.

— Какого черта тебе от меня надо? Думаешь, я сам ничего не понимаю? Я с самого

начала знал, что ничем хорошим это для меня не кончится. Она меня ненавидит. Постоянно пытается вывести из себя. Я вообще не могу с ней нормально разговаривать!

— А ты задумывался, почему так происходит?

Гийон подал наполненный бокал Маркусу, сидящему на полу.

— Не хочу я вообще об этом думать. Завтра все станет на свои места. Меня лишат опекуна, и Цемеи найдет для нее другого опекуна.

— А ты уверен, что именно этого хочешь?

— Да, Маркус.

— Не этого ты хочешь, Гийон. Совсем не этого.

— Заткнись и пей.

— Ты уже думал, что будешь говорить комиссии?

— Да. Я не стану опровергать ее рассказ.

— Ты не безразличен ей. Это все видят. Все, кроме тебя.

— Она ненавидит меня.

Маркус искренне рассмеялся его словам.

— Неужели? А за кем она в баню пошла? За мной, что ли?

— Я оставил ее одну и это ничем хорошим не закончилось.

— Да? Ну, тогда ладно. Согласен, что вид голой бабы верхом на тебе ее нисколько не взволновал.

— Ты хочешь, чтобы я поверил в то, чего на самом деле нет?

— Иногда вы напоминаете мне старую женатую пару, которые грызутся друг с другом по пустякам только потому, что это приносит в их жизнь недостающий перец. Ей двадцать семь лет. У нее не было мужчины и, естественно, это отражается на ее поведении. Нет ничего хуже неудовлетворенной женщины. А тут еще и мужик, которого хочешь, только и делает, что издевается над тобой. Вот она и бесится. И ты бесишься вместе с ней, потому что хочешь, а взять — боишься. Секс — вот ваша проблема.

— Это не проблема для меня.

— Ты когда в последний раз с женщиной спал?

— Не твое дело.

— Ты уже снил, как спишь с ней? Одно дело рассматривать постоянно, другое — видеть в снах.

— Тебе лучше заткнуться, Маркус.

— Переспи с ней. Этот поступок решит все ваши проблемы.

Гийон поднялся с пола и вперил взгляд в Маркуса.

— Пускай ты не веришь мне, Гийон. Сейчас не веришь. Посмотрим, что будет завтра.

— Ты что-то хочешь сказать?

— Я был у нее сегодня. Помог кое с чем. Она сама попросила, ты не думай.

— И чем же ты мог ей помочь, Маркус? — прошипел Гийон.

— Ничего такого, ревнивый засранец. Так вот, думаю, что завтра ты изменишь свое мнение об ее отношении к тебе. И если это не раскроет тебе глаза, тогда ты точно — последний идиот.

— Может, хватит оскорблять меня?!

— Все, замолкаю.

Гийону приснился дурной сон. Туалет, мраморный пол, кровь и осколки зеркала,

которое разбила Кайлин. Посреди помещения лежало обнаженное тело девушки. Он узнал ее — она последняя жертва преступника.

— Кайлин? — завет он, не понимая, куда она подевалась. — Кайлин, где ты?

Он тихо открывает одну кабинку за другой, но там никого нет. Тогда он подходит к телу. Это она. Это Кайлин. Он прикасается к бледному лицу, и она открывает глаза, хватая его рукой за шею:

— Я умерла, глупый! — смеется она и отпускает его.

— Кто это сделал?

— Я не всех помню. Иногда я сама делаю это.

— Что именно?

— Умираю. Не всегда кто-то виноват в моей смерти. Иногда я делаю это сама.

— Ты умерла всего лишь один раз.

— Ты хочешь узнать, как меня не стало?

— Да, хочу.

— Ты задаешь неправильный вопрос, Гийон.

— А какой вопрос я должен задать?

— "Кто следующий?"

— И кто же следующий, Кайлин?

— Я, конечно! — отвечает она и отворачивается. Он протягивает руку и прикасается к ее лицу, но она больше не двигается.

— Кайлин! — зовет он и просыпается.

Вокруг было темно и тихо. Он понимал, что это — всего лишь сон, но отделаться от навязчивой мысли о том, что Кайлин все равно придется стать следующей жертвой, не давала его воспаленному мозгу покоя. Они ведь все равно не отстанут от нее. Слишком редкий дар, слишком необходимый.

С самого утра за Гийоном заехали двое младших даниилов и попросили проехать вместе с ними. Гийон был знаком с процедурой: большой зал заседаний, двенадцать человек с суровыми лицами и он посреди этого цирка, молча выслушивающий нравоучительные речи и показания свидетелей. А потом — линчевание.

В зале заседаний собрались все участники представления. Двенадцати членов комиссии — все даниилы четвертого уровня — и он, сидящий перед ними за столом.

— Где Ваша пробужденная? — спросил один из них, глядя на часы.

— Она постоянно опаздывает.

— Что ж, мы можем подождать.

Зал погрузился в тихий гул, пока через несколько минут дверь с грохотом не распахнулась и в нее не вошло главное действующее лицо. Гийон обернулся и остался сидеть в таком положении, молча взирая, как некто с гордо поднятой головой в сопровождении Ено шествует по центральному проходу помещения к трибуне для допроса.

Вошедшая молодая девушка была блондинкой. Ее остриженные до плеч волосы с неровной косой челкой, осветленные в белый стальной цвет, выгодно подчеркивали бледный оттенок кожи. Модная ярко-бирюзовая блузка с короткими рукавчиками и очень глубоким вырезом обтягивала объемную грудь и тоненькую талию. Плотные темные штаны облизывали ее ноги до самых щиколоток, акцентируя внимание на самом упругом месте ее тела. Девушка была обута в маленькие лаковые туфли-балетки насыщенно бирюзового цвета, идеально подходящие к оттенку ее блузы.

Девушка спокойно прошествовала мимо него и заняла свое место на трибуне. Гийон всмотрелся в черты ее практически совершенного лица и сглотнул ком, подступивший к горлу. Ее большие глаза были окутаны дымкой бирюзовых теней. Темные брови проглядывали сквозь пряди осветленных волос ровными приподнятыми линиями. Четкий контур скул был обозначен бледно-розовыми румянами, а губы, увлажненные прозрачным блеском, придавали общему образу некую невинность.

Гийон многократно увеличил изображение и сфокусировался на этих глазах. Сегодня они казались еще больше насыщенными темно-синим оттенком, чем когда-либо. Сквозь марево этого цвета будто проскальзывала бирюза, и создавалось впечатление, что цвет ее глаз именно бирюзовый, а не синий.

Да, это была она, та же девушка, что изо дня в день делала его жизнь невыносимой, но сейчас он напрочь забыл об этом. Красивая. Она была настолько совершенна в его представлении, что даже простое ее созерцание доставляло ему самое настоящее удовольствие. И только руки, аккуратно фиксированные специальными медицинскими ортезами, напоминали ему о том, ради чего все они собрались сегодня в этом зале.

— Вам объяснили, зачем Вы здесь? — спросил один из двенадцати даниилов.

Кайлин вздернула носик и вопросительно взглянула на него.

— Да, ваши мальчики посвятили меня в суть дела.

— "Мальчики"? — удивленно переспросил даниил.

— Не нужно придирается к словам, уважаемый. Вы все прекрасно поняли, — отрезала она и, сложив руки на груди, продолжила: — Клянусь говорить правду, только правду и ничего кроме, да покарает меня мой опекун!

Гийон смотрел на это представление, разыгрываемое его подопечной, и не понимал, что происходит. Она вела себя... вела себя... как... как настоящая стерва! Эта мысль показалась Гийону весьма занимательной и он, поудобнее расположившись на стуле, продолжил слушать речь этой маленькой актрисы.

— Что Вы только что произнесли?

— Я? Клятву, что же еще, — засмеялась она, а вместе с ней и часть аудитории, присутствующая на допросе.

Маркусу, Сианне и Рихтору было не до веселья. Они ожидали самого худшего — отстранения Гийона от должности — и от показаний Кайлин зависело, как решиться исход дела.

— Ваш опекун когда-нибудь наказывал Вас, Кайлин?

Кайлин повернулась лицом к Гийону и, глядя ему прямо в глаза, твердо ответила: "Нет, никогда".

— Тогда как Вы объясните вчерашний инцидент?

— Это? — переспросила она, поднимая обе руки в воздух.

— Да, "это".

— Да нечего здесь объяснять. Пошла в туалет, ноги заплелись, упала на зеркало и разбила его.

— Простите, Вы сказали, что у Вас "заплелись" ноги?

— Совершенно верно.

— Но как это возможно на сухом гладком покрытии?

— Обыкновенно! Вы что, никогда не падали на ровном месте?

— Нет.

— Тогда Вам повезло больше, чем мне.

— Скажите, а как Вы оказались в мужском туалете?

— Вошла в дверь, — искренне ответила Кайлин и захлопала ресницами.

Маркус не смог подавить смешок, и зажал рот рукой. Гийон слегка улыбнулся, хотя сотворить такое усилие и откровенно не рассмеяться, ему тоже было трудно.

— Вошли в дверь?

— Почему Вы постоянно переспрашиваете? Я что, плохо владею языком?

— Просто, то, что Вы говорите, не соответствует действительности.

— Интересно, с чего Вы это взяли?

— У нас есть запись камер наблюдения из холла здания и мужского туалета в частности.

— И что? — никак не отреагировала на это заявление Кайлин.

— Нам показалось, что Ваш опекун насильно провел Вас в помещение туалета, затем умышленно, против Вашей воли намочил вам голову водой из крана. Вы сопротивлялись, и в ходе потасовки нанесли себе увечья.

Кайлин развернулась на стуле к "обвинителю" и, вопросительно подняв брови, изрекла:

— В тот день у меня было сильное похмелье.

— Похмелье?

— Да перестаньте же Вы, наконец, переспрашивать! — взорвалась она. — Похмелье, плохо мне было, понимаете? Тошнило. Вот Гийон и помог мне пройти в туалет. Почему в мужской, я не знаю, наверное, по привычке зашел. И голову опустил под струю холодной воды, чтобы мне стало легче. Освежает, понимаете? В общем, вода оказалась немного холоднее, чем я ожидала. Естественно, что я всплыла и решила высказать опекуну все, что я думаю об этом. В итоге, мои ноги "заплелись", и я головой разбила зеркало. Сама. Никто мне не помог!

— Скажите, и часто Вы страдаете похмельем?

Гийон неожиданно напрягся. Он понял, что теперь уже комиссию стало волновать ее странное поведение, а это означало, что Кайлин ступила на опасную тропу. Он ничем не мог ей помочь, и надеялся лишь на то, что у Кайлин хватит ума не подставиться под удар.

— Нет. Честно говоря, в первый раз такое случилось со мной. Я решила попробовать современное вино. Я никогда не разбираюсь в алкогольных напитках, но мне показалось, что сладенькое будет приятнее пить, чем сухое. В общем, купила я бутылку десертного красного и осушила ее вечером до дна. Откуда мне было знать, что оно крепленое?

— А этикетки Вы не читаете?

— Что-то я не поняла? Мы сейчас разбираем дело о том, как я перебрала с алкоголем, или дело о субординации моего опекуна? К чему все эти вопросы?

— Мы пытаемся выяснить обстоятельства, при которых Вам были нанесены эти травмы.

— Эти травмы нанесло мне зеркало, которое я разбила в туалете. Вот и все обстоятельства, которые Вас должны интересовать.

— Ваш опекун несет за Вас ответственность. Если он позволяет Вам напиваться, пусть даже случайно, это означает, что он не достаточно хорошо исполняет свои обязанности.

— Позвольте, — перебила его Кайлин. — В данный момент Гийон Самари все еще является моим опекуном, не так ли?

— Да.

— И он обязан следить за тем, чтобы я не нарушала оговоренные законодательством

правила?

— Да.

— В таком случае, может быть, Вы мне ответите, где в Конституции прописано, что человек не имеет право употреблять алкоголь в нерабочее время?

— Никто не говорит о том, что Вы не имеете право употреблять спиртные напитки. Но...

— Вот именно, — снова перебила его Кайлин. — Я имею право в своем доме пить что захочу и когда захочу. Я даже могу напиться до потери сознания, и это, черт побери, никоим образом никого не будет касаться, даже моего опекуна!

— Это его коснется, если тем самым Вы нанесете вред своему здоровью.

— Ошибаетесь! В законодательстве прописано, что опекун не несет ответственности за нанесенный вред здоровью прикрепленного пробужденного в случаях, когда этот вред нанесен самим пробужденным самостоятельно, в не зависимости, преднамеренно или нет. Это значит, что напиваться до смерти я имею полное право. И еще одно, если уж мы решили поговорить с вами о Законе. Я не являюсь Гражданкой этого общества, а посему, согласно Конституции, имею право не отвечать на Ваши вопросы, если мой опекун не изъявит противоположное желание. Причем это его желание должно быть изложено в письменной форме и подписано старшим даниилом, коим для Гийона Самари, является только Верховный даниил. Так что, если у Вас появятся ко мне еще какие-нибудь вопросы, рекомендую сразу обратиться к Старко Цемеи.

С этими словами она поднялась со своего места и зашагала обратно к выходу:

— Подождите! Пробужденная!

Кайлин остановилась, но не обернулась.

— Гийон Самари, Вы можете настоять на допросе прикрепленной к Вам пробужденной?

— Могу, — ответил Гийон, — но не буду, так как не вижу для этой процедуры достаточно оснований. В случае, если Вы не согласны с моим решением, можете опротестовать его, подав резолюцию непосредственно Цемеи.

— Гийон Самари, показания, изложенные вашей пробужденной, соответствуют действительности? Помните, что Вы, в отличие от нее, Конституции подчиняетесь и находитесь под присягой.

— Мне нечего добавить.

По залу прокатился шепот.

— Кайлин, Вы можете покинуть зал собраний. Мы огласим свой вердикт через несколько минут.

С этими словами все двенадцать даниилов поднялись со своих мест и проследовали в комнату совещаний.

"Однажды я шла домой по пустынной улице мимо одного маленького кафе. Вокруг было уже темно, и в окнах заведения можно было рассмотреть всех посетителей. Я остановилась, когда увидела в окне Женю. Он пил кофе с одной девушкой. Я не знала ее и никогда не видела раньше, но не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять: мне до нее еще очень далеко. Блондинка, длинные наращенные волосы, собранные в хвост, накладные черные ресницы, яркий макияж и красивая модная одежда на идеальной фигуре. Женя держал ее за руку и что-то говорил, а она тихо посмеивалась, кивая ему в ответ. Я смотрела на них минут десять, пока, наконец, не увидела, как он целует ее. Я представила, что она — это я. Что это у меня длинные красивые волосы и пышные ресницы, что это меня он держит за руку и целует в губы. И мне это почти удалось, пока он не повернулся и не посмотрел в окно. Конечно, он не мог меня видеть, но я тогда поняла, что всегда буду стоять где-то на улице, наблюдая за его жизнью сквозь прозрачное толстое стекло..."

Из разговора от 06.11.3565

Кайлин быстрым шагом засеменяла прочь из аудитории.

Она спешила раствориться в толпе, ожидающей за дверями зала Собраний. Нырнув в распахнутые двери, она юркнула в гущу людей и заставила себя идти спокойно. Ее трясло. Представление удалось, но она все еще испытывала страх, будто ей еще предстояло пройти через это испытание. Облегчение. Где она потеряла его?

Сжимая перебинтованные руки на груди, пытаюсь свести края блузки на собственной груди. Она шла вперед, задевая плечами незнакомых ей людей. Все они ждали окончания "спектакля". Кем они были? Доброжелателями, врагами или просто созидателями чужого падения? Кайлин задумалась над этим всего лишь на мгновение, и, подняв голову, встретила глазами с одним из тех, кого пыталась обогнуть. Резко отвернувшись, она продолжила свой путь, непроизвольно ускоряя шаг и переходя на бег.

Она знала его. Знала этого человека в прошлой жизни. "О, боже! Не может быть... Не может быть...", — повторяла она, как заезженная пластинка, пока не уткнулась лицом в стальную дверь лифта. Судорожно нажимая локтем на кнопку вызова, она начала подпрыгивать на месте. Дверь распахнулась, и Кайлин влетела в полупустой лифт. Этаж. Она не могла вспомнить этаж, на котором работала!

— Вам третий? — спросил один молодой человек, стоящий рядом.

"Откуда он знает? Откуда?"

— Да, спасибо.

Выйдя из лифта, она повернула направо и остановилась перед электронной панелью автоматической двери.

Она не знала код.

— Будь ты проклят, чертов электронный мир!!!

— Согласен, они стали слишком доверять электронике, — раздалось за ее спиной, и Кайлин поняла, что не успела убежать.

— Как ты выжил? — спросила она, зная ответ наперед.

— Так же, как и ты, мышка.

— Ты не постарел.

— Ты уснула всего лишь на два года раньше меня.

— Что ты здесь делаешь? Как нашел меня?

— А как ты сама думаешь?

— Уходи, Женя. Уходи и не возвращайся.

— Не думал, что ты скажешь мне именно это.

— Вы ничего не получите. Я не помню кодировки. Не помню.

— Если ты вспомнила меня, помнишь и коды. Про амнезию можешь им рассказывать, только мне врать не надо.

— Я не помню, Женя.

— А разве я тебя спрашивал о кодах? Мне наплевать на них. Знаешь, каких денег мне стоило найти тебя и разбудить?

— ЧТО? — прошептала она и повернулась к нему лицом.

Он не изменился. В нем все было по-прежнему. Карие глаза, смотрящие так, будто она — та, которую он искал всю свою жизнь, темные остриженные волосы, как всегда, аккуратно уложенные, идеально выбритое лицо и аромат, тот аромат, по которому она могла узнать его среди тысячи мужчин с завязанными глазами.

Он возвышался над ней, словно неподвижная стена, но на этот раз ей не нужно было задирать голову, чтобы взглянуть в эти живые глаза: он склонился к ней сам, настолько близко, что она ощутила его дыхание на своем лице.

— Ты прекрасно выглядишь, мышка.

— Я не верю тебе. Для тебя врать — все равно, что дышать.

— Ты больше не прячешься. И свою красоту не скрываешь.

Он выпрямился и, подобрав рукой прядь ее обесцвеченных волос, заправил их ей за ухо.

— Меня разбудили они. Они же и прислали тебя.

— Ты проснулась только потому, что проснулся я.

— Это не возможно...

— Что, "невозможно", Катя?

— Зачем? Зачем ты...

— Разбудил тебя?

— Зачем?

— Мы кое-что не завершили в прошлой жизни. Ты и я.

Он коснулся ее щеки и провел пальцем по бледной коже.

— Всегда хотел это сделать, — усмехнулся он. — Но ты бы все равно не позволила.

— Уходи, Женя.

— Ты изменилась. Хотя, ты всегда была красива, но сейчас я просто не могу насмотреться на тебя.

— Неужели ты сам веришь в то, что говоришь? Неужели тебе самому не противно от того, что приходится врать себе самому?

— Я говорю тебе правду, Катюша.

— Ты никогда не любил меня, Женя. Да, и кто бы мог меня полюбить, не так ли?

— Что ты знаешь о любви, Катя? Несколько взглядов, брошенных мне вслед в конце рабочего дня? Несколько шуток за ужином в пиццерии на твой день рождения? Знаешь ли ты, что такое агония, Катя, когда хочешь кого-то, но не можешь даже прикоснуться?

— Мне ли этого не знать!!! — закричала Кайлин и оттолкнула его от себя.

Он только рассмеялся ее словам.

— Ты же ни разу не была с мужчиной. Что ты могла знать? А я, в отличие от тебя, точно представлял себе, чего хочу.

— И чего ты хотел?

— Тебя! Я тебя хотел! — закричал Женя и, приблизившись к ней, запустил руку в ее растрепавшиеся волосы.

— Уходи, Женя...

— Тебе не убежать от меня...

— Здравствуйте! — прогремел Гийон, останавливаясь позади Жени.

Евгений обернулся и встретился взглядом с человеком, о котором только слышал раньше. Рядом с ним стояло еще несколько человек и робот, вопросительно смотрящий на Катерину. И хотя они разговаривали на русском, очевидно, машина без труда поняла их.

— Здравствуйте. Вы, наверное, Гийон — опекун мышки.

Гийон посмотрел сначала на незнакомца, затем на Кайлин, бледную, словно простыня, и кое-что понял. Мужчина. Этот мужчина из ее прошлого. Мужчина, с которым ее связывает что-то. И она боится его. Действительно боится.

— "Мышки"? — переспросил Гийон.

— Катерина всегда была очень хрупкой, но ее верткости можно было только позавидовать. Надеюсь, впредь Вы будете лучше присматривать за ней?

— Вас это беспокоит?

— Да. Если на ее теле появится хотя бы еще одна царапина, я доведу начатое до конца...

— Это угроза?

— Понимай, как хочешь, даниил, — бросил Женя и, обогнув всю процессию, направился в сторону лестницы.

— Кто это? — спросил Гийон, обращаясь к остолбеневшей Кайлин.

— Призрак из прошлого, — ответила она и отвернулась.

— Он угрожал тебе? Что он сказал?

— Все в порядке, Гийон. Лучше открой эту дверь.

— Как его зовут?

— Женя.

— А фамилия?

— Не важно.

Гийон распахнул дверь перед ней, и Кайлин тут же рванула в туалет. Согнувшись пополам над раковиной, она начала пить воду прямо из-под крана. Гийон вошел в туалет через несколько минут и застал ее, полусогнутую, над умывальником.

Она уже приготовилась выслушать от него гневную тираду или хотя бы едкое замечание по поводу ее поведения, но он молча подошел к ней и положил свою руку ей на плечо. Кайлин поднялась и посмотрела в зеркало, висящее напротив. Она едва ли смогла узнать свое собственное отражение. Но вот он... Он почему-то смотрел на нее как-то, как-то, как никогда не смотрел ранее. И молчал.

— Это единственное, что я могла сделать для тебя.

— Это Маркус натаскал тебя по части законодательства?

— Нет, Ено.

— Он не стал бы этого делать, если бы только...

— Я не попросила его?

— Да. Прости меня. Я не должен был...

Он замолчал, словно обдумывая слова, но, ничего не придумав, отвернулся.

— Теперь, если ты захочешь, можешь передать меня Центру или кому-нибудь еще, — вдруг ответила она. — Я не стану сопротивляться или чинить тебе препятствия, но, по крайней мере, это не будет стоить тебе карьеры.

— Я сделаю так, как захочешь ты.

Она развернулась и посмотрела ему в глаза, скрытые за обручем.

— Нужно что-то менять, — произнесла Кайлин. — Так не может больше продолжаться. Я устала, понимаешь? Я не могу тебя понять. Сейчас ты совершенно спокоен, а в следующий момент готов смешать меня с грязью. И не всегда у такого поведения находятся причины. Если я настолько ненавистна тебе — избавься от обузы. Нам обоим станет легче.

— Ты видишь проблему только во мне? А в себе не хочешь поискать?

— Я знаю, что до идеала мне еще очень далеко. Я понимаю, что некоторые мои поступки ввергают тебя в шок, что я совершенно не умею держать язык за зубами и исполнять чужие приказы. Но мне двадцать семь лет, Гийон, и я такая, какая есть.

Гийон взял ее перебинтованные руки в свои, и легонько погладил первыми пальцами повязку.

— Тебе больно?

— Нет, — ответила она, глядя на свои руки в его ладонях.

— Я хочу, чтобы ты поняла кое-что. Каким бы плохим я тебе ни казался, я — единственный человек в этом мире, который отвечает за тебя. И мне не все равно, Кайли. Ты умная женщина и должна понимать, что за моей спиной стоят люди, которые желают получить определенного рода информацию. Но есть вещи, которыми я никогда не поступлюсь ради работы. Это — чужая невинная жизнь. Ты живешь на бомбе с часовым механизмом. Я не знаю, что именно они ищут. Точнее, я вообще ничего не знаю ни о тебе, ни о твоей роли в их игре. Но последние события меня настораживают. Ты им не нужна. Я знаю эту систему и прекрасно вижу, что ты им мешаешь. Они согласились передать тебя мне, потому что знали, что ты своенравная неуравновешенная натура, которая отрицает любую зависимость от окружающих и обстоятельств. Они разбудили тебя и, когда не получили желаемого, выкинули в этот мир без подготовки. Но они просчитались в нескольких вещах. Первое — это то, что ты смогла адаптироваться. Возможно, они не ожидали, что в тебе окажется столько стремления к выживанию. И второе, они недооценили меня. Я не стану тебе вредить, а в данный момент секрет который ты хранишь, а я уверен, что ты его хранишь, тебе вредит. И боюсь, что если они получают то, чего хотят, ты станешь не просто им не нужна, ты превратишься в помеху. Я не хочу отдавать тебя им на растерзание. Но и помочь тебе я не смогу, если так и буду пребывать в неведении.

— А разве я не смогу жить просто так? Сдать экзамен на интеграцию, и жить так, как хочу?

— Все зависит от того, сумеешь ли ты убедить их в том, что ничего не знаешь. Этот мужчина, Женья, кто он для тебя?

Кайлин выдернула свои руки и отошла в сторону.

— Кайли, он угрожал даниилу четвертого уровня, а значит, верит в свою безнаказанность. Кто он?

— Мы работали вместе.

— И все?

— Что ты хочешь знать? Что я любила его? Любила, не имея права даже прикоснуться?

Гийона ужалили эти слова. Он никогда не задумывался над тем, что она могла любить кого-то раньше. Что могла хотеть кого-то. Ему не было до этого дела. Но сейчас предположение, что этот мужчина может значить для нее что-то, застлало его взор пеленой гнева.

— Он умер до тебя?

— Нет, после. Сказал, что через несколько лет. Я верю в это, потому что он мало изменился с тех пор, как мы виделись в последний раз. Он сказал, что это он разбудил меня, что следил за мной все это время.

— Ты в это веришь?

— Нет.

— Тогда, чего он хочет?

— Того же, чего и ты.

— Я бы не стал играть на твоих чувствах, чтобы добиться желаемого.

— Ты нет, а он уже сделал это однажды.

— Ты любишь его? — вдруг спросил Гийон, отворачиваясь к стене, чтобы не видеть выражение ее глаз сейчас.

— Я не знаю. Я похоронила его вместе с братом. А сейчас, он жив и говорит, что разбудил меня...

"Я не знаю", "я не знаю", "я не знаю", — крутилось в голове Гийона. Ему было больно слышать такой ответ. Она не сказала, что не любит его. Она сказала: "Я не знаю".

— Он может воспользоваться этим. Вы давно знакомы, он — часть твоего прошлого и осведомлен о твоих чувствах к нему. Будь осторожна, Кайлин.

— Что решило собрание? — спросила Кайлин, направляясь к двери.

— Они отклонили все обвинения. Честно говоря, никогда бы не подумал, что ты на такое способна. Выглядишь, как настоящая невада.

— В моем случае это — комплемент.

— Почему, "в твоём случае"?

— Для мужеподобной, такое преобразование — чудо на земле.

— Ты и без этой мишуры красива. Сама же знаешь, как на тебя официант смотрит. Да и этот охранник внизу.

Кайлин даже приоткрыла рот. Ну, взгляды официанта не заметить было трудно, а вот охранник... Это что-то новенькое.

— Мне помогла Сойя.

— Сойя? — удивился Гийон и повернулся к ней.

— Да.

— Откуда ты ее знаешь?

— Маркус нас познакомил. Он отвез меня к ней вчера, и она смогла сотворить все это. Я поеду домой. Пожалуйста, позволь Ено побыть рядом со мной. Я не могу ничего делать самостоятельно. А с роботом все довольно просто.

— Значит ли это, что ты хочешь остаться под моим присмотром?

— Да, хочу, — ответила она и вышла из помещения.

Кайлин лежала на диване рядом с Ено и смотрела телевизор. Очередной фильм из прошлого про любовь, доверие и чужие секреты.

— Ты любишь смотреть старые фильмы? — спросил робот, поправляя подушку под ее спиной.

— Это для тебя они старые, а я все это вижу в первый раз.

— Но они все про любовь.

— А что здесь такого? Я в любовь верю. И в людей тоже верю. И в возможность обретения пресловутого счастья. Но чем больше я живу, тем все дальше от меня отдалается то самое счастье. Мне двадцать семь лет, а я все еще девственница. И я не знаю, как мне строить свои отношения, тем более что отношений-то и нет никаких. Знаешь, я даже никогда не целовалась! Представляешь? Это тяжело, Ено. Поэтому я люблю смотреть фильмы, где героини обретают свое счастье и строят свои отношения. Я словно вижу себя в них, и мне становится легче.

— Мужчин на Земле много, Кайлин. Проблема в том, что ты ждешь особенного мужчину. Своего героя, которого придумала себе еще в детстве, наверное. Но реальный мир другой. Люди могут нравиться друг другу, даже могут любить друг друга, но не могут жить вместе, потому что для этого в любом случае придется чем-нибудь пожертвовать. А жертвовать они не хотят.

— Хочешь сказать, что для того, чтобы построить отношения, обязательно нужно чем-нибудь пожертвовать?

— Конечно. Гордостью, независимостью, иногда даже свободой или любовью к старым фильмам, если другая половина их терпеть не может. Я хочу сказать, что к отношениям нужно быть готовым.

Их диалог прервал звонок в дверь.

Ено подскочил со своего места.

— Ты кого-нибудь ждешь?

— Нет.

— Показать вход, — громко сказал Ено, и на экране телевизора появился Гийон, стоящий на крыльце ее дома.

Кайлин поднялась со своего места, а Ено, тем временем, открыл дверь.

— Привет! — улыбнулся робот своему начальнику.

— Привет, Ено. А где Кайлин?

— Я здесь, — ответила она, высовываясь в дверь. — Заходи.

— Не помешаю?

Кайлин была, мягко скажем, удивлена такому вопросу.

— Нет, проходи. Чай, кофе, может, ты голодный?

— Нет, спасибо, — ответил он и прошел в дом.

— Я могу идти? — спросил робот, обращаясь, как бы это странно не выглядело, к Кайлин.

— Я позабочусь о ней, не волнуйся.

— Но... — воспротивилась Кайлин.

— Он вернется в девять. Вернешься? — спросил он у робота.

— Конечно, Гийон. Если что-нибудь понадобится, вы знаете, как со мной связаться.

С этими словами робот вышел из дома, закрыв за собой дверь.

Кайлин осталась стоять там, где стояла. В облегающих джинсах и свободной рубашке поверх она смотрелась весьма...эротично. Гийон тут же скользнул взглядом в распахнутый ворот, где виднелся краешек белого кружевного лифчика, и опустил глаза ниже,

сконструировав форму ее бедер под полами рубашки.

Гийон напрягся, переведя взгляд на собственную обувь, и принял решение снять ботинки, в которых пришел.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, разуваясь.

— Хорошо, — пожала плечами она и приняла прежнюю позу на диване в гостиной.

— Фильм, — сказала она, и как ни в чем не бывало, продолжила просмотр любовной истории.

— Это там, где он ей изменял? — спросил Гийон, присаживаясь на диван рядом с ней.

— Ты смотрел?

— Да, у Маркуса. У него большая коллекция фильмом и музыки из вашего времени.

— Обычно, мужчины не любят смотреть мелодрамы.

— Не то, чтобы я не любил их смотреть. Просто, это не мой жанр.

— Хочешь, поставлю что-нибудь другое.

— Нет, почему же, фильм вроде бы ничего.

Присидев в молчании минут пять, всматриваясь в экран голографического телевизора и не понимая ровным счетом ничего из того, что там происходит, потому как мысли были несколько "заняты" иными вещами, Гийон все же прервал тишину:

— Ты давно ела?

— Ено покормил меня в три часа.

— Но уже семь.

— Нужно заказать что-нибудь. Сейчас телефон поищу.

— Сиди, я сам.

Гийон поднялся с места и прошел на кухню. Заглянув в холодильник, он извлек из него замороженный кусок мяса, морковь, помидоры, грибы и спаржу.

Кайлин вошла следом и остолбенела.

— А где сковородки? — не обращая внимания на ее удивленное выражение лица, спросил Гийон.

— Там, — указала пальцем она.

Гийон открыл шкафчик и достал сковородку и маленькую кастрюлю.

— А специи где?

— Рядом, справа.

— Ты любишь острое?

— Так, в меру. А ты?

— Я? Тоже в меру. Масло возле плиты.

— Хорошо. Сейчас мясо разморожу. А ты присаживайся, не стой.

— Никогда бы не подумала, что ты умеешь готовить.

— Почему?

— Не знаю. Это как-то не вяжется с моим представлением о тебе.

— Перед тобой человек, который любит хорошо и вкусно поесть. Ненавижу все эти быстрые "ядохимикаты". От них резиной тянет.

Кайлин засмеялась, вспомнив, как в первый раз попробовала картошку с индейкой из этих пакетов.

— Что? — не понял он.

— Точно, "резина". Не знаю, как Маркус это ест.

— Он ленив от природы.

— У меня есть вино, — сказала Кайлин, припоминая, что хозяйка дома все-таки она.

— Нет, спасибо. Я за рулем. А ты?

— А я на антибиотиках, — засмеялась она.

— Прости, я забыл.

— Да ладно тебе! А что ты собрался приготовить?

— Мясо в соусе и овощи.

Гийон помыл овощи и достал размороженный кусок мяса из микроволновки. Взяв один из ножей, стоящих в подставке на столешнице, он разложил мясо на разделочной доске и ловкими движениями руки начал его нарезать. Кайлин наблюдала за ним, как зачарованная. Следующими на очереди были овощи и приемы обращения с холодным оружием. Гийон умудрялся крутить нож в стальной руке точнее так же, как и в здоровой, подбрасывая его вверх и перехватывая в воздухе.

— Вот это да! — хохотала Кайлин. — Это все даниилы умеют?

— Нет, только те, кто достиг четвертого уровня власти и кого зовут Гийон.

— Да, против тебя в рукопашную наверняка идти не стоит.

— Не стоит...

Через час перед ней стояла тарелка с тушеным мясом в белом соусе и вареными овощами, приправленными специями. Гийон сел напротив со своей тарелкой и задумчиво посмотрел на нее.

— Если ты дашь мне ложку, я смогу поесть, — замялась Кайлин.

— Как? Держа ее ногой?

Он подвинул свою тарелку к ее и, переставив стул, присел рядом. Насадив один аппетитный кусочек мяса на вилку, он поднес прибор к ее рту. Кайлин засмеялась, и в этот момент вожаденный кусочек оказался у нее во рту.

— М-м-м, — заурчала она, словно кошка, — очень вкусно, спасибо.

Гийон смотрел на нее, не отрываясь. Маленькие кусочки пищи проникали сквозь бледно-розовые губы и попадали на маленький язычок, исчезая через мгновение. Соус остался на нижней губке, и она облизнула ее, засмеявшись.

— Очень вкусно! Очень! А ты собираешься есть?

— Конечно, — ответил он и быстро проглотил несколько кусков мяса со своей тарелки.

— Мир потерял великолепного повара.

— Думаю, даниил из меня вышел тоже ничего.

— А вот мой брат постоянно подтрунивал надо мной. Он говорил, что настоящая женщина должна плохо делать три вещи: готовить мясо, водить автомобиль и программировать наномашин, — Кайлин искренне рассмеялась, а потом, вдруг, замерла на месте. Гийон тоже не двигался и продолжал вопросительно смотреть на нее.

— Ты не могла быть программистом.

— Почему?

— Ты с техникой совершенно не ладишь. Так что, рискну предположить, что программистом был твой брат.

— Он был инженером.

— То есть, создавал и программировал наноустройства?

— Да, он был бы впечатлен, попав в этот мир и узнав, что нанотехнологии теперь применяют при воссоздании частей человеческого тела...

— Ты о моем мерцании?

— Его ведь создают наноустройства, сталкиваясь друг с другом?

— А ты знаешь гораздо больше, чем я предполагал.

— Лучше бы я не знала некоторых вещей, — вздохнула Кайлин.

— Ты о своем даре?

— "Дар" — какое странное слово для того, на что я способна.

— Расскажи, как ты обнаружила его?

— Как умерла в первый раз?

Гийон поморщился от ее слов, но поправлять не стал.

— В первый раз я вообще не поняла, что произошло. Это было на похоронах дяди. Мне тогда только исполнилось двенадцать лет. Дядя лежал дома в гробу, и толпа родственников и близких людей собралась, чтобы проводить его в последний путь. Я, вслед за матерью, подошла к гробу и дотронулась до его руки. Я простояла так совсем недолго, а когда отошла, почувствовала странную боль в груди. Я видела лица людей, которых не знала и которые пытались мне помочь. Я понимала, что это происходит не со мной, это уже было, с дядей, но изменить что-либо или приказать себе не испытывать этого не могла. В двенадцать лет я умерла в первый раз. Ты думаешь, умирать страшно? Нет, самое страшное — это жить в ожидании смерти.

— А как ты инфицировалась Вереллеем?

Кайлин вздохнула и отвернулась.

— Думаю, у тебя самого есть несколько вариантов ответов.

— Хочешь послушать?

— Да, так даже интереснее.

— Во-первых, ты заразилась не половым путем. Почему? Мы оба знаем ответ. Значит, этот вариант отпадает. Во-вторых, ты инфицировалась либо в раннем детстве, либо в юности. Болезнь Вереллея открыли в 2042 году. Значит, с рождения болеть ты не могла. И испытать все прелести взрослой жизни ты к моменту инфицирования не успела. Остается только один вариант: ты заразилась в ходе медицинской манипуляции. Учитывая, что в прошлой жизни ты пережила тяжелую травму, рискну предположить, что тогда же ты и инфицировалась, вернее, тебя инфицировали.

Кайлин даже попыталась поаплодировать, отдавая дань его превосходной теории. Только улыбка на ее лице выражала скорее грусть, нежели радость.

— Донорская кровь оказалась "грязной"?

Кайлин засмеялась в голос.

— Странно даже. Я всегда мечтала начать все заново. Понимаешь, с приходом этой болезни смысл моего существования оборвался. Каждый новый день превратился в ожидание того, что непременно должно было произойти. Шестнадцать лет. Жизнь только начиналась, а на ней уже был поставлен крест. Знаешь, о чем я подумала, когда поняла, что он сделал? Нет, не о втором шансе. Я подумала о том, что следует быть крайне осторожной в своих мечтах: кто знает, возможно, они когда-нибудь сбудутся.

— Мне очень жаль, что так случилось.

— Не нужно. Я не хочу, чтобы меня жалели.

— Кто-то обидел тебя своей жалостью?

— Да, многие.

— Но, был ведь особенный для тебя человек?

— Хочешь и про это узнать?

— Хочу.

Кайлин вздохнула и откинулась на спинку стула.

— Однажды я встретила мужчину, в которого влюбилась с первого взгляда. Это было очень мучительно для меня. В последующие годы мы работали вместе. Я знала, что не имею право испытывать к нему какие-либо чувства, но поделаться с собой ничего не могла. Он общался со мной, иногда даже в неформальной обстановке, но когда он смотрел на меня, я отчетливо читала в его глазах жалость. С тех самых пор я ненавижу это чувство. Иногда мне даже казалось, что лучше бы он ненавидел меня. Возможно, ненависть, как обратная сторона страсти, согрела бы мое сердце гораздо больше, чем презренное чувство жалости.

— Ты говоришь о Жене?

— Да.

— Ты так и не простила своего брата за то, что он нарушил свое слово?

— Наверное, я с самого начала знала, что его "обещаю" верить не стоит. Просто, я была зла на него. А теперь и злость куда-то исчезла. Мне не хватает того мира. Пускай там я не была своей, но и здесь я совсем чужая.

— Странно слышать от тебя такие слова.

— Это правда, Гийон, — Кайлин снова засмеялась, а затем вспомнила Женю, и улыбка медленно растворилась на ее лице.

— О чем ты подумала?

— О своей жизни.

— Прошлой или настоящей?

— Прошлой.

— Сидя сейчас здесь, как бы ты охарактеризовала свою прошлую жизнь?

— Двумя словами — "за стеклом".

— Почему, "за стеклом"?

— Однажды я шла домой по пустынной улице мимо одного маленького кафе. Вокруг было уже темно, и в окнах заведения можно было рассмотреть всех посетителей. Я остановилась, когда увидела в окне Женю. Он пил кофе с одной девушкой. Я не знала ее и никогда не видела раньше, но не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять: мне до нее еще очень далеко. Блондинка, длинные волосы, собранные в хвост, накладные черные ресницы, яркий макияж и красивая модная одежда на идеальной фигуре. Женя держал ее за руку и что-то говорил, а она тихо посмеивалась, кивая ему в ответ. Я смотрела на них минут десять, пока, наконец, не увидела, как он целует ее. Я представила, что она — это я. Что это у меня длинные красивые волосы и пышные ресницы, что это меня он держит за руку и целует в губы. И мне это почти удалось, пока он не повернулся и не посмотрел в окно. Конечно, он не мог меня видеть, но я тогда поняла, что всегда буду стоять где-то на улице, наблюдая за его жизнью сквозь прозрачное толстое стекло.

— Но сейчас ты не больна. И можешь так же сидеть в кафе, и кто-нибудь будет держать тебя за руку... Или Женя будет держать тебя за руку...

Она посмотрела на него, а он замолчал, глядя в ее наполненные слезами глаза. Ему было больно говорить это, и еще больнее думать об этом.

— Я никогда не окажусь на месте той девушки. Потому что я никогда не позволю Жене приблизиться к себе настолько близко.

— Ты любишь его?

— Ты спрашиваешь меня об этом уже второй раз.

— Так, любишь или нет?

— Пойми, в моей жизни ничего, кроме иллюзий не было. Кто такой Женя? Это мужчина, привлекательный, успешный, который работал вместе со мной. Конечно же, я влюбилась в него. А в кого мне еще было влюбляться, если кроме работы и больницы я нигде не бывала? Того Жени, которого я любила, нет и не было никогда. Есть фантазия и реальный человек, и они совершенно не похожи друг на друга.

— Ты так и не ответила.

Она посмотрела на него и, отвернувшись, все-таки сказала:

— Нет, я не люблю его.

Гийон снова поднес кусочек мяса к ее рту, и она послушно проглотила его.

— Тебе нравилась твоя работа? — спустя несколько минут спросил он.

— Да, — выдохнула она.

— Почему же ты не захотела заниматься тем же и здесь?

Кайлин поднялась со стула и подошла к умывальнику.

— Ничего не выйдет, Гийон.

— Это простой вопрос. Он ни к чему тебя не обязывает.

— Если бы ты знал... Прийти сюда и воспользоваться моей беспомощностью. Сделать вид, что тебе приятно мое общество и попытаться добиться того, чего от тебя требуют.

Гийон почувствовал, как его кровь в его жилах закипает от гнева. Швырнув вилку, которой он кормил ее, на стол, Гийон поднялся со своего места и подошел к ней, вплотную прислонившись к ее спине. Кайлин затрясло от такой близости.

— Думаешь, я пришел сюда ради задания?

— Я не понимаю тебя, Гийон...

— Я сам себя не понимаю, — ответил он и отошел от нее. — Я не испытываю жалости к тебе, Кайлин. И ненависти во мне тоже больше нет. Не знаю, почему во всех моих поступках ты ищешь какой-то подвох. Наверное, причина даже не во мне. Но так нельзя.

— По отношению к кому, Гийон?

— Ко мне.

Она обернулась и посмотрела на него. Он тоже смотрел на нее, застыв на полпути к двери из кухни.

В дверь позвонили, и, Гийон, не задерживаясь, поспешил открыть дверь.

— Я не помешал? — спросил улыбающийся Ено и вошел в дом.

— Нет, как раз во время, — ответил Гийон и, надев ботинки, вышел на улицу, даже не попрощавшись.

"Иногда по вечерам, оставаясь в своем доме одна, я ложилась в постель, закрывала глаза и представляла, какой могла бы быть моя жизнь, если бы я не инфицировалась Вереллеем. И знаешь что? Как бы ни старалась, я не могла нарисовать себе этот иллюзорный мир. Кем бы я стала? Какую профессию выбрала? К чему бы стремилась и чего достигла? И я засыпала, осознавая, что больше не могу мечтать, что судьба лишила меня иллюзий и изуродовала не только мое будущее, но и меня саму..."

Из разговора от 17.11.3565

После его визита она не видела его около недели. Ничего нового не произошло за это время. Дважды к ней заехал Маркус. Он не был многословен и в разговоре старался не упоминать ни слова о работе, точно так же, как и о Гийоне.

Все изменилось в один день. Кайлин смотрела утренние новости, когда диктор с улыбкой на устах сообщила о результатах заседания Совета по вопросам пробужденных.

"Очередная поправка в "Законе о пробужденных" была принята сегодня. Таким образом, все лица из числа пробужденных, состоящие в браке или вступающие в брак с гражданами нашего общества, приобретают статус граждан. Сторонники данной поправки уверяют, что за последние пятьдесят лет не было зафиксировано ни одного случая нестабильности среди пробужденных, состоящих в браке с коренными жителями Земли. Однако, стоит ли верить столь громким заявлениям? Напомним, что ранее супругу-гражданину автоматически присваивался статус опекуна, и говорить о лояльности таких наблюдателей на сегодняшний день было довольно сложно..."

Кайлин выключила телевизор и закрыла глаза. Гийон предупреждал ее о возможных беспорядках после принятия новой поправки. Естественно, что после таких вот недвусмысленных заявлений по ТВ, коренные выйдут на улицы с факелами в руках и начнут "охоту на ведьм".

Гийон оказался на ее пороге ровно через двадцать минут после злополучного выпуска новостей.

— Собирайся, мы уезжаем.

— И тебе привет. Проходи.

— Странно, что ты не споришь со мной.

— Что, обнаружил во мне намек на рациональность?

— Не без этого.

— А куда ты меня собрался отвезти?

— Подальше от квартала пробужденных.

— Надолго?

— День, может два.

— Тогда позови Ено. Одна я сумку не соберу.

— Он уехал. Я помогу тебе. Говори, что делать.

Кайлин эта перспектива не понравилась, но выхода, собственно говоря, у нее не было.

Она показала ему, где лежит ее дорожная сумка, а затем проводила в свою комнату, попросив оставить сумку на диване.

— Что брать? — спросил Гийон, приближаясь к ее шкафам для одежды.

— Не нужно, я сама.

— С повязками на руках? Не дури. Показывай, что складывать.

Кайлин хотела его опередить, но, по закону подлости, Гийон открыл шкаф первым, и тут же уставился на полку с ее нижним бельем. Кайлин залилась краской по самые уши. Ее трусики "неужели ты еще девственница?" были сложены в аккуратную стопку и располагались прямо посреди кружевных лифчиков, разбросанных вокруг.

Гийон пальцем достал "две веревочки" черного цвета и вопросительно посмотрел на нее.

— Эти лучше оставить дома.

Тогда он пальцем подхватил другие, ярко красные, отделанные черной атласной лентой по линии пояса.

— Ты будешь все выбирать по одному предмету? — спросила она и обеими руками подхватила все, что попало на полке.

Два черных лифчика и одни беленькие трусики она выронила по дороге к сумке.

Гийон поднял их и покрутил в руках.

— Третий?

— Что "третий"?

— Размер — третий?

— Н-да. В женской белье ты разбираешься.

— Неплохо для твоего роста.

— Мы будем сейчас обсуждать соотношение моего роста к размеру моей груди, или ты все-таки сможешь мне сложить вещи?

Гийон ничего не ответил и, вернувшись к шкафу, начал обыскивать остальные полки.

— А Ено будет там, куда мы едем?

— Если ничего не случится, то — да.

— А если случится?

— Нет.

— Плохо.

— Не волнуйся, мы что-нибудь придумаем.

— Почему ты не приезжал ко мне?

Гийон замер на месте, не в силах озвучить очевидный ответ.

— А ты ждала, что я навещу тебя?

— Да, — уверенно ответила она и посмотрела на него.

Он тоже обернулся и несколько минут они просто стояли в молчании и смотрели друг на друга.

Когда в Кайлин появилась смелость? Когда она пришла к выводу, что кое-что в этой жизни следует брать собственными руками, не дожидаясь, когда оно само упадет тебе на голову? Она и сама не знала ответов на эти вопросы. Понимала только одно: она хочет его. Того, что скрывает свой взгляд от сторонних людей под контактными обручами и говорит с ней тем низким бархатным тембром голоса, который приобретает стальные оттенки, когда он зол.

— Еще недавно ты кричала, что ненавидишь меня.

— Еще недавно ты презирал меня.

— И ты уверена в том, что все изменилось?

— Если это не так, тогда почему ты смотришь на меня, как будто...

— Ты не знаешь, как я на тебя смотрю. Ты не видишь моих глаз.

— Я читаю это по выражению твоего лица.

— И что же ты читаешь?

— Желание.

— Ты знаешь, как смотрит мужчина, который желает?

— Это когда по телу разливается дрожь, и ноги подкашиваются?

— Это скорее свидетельствует о твоём собственном желании.

Секунду она не могла пошевелиться. Он молчал. Она отвернулась и начала что-то интенсивно искать в своей сумке.

— Там ничего нет, кроме твоего нижнего белья.

Кайлин остановилась и замерла на месте. Такого унижения она никогда в своей жизни не испытывала. На что она рассчитывала? Что он что-то чувствует по отношению к ней? Что он хочет ее? Как же мерзко... будто тебя вывернули на изнанку и выставили на всеобщее обозрение.

Слезы оросили ее глаза. Она не хотела унижать себя еще больше перед ним.

Кайлин метнулась к двери, но он бросился следом и нагнал ее в проеме. Обхватив ее руками за талию, он прижал ее к себе и, наклонившись заглянул в глаза. Эти слезы... И ведь он был причиной этих слез...

— Отпусти, — запищала она, пытаясь вырваться. — Отпусти!

Гийон развернул ее лицом к себе и впился в маленький сочный рот с такой силой, что это причинило боль. Его язык нагло проник сквозь ее губы и окунулся в нетронутый мир ее собственного тела. И она распахнула губы, все еще пытаясь оттолкнуть его. Гийон обхватил ее лицо руками и сильнее прижался к маленькому рту. Он сминал ее, прикусывая и лаская своим языком. И она, словно пробужденная от долгого сна, ощутила тот же голод, что пытался унять он сам.

Она обвила руками его шею и, прильнув всем телом, ответила на его зов. Заплетя свой язык в его, она так же сильно прикусила его губу и ворвалась сквозь мягкие мужские губы в его мир. Сладкий. Он был таким сладким! Она нежно коснулась его неба и скользнула по нему кончиком своего языка. И это убило его. Эта нежность нанесла ему такой удар, что даже ноги его подкосились в этот момент.

Он отстранился от нее и, не сводя глаз с распухших и закусанных губ, прикоснулся к ним снова. Только это был другой поцелуй. Нежный, волнующий, приносящий с собой не боль, а дрожь от каждого прикосновения, заставляющий ее охватывать его язык своим и ласкать, скользя по влажной поверхности, проникая в него и пробуя на вкус, смешивая со своим собственным вкусом.

Гийон простонал в ответ, спустившись руками по ее спине вниз, и охватил пальцами ее бедра, сжав их в своих ладонях. Она прильнула к нему настолько близко, что почувствовала, как ее собственное тело вминается в него.

— Останови меня, — прошептал он, отрываясь на миг, и вновь припадая к ее маленькому рту, сжимая ее бедра и притягивая к себе, к своему возбуждению, будто предъявляя ей доказательства того, что он испытывает все это с ней здесь и сейчас.

Она с силой сомкнула руки на его спине, и это прикосновение отозвалось во всем его теле мгновенной судорогой. Он приподнял ее за бедра, и она обвила его талию своими ногами. Она была такой легкой, словно перышко. Гийон внес ее обратно в комнату и подошел к кровати.

— Сними этот обруч — попросила она, отрываясь от его рта.

— Не надо, Кайли.

— Сними, пожалуйста.

— Чтобы ты снова испугалась?

— Ты не сможешь меня напугать.

— Почему?

— Сними, тогда отвечу.

Одной рукой он прикоснулся к оправе контактного обруча и нажал на кнопку сбоку, затем снял ее и кинул на пол. Темно-красные глаза, не мигая, смотрели на нее. И в омуте черноты его зрачков она не увидела той пустоты, что смотрела на нее в тот день.

Кайлин снова прикоснулась к его губам. Легко, мимолетно, нежно. Он обхватил руками ее тело и заглянул в темно-синюю озерную гладь. Она не отвела глаз, и страха в ее взгляде он тоже не прочел.

— Я не понимаю...

— Просто сейчас, Гийон, ты видишь меня, а не просто смотришь.

И теплый бархат губ слился с такой же теплотой.

— Ложись, — прохрипел он.

Она тут же опустилась на кровать и растянулась перед ним на покрывале. Он заполз на нее сверху и начал медленно расстегивать мелкие пуговицы ее рубашки, оголяя бархатную поверхность бледной кожи живота.

Он снова наклонился к ее губам, и она раскрыла их, принимая его и отвечая на ласку нежным касанием. Песня его языка увлекла ее за собой, призывая повторять понятный и простой мотив. Застежка на облегающих брюках поддалась натиску его пальцев без сопротивления, и стальная рука его скользнула в другую сущность ее тела, окунувшись в иное тепло ее существа. Она застонала, снова раскрыв свои губы, и он воспользовался этим, поглотив ее рот своим.

Кайлин и представить себе не могла, что эти железные пальцы могут быть такими нежными. Он гладил ее, легонько прикасаясь там, внизу, погружая ее в некий разноцветный мир, полный ярких красок и контрастов. Он снял с нее блузку и брюки, оставив только черное кружево белья. Его рубашка была следующей на очереди, и он расстался с ней без сожаления, точно так же, как и со своими брюками.

Ее тело, отличное от людей его времени бледным оттенком шелковистой кожи, лежало практически обнаженным перед ним. Оно было идеальным. Здесь не требовался особый точный расчет, который он чуть ли ни ежедневно проводил в своем уме, рассматривая ее в одежде. Гийону вообще не нужно было рассчитывать проценты симметричности сейчас. Он просто смотрел на нее и не мог насытиться этим созерцанием. Сто процентов. Она была высшим созданием, для него высшим и созданным, очевидно, то же для него.

И она смотрела без страха и смущения, жадно разглядывая стальные элементы его тела и смело прикасаясь к мерцанию его кожи, поглаживая ее своими пальцами, заключенными в плен специальных повязок. Точно так же она прикасалась и к его настоящей коже, и Гийон осознал, что его внешний вид несколько не отталкивает ее.

Он прижался губами к ее шее и кончиком языка проложил линию к кромке ее бюстгалтера. Закусив черную тонкую ткань, он обвел контуры ее напрягшегося соска и поцеловал его через кружево. Влажное полотно прилипло к коже, повторяя каждое движение ее вздымающейся груди. Незаметно щелкнула застежка на ее спине, и черная

преграда улетела куда-то на пол.

Гийон коснулся бледно-розового бутона и согрел его своим ртом. Затем нежно накрыл его своими губами и втянул в рот, обводя языком и посасывая ее грудь. Он отстранился от нее и подул на влажную от поцелуя бледно-розовую поверхность. Кайлин засмеялась, почувствовав, как дрожь пробегает по ее телу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Было ли ей стыдно так лежать перед ним? О, нет! В ней не было ни капли стыда. Возможно, она точно не могла понять, как должна отвечать ему на его ласки, но то, что она получала чистое искреннее наслаждение, абсолютно не стесненное никакими предрассудками, было определенным.

Гийон коснулся ее бедер рукой и снова окунулся во влагу ее тела, скрытую под полоской кружевного белья. Мышцы ее напрялись, тело выгнулось, и новый стон обласкал его слух.

Гийон припал ко второй ее груди, и согрев ее своим ртом, начал спускаться ниже, касаясь шелковистой кожи кончиком носа и влажными губами, чувствуя, как сокращаются все ее мышцы: под губами — от поцелуев, под рукой — от движений его пальцев.

Кайлин перестала воспринимать реальность. Она закрыла глаза и, с силой вжимая свою голову в мягкий матрац, застонала.

Гийон добрался до кромки ее красивых черных трусиков и, резким движением руки, что все еще находилась под ними, рванул их вниз. Кайлин даже взвизгнула от неожиданности, а порванное кружево улетело куда-то в сторону.

Гийон встал у ее ног на колени и замер в таком положении.

Чем она отличалась от женщин его времени? Всем. Она была чем-то, от чего он не мог отказаться, от чего он не мог оторваться. Бледная кожа ее бедер плавно перетекала в нежно розовую плоть, которую он пока еще даже и не начал исследовать.

Гийон поднял одну ее ногу в воздух и, поцеловав ямочку под коленом, повел свои губы по внутренней поверхности бедра. Приблизившись в границе ее лона он вдруг почувствовал, что она пытается свести ноги.

Гийон приподнял голову, посмотрел на нее и встретился с широко раскрытыми глазами, в которых читалось больше удивление, нежели стыд.

Не сводя глаз с ее лица, он обеими руками широко раздвинул ее бедра и начал наклоняться к ее лону. Кайлин закрыла лицо руками и снова откинула голову на матрац. Гийон улыбнулся такой реакции. Она все-таки испытывала чувство стыда. Но это пока...

Гийон коснулся языком сокровенной влаги и теплоты. Она была такой нежной, теплой, влажной и изумительно сладкой... Кайлин выгнула спину и застонала, снова пытаясь сомкнуть свои ноги. Гийон не обратил на это никакого внимания, припадая к ней снова и снова, до тех пор, пока не почувствовал, что она в ответ приподнимает свои бедра ему навстречу. Он не стал останавливаться, побуждая ее повторять свои движения, обводя и играясь языком с ее маленьким узелком, окунаясь в сущность ее тела и принуждая его сотрясаться в ответ на его ласки.

Только спустя долгие минуты, только после того, как она стала кричать во весь голос какие-то слова на незнакомом ему языке, он приподнялся над ней и снова коснулся рукой ее лона. Только на этот раз по-другому. Глядя на ее раскрасневшееся лицо, зажмуренные глаза и губы, которые она сама того не понимая, все это время закусывала, Гийон проник в нее пальцем, окунувшись в тесноту и мягкость ее существа.

Кайлин от этого ощущения закричала так громко, что даже испугалась сама. Как может человек прожить столько лет и даже не подозревать, что в его теле есть такое место, куда он проник только что?

— Поцелуй меня, — попросил он, и она, послушно обвив его завязанными руками, подалась навстречу.

Она была готова принять его. Он лег сверху и, проникнув в нее еще одним пальцем, прикоснулся к ее боли. Она отреагировала моментально. Ноги с силой обхватили его, все тело сжалось в комок, а из горла вырвался жалобный писк. Гийон резко дернул пальцы вверх и Кайлин, выгнувшись дугой, закричала.

— Сейчас, милая, сейчас все пройдет, — прошептал он, отнимая окровавленную руку и целуя ее шею.

Она пришла в себя довольно быстро, и смогла ответить на его поцелуй, вновь вжимаясь своими бедрами в него.

Гийон приподнялся, и Кайлин почувствовала, как его плоть проникает в нее и заполняет собой. Ее мышцы окутали его, словно бархатная перчатка, причиняя небольшую боль.

Гийон совершил первое движение и Кайлин застонала.

— Тебе хорошо? — прошептал он свой вопрос ей на ухо.

Гийон боялся услышать ответ. Тот, в котором прозвучали бы отголоски боли или, что еще хуже, разочарованности. Но она ответила:

— Да, очень, — и все сомнения окончательно покинули его.

Он заполнял ее снова и снова, он становился с ней одним целым, и она чувствовала его всем своим существом, именно там, где его не хватало, где хотелось заполнить пустоту.

Новый толчок смешался с ее дыханием. Он почувствовал, как тело ее поддается его натиску, принимая в себя его плоть, и принося ему ни с чем не сравнимое удовольствие, заставляя сотрясаться в волне дрожи при каждом движении.

Под сбивчивый ритм своего дыхания, она стонала в его губы, и он, проникая в ее рот своим языком, пил эти вдохи, словно влагу из родника.

В какой-то момент Кайлин заметалась под ним, приподнимая бедра все выше, потеряв способность отвечать на ласки и выкрикивая какие-то слова на родном языке. Гийон приподнялся над ней и, заведя свои руки ей за спину, сильнее прижал ее к себе. Она закричала, чувствуя, что он все глубже проникает в ее тело, все ближе приближая ее к чему-то.... чему-то невообразимому.

Крик ее экстаза ворвался в него, словно ветер, и спазмы ее мышц сжали его сущность в настойчивом ритме оргазма. Он закричал в ответ, проникая в нее в последний раз, поднимая ее бедра, притягивая их ближе к себе и изливаясь.

Когда все было кончено, и сердце ее перестало отбивать сбивчивый стук наслаждения, он обнял ее и закрыл свои глаза.

— Не отпускай меня, — произнесла она в тишине под шум его размеренного дыхания.

— Не отпущу. Никуда не отпущу, — ответил он и сильнее прижал ее к себе, накрыв их обоих краем покрывала, на котором они лежали.

— Мне нужно в душ, — прошептала она, закрывая глаза.

— Тш-тш-тш, — ответил он.

— Но...

Он раздвинул ее бедра рукой и окунул пальцы во влагу между ее ног.

— В этом нет ничего грязного, зайчонок.

"Зайчонок". Никто никогда не называл ее так. И это слово, произнесенное его охрипшим уставшим голосом ей на ухо, и его поцелуй, оставленный им на ее шее, окончательно сломали всякое сопротивление. Стало все равно, что происходит вокруг. Не важным стало, когда они оба попадут в душ. Было наплевать, что делается там, на улице, вдалеке от них. Ведь это он лежал рядом с ней здесь и сейчас, и не собирался никуда отпускать.

Спустя несколько минут он приподнялся и осмотрелся.

— Нужно собираться. Черт знает, когда соберется эта толпа и когда они появятся здесь.

Кайлин потянула на себя покрывало, и, замотавшись в него, поднялась с кровати. Все тело ломило, но это была приятная усталость. Кайлин зашла в ванную, закрепила душ в стойке, как она уже наловчилась делать, и начала разбинтовывать руки, чтобы помыться.

— Что ты делаешь? — спросил Гийон, абсолютно голый заходя в ванную следом.

— Нужно принять душ, а для этого придется снять повязки. Не беспокойся, я всегда так делаю.

— Я думал, что тебя купает Ено.

— Даже роботу я бы этого не позволила.

— Но, тебе же больно, наверное, мочить раны?

— Они быстро заживают, так что теперь это практически не доставляет мне беспокойства.

Она размотала повязки и взглянула на собственные руки. Маленькие хвостики от тоненьких ниточек аккуратными рядами "украшали" ее пальцы и ладони. Она залезла в ванную и, задернув шторку, включила воду. Закрыв глаза, Кайлин позволила горячему потоку струиться по ее волосам и телу. Самым трудным было взять в руки мыло. Кожу на ладонях тут же начинало щипать, и долго выносить эту пытку она не могла. Кайлин уже собралась с силами, когда Гийон, без разрешения, залез в ванную к ней.

Она открыла глаза и обернулась.

— Давай, я помогу.

— Не нужно. Я сама.

— Но, я хочу тебе помочь.

— Гийон, — простонала Кайлин и попятилась к стене.

Он не обратил никакого внимания на ее мольбу и, схватив за талию, притянул к себе. Затем развернул на месте и прижался к ее спине. Так ему прекрасно была видна ее великолепная белоснежная грудь, которую он еще не раз собирался поцеловать.

Гийон взял кусочек мыла с полки и, намылив свои ладони, провел ими по ее упругому животу.

Кайлин даже представить себе не могла, насколько приятными могут быть прикосновения, когда сильные мужские намыленные руки скользят по телу. Гийон провел ими по ее груди, специально задевая маленькие соски и, спустившись вниз, окунул в пространство между ее ног.

Кайлин схватилась за стену и почти потеряла равновесие. Глаза ее давно уже были закрыты, а его нос по-прежнему находился у нее за ухом. Он прикусил маленькую мочку и провел по ней языком, смывая мыльный раствор с ее тела.

— Понравилось? — прошептал он свой вопрос.

— Да, — ответила Кайлин, не открывая глаз.

— Если бы у нас было время, я бы не стал останавливаться на достигнутом.

— Да, — ответила она и, развернувшись, мимолетно поцеловала его в губы. Взгляд ее опустился ниже, скользя по развитым мышцам его живота, и наткнулся на то, что ее несколько шокировало.

— М-м-м, — замялась она.

— Не стоит тебе так на него смотреть. Ему будет плохо.

— Почему мужчины говорят о нем в третьем лице?

— Ну, иногда он живет собственной жизнью. Особенно по утрам.

— Гийон, ты... — произнесла она, не отрывая своих глаз от него.

— Ты других не видела.

— В порно видела.

— Так вот чем ты промышляла в юности?

— Ну, я не считаю это зазорным.

— Уверен, что и мастурбацию ты тоже освоила.

— Что? — возмутилась Кайлин, краснея при этом больше, чем положено.

— Да, перестань ты. Неужели не трогала себя вот так?

Рука Гийона тут же оказалась у нее между ног, и Кайлин с силой втянула в себя воздух.

— Гийон, нам пора идти.

— Ты только ответь, и я тебя отпущу.

— Ну, — поморщилась она.

— Я так и знал, что ты — маленькая развратница.

— Ты ничем не лучше.

— Боюсь, что я — еще хуже.

Кайлин нанесла ответный удар по самообладанию Гийона довольно просто: подняв колено и потершись им по его возбуждению.

Гийон не ожидал от нее такой пронизательности и навис над ней, как хищник над жертвой.

— Я открыл ящик Пандоры, Кайлин.

— Это плохо?

— Теперь я знаю, почему ты так злилась: не растраченный потенциал портил твой характер.

— Что-о-о?

— Я сказал правду.

— Пошел ты со своей правдой!

Он захохотал так сильно, что, кажется, от его голоса содрогнулись стены ее дома. Она же, схватив полотенце, тут же вылезла из ванной. Обидным и смешным одновременно было то, что Гийон оказался абсолютно прав: взбалмошный и неуправляемый у нее, очевидно, не характер, а темперамент.

Садясь в машину, она окинула взглядом свой дом и тяжело вдохнула:

— Наверное, опять придется делать ремонт.

— Будет повод изменить интерьер.

— Я не считаю этот дом своим. Он слишком искусственный, не настоящий.

— Это потому, что кто-то за тебя выбрал шторы и кофейный столик в гостиной. А каким был твой прежний дом?

Кайлин поморщилась при воспоминаниях о своей с братом квартире, постоянно

заваленной документами и его электронными приспособлениями, в которой ничего, кроме шкафов с литературой и двух диванов не было.

— Я никогда не жила одна. Мы с братом кантовались в двухкомнатной квартирке на окраине города.

— Вы с братом жили вместе?

— Да. Он был старшим в семье и после смерти матери, опекал меня.

— А отец?

— Я не помню его. Он умер, когда мне исполнилось три.

— И как тебе жилось с братом?

— Иногда я думала, что старшая в семье все-таки я. Он был очень талантливым: в двадцать три закончил университет с отличием и сразу же получил престижную должность.

— А ты?

— Мне все давалось тяжелее. Я корпела над учебниками, как проклятая. Ничего, кроме учебы и кабинета инфекциониста не знала. У меня и подруга-то за всю жизнь была всего одна. Наверное, поэтому я многого добилась. Другие старались уходить с работы домой пораньше, а я все сидела и капалась. Там, наверное, и был мой настоящий дом.

Гийон остановил машину в воздухе, пристроившись в километровый ряд из машин, пытающихся спуститься вниз в разрешенном месте.

— Что такое? — занервничала Кайлин.

— Наверное, внизу что-то. Сейчас свяжусь с ребятами, узнаю, что происходит.

Гийон попытался отправить сообщение Маркусу, но связи не было.

— Странно, здесь сеть "не ловит". Помехи, наверное. Ладно, поступим по-другому.

Гийон достал из "бардачка" навесную лампу и, высунув руку в окно, "приклеил" ее к крыше. Вой сирены оглушил Кайлин и она зажала руками уши.

— Разве так можно?

— А что еще делать? Выбираться-то надо.

Впереди виднелись маячки патрульных машин. Кажется, они специально блокировали перекресток. Гийон, вплотную пролетая между двумя рядами автотранспорта, расположенных сверху и снизу, постепенно подобрался к эпицентру событий. Оказалось, что движение по воздуху кто-то перекрыл, и весь транспорт был вынужден начать приземление.

Гийон подъехал к одной из патрульных машин. Опустив окно и выключив звуковой сигнал, он обратился к младшему даниилу, сидящему напротив:

— Добрый день. Гийон Самари.

— Здравствуйте.

Достав из кармана свое голографическое удостоверение даниила четвертого уровня, Гийон тут же продолжил разговор:

— Что здесь такое? У меня сеть "не ловит".

— Ни у кого "не ловит". Около тридцати минут назад в Западном секторе авария на усилителе произошла. Оборудование в радиусе пятидесяти километров накрылось.

— Во время.

— И не говорите. Там черт знает что твориться. Люди не могут приземлиться: вся разметка накрылась. А в низу в центре уже толпа протестующих собралась. Опять беспорядки будут.

— Ясно. Спасибо.

— Да, не за что. Приземляйтесь здесь, а дальше по городу.

Даниил посмотрел на Кайлин, сидящую возле Гийона, и ухмыльнулся:

— Что? Сама себе руки покромсала?

— Это — не ваше дело, — отрезал Гийон.

— Я забирал как-то одну такую. Изрезала себя канцелярским ножом, а потом сказала, что это она так освободиться решила. От чего только не понятно было. Жаль ее даже стало. Красивая такая... И на тебе: нестабильная.

— Спасибо за помощь.

Гийон поднял стекло и, сквозь потоки автомобилей, направил машину вниз.

— В мое время никто еще не знал о нестабильности.

— Зато теперь ее хоть отбавляй.

— Каждый может сойти с ума.

— Согласен, но среди пробужденных таких слишком много.

— Скажи, если бы тебе показалось, что я становлюсь...

— Ненормальной?

— Да, ты бы меня "сдал"?

— Зачем ты меня об этом спрашиваешь?

— Потому что это — принципиальный вопрос, в который упирается вся ваша система.

— Для признания человека нестабильным нужно единогласное решение двенадцати даниилов.

— И что дальше?

— По-разному. Центр пытается их лечить и некоторые из них действительно поправляются.

— А остальные?

— Их усыпляют.

— Как животных... — бросила Кайлин и отвернулась.

— Не мне решать, справедливо это или нет.

— У тебя — своя правда и своя история.

Гийон ничего не ответил. В свое время он желал смерти тому ублюдку, что сел пьяным на руль. А сейчас... Сейчас он знает, что у этого ублюдка есть жена и двое маленьких детей. А у него — у Гийона — больше ничего нет.

Он приземлился на одном из перекрестков и, встроившись в поток движущихся машин, поехал на Север.

— Куда ты меня везешь?

— К себе домой.

— Это далеко?

— Постой, связь восстановилась.

— Гийон!

— Привет, Маркус!

— Где тебя носит? У нас новый эпизод! Две жертвы. Коренной и пробужденная.

— Куда ехать?

— Терновая 2.

— Маркус, собирайся и быстро уходи оттуда.

— Но их убили не более двух часов назад!

— Я сказал: уходи оттуда!

— Ты приедешь?

— Мы встретимся на стоянке, Проездная 5. Заберешь Кайлин и отвезешь ко мне.

— Как? Ты еще не завез ее?

— Нет.

— Чем можно было заниматься два часа, твою мать?! Ладно, сейчас выезжаю.

— Давай, ты высадишь меня там и поедешь. А я дождусь его сама.

— Не болтай ерунды.

— Здесь, каждая минута дорога. Может, я смогла бы...

Гийон посмотрел на нее так, что Кайлин тут же замолчала и отвернулась к окну.

— Не волнуйся: Рихтор, Сианна и Ено знают, что делать.

— А Терновая — это где?

— Возле центра города.

Маркус был на месте через тридцать минут. Кайлин молча вылезла из красного "ягуара" и пересела в черный "мерседес". Маркус вышел из машины и подошел к Гийону.

— Женатая пара. Очевидно, муж не вовремя домой вернулся. От лица практически ничего не осталось.

— А что с беспорядками?

— В центре улицы уже перекрыли. Все — как в прошлом году.

— Понятно. Ладно, отвези ее ко мне. Вот ключи.

— Хорошо, — ответил недовольный Маркус и побрел к своей машине.

Гийон окликнул Кайлин на полпути:

— Будь осторожна, пожалуйста.

— Я всегда осторожна.

Гийон в ответ только покачал головой. Убедившись, что Кайлин села в машину к Маркусу, он вывернул руль и рванул с места.

— Ну, что, едем к Гийону? — подбодрил ее Маркус.

— А разве другие варианты у нас есть?

— Нет.

"Мне не хватает того мира. Пускай там я не была своей, но и здесь я совсем чужая..."
Из разговора от 06.11.3565

Кайлин окончательно расслабилась, сидя на переднем сидении машины Маркуса. Ей не хотелось расставаться с Гийоном. Рядом с ним она чувствовала себя немного смущенной, особенно после того, что он с ней вытворял, но ей становилось уютно и тепло, когда она слышала его голос и те бархатные нотки в нем, пусть он и старался не выдавать их.

— Господи, да когда же все это закончится! — прогремел Маркус и ударил руками по рулю.

Кайлин открыла глаза и поняла, что не только умудрилась уснуть, но и что они снова угодили в пробку.

Впереди люди начали высовываться из окон своих машин, пытаясь разузнать, что же все-таки произошло. Маркус даже вылез наружу, когда лицо его перекосило, и Кайлин поняла, что то, что он увидел, его напугало.

Он быстро вернулся назад и, нацепив на себя контактный обруч, набрал Гийона.

— Вы доехали? — спросил знакомый уставший голос.

— Гийон, у нас проблемы. Мы на Генденской площади стоим в пробке. Тут начались беспорядки.

Гийон молчал. Кайлин не понимала, что скрывается за этим молчанием, и толкнула Маркуса в бок, показывая на обруч. Он приложил палец к губам и шикнул на нее.

— Зайдите в любой из торговых центров и переоденьтесь. Затем идите переулками к метро. Позвони мне, когда вы выйдете из магазина.

— Тут нет магазинов!

Гийон закричал так, что Кайлин вжалась в сидение и прикрыла голову руками:

— Разуй глаза, Маркус! Там везде магазины!!!

Маркус еще раз осмотрелся и понял, что все бутики, расположенные вдоль проезжей части, закрылись и опустили защитные металлические шторы на окна.

— Все понятно. Уже идем, — ответил Маркус и отключил связь.

— Как мы попадем в магазин? — спросила Кайлин, разбинтовывая свои руки.

— Попробуем залезть в один из них со стороны черного входа. Пригни голову и беги в тот переулок. Я следом.

— Надеюсь, у нас все получится.

— Я тоже, Кайлин. Я тоже.

Сианна и Рихтор подошли к Гийону и несколько секунд молча смотрели на него. Казалось, будто он пребывает в некоем ступоре, вывести из которого его сможет только пощечина.

— С Маркусом все будет в порядке, — произнесла Сианна и положила руку ему на плечо.

Разве могла она знать, что думал он вовсе не о Маркусе, который прекрасно мог позаботиться о себе сам? Он думал о молодой девушке с перебинтованными руками, которая попала в эту переделку только потому, что он не смог во время остановиться.

Рихтор, более проникательный, чем его жена, покачал головой:

— Им не выбраться одним. У нее слишком заметная внешность. Да еще и раны эти: они могут принять ее за нестабильную. Мы с Сианной поможем, так ведь, Сианна?

— Вы не обязаны, — ответил Гийон.

— Нет, но мы же одна команда?

— А эти, — Гийон указал пальцем в сторону двух тел, лежащих на полу.

— Этим уже все равно.

— Они возле Генденской площади.

— Проедем, сколько сможем, на патрульных машинах, а там пешком.

— Я думаю, как мы будем выбираться оттуда.

— Метро — единственный способ, — ответила Сианна. — Я узнаю, какие станции собираются перекрыть. Так, хоть понятно станет, в какую сторону нам двигаться.

— Спасибо, — ответил Гийон и отвернулся. — Ено останется здесь. Да, и ребят из группы Киро нужно вызвать. Пусть здесь перекапают все. Когда все стихнет, делом займемся мы.

Маркус не стал возиться с замком на двери магазина: выдав плазменную очередь из своего оружия и без труда проникнув внутрь. Кайлин вошла вслед за ним и осмотрелась.

— Маркус, а как же сигнализация?

— Никто не придет, не беспокойся. Лучше пошевеливайся. Подбери что-нибудь с капюшоном. И перчатки не забудь: швы на белой коже не очень смотрятся.

Кайлин снова прошлась по залу взглядом: дорогие современные вещи самых разнообразных оттенков аккуратно висели на вешалках. Вдалеке она заметила секцию головных уборов и перчаток.

Кайлин прошла к ней и, выдернув первые попавшиеся перчатки со стенда, надела их на руки. Подобрать головной убор оказалось задачей более трудной. Высокие шляпы, малиновые береты и блестящая отделка на каждой из черных зимних шапок явно не вписывались в "не привлекающий внимания" внешний вид.

Кайлин прошлась дальше и увидела секцию мужских головных уборов. Найти подходящую шапку там не составило труда: все они были черными и плотно облегли голову. Кайлин надела первую попавшуюся и заправила свои волосы внутрь.

— Пошевеливайся, Кайлин, — прокричал Маркус, просовывая руки в рукава короткого осеннего пальто с капюшоном.

Кайлин стала лихорадочно искать что-нибудь похожее на его наряд и нашла: серая широкая байка с капюшоном в отделе для тинэйджеров смотрелась на ней, как полагается: то есть никак.

— Пойдем, — позвал Маркус, окинув ее скептическим взглядом и прихватив на прощание с витрины пару черных перчаток, таких же, как и у нее.

— Куда мы идем? — спросила Кайлин, вприпрыжку следуя за Маркусом.

— К метро.

— Далеко это?

— Нет. Но эту станцию могли закрыть. А значит, придется пешком добираться до следующей.

— А другого пути выбраться отсюда у нас нет?

— На машине не получится: мы не сможем разогнаться, чтобы взлететь.

Маркус на ходу надел на себя контактный ПК и связался с Гийоном:

— Мы идем к станции возле площади.

— Она закрыта, Маркус. И две ближайšie тоже.

— Так, куда нам идти?

— Попробуйте добраться до Такийской.

— Ты с ума сошел? Туда шесть кварталов пешим ходом!

— Делай, что я говорю! — заорал Гийон. — И не отключайся: я по навигатору вас ловлю.

— Ладно, — ответил Маркус и сдвинул обруч на лоб.

К тому времени, как Маркус закончил разговор, до них стали доноситься крики людей. Обезумевшие коренные разбивали стекла автомобилей и офисных зданий. Маркус остановился в торце здания. Для того, чтобы попасть в следующий переулок нужно было пересечь широкую улицу, заполненную брошенными машинами и людьми, дерущимися друг с другом и громящими все на своем пути.

— Прочь пробужденную тварь с наших улиц!!! — доносилось откуда-то издалека. — Отправляйтесь туда, откуда пришли!!!

— Беги следом за мной, — сказал Маркус и ринулся вперед.

Кайлин ничего не видела вокруг, лишь его черное пальто и бамперы машин, которые она огибала. К Маркусу сунулся один из коренных, но на полпути он был сбит другим коренным, который принял его за пробужденного из-за светлого оттенка волос и тут же начал колотить того по голове. И тогда Кайлин совершила самую большую глупость, на которую была способна: она остановилась.

Маркус добрался до переулка, когда понял, что Кайлин не бежит следом. Он обернулся, но ее не увидел.

— Твою мать, — прошептал Маркус и побежал обратно.

— Кайлин! Кайлин!!! — кричал он, пробегая мимо автомобилей и раздавая тумаки в лица всем, кто попадался ему на пути.

Остановившись посреди улицы, он попытался осмотреться, когда заметил ее, пытающуюся "оторвать" здорового мужика от молодой пробужденной, которую тот повалил на асфальт и колотил, что было силы.

Подбежав к ним, Маркус дернул за ворот сначала Кайлин, а затем оглушил урда, который к тому же еще и пытался задрать несчастной девушке юбку.

Кайлин приблизилась к лежащему на асфальте телу и со всей силы ударила его ногой в пах.

— Пойдем!!! Шевелись!!!

Маркус схватил Кайлин за руку и попытался оттащить в сторону, когда его оглушили со спины.

Кайлин онемела от ужаса. Незнакомый мужчина кинулся на нее и повалил на асфальт, вцепившись руками в шею.

В глазах у Кайлин потемнело.

— Нестабильная шлюха! — ревел мужчина, сжимая сильнее свои пальцы на ее шее.

Кайлин ударила его ногой в живот, но это только сильнее распалило ненасытный гнев. Он приподнял ее за шею и со всей силы ударил головой об асфальт. Кайлин поняла, что если отключится сейчас, больше уже не проснется. Мужчина убрал одну руку и принялся лапать ее за бедра. Кайлин стала изворачиваться и угодила коренному в пах. Тот скрючился над ней и отпустил шею. Кайлин попыталась отползти от него, но он схватил ее за голенище сапога и потянул на себя. Она начала цепляться перчатками за асфальт, но они лишь скользили по

шершавой поверхности, принося новую боль.

Ее спасла девушка, которой она пыталась помочь несколько минут назад. Незнакомка ударила мужчину по голове выданным из какой-то машины навигатором, и тот без сознания рухнул на асфальт.

— Спасибо, — прохрипела Кайлин, пытаясь подняться на ноги.

— Тебе спасибо, — ответила она и побежала дальше.

Дотащить Маркуса до переулка казалось делом практически не выполнимым. Но Кайлин, накачанная до предела собственным адреналином, смогла не только приподнять его, но и протянуть мимо машин к углу ближайшего здания.

— Вставай, Маркус! — кричала она, цепляясь за его пальто и подтаскивая вслед за собой.

Он очнулся на полпути.

— Маркус, идем, быстрее, — взмолилась Кайлин, помогая ему подняться.

— Где они? — спросил Гийон, распахивая людей в толпе, что собралась перед закрытой станцией метро.

— Еще два квартала. Они очень медленно движутся, — прокричала Сианна, пробираясь следом за ним.

— Быстрее! — заорал он, ударив локтем в бок одного из особо напористых коренных, что пытался преградить ему путь.

Кайлин и Маркус смогли пересечь еще две улицы, прежде чем попали на проспект. Здесь творилось нечто невообразимое. Женщины и мужчины, коренные и пробужденные смешались в один поток, дерясь не только друг с другом, но и с такими же, как и они.

— Куда идти? — спросила Кайлин, не оборачиваясь.

— Прямо по проспекту.

— Мы не сможем.

— Другого выхода нет. Здесь оставаться нельзя.

— Ладно. Ты — первый, я — за тобой.

Маркус взял ее за руку и нырнул в этот поток из полулюдей — полуживотных.

Кого-то приходилось бить первым, кого-то отпихивать ногами. Под капюшоном Кайлин не видела, куда идет. Следуя за Маркусом, она ориентировалась лишь на его мелькающие черные ботинки впереди.

Кто-то схватил ее за шкурку и потянул на себя. Другой дернул шапку с головы. Третий схватил за волосы и повалил на асфальт. Маркус бросился к ней, кричащей от боли и абсолютно беспомощной. Он смог отбиться от двоих, что напали на нее, но до третьего не дошел. Со спины на него налетело еще двое, и он был вынужден отбиваться от них. Кайлин дернулась вверх, но в этот момент еще двое дерущихся повалились сверху на нее. Ее грудь сдавило настолько, что она не смогла вдохнуть. Она отчетливо видела, как Маркус, отделяясь от одних, сталкивается с другими и все никак не может двинуться с места. В этот момент лежащие на ней мужчины откатились, и Кайлин, поднявшись на ноги, метнулась к Маркусу.

Запрыгнув на спину одному из бьющих Маркуса по спине, она, что было силы, сжала ему локтем горло. Мужчина начал крутиться в попытках скинуть ее со своих плеч и в какой-то момент отшвырнул от себя. Разъяренный, он двинулся следом и, припав к ней, начал душить.

Гийон оглушил его одним ударом стальной руки по голове. Мужчина рухнул сверху на

Кайлин и придавил своим телом. Гийон отшвырнул его от нее, как тряпку, и, протянув руки, оторвал Кайлин от земли.

Она ничего не говорила, только вжалась на мгновение в теплую грудь и тут же почувствовала, что он опускает ее на землю.

— Пойдем, — сказал он.

Притянув ее к себе и накрыв своей курткой, Гийон повел ее вперед. Сианна с Рихтором шли перед ними, помогая Маркусу раздавать тумаки и расталкивать обезумевших людей. Кайлин не знала, куда идет, и как долог будет этот путь. Рядом с Гийоном она вообще перестала воспринимать реальность, погрузившись в пучину собственных мыслей и отчаяния.

Великая идея о втором шансе на жизнь терпела крах на ее глазах. Что породило ненависть в их сердцах? Нестабильность? Но разве нет среди коренных сумасшедших или убийц? Почему, единожды поставив клеймо, никто так и не смог найти рациональное объяснение этому непонятному состоянию? Неужели за тысячу лет в Мире не родился тот человек, который бы изобрел лекарство от этого недуга?

Ответ на эти вопросы для Кайлин был ясен и прост. Не нужно было человечеству это самое лекарство. Не захотели люди смириться с тем, что "второй шанс" можно просто купить. Эксперимент, длящийся полторы тысячи лет, был безоговорочно провален. Знала ли она, что так случится? Понимала ли, когда просила брата не давать ей второго шанса, что в новой жизни она все равно останется той, что смотрит на мир сквозь прозрачное непробиваемое стекло, названное на этот раз не "болезнью", а "пробуждением"?

И только он, ведущий ее сквозь поток из ненависти и презрения, сам когда-то принадлежащий этому течению, протягивал ей руку. Ей, а не блондинке, сидящей напротив. Ей.

Кайлин очнулась, когда Гийон остановился. Не поднимая головы, она прижалась сильнее к нему и только тогда спросила:

— Где мы?

— Эта станция метро все еще работает. Нам необходимо попасть внутрь.

— Но, как?

— Толпа сама выведет нас.

Они продвигались вперед не менее часа. Все это время Гийон не отпускал ее, обнимая за плечи и пригибая ее голову. Все изменилось, когда они попали на лестницу, ведущую вниз. Кто-то стал придавливать их сзади, заставляя идти быстрее и толкаться в спины Маркусу и Сианне. Рихтор шел первым, протягивая руку жене и не выпуская ее пальцев из своих. Попав на пропускной пункт станции, Гийон взял Кайлин под руку и потащил за собой, просачиваясь сквозь толпу следом за остальными. Вскоре они попали на перрон, где друг за другом прибывали поезда. Люди, уставшие и измотанные, пытались непременно попасть в любой вагон, преграждая путь друг другу и дерясь за шанс, оказаться внутри очередного поезда, способного увезти их прочь из этого ада.

— Давайте сюда! — прокричал Рихтор и указал рукой налево.

Оказавшись возле края платформы, они уперлись в оградительные перила. Если бы не эти простые сооружения, наверняка люди попадали бы вниз на рельсы. Состав подъехал через несколько секунд. Напряжение возросло до предела, и Кайлин почувствовала, что ее ноги вот-вот вдавят в стальной борт. Состав остановился, и ограждения начали опускаться вниз в специальные выемки под ногами. Кайлин придавило к обшивке вагона. Двери

оказались практически рядом. Гийон дернул ее за руку и потащил следом за собой.

Попав внутрь, он прижался к двери на противоположной стороне и закрыл Кайлин своим телом.

Взволнованные и кричащие люди, сбивая друг друга с ног, моментально заполнили состав до отказа. Сианна с Рихтором оказались стоящими на сидениях. Маркус ютился где-то в центре прохода, оказавшись зажатым между еще двумя пробужденными, такими же, как и он.

Кайлин вжалась в Гийона, не замечая, что кто-то топчется по ее ногам. Люди, не попавшие в вагон, препятствовали закрытию дверей, в то время, как другие выталкивали их наружу. К перрону на противоположной стороне подъехал пустой состав, и толпа ринулась к нему. Двери вагона закрылись и поезд начал движение.

Все вокруг стихло и страшное молчание опустилось на головы пассажиров. Чужие люди, разные по своему происхождению, ютились в одном вагоне и молчали, потому как сказать им уже было нечего.

Мир сошел с ума. В потоке ненависти первоначальная цель была утеряна, и не важным стало, кто и против кого это начал. Коренные смешались с пробужденными в одну серую массу и пострадали обе стороны. Человек — вершина эволюции — уподобился животному, и осознавать это было на самом деле страшно.

Гийон сильнее прижал Кайлин к себе и вжался носом ей в макушку. Он почувствовал, как маленькие ручки в перчатках пробираются к его спине и обнимают его, комкая рубашку в ладонях и стягивая ему грудь.

Сианна обернулась и с высоты своего "постамент" увидела, как Гийон целует Кайлин за ухом и что-то шепчет. Пробужденная, в ответ на это, повернула свою голову и прижалась губами к шее своего опекуна.

— Подглядывать — некрасиво, милая, — улыбнулся Рихтор.

— Он даже не пытается это скрывать.

— А почему он должен прятаться?

— Но, она же...

— Она такой же человек, как и ты, только родилась много лет назад.

— Но, почему именно она?

— А разве можно выбрать, в кого влюбиться, а в кого — нет?

— Ты прав, выбрать можно только того, кого хочешь ненавидеть.

Глава 16

"Со мной тоже никто не пришел попроситься, словно и не существовало меня никогда. Я умирала медленно, и единственным человеком, который находился рядом все это время, был мой брат..."

Из разговора от 22.11.3565

Они добрались к дому Гийона через полтора часа. Им повезло: один из патрульных согласился подвезти всю братию к Южному парку. Остальной путь им пришлось проделать пешком.

Стеклянный трехэтажный особняк возвышался посреди старых зеленых елей и сосен, располагаясь в самом дорогом и престижном районе города — Южном Парке.

Гийон проводил всех внутрь и тут же показал, где они могут разместиться. Сианне и Рихтору досталась спальня на третьем этаже. Маркус вызвался ночевать в подвале, где рядом с диваном и голографическом телевизором, стоял холодильник забитый пивом до отказа.

Гийон проводил Кайлин на второй этаж и показал ей ее комнату.

Ковер, тумбочка, телевизор, шкафы для одежды и веранда, огибающая пространство по периметру. Мебель — дубовая, резная, такая же, как и в его офисе.

Кайлин не во что было переодеться. Только сейчас она вспомнила про сумку с одеждой, которую Маркус оставил в машине Гийона. А машина Гийона... Кайлин не знала, где сейчас находится машина Гийона.

— Я сейчас принесу тебе халат. Чистое полотенце висит в ванной.

— Спасибо.

— Странно слышать от тебя это слово, — улыбнулся Гийон.

— Это хорошее слово, но иногда и оно не способно выразить весь спектр чувств, которые мы хотим передать.

— Поэтому ты так редко употребляешь его?

— Отчасти, — вздохнула Кайлин.

— Через тридцать минут нам нужно спуститься вниз. Все голодные и поговорить есть о чем.

— Хорошо, — ответила она и отправилась в ванную.

Включив воду, она села на дно огромной джакузи и прикинула к ее борту.

Гийон вернулся в пустую комнату, где на полу валялась ее одежда и ободранные черные перчатки. Он заглянул в ванную и его затрясло.

Белоснежная кожа ее тела, которую он целовал еще несколько часов назад, была покрыта синеватыми пятнами и багровыми кровоподтеками. На ее шее остались следы от ногтей и чьих-то пальцев.

Гийон разделся и спокойно сел в ванную рядом с ней.

— Ты не возражаешь? — спросил он, наливая в руку гель для душа и разворачивая ее спиной к себе.

— А разве у меня есть выбор? — уставшим голосом произнесла она.

— Нет.

— Нет, — повторила она и, поджав колени, свернулась калачиком.

Гийон провел пальцем по линии ее позвоночника и остановился, почувствовав

шероховатость, которую не заметил раньше. Это был след от рубца. Ровный, аккуратный и едва ли заметный.

— Что это? — спросил Гийон, наклоняясь к нему.

— Старые раны. На шее и ногах тоже есть. Их в Центре долго чем-то шлифовали, чтобы вывести.

— А что еще они делали?

— Допрашивали.

— Долго?

— Каждый день по несколько часов.

— И что они хотели узнать?

— Кодировки.

— Это как-то связано с твоим братом?

— Да, это коды для одной из его разработок.

— Странно, что им для этого нужна была ты.

— Они не смогли их расколоть. И не смогут.

— Их интересовало только это?

— Нет. Они хотели узнать, над чем работал мой брат перед моей криогенезацией.

— И этого ты тоже не помнишь?

— Нет.

— Почему это так важно для них?

— Не знаю, — пожала плечами Кайлин.

— Не нужно мне врать, Кайли. Лучше, просто промолчи.

— Ты читал письмо, Гийон. Если Центр узнает, что брат мне что-то оставил, они носом землю перероют, но найдут это.

— Я не заметил, чтобы он оставил что-нибудь для тебя.

Кайлин промолчала.

— Это письмо, Кайли, он спрятал послание в нем?

Кайлин снова ничего не ответила.

— Ты боишься, что о нем узнает Центр?

— Мне остается только надеяться, что к ним в руки эта информация не попадет.

Гийон наклонился и прижался губами к ее спине. Раздвинув ее бедра, словно полноправный хозяин ее тела, он окунул свою руку вниз, и Кайлин со стоном выгнула спину.

— Больно? — шепотом спросил он.

— Нет.

Он начал целовать ее шею, прижимая хрупкие бедра к себе, пока она сама не нашла его губы и не повалила его на дно собственной ванны. Два тела запутались в воде, пытаясь прикинуться друг к другу еще ближе, слиться в одно целое и раствориться в удовольствии, забыв обо всем на Свете.

— Хочу тебя, — прошептал Гийон, целуя ее шею.

— Да, — простонала она в ответ.

— Ты будешь кричать для меня?

— Да.

— И ночью будешь для меня кричать?

— Да.

— И утром?

— Буду!

В комнату кто-то вошел, и они оба замерли на месте.

— Гийон, ты здесь? — позвала Сианна.

— Что ты тут делаешь?! — шикнул на нее знакомый голос, принадлежащий Рихтору.

— Сойя приехала. Хочешь, чтобы она его здесь поискала? — огрызнулась Сианна, указывая пальцем на вещи Кайлин, разбросанные по полу.

— Он здесь и все слышал. Твоя задача выполнена. Так что пойдём, займем ее чем-нибудь, пока она сюда не зашла, — прошипел Рихтор и вывел жену за локоток из комнаты, закрыв за собой дверь.

Кайлин лежала под Гийоном с широко раскрытыми глазами и смотрела в потолок.

Он тут же отстранился от нее и вылез из ванной. Казалось, он торопился побыстрее одеться и спуститься вниз.

Кайлин присела в ванной и сквозь распахнутую дверь прокричала:

— Что Сойя делает в твоём доме?

— Одевайся и выходи.

Затем последовал звук захлопывающейся двери.

Маркус знал Сойю. И когда он привел Кайлин в магазин этой женщины, она тепло отнеслась к ней и помогла привести свой гардероб в порядок. Когда Маркус отвез ее к Сойе во второй раз, она сделала все возможное и невозможное, чтобы создать из нее нечто, на что засматривались мужчины на улице.

И Гийон знал Сойю. И теперь она приехала в его дом в разгар беспорядков на улице... И услышав об этом из уст Сианны, хлопочущей о том, чтобы эта женщина не вошла в ее комнату, он тут же оставил ее одну и побежал вниз...

Кайлин все поняла.

Она вылезла из ванной и посмотрела на свое обнаженное тело в зеркале. Как быстро из самого прекрасного существа на земле мы можем превратиться в нечто убогое, только потому, что кто-то предал нас? Это было ее отражение, и в нем она ничего красивого больше не нашла.

Кайлин накинула на себя халат и вышла в коридор к центральной лестнице, ведущей вниз.

Она услышала сдавленный голос Сойи. Слов она не разобрала.

Кайлин тихо спустилась и, пройдя через холл, вошла на кухню. Гробовое молчание повисло в воздухе, когда она сказала Сойе: "Привет".

— Привет, — ответила та и посмотрела на Гийона.

— Мы вытащили их с Маркусом из города.

— Понятно, — ответила девушка и отвернулась.

Кайлин прошла к барной стойке, за которой сидел Маркус и Сианна, и, взяв в руку пустой стакан, протянула его другу:

— Виски есть? — спросила она, опуская свои глаза в пол.

— Сейчас налью, — ответил Маркус.

В абсолютном молчании он немного налил ей в стакан. Кайлин приподняла его и, злобно улыбнувшись, произнесла:

— За спасение!

Темно-янтарный напиток оказался у нее во рту, и в три глотка она осушила стакан, даже не поморщившись. Кайлин снова повернулась к Маркусу и пальцем указала на бутылку.

— Тебе хватит, — низким голосом бросил Гийон, и, взяв в руки нож, начал нарезать хлеб.

— Слишком много за один день, — засмеялась Кайлин и, выхватив из рук Маркуса бутылку, налила себе сама.

— Тогда и мне налей, — подала голос Сианна, протягивая ей свой стакан.

— Пожалуйста, — ответила Кайлин и наполнила его виски.

— За тебя, — произнесла Сианна и залпом осушила его.

— За меня, — повторила Кайлин и снова выпила все до дна. — Продолжайте, — попросила их Кайлин, на этот раз морщась от выпитого.

— Не стоит, — ответила Сойя, кладя свою руку Гийону на плечо. — Я знаю, что с ней — тяжело, но скоро все это закончится, — произнесла девушка тем сладким голосом, от которого у Кайлин к горлу подступил ком.

Гийон ничего не ответил на ее реплику, не пытаясь даже убрать ее руку со своего плеча.

Сианна внимательно посмотрела на Кайлин и, переведя взгляд на своего мужа, усмехнулась.

— Иди, лучше, приляг, — сказала Сианна, обращаясь к Кайлин.

— Спасибо, я не устала.

— Ну, это тебе так кажется. Иди.

Кайлин опустилась с высокого стула и, облокотившись о стойку спиной, отвернулась от них всех.

— Что здесь происходит? — спросила Сойя, убирая свою руку с плеча Гийона и обращаясь к Сианне.

— А ты у него спроси, — бросила та и кивнула в сторону начальника.

— В чем дело, Гийон? — повторила свой вопрос Сойя.

— Все в порядке. Сейчас разогрею что-нибудь в микроволновке и будем ужинать.

— Ты что меня за идиотку принимаешь? — закричала Сойя. — В чем дело, я спрашиваю!

Кайлин развернулась и, снова наполнив свой бокал, опрокинула его залпом.

— Хватит пить! — раздраженным голосом произнес Гийон.

— Не тебе решать, — ответила Кайлин и, положив руки на стойку, уткнулась в них своей головой.

Сойя внимательно посмотрела сначала на нее, затем перевела взгляд на Гийона, с такой силой сжимающего нож в своих руках, что гибкая стальная ручка начала изгибаться в его ладони.

— Ты что, спишь с ней? — произнесла она, обращаясь к нему.

Гийон молчал. Остальные тоже.

— Ты с ней спишь? — взревела Сойя, пятась от него назад.

— Да, вы, двое, спите друг с другом? — спросила Сианна, указывая пальцем на Кайлин и Гийона.

Гийон обернулся и с ненавистью посмотрел на нее.

— Что ты задумала? — произнес он, обращаясь к подчиненной.

— Я? Ничего особенного.

— Тогда не лезь сюда, — рывкнул он и отвернулся.

Все замолчали, а главное, что замолчал и он.

— Почему она? — прошептала Сойя, облокочившись спиной о холодильник. — Тебе

нечего сказать? — продолжала она. — Неужели ты забыл, кто виновен в их смерти?

— Замолчи! — закричал Гийон, сжимая в руках нож.

— Марти была моей сестрой!!! И ты сейчас спишь с одной из тех, кто убил ее?

Эта фраза слишком четко отпечаталась в мозгу Кайлин. О ком говорила Сойя? Чьей сестрой она была?

— О ком ты говоришь? — услышала собственный голос Кайлин.

— О его жене! Жене!!!

У Кайлин подкосились ноги, и она присела на стул. Никто не двигался. И он, он, который еще недавно тащил ее сквозь толпу, который шептал ей в поезде слова о том, что он не отпустит ее никуда, стоял и не двигался.

— Ты ее сестра... — тихо произнесла Кайлин, отворачиваясь.

— Да! Я — ее сестра! И это я помогла тебе стать тем, кто ты есть сейчас. Только посмотри на себя! Что в тебе осталось от того убожества, что вошло в мой магазин несколько недель назад! А теперь он спит с тобой! С тобой!!!

— Громкие слова для того, кто ничего обо мне не знает.

— А кто ты вообще такая, чтобы мы что-то о тебе знали? — подлила масло в огонь Сианна. — Ты, вылезшая из ниоткуда, севшая нам на шею! Кто ты такая!?

— Судить меня будешь не ты.

— Я! — откликнулась Сойя. — Я буду тебя судить! Вы пришли сюда, никого не спросив! Вы заплатили деньги за то, чтобы пользоваться всем и дальше! Никто вас здесь не ждал. Да и ждать не будет!

— Ты имеешь право злиться. С этим я не спорю. И любить его ты тоже имеешь право.

— О чем ты говоришь? — прошептал Маркус.

— Ты что, один ничего не понимаешь? — засмеялась Сианна.

— Что здесь происходит? — обратился Маркус к Гийону. — Ты спал с Соей?

— Не говори ерунды! — прокричал тот, бросая нож на столешницу и упираясь в нее своими руками.

Сойя закрыла глаза.

— Что-то я не понял, — произнес Маркус.

— А что здесь непонятного, — ответила Сианна. — Сойя влюблена в него, мужа своей покойной сестры. Отчего бы она так беспокоилась, примчавшись сюда посреди беспорядков в городе. И он об этом знает. Только смелости признаться, что он предпочел ей пробужденную, не может. А, нет, постойте. В чем собственно ему признаваться? Ну, переспал разок. Может, два. Чем она хуже невады? А так двух зайцев убьет: и задание выполнит, и разгрузится, как-никак.

— Тебе нечего ответить? — сквозь слезы прокричала Сойя. — Я столько лет была рядом с тобой! Думала, что рано или поздно, ты согласишься на меня так же, как смотрел на нее. А теперь ты тр...ся с пробужденной и даже не пытаешься оправдаться!

— А в чем перед тобой я должен оправдываться? — прорычал Гийон. — Я никогда не давал тебе повода думать, что твои чувства ко мне ответны. Чего ты сейчас от меня хочешь?

— Как ты мог спать с ней?

Тут рассмеялась Кайлин, и Сианна, посмотрев на Гийона, снова улыбнулась:

— По-моему, ничего смешного, — ответила она. — Посмотри на него. Ему даже нечего тебе сказать.

Гийон обернулся к подчиненной и, сжав руки в кулаках, прошипел:

— Что ты задумала?

— Выполняю за тебя твою работу.

— Не смей!

Сианна обернулась к Кайлин и громко произнесла:

— Он всегда будет ненавидеть таких, как ты. Знаешь, почему он не поселил тебя в своей спальне? Там слишком много фотографий его покойной жены и сына. Даже ее портрет он до сих пор не убрал из своего офиса. Разве такая, как ты, может с ней сравниться? Ты — жалкое подобие женщины?

Кайлин прижала ладони к лицу.

— Кайлин, — позвал ее Гийон, но она, казалось, больше и не слышала его.

Сломить ее оказалось довольно просто. Достаточно было предоставить ей возможность поверить в свою привлекательность, ощутить свою женственность и красоту, показать ей мир, где находиться рядом с мужчиной не опасно, где любить — не значит обрекать на мучения, где можно получать невообразимое удовольствие от близости с тем, кто стал для тебя самым дорогим человеком на Земле. И ему было стыдно признаться в том, что он спал с ней. Нет, он помчался к Сойе, чтобы не навлечь на себя гнев женщины, другой женщины. Той, которая все эти годы любила его.

Гийон замолчал. Все молчали. А сердце Кайлин тем временем разваливалось на куски. Она вспомнила человека, которому тоже нечего было ей сказать. На самом деле, они оказались слишком похожими. Или, может, причина в ней? Может, она рождена для того, чтобы творить, а не чувствовать? Неужели убогость, которую она столько лет взращивала в себе, на самом деле все это время была у нее внутри?

— Ты ничем не отличаешься от него, — в пустоту произнесла Кайлин. — Он так же стоял и молчал, когда ему не было, что мне ответить. Однако ему удалось получить от меня все гораздо меньшими жертвами: ему даже не пришлось ко мне прикасаться...

— О чем ты говоришь? — прошептал Гийон.

— Я верила ему. А он продал меня за возможность получить должность.

— Ты говоришь о Жене?!

— Тебе тоже нужны мои тайны? — не обращая внимания на его слова, продолжала говорить Кайлин. — Что ж, тебе удалось уколоть меня глубже, чем он. Неужели, такую как я, нельзя любить? Неужели, такой как я, можно только пользоваться...

Кайлин рассмеялась в голос, но по смеху ее невозможно было сказать, плачет она или на самом деле все-таки смеется.

— Ты мнишь себя великой? — закричала Сойя. — Ты, от которой у него одни неприятности! Думаешь, если он разок поимел тебя, это что-нибудь изменит? Все так же будут ненавидеть тебя, как и прежде! И он тоже!!!

Кайлин оборвала смех. Медленно поднявшись со стула, она повернулась к нему и голосом, в котором не осталось ни капли теплоты, ни толики той нежности, что он мог слышать ранее, произнесла:

— Ты ненавидишь меня? Презираешь? Что ж... Я оправдаю эти твои чувства. Я оправдаю ненависть каждого из вас ко мне. Я — первопричина всех ваших проблем. Я — источник вашей боли и презрения. Это я тот человек, которого ненавидит весь Мир.

— Что ты такое говоришь? — произнес он.

— Сакар — это и есть я. Я и мой брат. Саша и Катя Рудецкие. Это было так легко понять, Гийон, — покачала она головой. — Так легко... И не нужно было со мной спать.

Рано или поздно, ты все равно бы нашел ответ. Я бы открыла тебе его сама, точно так же, как и передала разработку Жене.

Гийон смотрел на нее и не двигался. Он все никак не мог осмыслить ее последние слова. Кто же она, эта женщина? Кто она? И почему, предоставив Сианне возможность надавить на нее и получить ответы, сломив ее самым низким образом из всех возможных, унизив ее своим молчанием, и, в конце концов, узнав правду о ней, он не почувствовал презрения и ненависти? Нет, он испытал боль от того, что это ему не хватило смелости во время признаться в очевидном. Он унизил ее, он оказался тем человеком, которому удалось сломить ее. Непроизвольно поставив на чашу весов ее откровение и свои чувства к ней, он с такой легкостью получил то, что, казалось, было более важным. Но для кого? Для него или для них, стоящих рядом?

— Вы думаете, с этим легко жить? — прошептала Кайлин. — Я знала, чем все это закончится. С самого начала знала.

Сианна присела на стул за барной стойкой. Налив себе в стакан виски, она залпом осушила его.

— Прекрасная работа, Гийон, — как ни в чем не бывало, произнесла она. — И тебе, Сойя, тоже спасибо. Ты как раз вовремя приехала.

— Что? — прошептал Гийон.

— Это я позвонила Сойе. Извини, но если бы прошло еще немного времени, ты бы точно определился с тем, что собираешься делать дальше. А Кайлин уже попалась. Ты не заметил, как же. Еще в туалете я поняла, что она "зависла". Разве я могла упустить такую возможность? Ты же знаешь, удачный допрос зависит от многих обстоятельств. И главное из них — это представление о слабом месте жертвы. Ты не был еще голов столкнуться со своим прошлым лицом к лицу, а она не была готова к твоему замешательству. Я надавила, и она раскололась. Все просто. Допрос удался.

— Замолчи! — прошипел он в ответ.

— Ты сам предоставил мне эту возможность.

— Заткнись!

— Ты спал с человеком, который собственными руками сотворил все это. И теперь она живет здесь на деньги, которые ей заплатили. И теперь она говорит, что ей тяжело! Тяжело терять близких, Кайлин. Детей тяжело терять. А ты... — Сианна засмеялась. — Ей было только двадцать пять... А ему — два с половиной. И не воскреси ты того предурка, они были бы живы...

— Я не могу исправить прошлое, — ответила Кайлин.

— Тогда не говори, что тебе тяжело!!! — закричала Сойя.

Гийон продолжал смотреть на Кайлин. Она опустила свои руки и взглянула на него. И в глазах ее он ничего не увидел, ничего, кроме пустоты.

— Что смотришь? — с вызовом произнесла она.

Он молчал.

— Это я создала их всех! Я!

Она резко отвернулась и пошла в сторону холла. И только тогда до Гийона, наконец, дошло, что же он все-таки наделал. В его голове все разложилось по полочкам и понятно стало, что главное, а на что он может закрыть глаза. И главным оказалась она.

Он кинулся следом за ней, догоняя и пытаясь схватить за руку, но она ловко вырывала запястье и трясла им, словно отмахиваясь от какой-то грязи.

— Как ты можешь? — закричала ему вслед Сойя.

— Замолчи! — рывкнул он в ответ. — Кайлин! — позвал он, глядя, как она поднимается на второй этаж.

Она остановилась и обернулась:

— Ты получил то, что хотел. Доволен? А теперь возвращайся к своим друзьям — со мной спать тебе больше не придется.

— Кайлин! — Гийон побежал по лестнице вверх, следом за ней, но она, заскочив в первую попавшуюся комнату, закрыла за собой дверь на ключ.

— Кайлин!!! — орал он, пытаясь открыть замок.

Кайлин отошла от двери, и поток слез хлынул у нее из глаз. Она вытирала их рукавом своего махрового халата, но их было слишком много, невообразимо много для того, чтобы успеть остановить. Она всхлипнула и, почувствовав, что сил на сражение у нее больше нет, опустила на пол и сжалась в комок.

Она слышала, как он колотит в дверь кулаком. Слышала, как зовет ее и просит открыть. Это слышали и те, кто сидел внизу. И только теперь Сианна поняла, что все они наделали. Только теперь ему стало понятно, что он на самом деле любит эту женщину, и ему все равно, в чем она виновата перед остальными и ним самим в первую очередь.

— Довольна? — спросил у Сианны Маркус, поднимаясь со своего места. — Не думал, что ты настолько нас ненавидишь.

— Это другое, — ответила Сианна, пряча лицо в руках.

— Это — одно и то же. Только я хуже, чем она. Она всего лишь создала надежду. А я ее купил.

— Это другое, Маркус!

— В твоём сердце не осталось места для чувств. Только работа. Bravo, Сианна! Bravo!

Маркус наигранно похлопал ей в ладоши и ушел.

— Ты тоже теперь меня осуждаешь? — спросила Сианна, оборачиваясь к Рихтору.

— Я предупреждал тебя, но ты, кажется, совсем ничего не поняла.

— Но, она раскололась!

— А он сейчас может ее потерять. Пять лет одиночества, Сианна, и он опять может все потерять.

— Он что, любит ее? — тихо произнесла Сойя, которая все это время стояла рядом с ними на кухне.

— Ты красивая женщина, — ответил Рихтор. — Но мы не выбираем, в кого нам влюбляться, а в кого — нет.

— Мы только выбираем, кого нам ненавидеть, — повторила собственные слова Сианна и налила себе виски в стакан.

Кайлин так и не открыла ему дверь. Он постоял еще немного, а затем развернулся и пошел вниз.

На кухне царила тишина. Сианна продолжала топить победу в виски, Рихтор молча потягивал пиво, а Сойя по-прежнему подпирала плечом холодильник.

— Ну, что, — громко заговорил Гийон, присаживаясь за барную стойку возле Сианны и протягивая ей свой пустой стакан, — такого поворота событий я не ожидал.

Сойя "отклеилась" от холодильника и села напротив него:

— Как ты мог?

— Что мог, Сойя? Мог после смерти жены спать с другими женщинами?

— Да, как ты смеешь?!

— Я смею? Какого черта ты вообще сюда заявила!

— Мне позвонила Сианна.

Гийон "опрокинул" стакан и с грохотом поставил его на столешницу.

— А почему я об этом ничего не знал?! Вы что, решили, что вправе управлять моей жизнью?

— Ты сам не понимаешь, что делаешь, — заботливым тоном произнесла Сойя и положила свою ладонь ему на руку.

Гийон выдернул свою кисть и прошипел:

— Я, в отличие от тебя, знаю, что делаю. А вот ты, кажется, совсем забылась.

— Знаешь? Да ты тр...ешься с этой... этой... — Сойя закрыла лицо руками.

— Тр...ся можно со шлюхой, Сойя, а с Кайлин я сплю.

— Уже не спишь, — заметила Сианна и потянулась за бутылкой.

— Ты думаешь, что все кончено?

— Ты промолчал, когда следовало встать на ее сторону и защитить, если, конечно, ты относишься серьезно к тому, что между вами происходит.

— Я не был готов к этому.

— А теперь готов? — с презрением произнесла Сойя.

— Другим тоном, пожалуйста.

— Это какой-то бред...

— Хочешь правду? — злобно прошипел Гийон, пригибаясь к столешнице и зная, что его слова ранят Сойю очень глубоко. — У тебя всю жизнь были натянутые отношения с Мартой. Думаешь, я ничего не понимал? А теперь ты презираешь Кайлин. Признайся, ведь тебе наплевать на то, кто она.

— Что ты хочешь этим сказать? — так же прошипела Сойя.

— Пора оставить все в прошлом и жить своей жизнью. Свой выбор я сделал много лет назад.

— Ты что, действительно влюбился в эту...

— Кайлин, Сойя. Ее зовут Кайлин. И если бы я был уверен в том, что ты в целостности и сохранности сможешь сейчас добраться домой, выпроводил бы тебя отсюда немедленно!

Сойя прикрыла рот рукой. Слезы проступили на ее глазах, и она заморгала.

— Ты слишком жесток, — покачала головой Сианна.

— А вы — нет? Или вести себя подобным образом можно только по отношению к пробужденным?

Гийон ударил пустым стаканом по столешнице и поднялся с места.

— На третьем этаже есть еще одна свободная комната, — обратился он к Сойе. — Можешь заночевать там.

— Я не останусь в этом доме.

— Уйдешь завтра. Сегодня я тебя не гоню. Ты все поняла — это самое главное. А теперь извините, я ухожу спать.

Дверь слетела с петель и Гийон, влетев внутрь своей рабочей комнаты, остановился на месте. Кайлин лежала на полу и плакала. Навзрыд.

Он подошел к ней и опустился на колени.

— Прости меня, — прошептал он.

Она не ответила, пытаясь отвернуться от его мерцания и красных глаз, что не мигая

смотрели на нее в этот момент.

— Прости меня! — громче повторил он, протягивая к ней руки, но она снова оттолкнула их.

— Прости меня!!! — закричал он, пытаясь обнять ее за плечи и встречая на своем пути преграду из ее ладоней.

Она ударила его. По лицу. Так, что хлопок повис в воздухе, словно эхо от выстрела в тишине. Гийон схватил ее за оба запястья и, запрокинув руки ей за голову, сел на нее сверху. Она брыкалась, пытаясь ударить его снова, извиваясь под ним в попытках скинуть с себя, но он прижал свои локти к ее лицу, и она больше не могла двигаться.

— Я люблю тебя.

Она открыла глаза и посмотрела на него.

— Тебе мало того, что ты уже знаешь? Хочешь получить большее?

— Я люблю тебя, — повторил он, наклоняясь к ней и целуя влажные щеки, по которым все еще текли слезы.

— Как ты мог? — прохрипела она. — Как ты мог?

— Я люблю тебя, — повторил он и прижался к ее рту, проталкивая свой язык внутрь и пытаясь поцеловать ее.

И она приоткрыла губы, тут же сомкнув свои зубы на его губе, прокусывая нежную кожу до крови. Гийон не издал ни звука. Он словно и не заметил того наказания, что она обрушила на него. Его губы продолжали целовать ее, его язык вторгся в ее рот, в беспамятстве касаясь ее языка и смешивая солоноватый привкус своей крови с ее вкусом.

— Поддонок, — пыталась ответить она. — Ненавижу! Ненавижу тебя!!!

Но чем больше она хотела говорить, тем менее убедительным становилось ее сопротивление. И когда ее руки перестали упрямыться его хвату, когда ее губы начали ласкать его рот, когда ее язык обвел его кровоточащую рану, она снова услышала слова, с которыми была не в состоянии бороться:

— Я люблю тебя.

Гийон отпустил ее запястья, и, раскрыв полы ее халата, прижался ладонями к ее обнаженной спине, вжимая пальцы в кожу и спускаясь вниз, охватывая бедра и подтягивая их ближе к себе.

Она сделала то же самое, запустив ладони под его рубашку и притягивая его до боли в руках к себе.

— Как ты мог? — спросила она, едва ли сдерживая стон от удовольствия, когда почувствовала, как его губы накрывают ее грудь.

— Не отпущу тебя, — только и ответил он, возвращаясь к ее рту.

Кайлин почувствовала, как внутри нее зарождается боль от того, что он сейчас не в ней. Эта ноющая пульсация внизу живота начала превращаться для нее в пытку, спасением от которой могло стать только вторжение его тела в нее.

Она потянулась руками к застегке его штанов и, расстегнув ее, развела свои ноги, прижавшись бедрами. Он ощутил ее тепло, и влагу, что собралась в ней от его прикосновений, и, мгновенно приподнявшись над ней, заполнил ее существо собой.

Кайлин выгнулась под ним, не чувствуя боли, только потребность, чтобы он двигался в ней, заставляя вздрагивать от каждого толчка и тихонько всхлипывать.

— Кричи, — попросил он, склоняясь к ее уху и вжимаясь носом в ее шею, вдыхая чудесное благоухание ее тела, смешиваемое с ароматом их общего вождения.

Кайлин задвигалась вместе с ним, совершенно не осознавая, что этими толчками только усиливает его потребность ласкать ее.

— Кричи, — повторил он и, приподняв ее бедра погрузился слишком глубоко, для того чтобы она смогла сдержать громкий стон.

И когда ее тело взлетело так высоко, и, кажется, совсем оторвалось от земли, когда она почувствовала, как в ответ на трепещущий ритм своего наслаждения он изливает в нее нечто теплое, как продолжает двигаться вместе с ней, когда в движении больше нет нужды, она прокричала единственное, что могло иметь значение сейчас:

— Я люблю тебя!

Он рухнул на нее в тот же миг, не в состоянии описать те чувства, что переполняли его от этих простых слов, сказанных только что ею, и испытывая радость от того, что все-таки смог удержать ее.

— И я тебя люблю, зайчонок, — повторил он свои слова, целуя ее шею, ее щеки, глаза и припадая ртом к ее губам.

Затем он резко перевернулся на спину, увлекая ее за собой и укладывая сверху, обнимая и прижимая к себе, все еще находясь в ее теле и теплоте. И слезы, что продолжали литься из ее глаз, растекаясь по поверхности его застегнутой рубашки, словно смывали его вину перед ней.

— Не плачь, я прошу тебя.

— Не могу.

— Прости меня.

— Это я во всем виновата.

Их прервал писк, донесшийся до их ушей из дверного проема, в котором висела покосившаяся дверь. Сойя стояла в центре луча света, проникающего в темную комнату и освещающего две фигуры, лежащих на ковре.

— Уходи отсюда! — рявкнул Гийон, даже не пытаясь двигаться.

Кайлин приподняла голову и заметила Рихтора, стоящего за ее спиной.

Гийон тут же накрыл Кайлин сползшим с ее спины халатом и приподнялся, не выпуская из своих рук.

— Рихтор! — прокричал он.

Друг тут же схватил Сойю за руку и потащил прочь, увлекая за собой в сторону лестницы.

— Они все слышали, — прошептала Кайлин, пряча лицо у него на груди.

— Взрослые уже. Переживут.

— Боже мой, как стыдно!

— Перед кем? Перед Сойей? Она не сдерживала свои эмоции, когда еще Марти была жива. Сианна? Она прочитала тебя, как открытую книгу, уловив слабое место и надавив посильнее, сыграв на моем чувстве вины перед Сойей, за то, что ее сестра погибла, а я остался жив.

— Но, ведь я...

— Кто? Пробужденная?

— Да.

— Ты, в первую очередь, женщина, Кайли. Моя женщина.

— Но, это я...

— С этим мы разберемся потом, ладно?

— Не знаю, Гийон, сможем ли мы с этим разобраться.

"Они словно слепцы, идущие на ощупь и не имеющие адекватного представления о реальном положении вещей..."

Из разговора от 14.11.3565

Когда они спустились вниз, Сианна и Рихтор в компании Ено спокойно пили утренний кофе.

— Доброе утро, — поздоровался Гийон, усаживая Кайлин на стул у барной стойки.

— Сойя уехала час назад, — вместо приветствия произнесла Сианна и посмотрела на Кайлин.

— Я не удивлен, — ответил Гийон и присел рядом с Кайлин.

— Кофе? — спросил Рихтор.

— Да, спасибо, — тихо ответила Кайлин и подперла рукой голову, глядя на Сианну.

— Вирусолог, значит, — улыбнулась Сианна.

— Вроде как...

— Кто бы мог подумать, что когда-нибудь мы встретим в своей жизни человека, который создал СаКаР.

— Забудь об этом, — приказным тоном произнес Гийон.

— Что значит, "забудь"? — не поняла Сианна.

— Это не твое дело. И сюда тебе лучше не лезть.

— Она нужна Цемеи. Зачем?

— Я храню много секретов, — ответила за Гийона Кайлин. — И этих тайн тебе лучше не знать.

— Давайте оставим эту тему, — перебил их Рихтор. — Ено привез материалы по новому эпизоду. Предлагаю всем взглянуть на них.

— Ено, подключись к телевизору в гостиной, — попросил Гийон.

— Сейчас.

Кайлин поплелась с кружкой в руках в гостиную и плюхнулась на диван. Гийон присел рядом с ней и по-хозяйски положил свою руку на ее колено.

— А где Маркус? — спросил Гийон, обращаясь к Рихтору.

— Я здесь, — послышался сиплый голос за его спиной.

Маркус с банкой пива в руке кивнул всем присутствующим и уселся на полу перед диваном.

— Можно начинать, — прохрипел он и глотнул пиво из банки.

— Это — место преступления, — спокойно пояснил Ено. — Жертва, как вы помните, лежала на полу в ванной.

На экране крупным планом Ено показал труп убитой девушки. Кайлин поднесла кружку с кофе ко рту и, замерев на мгновение, выронила ее из ослабших пальцев. В глазах у нее потемнело, и непрошенная тошнота подступила к горлу. Гийон даже не успел посмотреть, обожглась она или нет, как Кайлин уже неслась в сторону ванной комнаты. Ее вывернуло наизнанку несколько раз и она, вытирая слезы с лица, осела на пол.

— Что случилось? — прошептал Гийон, присаживаясь напротив нее.

— Я ее знала, — ответила Кайлин и тут же снова метнулась к унитазу.

— Воды принести? — тихо спросил он, глядя ее по спине.

— Да.

Когда он вернулся в ванную со стаканом воды в руках, Кайлин уже стояла напротив раковины и смотрела в зеркало.

— Ты в порядке?

— Это одна из моих бывших коллег. Ее звали Марина Сальвеи.

— Ее пробудили около года назад. Она вышла замуж в прошлом месяце и опекунство было передано ее мужу.

— Никогда бы не подумала, что увижу ее снова... вот так...

— Следов борьбы не было. Двоих убили внезапно. Мужа, скорее всего, случайно, когда тот заехал домой на обед.

— Где она работала?

— После того, как вышла замуж — нигде. А до замужества в одной частной туристической конторке.

— Проверь эту фирму. Не поверю, что Марина с ее мозгами занялась туризмом.

— Хорошо. Есть еще что-нибудь, что ты можешь о ней рассказать?

— Ходили слухи, что она попала в нашу лабораторию только потому, что спала с одним из сотрудников.

— С кем?

— С Женей.

— И ты не знала правда это или нет?

— Нет, не знала. Помимо внешности, в Марине было еще кое-что.

— Что?

— Талант. Она работала в команде брата. Отвечала за построение "типовых моделей поведения наномашин".

— То есть, она была программистом?

— Да.

— А каким образом связаны вирусолог и нанопрограммисты?

— Ты задал правильный вопрос, Гийон. Мне нужно узнать, что случилось с моим братом.

— Если его не криогенизировали, то он, скорее всего, уже давно мертв.

— Это — цепочка, Гийон. Я, мой брат, Марина и Женя. Осталось еще двое, одна из которых уже мертва, а второго могли пробудить или убить еще тогда...

— Убить?

— У меня есть основания предполагать, что моего брата убили. Понимаешь, они бы все равно не оставили его в покое. Мой брат всегда был максималистом. Все в своей жизни он доводил до конца. А если, знал, что не сможет закончить, не брался за дело вообще. Может, это и плохо, может, его самого это и погубило, но он, в отличие от меня не сдался и не опустил руки. И еще он никогда ничего не боялся. "Коллеги, руководство, люди, весь Мир — идите к черту, мне наплевать на всех вас". Я всегда осуждала его за это. И, почти в самом конце, казалось, даже остановила. Как же я ошиблась! Ведь мой брат в своей жизни все доводил до конца...

— Ты все-таки нашла то, что он тебе оставил?

— Это нашел ты, Гийон. Я лишь получила часть.

— О чем ты говоришь?

— Он мог передать мне только одно: вирусные наночастицы.

— То есть, мы инфицированы ими?

— Да. Ты и я. Насчет Маркуса не уверена. Он не брал в руки письмо и не вдыхал содержимое колбы.

— Что же он создал?

— Этого я не могу сказать даже тебе, прости.

Гийон прижался к ее спине и обнял.

— Мне не за что тебя прощать. Честно говоря, не уверен, что хочу влезать во все это.

— Уже поздно говорить об этом. Мельница запущена.

— А ты находишься между ее жерновами?

— Тебе поручили добыть ответы.

— Да, но я единственный, кто сможет защитить тебя в этой ситуации.

— Всего шесть человек знали о том, что из себя представляет СаКаР. Все началось с меня, с моей болезни, если быть точной. Смыслом моей жизни всегда была работа. Я хотела творить, надеялась, что смогу добиться чего-то. Но с каждым днем мое время просачивалось сквозь пальцы, и я понимала, что не успею... Брат был намного талантливее меня. Задачу, над которой я могла биться несколько недель, он решал за считанные часы. И в какой-то момент я полностью доверилась ему. Он стал моим маяком, и успех был почти осязаем. Когда я, наконец, поняла, к чему все движется, что-либо менять было уже поздно. И я сдалась. Тяжело это — отказываться от своих надежд, но выбирать к тому времени было уже не из чего. Тогда я совершенно ясно поняла, что своими руками вымостила для себя дорожку в ад.

— Ты была вирусологом?

— Да, довольно талантливым для своего времени. Наверное, поэтому никто так и не узнал о моем существовании, — усмехнулась Кайлин. — Я пыталась найти лекарство от Вереллея. В то время теория о неспособности вируса переживать низкие температуры имела большой успех. И я создала вирус, который заставлял клетки вырабатывать специфический белок, угнетая их активность и вводя в спячку под действием отрицательной температуры. Я создала вирус, но не смогла разрешить одну проблему: частицы были неустойчивы в организме и не могли проникать в ткани мозга. И тогда мой брат помог мне. Он создал носитель, который доставлял вирусную частицу к клеткам, обходя иммунную защиту и подбирая особые "ключи". Мы испытали действие СаКаРа на мышах, и вирус Вереллея не пережил криогенезации. Затем были обезьяны — и с ними тот же успех. А затем мы поставили эксперимент на человеке, добровольце с последней стадией заболевания. И криогенезация ему не помогла. Вирус Вереллея после "пробуждения" только понизил свою активность, что довольно скоро компенсировалось его массовым синтезом. Доброволец не прожил и недели после нашего опыта. И тогда я поняла — что все потеряно. Шансов не осталось. Я опустила руки, перестала выходить на работу. Моя собственная болезнь начала прогрессировать и довольно быстро перешла в финальную стадию процесса. Основную часть времени я начала проводить в больнице. Когда ко мне пришел Женья, я уже практически не ходила. Химиотерапия плохо сказывалась на моей способности адекватно воспринимать ситуацию. И я подписала отказ от авторских прав на изобретение, передав свои полномочия ему. На завтрашний день он занял пост нового руководителя лаборатории. Брат документы подписывать не стал. Его убедили пустить дело в ход другим способом: пообещали огромные деньги и свою собственную лабораторию для продолжения работы с вирусом

Вереллея. Он не мог отказаться от такого шанса. Он хотел сделать все возможное, чтобы сохранить мне жизнь. Когда они поняли, что криогенезация является "процедурой одного шанса", они снова пришли ко мне.

Кайлин засмеялась:

— Но их ожидал сюрприз. Я не знала, как предотвратить данный процесс. Я не понимала, почему развивается стабильный иммунный ответ, ведь после криогенезации вирус должен был выводиться из организма, а иммунная реакция должна была носить кратковременный характер. За день до моей смерти ко мне пришел брат. Он-то и раскрыл мне секрет этого явления. Часть СаКаРа, та, что создал он, по неизвестным ему причинам оставалась в клетках головного мозга, периодически проникая в кровь. Эта часть вируса вызывала стойкий иммунный ответ. "Они не смогут оживлять дважды", — смеялась я тогда. Но ему не было смешно, потому что он знал другую правду. Любую наночастицу можно запрограммировать, добавив к ней другой элемент, что-то вроде другого вируса, сообщающего ей нужные свойства и наделяющего способностью воспринимать внешние сигналы. И этой кодировкой, этой последовательностью он поделился со мной.

— Ты знаешь, что такое "нестабильность"? — тихо спросил Гийон.

— Не знаю. В книжке написано, что это состояние развивается из-за неадекватной реакции организма на носительство вируса.

— Там много чего написано. И ни слова о тебе и твоём брате, так же как и о двух составных частях СаКаРа. Ты понимаешь, что они могут только за знание этого секрета убить тебя?

— Они сами не знают, чего хотят. Они расспрашивали меня о кодировках, о последних разработках Саши. Они словно слепцы, идущие на ощупь и не имеющие адекватного представления о реальном положении вещей.

— Ты понимаешь, какую тайну хранишь? Не знаю, как они вообще выпустили тебя, ведь об этих разработках ничего не известно...

— Думаю, они знали, что я стану помалкивать. А в противном случае меня можно с лёгкостью убрать со сцены, признав нестабильной.

— Ты говоришь, что вместе с тобой и братом работали ещё пять человек.

— Да. Женю ты уже видел. Он вирусолог, как и я.

— Мне нужны имена каждого из оставшихся.

Кайлин обернулась и посмотрела на Гийона.

— Думаешь, здесь будет нить?

— Я просчитываю все варианты.

— Но тех девушек я не знала.

— Маловероятно, чтобы среди пробужденных всего города убийца выбрал именно твою бывшую коллегу. Конечно, бывают и случайности, но что-то мне подсказывает, что это дело как-то связано с тобой.

— Ты ведь работаешь на Цемеи?

— Откуда тебе это известно?

— Он приходил ко мне в Центр. У него такие же красные глаза, как у тебя. Он сказал, что мой дар окажет неоценимую помощь в твоих расследованиях. Уже тогда я заподозрила, что мой дар — это только предлог для работы со мной. Когда я встретила Маркуса и поняла, что вам ничего обо мне неизвестно, дело приняло новый оборот. С одной стороны — Центр, которому нужны кодировки. С другой — Цемеи, как представитель Закона. И я

посередине. Я все надеюсь, что эти кодировки никогда не всплывут. Это оружие, Гийон. Какая разница, в чьи руки оно попадет?

— Сделанного не воротишь. Разница в том, что Центр ведет свою собственную игру по неизвестным правилам. И Закон, судя по всему, их не колышет.

— Как Цемеи нашел меня?

— У него есть свой информатор в Центре. Тот капнул, что тебя следует быстро у них забрать.

— Ты доверяешь Старко?

— Как самому себе.

— Слишком уверенно, Гийон, ты говоришь об этом.

— Ты доверяла своему брату?

— Да, конечно.

— А я верю своему отцу.

— Что-о-о?

— Старко — мой отец, Кайлин.

Кайлин отстранилась от него и прищурила глаза:

— Старко Цемеи — твой отец?

— Да.

— И ты молчал?!

— Вообще-то, я взял фамилию матери, чтобы не трубить об этом по всему Свету.

— Да все, наверняка, и так в курсе!

— Ну, — пожал плечами Гийон.

— То есть, тот процесс, что они устроили, тебе ничем не грозил?

— Ну, степени власти я бы мог лишиться.

— Но, Маркус сказал, что тебя вообще звания лишат!

— Он погорячился.

— Вот, скотина!

— Значит, если бы ты знала, что Старко — мой отец, не стала бы меня выгораживать?

Кайлин отвернулась от него и сложила руки на груди.

— Да, черт с ним, — усмехнулся Гийон и притянул ее к себе. — Смотреть, как ты пытаешься спасти меня, было очень приятно.

— Я хочу вступить в контакт с Мариной.

— И речи быть не может.

— Я могу увидеть лицо убийцы или понять мотив. Такой шанс нельзя упускать.

— Я сказал "нет".

— Того, что было, больше не повторится.

— Где гарантии?

— Я просто чувствую.

— Никаких контактов, пока не поработаешь с Нистеном и не научишься это контролировать.

— На это могут уйти годы, Гийон.

— Ничего не поделаешь.

— В таком случае, я не стану работать с ним вообще, — отрезала Кайлин.

Гийон почувствовал, как кровь начинает закипать в его жилах. Она опять начинала все с начала. Как с ней можно говорить, если любая из его просьб непременно обращается в

протест? Гийон промолчал и задумался. Может, это он не подобрал правильный подход? Ей нельзя приказать. Ей нельзя ничего навязать. Ее можно только попросить. Но, как попросить, чтобы она обязательно согласилась?

Гийон зарылся носом в ее волосы, вдыхая их чудесный аромат.

— Ты не заставишь меня, — ответила она.

— А я и не собирался. Неудобно перед Нистеном. Я выдернул его из дома только ради того, чтобы он с тобой поговорил.

— Из дома? А как ты его вообще нашел?

— Пришлось обзвонить человек двадцать, чтобы найти его номер, а потом долго убеждать, что твой дар особенный и достаточно редкий.

— И как он согласился на это?

— Я сказал, что ты — пробужденная.

— И это сработало?

— Он слишком любит свою жену и понимает, что он — единственный из Гильдии, кто может тебе помочь.

— Почему "единственный"?

— Потому что с пробужденными из Гильдии нейрами кроме него никто больше не работает.

— А причем здесь его жена?

— А он не сказал?

— Нет.

— Она тоже нейрами. Может предсказывать будущее. Только дар ее открылся после пробуждения, и это чуть не закончилось печально.

— Они решили, что она — нестабильная?

— Ее опекун так решил.

— А как они встретились с Нистеном?

— Ее опекуном был брат Нистена.

— А теперь Нистен ее муж.

— Да.

— Поэтому он работает с пробужденными? Защищает тех, кто все еще в своем уме, но на кого начинают показывать пальцем?

— Да.

— И он уделил мне свое время.

— Да.

— Гийон, — Кайлин повернулась к нему лицом.

— Что?

— Если за две недели я все равно ничему не научусь, ты позволишь мне проконтактировать с ними, пока еще не будет совсем поздно?

— Наверное.

— Такой ответ меня не устраивает.

— Ладно, я согласен.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что нашел его для меня.

— Перемены, Кайлин? Ты начинаешь употреблять слово "спасибо"?

— Уж не знаю, к добру ли это.

— Чем займемся? — спросила Сианна, наливая себе очередную кружку кофе и присаживаясь за стол на кухне Гийона к остальным.

— Будем разбираться с бумагами, — ответил начальник, насаживая на вилку очередной кусок мяса из своей тарелки. — Пока на улицах творится невесть что, все останутся здесь.

— Мне надоела форма одежды в виде халата, — ответила Сианна.

— Могу предложить только свои рубашки.

— Я так и поняла. Ладно, давайте распределим обязанности.

— Хорошая идея, — согласился Гийон. — У нас куча материала, из которого нужно вычленить главное. И пока мы вынуждены ютиться здесь под одной крышей, можно попробовать собрать все воедино.

— Восемь трупов, семь мест преступлений, — покачал головой Маркус. — И Кайлин, которая лично знала одну из них. Что еще тебе известно, Кайли?

— Кроме того, что она работала с СаКаРом — ничего, — уклончиво ответила Кайлин и потянулась за хлебом.

— Итак, — продолжал Гийон, — каждый займется изучением материалов двух конкретных эпизодов. Затем мы попытаемся собрать головоломку и посмотрим, что из этого получится.

— А чем займусь я? — спросила Кайлин, откидываясь на спинку стула.

— Ты изучишь материалы по каждому из эпизодов.

— Я скорее состарюсь, чем во всем этом разберусь.

— А я и не прошу, чтобы ты вникала во все подряд. Обрати внимание на то, что тебе покажется интересным.

— Везет, — засмеялся Рихтор. — В принципе тебе можно вообще ничего не делать.

Кайлин показала Рихтору язык и улыбнулась в ответ.

— Такой ты мне нравишься больше, — прокомментировал Рихтор и подмигнул Гийону.

— Какой такой? — удивилась Кайлин.

— Удовлетворенной.

На кухне повисла тишина, которою разрушил хохот самого Гийона.

— В точку, — подтвердил он, пригибаясь к столу от смеха.

Кайлин поняла, что злиться бесполезно, а над правдой действительно стоит посмеяться. Она улыбнулась и похлопала Гийона по спине.

— Это и тебя касается, — ответила она и тоже засмеялась.

— Ну, — подал сиплый голос Маркус, вскрывая очередную баночку с пивом, — шутки шутками, а работы — завались.

— Покажи руки, — перебила Маркуса Сианна, обращаясь к Кайлин.

— Зачем?

— Нитки уже стягивают кожу?

— Да.

— Судя по всему, пора снимать швы. Могу помочь.

— Я буду только рада избавиться от них.

— Гийон, где твоя аптечка?

— Посмотри в шкафчике под микроволновкой.

— Лучше этим заняться в ванной, — ответила Сианна и достала из шкафчика коробку с медикаментами.

— Ладно, — пожала плечами Кайлин и поднялась из-за стола.

— Мне пойти с тобой? — спросил Гийон, допивая свой кофе.

— Да не нервничай ты так, — засмеялась Сианна. — Не съем я ее.

— Это еще кто кого съест, — хмыкнул Рихтор и быстро отвернулся, чтобы не встретиться с возмущенным взглядом своей супруги.

Кайлин присела на край ванной и протянула Сианне одну руку:

— Ты же врач по образованию?

— Да. Несколько лет проработала в больнице, затем ушла в медицинскую экспертизу, а там и в даниины подалась.

— А как вы познакомились с Рихтором?

— Меня сразу определили в группу Гийона. Рихтор к тому времени уже работал с ним. Так и познакомились.

— И как же он сумел привлечь твое внимание?

Сианна только рассмеялась той проницательности, которую проявила Кайлин:

— Он сделал вид, что я, как женщина, его несколько не интересую, и стал заигрывать с девушками из отдела криминалистики. Я, в свою очередь, начала вызывающе одеваться и пускать пыль в глаза всем неженатым сотрудникам того же отдела. Однажды он не выдержал и затащил меня в туалет на нашем этаже прямо посреди рабочего дня. Так все и закрутилось. Правда, привычка вызывающе одеваться осталась. Мне нравится, как он злится, когда кто-нибудь из мужчин засматривается на меня. Так я чувствую, что способна еще разжигать в нем огонь.

— А как к этому относится он сам?

— Он говорит, что когда-нибудь заставит меня сменить гардероб, — засмеялась Сианна. — Я люблю его, и он об этом знает. Это главное, а остальное... С остальным можно примириться.

— Это тяжело, примиряться?

— Всегда приходится чем-то жертвовать. Иногда промолчать, когда хочется сказать очень многое, иногда уступить, пусть даже и знаешь, что он не прав. Но эти жертвы не идут ни в какое сравнение с тем, что ты получаешь взамен. Ты просто просыпаешься утром и понимаешь, что сегодня он будет рядом с тобой. С этой рукой все. Давай другую.

— Сианна, а ты была знакома с женой Гийона?

— Что ты хочешь знать? Какой она была? Каким был он? Зачем тебе это, Кайлин? Жизнь изменила его и сейчас он такой, каким и останется навсегда.

— Ты права, — вздохнула Кайлин. — Но это немного давит, когда понимаешь, что если бы не чья-то смерть, мы бы никогда...

— Если бы ни то, если бы ни это... Не умри ты в свое время, тоже ничего бы не было. Так какой толк от того, что ты об этом думаешь?

— Ты хотела сказать, не создай я СаКаР в свое время.

— Не знаю, Кайлин. Не ты, так кто-нибудь другой. Не злись на меня за Сойю. Такой уж я человек: не могу не воспользоваться возможностью.

— Я всегда говорила своему брату: "У каждого из нас — свое предназначение". Странно, но теперь я говорю это тебе.

— Ничего странного, — пожала плечами Сианна. — У каждого из нас свое предназначение.

Обе девушки рассмеялись, а через несколько минут Кайлин уже рассматривала тонкие

рубцы на своих руках.

— Можно "шлифнуть" их лазером. Тогда совсем ничего не останется.

— Я подумаю, спасибо. Ты знаешь, а так руки совсем не болят.

— Это все нитки. Они начинают сжимать ткани вокруг и доставляют дискомфорт.

Теперь ты все можешь делать самостоятельно.

— Да, я и так уже все самостоятельно делала.

— Ну-ну, — сдержала смешок Сианна и отвернулась.

"Я оправдаю ненависть каждого из вас ко мне. Я — первопричина всех ваших проблем. Я — источник вашей боли и презрения. Это я тот человек, которого ненавидит весь Мир..."
Из разговора от 13.11.3565

Через полчаса в доме Гийона воцарилась абсолютная тишина. Каждый из ребят уединился в отдельной комнате, чтобы разобраться в своей части общей головоломки. Бумаги для распечатки материалов дела у Гийона хватило, однако, домашний запас ее заметно пострадал.

Кайлин досталось макулатуры больше всех. Сидя посреди аккуратно разложенных стопок, в которых была изложена вся информация, добытая в ходе расследования, Кайлин всерьез задумалась над тем, с чего же ей все-таки начать.

Прикусив зубами карандаш, любезно предоставленный Гийоном в ее личное пользование, она закрыла глаза и выдернула распечатанный лист бумаги из первой попавшейся стопки. Это были показания знакомых второй жертвы. Кайлин прилегла на пол и начала вчитываться в его содержание.

Гийон заглянул в ее комнату, чтобы позвать на обед. Кайлин, лежа на полу с карандашом в зубах, витала где-то в облаках.

— Филонишь? — спросил Гийон, присаживаясь возле нее.

Она подняла указательный палец и сморщилась.

— Пойдем, потом продолжишь.

— Полный бред, — ответила Кайлин и положила голову ему на колено

— Согласен.

— Они все одинаковы, но, в тоже время, нигде не пересекались.

— Что ты имеешь в виду?

— Сама не понимаю. Нужно, чтобы информация осела в голове.

— Пойдем, Ено уже все приготовил.

— Да, — ответила она и рывком поднялась с места.

— Это все? — спросил он, даже не пытаясь двинуться с места.

Кайлин задумчиво посмотрела на него, затем наклонилась и поцеловала.

— Уже лучше, — улыбнулся Гийон, притягивая ее к себе.

— Нас ждут, — промурлыкала она, когда почувствовала его руку на своем бедре.

Гийон послушно отстранился и поднялся на ноги.

— Ты иди. Я следом.

Кайлин начала хохотать в голос, плотнее утягивая пояс на своем халате.

— Очень смешно, — улыбнулся Гийон и отвернулся к окну, чтобы отвлечься от навязчивых мыслей.

За ужином стало понятно, что устраивать совместное совещание не имеет никакого смысла. Все слишком устали, да и переработать такое количество информации — дело не из легких. Ребята прошлись по запасам спиртного в баре Гийона и отправились спать.

Под утро едва соображающая Кайлин, все-таки смогла сомкнуть глаза и погрузилась в забытие на целых четыре часа. Когда она проснулась, Гийон сидел в постели возле нее и усердно работал на своем контактном ПК, быстро перебирая пальцами в воздухе.

— Ты вообще спать ложился? — спросила сонная Кайлин, прикинув к его обнаженной груди.

— Нет, — ответил он и, погладив ее по голове, тут же продолжил работать.

— Пить хочешь?

— Нет.

— Есть?

— Нет.

— Похмелиться?

— Нет.

— Заняться любовью?

— Нет. Что? — тут же остановился он и сдвинул обруч на лоб.

— Попался, — улыбнулась она и, чмокнув его в щеку, быстро скатилась с кровати.

— Эй! Ты куда?

— Я? Умываться и завтракать. Тебе тоже советую, а то без кофе ты долго не протянешь.

— Это мы еще посмотрим.

— Угу, — ответила Кайлин и не прогадала.

Выйдя из ванной, она обнаружила его спящим на кровати с обручем на глазах.

Кайлин разбудила Гийона только к обеду. Глядя на заспанного начальника, коллеги тихо посмеивались, но комментариев не отпускали. День медленно проплыл мимо и уже начало смеркаться, когда все собрались в гостиной, условно готовые к проведению общего совещания.

— Итак, — начал Гийон. — Мы попытаемся выслушать каждого по очереди. Напоминаю, докладывать следует быстро и коротко. Только факты, которые, по вашему мнению, представляют хоть какую-нибудь значимость. Ну, что ж, начнем сначала. Рихтор, тебе слово.

Рихтор взял в руки бумаги и начал доклад:

— Пробужденная Наля Керот. Была найдена в собственном доме домработницей. Убита тремя днями ранее. Неизвестный проник в ее дом и нанес семь колотых проникающих ранений, когда она спала. Установлено, что жертва перед смертью вступала в сексуальный контакт. Ни признаков насилия, ни следов борьбы мы не нашли. Орудие преступления — предположительно двадцатисантиметровый нож — не найдено. Улик нет. Свидетелей тоже. О самой жертве: пробуждена около двух лет назад. Опекун — Центр. Работала торговым агентом. Одинокая, по отзывам коллег — скрытная, тихая, педантичная, конфликтных ситуаций избегала. Друзей нет. Не привлекалась, на учете по признакам нестабильности не состояла.

— Продолжай.

— Пробужденная Сильвия Турреску. Обнаружена в собственном доме патрульными данилами, которые получили сообщение о пропаже жертвы. Сильвия неделю не выходила на работу и ее работодатель забил тревогу. Почерк тот же: нажевые раны, предположительно тем же орудием, что и в первом случае. Угол наклона оружия при нанесении ударов и глубина самих ранений — все совпадает. Сексуальный контакт перед смертью. Следов сопротивления нет. Тело нашли на диване в гостиной. Улик никаких. Пробуждена около трех лет назад. Опекун — Центр. Одинокая: ни семьи, ни друзей. По отзывам коллег была спокойной, уравновешенной девушкой, скрытной. Не привлекалась, на учете по признакам нестабильности не состояла. У меня пока все.

— Ладно, вопросы потом. Сианна, продолжай.

— Пробужденная Карина Пикарчук. Обнаружена патрульными в собственном доме. Ситуация аналогичная: не вышла на работу в течение трех дней, работодатель забил тревогу. Причина смерти — множественные ножевые ранения, наносимые в грудь и живот. Угол наклона и глубина проникновения соответствуют описаниям в первых двух случаях. По нашим предположениям, убийца проник в дом через незакрытое окно и застал жертву в ванной. Следов сексуального контакта нет. Сопротивления не оказывала. Улик никаких. Пробуждена восемь месяцев назад. Опекун — Центр. Не замужем. Одинокая: нет ни друзей ни подруг. Работала в зоомагазине консультантом. По отзывам коллег: спокойная, покладистая, отзывчивая, скрытная. Не привлекалась, на учете по признакам нестабильности не состояла.

Дальше Кайлин уже не слушала. В ее голове все крутились три слова, наиболее часто употребляемые в описаниях Сианны и Рихтора. Между ними так много общего, и, в то же время, они нигде не соприкасаются. В общую картину не вписывались четыре преступления. В первом случае жертву нашли не в собственном доме. Впрочем, этот самый настоящий дом им найти так и не удалось. Во втором случае убийца оставил послание на русском языке, кроме того жертва, судя по всему, была невадой. Беременной невадой. В третьем случае, жертва была коренной и оказала сопротивление. Есть любовник, фоторобот которого Кайлин так и не успела составить, но которого все равно нашли. И этот коренной тоже ничего не знает, что подтвердила Кайлин, после того, как пережила смерть несчастной девушки. И, наконец, случай с гибелью Марины и ее мужа. Марину застали на кухне. Мужа — недалеко от входной двери. Марина сопротивления не оказала, в отличие от мужа. И все сводилось к одним и тем же общим деталям преступления: возможный рост подозреваемого — метр восемьдесят — восемьдесят пять, сильного телосложения, правша. Орудие убийства забирает с собой и не оставляет следов, словно долго готовится к нападению. На основании описания Кайлин можно сделать вывод, что он — пробужденный, со светлыми глазами, нападает внезапно, в маске. Что еще? Что же еще?

— Кайлин?

— Да?

— Ты что-то отвлеклась.

— Прости, Гийон.

— Я спрашивал, не возникло ли у тебя ощущения, что жертвы встречали убийцу ранее?

— Нет. Даже если и встречали, его они не запомнили.

— Итак. Общие точки соприкосновения: шесть пробужденных, криогенизированных в период с 2069 по 2080 года. Молодые. У пяти опекун — Центр. Одинокие, скрытные, возможно, живущие двойной жизнью.

— Не возможно, а точно, — перебил Гийона Маркус. — Все они были красивыми, насколько вы помните. А в стихотворении, оставленном нашим гостем, ясно говорится о "смывании грехов" и тому подобном. Все они зарабатывали на жизнь определенным способом. И последняя, Марина, тоже в прошлом могла этим грешить.

— Подожди, я процитирую стихотворение, — вступила Сианна:

"Спи спокойно, мой мальш,

Подкрадусь я, словномышь.

Ты увидишь новый сон —

Возрождения свой стон.

Твоим криком упиваясь,
Сталью в тело вновь вторгаясь,
Я сотру с лица Земли
Оскорбления твои.
Твое тело не воспрянет,
Духом новым не восстанет.
Ты заснешь здесь навсегда,
Спи спокойно, дочь моя".

— Он говорит об "оскорблении" и "воскрешении", о том, что это для них уже не возможно, — попытался пояснить Рихтор.

— Но причем здесь коренная? — не поняла Кайлин. — Ее ведь никто не пробуждал.

— Ну, в доме мы все-таки нашли ампулу с СаКаРом.

— То есть?

— Она купила для себя вирус.

— В ампуле?

— У нас тоже такие есть.

— Это как?

— У всех даниилов они есть при себе на случай внезапной безвыходной ситуации.

Кайлин повернулась к Гийону и с неверием в глазах посмотрела на него:

— Вирус теперь переносится в ампулах?

— Могу показать.

— Покажи.

Гийон принес ей маленькую прозрачную колбочку красного цвета с кнопкой сбоку. Кайлин повертела ее в руках и сжала в ладони.

— Да, довольно простой способ остаться в живых, если кто-нибудь вовремя тебя заморозит. Вирус очень быстро проникает в ткани. Мило, очень мило...

— Не хочу тебя огорчать, но нас даже обучают, как именно следует понижать температуру, чтобы не повредить мозг.

— И это в мире, где ненавидят пробужденных...

— Хочешь оставить себе? — спросил Гийон, глядя, как Кайлин с силой сжимает ампулу в руках.

— Нет, спасибо, — ответила она и вернула ее законному обладателю.

— Итак, — продолжил Гийон, — мы вернулись к тому, с чего начали, то есть — к нулю.

— Как думаете, он нестабилен? — вдруг спросила Кайлин и прикусила нижнюю губку.

— Скорее всего. Хотя, для нестабильного слишком чисто работает.

— Знаете, что мне не дает покоя во всей этой истории?

— Что?

— Три слова. "Одинокая", "уравновешенная", "скрытная". Это характеризует их всех. Всех, кроме Марины. Марина в прошлой жизни была общительной. У нее всегда было много друзей и подруг. А что я узнаю о ней сейчас? Что она скрытная.

— Ну, она ведь в новом мире проснулась. Здесь пробужденные, в основном, общаются с себе подобными.

— Вы не обратили внимания, что в доме у каждой из жертв были найдены слабые успокоительные, которые продаются без рецептов в любой из аптек?

Гийон поморщил лоб.

— А у кого их нет? — запротестовала Сианна.

— Где ты хранишь свои таблетки?

— В аптечке.

— Именно, — подхватила Кайлин и, пристав с дивана, начала прохаживаться по гостиной. — У меня нет в доме успокоительных, хотя обезболивающими я запаслась. А у них? — она обратилась ко всем присутствующим, но осознав, что они не улавливают ее идею, продолжила:

— Вы не заметили, что таблетки мы обнаружили даже в доме той девушки, настоящего дома которой, по сути, мы так и не нашли? У нее не было ни соли, ни сахара, но там были таблетки. У остальных снотворные были найдены на кухне, в спальне, в ванной комнате, у двоих — в сумочках. И Марина не стала исключением. Все они сидели на "колесах". Почему? Потому что испытывали определенного рода проблемы. А к кому с этими проблемами обратиться? К кому, если поход к психотерапевту заканчивается постановкой на учет по признакам нестабильности? Друзья? Какие друзья, если боишься, что в тебе разглядят заветные признаки? Три слова: "одинокая", "уровневенная", "скрытная". Почему?

— У них у всех были проблемы, — подытожил Гийон.

— Именно. И еще одно. На закуску. Первая жертва. В разговоре даниила с одной из ее коллег, та обронила фразу: "После криогенезации у нее были проблемы с памятью, поэтому она все записывала". А теперь вспомните, что вы нашли в сумочке каждой из жертв?

— Ежедневники, — буркнул Рихтор и потер подбородок.

— Даже у Марины, которая, при своей абсолютной памяти, умудрилась записать список отданных в химчистку вещей.

— Кажется, я понимаю, куда ты клонишь, — ответил Гийон и откинулся на спинку дивана. — Ты хотя бы понимаешь, чем все это может закончиться?

— Я — да. Скажу больше, я понимаю это гораздо более определенно, чем ты.

— А, можно объяснить нам, простым смертным, — перебил их диалог Маркус.

— Кайлин хочет сказать, что мы имеем дело не с психопатом, а тщательно продуманным заказом.

— От кого? — не поняла Сианна.

— От Центра, — ответила Кайлин и снова присела на диван.

Сианна в ответ начала истерически смеяться.

— Вы что? В своем уме?

— Эта версия имеет право на существование, — покачал головой Рихтор, и Сианна оборвала смех.

— Мне нужны образцы вирусных частиц из тел погибших, из этих ваших ампул и твоих, Маркус, — начала Кайлин. — Следует поставить в известность Цемеи. Да, и еще. Мне нужен вирусолог, нанопрограммист и оборудование. Ты сможешь все это устроить? — обратилась она к Гийону, с прищуром глядящему на нее.

— Что ты задумала, Кайли?

— Пока не знаю. И не уверена, что хочу знать.

— Начиная с этого момента, ты все время должна находиться в поле моего зрения.

Кайлин поморщила нос, но спорить не стала.

— Ты что, веришь, что сможешь что-то найти? — рассмеялась Сианна. — Да у тебя мания величия!

— Не спорю, но на эту манию я имею полное право. Не зря горбатилась столько лет.

Вон, посмотри, теперь эта гадость у каждого в кармане лежит.

— У меня ее нет, — ответил Маркус и открыл очередную баночку с пивом.

— А зачем она тебе? У тебя "второго шанса" все равно уже не будет.

— Точно так же, как и у тебя.

— Как и у меня, — согласилась Кайлин и тяжело вздохнула.

Беспорядки на улицах были прекращены через двое суток, после начала. Центр города был разгромлен под чистую, и теперь большая часть даниилов была занята составлением актов задержания и разбором заявлений от пострадавших. Районы пробужденных ничем не отличались от развалин Карфагена. Дом Кайлин не стал исключением.

Остановившись напротив двери перед своим некогда белым строением, Кайлин поняла, что заходить внутрь не желает.

Гийон прошел вперед и, толкнув ногой покосившуюся дверь, вошел первым.

Мебель, посуда, личные вещи, — все было перевернуто вверх дном. Окна разбиты, а бытовая техника выдрана из стен вместе с проводкой. Кто-то не поспешил на красносинюю краску из баллонов и "украсил" стены ее дома ужасающими выражениями и угрозами.

— В этом бедламе ты жить не сможешь. Придется все приводить здесь в порядок.

Кайлин прошла наверх, в свою спальню и остановилась напротив выбитых дверей. Стойкий запах мочи врезался в ее ноздри, и Кайлин зажала нос рукой. Все ее вещи, совсем недавно купленные в магазине Сойи, валялись на полу, испачканные грязью и разорванные в клочья. Смятые простыни, на которых они еще несколько дней назад лежали с Гийоном, валялись отдельно: судя по всему на них не один человек справил свою нужду.

— Пойдем, — протянул руку Гийон и вывел ее из спальни. — Я позвоню в фирму, и они все уберут.

— Я не понимаю...

— Думаю, они тоже не понимали, что делают.

— Куда мы идем?

— Заедем в магазин, подберем тебе несколько новых вещей, и вернемся ко мне.

— Не хочу тебя обременять.

Гийон искоса посмотрел на нее и открыл дверь своего ягуара.

— Твое присутствие в моем доме меня нисколько не обременяет. Наоборот, я бы даже сказал, что рядом с тобой мне комфортнее.

— Странно, мужчина должен бояться как огня чужой зубной щетки, стоящей в стакане рядом со своей.

— Я уже не молодой юнец, Кайли. Мне тридцать три года. И поделиться личным пространством с тобой я не боюсь.

Кайлин промолчала, вспомнив о своем собственном дне рождения, и села в машину.

— Сегодня у нас выходной, — напомнил ей Гийон, но завтра придется выходить на работу.

— На что ты намекаешь?

— Ты не против сменить гардероб? Обычно женщинам это помогает справиться с подступающей депрессией.

— Тебе не нравится, как я одеваюсь?

— Нет. Получив возможность любоваться твоим совершенным телом, я пришел к

выводу, что ты не используешь по-назначению то, что дала тебе природа.

— Прости, но это мой сформированный стереотип. Не люблю, когда на меня обращают внимание сторонние люди.

— Мужчины, ты хочешь сказать.

— Да, мужчины.

— А когда я на тебя смотрю, тебе это нравится?

— Ты — другое дело.

— Нет, не другое. Я ведь тоже мужчина, Кайлин.

— Все понятно.

— Что понятно?

— Тебе не нравится, как я одеваюсь. Так бы и сказал. А то началось, про достоинства и тому подобную ерунду. Смотри только, не пожалей о своем выборе.

— Ты глянь, как заговорила? Может, еще и отомстить собралась?

— А почему бы и нет? За что боролся, как говорится.

Гийон рассмеялся, восприняв ее заявления не серьезно.

— Я хочу поехать в магазин вместе с Сианной. В моде она разбирается, да и с ней мне будет комфортнее.

— Комфортнее, чем со мной?

— Итак, давай установим правило: все, что касается меня, моей внешности и моего гардероба я определяю самостоятельно. Договорились?

— Нет, если мне не понравится, я заставлю тебя изменить свое решение.

— Попытаться можешь, но не вздумай меня заставлять. Это выйдет тебе боком.

— Про то, как оно "выходит", я уже осведомлен.

Сианна привезла Кайлин к Гийону домой поздно вечером. Кайлин тут же принялась затаскивать многочисленные пакеты в свою комнату, не позволяя Гийону даже взглянуть на их содержимое.

— Во сколько нам завтра выезжать? — спросила Кайлин, протискиваясь в дверь своей комнаты.

— В семь двадцать.

— Так, значит придется встать в шесть утра.

— Зачем? — не понял Гийон. — Тридцати минут на сборы вполне достаточно.

— Достаточно для женщины, которая умеет быстро собираться. Извини, но это — не про меня. Так что, если не хочешь завтра просыпаться с петухами, иди спать к себе.

— Я лучше утром уйду.

— Только не думай, что я позволю тебе развлекаться всю ночь.

— Раньше ты была не против.

— Раньше мне не нужно было вставать в шесть утра.

— Проживание рядом со мной начинает приносить свои плоды?

— Я же сказала, что чужая зубная щетка — это настоящая опасность.

— А я люблю рисковать, Кайли, — ответил Гийон и, пройдя в комнату, повалил ее на кровать.

Его руки тут же оказались на ее бедрах, а губы на груди.

— Я еще не была в душе! — запищала Кайлин, пытаясь его остановить.

— Потом сходишь.

— Но?

— Замолчи, глупая. А то я решу, что ты меня не хочешь.

— Ах, так? — Кайлин перевернула его на спину и села сверху, скидывая с себя рубашку и обнажая нижнее белье. — Тогда будешь любить меня грязную.

— Буду, — рассмеялся Гийон и снова опрокинул ее, придавливая собой.

"...За все это время ничего не изменилось: выживают лишь те, кто заплатил. Для остальных этот путь закрыт. Не честно, не правда ли? Почему бы не спасти обреченного ребенка или беременную женщину? Зачем, разве от них будет какой-нибудь толк? Нет. И вот, проходит тысяча лет, а мир по-прежнему стоит на коленях перед золотым тельцом..."

Из разговора от 23.10.3565

В шесть утра Гийона разбудил будильник, настойчиво пиликающий у изголовья кровати.

Гийон решил не обращать на эту досадную мелочь внимания и, перевернувшись на живот, снова уснул. Через пару минут он услышал звук льющейся в ванной воды и, повернувшись на этот раз на бок, попытался заснуть. Прошло не более десяти минут, как из ванной донесся звук работающего фена, что заставило Гийона накрыть голову подушкой. Последней каплей был звонок будильника, который Кайлин специально перевела, чтобы он не проспал.

— Все! — проревел Гийон, подпрыгивая с кровати.

— Что? — прокричала Кайлин, не выключая своего фена.

— С сегодняшнего дня буду спать у себя!

Кайлин рассмеялась, продолжая сушить голову. Гийон еще что-то пробурчал себе под нос и отправился в свою комнату.

Ровно без двадцати семь он спустился вниз, рассчитывая найти ее там, но Кайлин, судя по всему, опаздывала.

— Кайлин!!! — закричал он, стоя у дверей.

— Да-да, сейчас!

— Быстрее! Опоздаем!

— Уже бегу!

Гийон услышал звук цокающих каблучков и повернулся к лестнице лицом. Кайлин, обутая в красные лаковые туфли на высоченных каблучках и с сумочкой под мышкой, пыталась быстро спуститься вниз. Зацепившись каблуком за последнюю ступеньку, она практически распласталась на полу, но Гийон вовремя подхватил ее.

— Спасибо! Тяжело на них все-таки передвигаться.

Гийон застыл в полусогнутом положении, всматриваясь в ярко-красное кружево ее лифчика, подобранное в тон к туфлям. Белая блузка с глубоким вырезом, отделанным фалдами, просвечивала этот красный тон настолько сильно, что Гийону показалось, что Кайлин и вовсе забыла надеть блузку сегодня. Черные штанишки с широким галифе смотрелись единственным строгим элементом ее "наряда", напоминая стороннему наблюдателю, что она все-таки собралась на работу, а не на вечеринку.

— Кайлин, это что за внешний вид?

Кайлин уставилась на него своими темно-синими глазами и наигранно помахала длинными ресницами.

— Они что, накладные? — изумился Гийон, наклоняясь к ней поближе и внимательно рассматривая.

— Да. Мне нравится, а тебе?

— Тоже, но вот все остальное — слишком вызывающе.

— Я предупреждала тебя. Теперь не ной, пожалуйста.

— Кайлин! — повысил тон Гийон.

— Мы опаздываем. Так что давай сцену перенесем на вечер. И вообще: не стоит тебе портить мне сегодня настроение.

Она обогнула его и направилась к выходу, едва не рухнув в дверях, зацепившись на этот раз каблуком за порожек.

— Лоб не расшиби!

— Постараюсь, — засмеялась она и вышла на улицу.

Они опоздали. Пусть и на пять минут, но все же. Гийон отодвинул стул для Кайлин возле себя, но она демонстративно присела на свое место возле Маркуса.

— Н-да, Кайлин. Сегодня ты очень напоминаешь мне Сианну, — прокомментировал Маркус.

— А что плохого! — перебила его Сианна.

— Глаза режет, — вставил свое "фи" Гийон.

— Здравствуйте! — поприветствовал их молодой человек с огромным букетом цветов в руках, составленном из белых хризантем и темно-синих ирисов. — У меня подарок для Кайлин Рудецкой, — сказав это, он сначала посмотрел на Сианну, а затем перевел взгляд на саму Кайли.

— Это я! — улыбнулась счастливая обладательница сюрприза.

— Вам просили передать, что будут ждать Вас у стойки бара.

Молодой человек вручил Кайлин цветы и маленькую записку, после чего удалился "со сцены".

— Началось! — улыбнулась Кайлин и бегло ознакомилась с посланием. — Ничего нового. Ладно, могу я отойти к бару? — как ни в чем не бывало спросила Кайлин и повернулась в сторону стойки, уверенно глядя на кого-то, стоящего там.

Все как по команде обернулись и уставились на мужчину, которого видели несколько дней назад. В дорогой рубашке с распахнутым воротом и кожаной курткой поверх он смотрелся весьма и весьма...

— Притягательный мужчина, ничего не скажешь, — отпустила комментарий Сианна и засмеялась.

Гийон обернулся к Кайлин и с прищуром посмотрел на нее.

— Так ты знала, что он заявится сегодня?

— Сомнения были, но чутье не подвело.

— Так, это ради него ты так вырядилась? — зашипел он.

— Не без этого, — ответила Кайлин и поднялась с места, оставив записку и букет на столе.

— У тебя десять минут.

— Перестань, — бросила Кайлин и грациозной, насколько это было возможно в ее положении, походкой направилась к Жене.

Гийон перегнулся через стол и схватил чертову записку, написанную на русском языке.

— Не хорошо читать чужие послания, — заметила Сианна, которой все происходящее показалось занятным.

— Переведи, — пробурчал Гийон, обращаясь к Ено и протягивая ему загадочное послание.

— "С днем рождения, мышка! P.S. Ты же знала, что я не забуду".

Гийон оглянулся и посмотрел на Кайлин, весьма приветливо разговаривающую с этим.....Евгением.

— Черт, я же знал дату!

— Но не придал ей значения, — закончил за него Маркус.

— И она ничего мне не сказала.

— А разве она должна была тебе что-нибудь говорить? — спросила Сианна, разворачивая меню.

— Нет, — ответил Гийон и обратился к официанту, подошедшему к столику, чтобы принять заказ: — Два "Латте", пожалуйста.

— Извините? — не понял официант.

— Ты что, первый день работаешь? Два кофе с сахаром и горячим молоком!

— Спокойнее, Гийон, — осадил его Маркус и улыбнулся молодому человеку, потерявшему дар речи.

— Прошу прощения, — извинился Гийон и снова обернулся, чтобы посмотреть на Кайлин.

Как ни странно, она уже пила свой утренний кофе за барной стойкой, а Евгений, что стоял возле нее в пол-оборота, в это время что-то говорил и старательно заглядывал в вырез ее блузки.

— Не нравится он мне.

— И не должен, — заметил Рихтор.

— Он пытается выудить информацию.

— Ты тоже.

— На что ты намекаешь?

— Ну, у вас одинаковый подход к решению данного вопроса.

— Думай, что говоришь, Рихтор.

— Если ты испытываешь к ней что-то, что мешает ему тоже испытывать это к ней?

— Насколько я понял: он спал со всем, что движется, когда они работали вместе. А ей — пудрил мозги. Так что не нужно мне рассказывать про его чувства.

— А про ее слабость? — спросила Сианна, наклоняясь к Гийону. — Знаешь, от воспоминаний иногда труднее избавиться, чем хотелось бы. А он весьма привлекательный мужчина и наверняка обладает тем притяжением, от которого женщины сходят с ума.

— Зачем ты его накручиваешь? — обратился к жене Рихтор. — Не слушай ты ее. Кайлин — умная женщина. Уверен, она знает, что делает.

— Нужно ее поздравить.

— Ан-нет, — покачала головой Сианна. — Она знает, что ты не помнишь про сегодняшний день. А если поймет, что ты прочел без разрешения эту записку, придет в ярость.

— И что теперь делать?

— Ничего. Думаю, она сама посвятит тебя во все детали своего плана. Все, спокойно, она возвращается.

Кайлин с загадочной улыбкой на лице присела за стол и удивленно посмотрела на стаканчик с кофе, стоящий возле букета.

— "Латте", — улыбнулась она.

— Да, — пробурчал Гийон, — но ты уже выпила кофе, так что...

— Спасибо, — перебила она его и посмотрела из-под полуопущенных ресниц.

У Гийона по телу пробежала волна дрожи, и он отвернулся, чтобы подумать, наконец, о работе, а не о ее глазах, когда она...

— Так, — повернулся он. — Я договорился с отделом криминалистики, чтобы они пустили тебя в свою лабораторию. Подробности я не раскрывал, так что и ты помалкивай.

— Когда мне можно туда пойти?

— Ты пойдешь вместе с Сианной.

— Да, я многих из них знаю, — улыбнулась та в ответ.

— Не сомневаюсь, — пробурчал Рихтор.

— Гийон, мне нужно будет с тобой поговорить, — обронила Кайлин и поднялась с места.

— Прямо сейчас? — спросил тот, не двигаясь.

— Да, если ты не против.

— Хорошо. Пойдем в кабинет.

Кайлин взяла букет со стола и направилась в сторону проходной. Гийон пошел следом, даже не пытаясь ее обогнать. Сделав глубокий вдох, Кайлин вошла в лифт и выйдя на третьем этаже вместе с Гийоном, выдохнула.

— Даже это для тебя тяжело, — покачал головой Гийон и прикоснулся к ее руке.

Нежные пальцы едва заметно проскользили по коже ее ладони, но тепло, которое они принесли с собой, мгновенно затопило все существо Кайлин.

Пройдя в кабинет, Кайлин тут же попросила у Гийона вазу и опустила цветы в воду, затем прошла в свою комнату и поставила их на кофейный столик.

— О чем ты хотела поговорить со мной?

— Сегодня вечером я пойду в ресторан с Женей.

Гийон потерял дар речи, застыв в дверях.

— Ты говоришь так, будто мое мнение в этом вопросе тебя вообще не интересует.

— Прекрати. Он что-то знает.

— И ты надеешься, что он все это выложит тебе в приватной беседе?

— Надеюсь.

— Твою мать, Кайлин! Не будь наивной! Он использует тебя, как ты этого не понимаешь?!

Кайлин обернулась и со злостью посмотрела на него.

— Не смей таким тоном разговаривать со мной. Я не дура, Гийон.

— Ты любила его! Кто знает, может, и сейчас любишь!

— Так, вот что тебя тревожит, — мягко ответила она и подошла к нему вплотную. — Я знала, что он заявится сегодня. Цветы? Все это слишком предсказуемо. Но это знаю я, а он — нет. И о тебе он тоже ничего не знает.

Она погладила его пальцами по лицу и обвила руками шею.

— Он не знает, что у меня уже есть мужчина. И что я больше ничего не испытываю к нему, кроме презрения и жалости. Он говорит, что разбудил меня, что устроил в вашу группу. Говорит, что просчитал все наперед. Но не говорит, зачем. А я хочу знать эту настоящую причину. И уж если он так старательно пытается пустить мне пыль в глаза, значит, он действительно ищет нечто важное.

— И ты догадываешься, что именно?

— Да.

— И мне не расскажешь.

— Потом. Я потом все тебе расскажу.

— Смотри, чтобы не было слишком поздно.

— Не будет, — прошептала она и прикоснулась к его губам.

Гийон в ответ с жадностью впился в ее рот, причиняя небольшую боль и прижимая ее к себе. Затем он резко отстранился и, возвращаясь в свой кабинет, ответил:

— В ресторане за тобой присмотрит Ено. Я буду ждать тебя дома.

— Хорошо, — ответила Кайлин и направилась к выходу.

— Ты куда?

— Зайду за Сианной и к криминалистам. Посмотрим, что там с моим СаКаРом.

— Если еще что-нибудь будет нужно, скажи мне.

— Конечно, не беспокойся.

Кайлин остановилась возле двери и взглянула на портрет женщины, висящий на стене. Ничего не сказав, она вышла в коридор и закрыла за собой дверь. Гийон встал из-за стола и подошел к портрету. Несколько минут вглядываясь в черты лица своей покойной жены, он протянул руки, чтобы снять его, но, в последний момент, остановился и вернулся на свое место. Потом еще будет время его убрать. Потом.

Отдел криминалистики оказался настоящей лабораторией с отсеками для работы с особо опасной инфекцией, раздевалками и рабочими кабинетами сотрудников. Часть этого подразделения располагалась в клиниках города, имея возможность в любой момент выехать на вскрытие или любой другой вид экспертизы.

Сианна постучалась в один из кабинетов и, не дожидаясь разрешения, вошла внутрь. Кайлин хотела подождать ее в коридоре, но девушка, схватив ее за руку, быстро потащила ее следом за собой и закрыла дверь. В маленькой комнатке, заставленной шкафами с документацией и какими-то приборами, ютился довольно молодой мужчина, лет тридцати, не более.

— Привет, Оуэн! Мы к тебе по делу.

— Да, — откликнулся мужчина, даже не пытаясь снять свой контактный ПК с глаз. — Гийон звонил сегодня утром. Только я не понял, что именно вам нужно.

— Нам нужны образцы вирусных частиц из тел погибших по нашему делу.

— Но их у меня нет, — пожал плечами Оуэн. — Все образцы анализирует Центр, а затем передает заключение нам.

— А возможность выделить их из трупного материала у вас есть? — спросила Кайлин, прислоняясь к одному из шкафов.

Оуэн снял свой ПК и внимательно посмотрел на незнакомку.

— А, Вы, собственно, кто?

— Я? Аналитик из группы Гийона.

— Еще одна пробужденная? А старая где? Или девушка не прошла конкурсный отбор? — засмеялся Оуэн и подмигнул Сианне.

— Ну, почему же, — ответила Кайлин. — Я и есть та "старая" пробужденная.

Оуэн немного смутился:

— Извините, не хотел вас обидеть.

— Ничего страшного. Меня зовут Кайлин. А Вас Оуэн?

— Да, — мужчина вышел из-за стола и протянул Кайлин свою руку в знак приветствия.

Кайлин пожалала ее, заметив, как мужчина непроизвольно заглядывает в вырез ее блузки.

— Оуэн, вы вирусолог?

— Микробиолог, если быть точным. Но с вирусами мне тоже приходится иметь дело.

— Ясно. Так что, насчет возможности выделить частицы?

— В принципе, — скривился Оуэн, — мы можем это сделать. Анализатор у меня есть, но специфических реактивов к СаКаРу нет. Как я уже говорил, мы никогда не работаем с этим вирусом.

— Анализаторы — это что, простите?

— Ну, как бы вам объяснить...

— А ПЦР вы проводите?

— Полимеразную цепную реакцию? — удивился Оуэн. — Это же каменный век!

— Так проводите или нет?

— Оборудование есть где-то на складе. Но, праймер...

— Праймером будет СаКаР из ампулы, которые вы носите с собой.

— Придется тащить оборудование со склада.

— Придется, — кивнула Сианна.

— Но, проще запросить в Центре реактивы!

— Центр ставить в известность мы не будем. Если с этим у вас проблемы, можете связаться с Гийоном и он вам все еще раз объяснит.

— Что-то я не понял? Вы собрались изучать СаКаР?

— Да, Оуэн, — ответила за Кайлин Сианна. — И ты приложишь все усилия, чтобы помочь нашему аналитику в этом деле. Так ведь? — кокетливо спросила она и положила руку ему на плечо.

Взгляд Оуэна упал на объемную грудь Сианны, прижатую к его груди и, заметно поежившись, мужчина отстранился от девушки.

— Хорошо. Привезите образцы тканей, а ПЦР я вам устрою. Только ждать долго придется. Я не помню техники, если честно.

— Я помню, — улыбнулась Кайлин.

— Вы что, вирусолог?

— Была когда-то.

— О! Значит, с вами мы будем говорить на одном языке!

— Если тысяча лет его не изменили, то да.

— Да, бросьте, вы! Фундаментальные знания никуда не делись! Это же надо, — оживился Оуэн, — вам бы историю в университете преподавать! Представляете, насколько было бы занятным провести самому все эти исследования? А титры антител вы тоже сами определяли?

— Да, — засмеялась Кайлин.

— Вот, видите! А мы воспитаны на оборудовании. Без него ничего не можем сделать. Ладно, я на склад метнусь, а вам придется тканями заниматься.

— Согласны, — томно произнесла Сианна и, схватив за руку Оуэна, тихо спросила:

— А Ерджи на месте?

— Да, у себя. Вам и Ерджи нужен?

— Да, хотелось бы его увидеть.

— А зачем вам инженер?

— Много будешь знать, — захохотала Сианна и выпустила его руку.

Оуэн еще раз обернулся и, бросив на них недоумевающий взгляд, вышел из кабинета.

Сианна тут же выдохнула и присела на его рабочий стол, смяв тем самым какие-то документы.

— Я думала, у него глаза вылезут, — улыбнулась Кайлин.

— Запомни, если ты хочешь чего-то очень быстро добиться от мужчины, заставь его заинтересоваться.

— Чем, грудью?

— Пусть даже и грудью! Главное, заинтересоваться! Ладно, пойдем за Маркусом сходим. Пора из него пару капель крови выпустить.

Увидеть самого Гийона Самарии в микробиологической лаборатории отдела криминалистики никто не ожидал. Кивая в знак приветствия, сотрудники бросались врассыпную, зная, что ничего хорошего его визит с собой не принесет.

— А где мои девушки и Маркус? — спросил он у одного из мужчин в белом халате, работающего за микроскопом.

— Твои девчонки с Маркусом и Оуэном в третьем отсеке. Но тебе в этой одежде туда нельзя.

— А в какой можно?

— Долго переодеваться. Лучше посмотри из смотровой. Это направо.

— Спасибо, — ответил Гийон и, пройдя между столов с какими-то приборами, вошел в нужную дверь.

Здесь, в комнате два на три, стояли стулья и... люди, которым не хватило места, чтобы присесть. Гийон поздоровался со всеми присутствующими и подошел к смотровому стеклу.

— А что вы здесь все делаете? — спросил он, не оборачиваясь.

— Эта девушка, Кайлин, ставит ПЦР. Мы никогда не видели, как это делается.

— ПЦР?

— Полимеразную цепную реакцию. Это такой метод определения вирусных частиц в тканях. Эффективность — сто процентов. Только в наши дни этим никто уже не занимается — муторно слишком.

— Так, зачем вам тогда смотреть?

— Это же история диагностики! Интересно!

Гийон увидел Маркуса, сидящего на стуле с белом костюме, бахилах, шапке и с маской на лице.

Сианна и Оуэн стояли рядом с ним, внимательно наблюдая за тем, как Кайлин старательно что-то капают из пипетки на бумажки.

— Сейчас я готовлю праймер, — комментировала она. — Если вы помните, это та часть известной нам ДНК, по которой мы будем производить поиск аналогичного образца в исследуемом материале. В искусственных условиях мы с помощью ферментов запустим избирательное копирование определенного участка ДНК. Если в тканях исходного образца не будет участка, удовлетворяющего заданным условиям, реакция не начнется.

Она продолжала комментировать свои действия, используя какие-то странные термины, значения которых Гийон не понимал, но, кажется, понимали остальные присутствующие. Кто-то задавал ей вопросы, и она с легкостью разъясняла все по порядку, словно преподаватель своему ученику. Гийон прислонился к стеклу и наблюдал за ней. Ему не нужно было вникать в то, что она делает. И уж тем более он не собирался понимать все то, о чем она говорила. Он наблюдал за ней, одетой в белый костюм, с маской на лице, и видел то, чего не смог увидеть ранее: ее призвание. Она настолько гармонично вписалась в

эту обстановку, так оживленно рассказывала людям, что родились значительно позже ее, что знали вещи, о которых она могла только догадываться, о простых истинах, что Гийону стало абсолютно ясно: больше нигде она не будет чувствовать себя так же комфортно, как здесь. Они приняли ее как свою, не задавая вопросов, не унижая и не высмеивая друг перед другом, они оказались более дружелюбными и проницательными, оказались более человечными, чем он сам.

Кайлин обернулась, словно почувствовала его взгляд на себе, и застыла с пипеткой в руках. Даже в таком виде она показалась ему самой притягательной и красивой. Гийон улыбнулся:

— Вы обедать будете сегодня?

— Мы потом, — ответила Кайлин. — Запустим процесс сегодня, а результат проверим завтра.

— Долго еще?

— Минут тридцать.

— Мы с Рихтором будем внизу.

Кайлин только кивнула в ответ и тут же продолжила свой эксперимент.

Гийон, Рихтор и Ено прождали их внизу не менее часа. Когда, наконец, они все же появились, Кайлин отказалась есть и, выпив чашку кофе, посмотрела на свои новые дорогие часы.

— Что, любимый скоро заедет за тобой? — пробурчал Гийон, складывая руки на груди.

— У меня один любимый, а для Жени мною намечены другие планы.

— Значит, планы у тебя на него. Интересно...

— Прекрати немедленно, — повысила тон Кайлин. — Ревность свою проявлять будешь в другом месте. А сейчас ты на работе, и прошу не забывать тебя об этом.

— Вот, как ты заговорила. Наверное, это я веду свою собственную игру и иду в свой день рождения в ресторан с другой женщиной!

— Так, ты прочел...

— А, почему бы и нет! Я ведь твой опекун!

— Конечно, это дает тебе право читать послания, адресованные лично мне.

— Ты и словом не обмолвилась об этом дне!

— А зачем? Что отмечать? Мое старение? Мне двадцать восемь уже! И что? Я живу в доме мужчины, который стыдиться показать мне свою комнату, потому что в ней на столе стоит слишком много фотографий его покойной жены и ребенка!

— Ты заходила в мою комнату?

— Да, я была там! Вчера вечером. Так что не нужно здесь утаивать сцен. Разберись вначале с собственной жизнью, а потом лезь в мою.

— Со своей жизнью я уже разобрался.

— Да? Тогда почему ее портрет все еще висит в твоём кабинете?

— Пусть висит, он хорошо вписывается в интерьер.

— Наверное, это потому, что ты еще не определился с моим местом в своей жизни, если таковое вообще есть!

Кайлин поднялась из-за стола и взяла в руки сумочку.

— Пойдем, Ено. У нас встреча через час в ресторане.

— Какой ресторан? — спросил Гийон, приподнимаясь следом за Ено.

— Робот доложит. Счастливо оставаться!

Кайлин быстро засеменила к выходу, снова споткнувшись на пороге и чуть было не расшибив себе лоб.

— На ее месте, я бы выцарапала тебе глаза, — заявила Сианна. — Хоть бы картину додумался снять.

— Не лезь не в свое дело.

— Все-все, успокойся. Вернется она к тебе, не волнуйся.

— Почему я вообще что-то должен убирать?

— Потому что прошлое, Гийон, должно оставаться в прошлом. А если ты не готов расстаться с ним, тогда и не стоит пудрить ей мозги.

— Что ты имеешь в виду?

— Она живет с тобой.

— Это временно.

— Нет ничего более постоянного, чем временное. Ты предложил ей отношения, и она приняла твое предложение. Остальное — мишура. Кто знает, почему она не стала говорить тебе о своем дне рождения? И ты, вместо того, чтобы тихонько купить ей подарок и исправить ситуацию, устроил сцену.

— С каких пор ты встала на ее сторону?

— Если бы я была на ее стороне, посоветовала бы бросить тебя и уйти подальше. Поверь, ты со своими проблемами и характером тот еще подарок.

— А она что, лучше?

— Да, вы оба друг друга стоите, — махнула рукой Сианна и начала изучать меню.

"Представь, что ты завтра проснулся и оказался в чужом мире... И вот, ты так же сидишь в кафе в окружении абсолютно чужих для тебя людей, презирающих само твое существование, и благодаришь их за то, что взяли тебя на работу..."

Из разговора от 25.10.3565

Женя ждал ее за столиком в одном из самых дорогих ресторанов города. Кайлин проводил администратор, и Женя тут же поднялся с места, чтобы усадить ее рядом с собой.

— Ты почти не опоздала.

— Я всегда задерживаюсь, если ты помнишь.

— Как же не помнить.

Кайлин присела за стол и сразу же уставилась на бокал с шампанским.

— Тебе "штрафной", — засмеялся Женя.

— Оригинальный способ произнести тост.

— Ну, я могу его немного перефразировать.

— Не стоит. В первоначальном варианте он мне тоже нравится.

— Раньше ты никогда не пила.

— Это было в прошлой жизни, — улыбнулась Кайлин и, стукнув своим бокалом по его, осушила все содержимое.

— Ты, я смотрю, куда-то торопишься?

— Да, забыться.

— Есть много других более приятных способов забыться, Катюша. Не обязательно для этого напиваться.

— Ты говоришь о сексе?

— И о сексе тоже.

— Не стоит тебе на это рассчитывать. Секса не будет.

— Почему так категорически?

Кайлин откинулась на спинку стула и сложила руки на груди.

— Давай начистоту, Женя. Тебе что-то нужно от меня. Меня это беспокоит. Про любовь, про то, как ты меня ждал и пробудил, песни петь не надо: я все равно не поверю. Ты красивый мужчина, умный, интересный, и да, я любила тебя в прошлом, но сейчас другое время и я другая.

— Хочешь сказать, что я больше не интересую тебя, как мужчина?

— Так же, как и я никогда не интересовала тебя, как женщина.

— Ошибаешься, мышка.

— Я знала о всех твоих похождениях. Даже с блондинкой одной как-то видела в ресторане.

— Это ничего не значит. Свои желания нужно было как-то удовлетворять.

— Ты всегда был так самоуверен. Манипуляция — твоя вторая натура, Женя. Только на меня повлиять ты больше не сможешь.

— Что ты можешь об этом знать? — вдруг сменил тон Женя. — Не думаю, что ты сможешь отказаться от того, что я могу тебе предложить.

— Ничего нового, — засмеялась Кайлин.

Жена вдруг наклонилась к ней и провел пальцами по губам.

— Мне нравится твое сопротивление. Это говорит о скрытом потенциале.

— Темпераменте, Женя. Это говорит о моем темпераменте.

Женя отстранился и искоса посмотрел на нее.

— А что ты знаешь о своем темпераменте?

— Скажем так, недавно я узнала, что он у меня вообще есть.

Лицо Жени перекошило, и он даже не попытался это скрыть.

— И кто он, тот, с кем ты спишь?

— Не твое дело.

— Это Маркус? Он ведь с тобой всю дорогу нянчится.

— Повторяю, это тебя не касается.

— Нет, — продолжал Женя, — это не Маркус. Слишком просто для тебя. Постой, уж не твой ли опекун смог надкусить "запретный плод"?

— Выбирай выражения, — прошипела Кайлин.

— Да, — покачал головой Женя, — знаешь, я даже удивлен. Он ведь издевался над тобой. Вроде бы как даже ненавидел. И тут на тебе, нашел подход.

— Как ты добываешь информацию, Женя? Ведь для того, чтобы знать такие детали, необходимо постоянно находиться рядом.

Женя расхохотался. Кайлин отвернулась от него и поежилась.

— Это я залез к тебе в дом. Не без помощи стороннего человека, конечно, но все же. Странно, что ты не начала работать. Я думал, что ты одержима своими исследованиями. А тут вдруг, остановилась.

— С кем ты работаешь?

— Со всеми.

— Ты с Центром?

— Они так думают.

— Значит, это ты — информатор?

— Что, Гийон рассказал тебе про Цемеи и доносчика?

— Но зачем? Ты не похож на человека, который ищет правду.

— Ты не понимаешь, в каком Мире проснулась. С ними не так просто развязаться. Твой брат не смог.

— Ты знаешь что-то о моем брате?

— Его убили через год после твоей смерти. По официальной версии, он выбросился в окно вашей квартиры.

Грудь Кайлин сдавило с такой силой, что она почувствовала боль.

— А ты? Как умер ты?

— Автоавария. Проснулся два года назад здесь, в этом дерьме, что все мы создали.

— Почему только сейчас им понадобились мы?

— Все просто, Кайлин. Они долго искали тех, кто создал СаКаР. Но, ты же понимаешь, что документально нас никогда и не существовало вовсе. Многие в Мире познаются случайно, так же случайно они нашли и нас.

— Им нужны кодировки?

Женя расхохотался еще громче:

— Глупая, глупая мышка. Ты знаешь, куда попала и с чем связана? В любой момент, — он демонстративно щелкнул пальцами у ее виска, — ты можешь оказаться в ловушке. И никто

не поверит тебе, никто не спасет. Они не убили тебя только потому, что все еще рассчитывают на твое содействие. От меня они получили все, что хотели.

— Ты "расколол" код?

Женя повернулся к ней и оборвал смех. В глазах его не было ничего, кроме страха и пустоты. Кайлин никогда раньше не видела его таким. Никогда.

— Я навел их на тебя только по одной причине: мне нужен "второй шанс".

Кайлин раскрыла рот и с неверием посмотрела на него.

— Где "второй шанс", Катя. Где он?

— Когда я умерла, его еще не было.

— Ты ездила искать могилу брата и нашла письмо. Где "второй шанс", Катя?

— Его нет, Женя. Он не успел мне оставить его.

Гийон схватил ее запястье и до боли в руке сжал:

— Пока они не знают об этом письме ничего. Но если я "солью" эту информацию, тебе конец.

— Тебе тоже, — прошипела Кайлин и попыталась выдернуть свою руку, но он не отпустил.

— Где "второй шанс"?

— Это ты убил Марину?

Женя отстранился от нее и побледнел.

— Не смей подозревать меня.

— Ты знал ее. Почему бы и нет? Может, она тоже не оправдала твоих ожиданий? Марина ведь работала с братом. И Денис тоже.

— И Фекла. Скажешь, что и ее я убил?

— А причем здесь Фекла?

— Глупая, глупая мышка. Твоя подружка спала не только с Денисом. Она еще и кувыркалась с твоим братцем. Кстати, это ведь он устроил ее в лабораторию.

— Я не верю...

— А вот поверь. И знаешь еще что? Твой брат умудрился заделать ей ребенка.

— Что?

— Что слышала. Она родила за год до того, как он устроил ее у нас.

— Но, Фекла жила одна!

— Конечно, ведь твой братишка не собирался жениться на шлюхе, а зарабатывать как-то нужно было. Ребенка она сдала сестре и отстегивала ей крупную сумму каждый месяц за услугу.

— А Денис?

— А что, Денис? Предурок, все оплачивал, пока твоя подружка не слетела с катушек и не прыгнула с тридцатого этажа. Видишь, сколько тайн, Катюша? Но разве тебе было до этого дело? Брат опекал тебя, как мог. И Фекла тоже, как ни странно. Вокруг одна жалость и сплошные сожаления. И только я оказался для тебя злодеем.

— Что стало с моей племянницей? — спросила Кайлин, наполняя свой бокал шампанским и трясущимися руками поднося его ко рту.

— Ее криогенизировали. Кстати, сейчас ей тоже двадцать восемь.

— Она жива?

— Да, ну, почти, если быть точным...

— То есть она все еще "спит"?

— Понимаешь, я рассчитывал, что получу все наименьшими жертвами. Но запасной план был и у меня, — рассмеялся Женя.

— Как она умерла?

— Это у вас семейное, наверное. У девочки был врожденный Вереллей от мамашки.

Кайлин схватилась за горло и пригнулась к столу.

— Что, не знала? А вот Фекла знала. И Денис, когда узнал, тоже был в шоке. Что уж тут скажешь о твоём брате.

— Она заразила и их?

— А как же. Кстати, Денис пережил тебя не на много лет. Его криогенизировали в 2065.

— Кто ещё из наших сейчас жив?

— Все. Нет, постой, Марины, Феклы и твоего брата уже нет. Так что, нас осталось только трое. Ты, я и Дениска.

— Где Денис?

— Ты его не найдешь. Он сменил фамилию. Даже я не знаю, где теперь его искать.

— Так, что ты предлагаешь?

— Обмен. Твоя племянница на "второй шанс".

— А если у меня нет того, что тебе нужно?

— Очень жаль. Ты ведь знаешь, что "разморозка" — очень опасный процесс. Температура, параметры кислородного насыщения мозга... Всякое может случиться...

— Ты не посмеешь!!!

— Посмею. У тебя неделя на то, что бы отдать мне "второй шанс". И запомни, если ты шепнешь своему получеловеку о нашем уговоре, я "разморозю" ее в тот же день.

Женя поднялся с места, и, кивнув на прощание, направился к выходу. Кайлин словно приросла к стулу. Сил не осталось. Ничего вообще не осталось.

Она вернулась в дом Гийона совершенно разбитой. Вся ее жизнь оказалась заключенной в мыльный пузырь, который только что разрушил Женя. Все ввали. Все спали. Все болели.

Кайлин включила в прихожей свет и сняла с ног опостылевшие туфли. Приятный аромат специй окутал ее, и она сразу же подалась на кухню, где в полном одиночестве сидел Гийон. Стол в гостиной был накрыт на двоих. Он купил для нее орхидею, оставив редкий и красивый цветок без влаги на столе.

Кайлин подошла и взяла его в руки. Лепестки начали увядать, но прекрасный аромат не утратил своей утонченности. Опустив стебель в вазу с водой, стоящую на столе, она отодвинула стул и присела за стол.

Гийон выключил свет, подошел к столу и зажег свечи. Затем достал из урны со льдом бутылку шампанского и глухим хлопком открыл ее, разливая пенящийся напиток в бокалы.

Он присел напротив и, сняв крышку с огромного блюда, положил ей в тарелку кусочек говядины в красном соусе.

— Спасибо, — обронила Кайлин, протягивая руку к бокалу.

— За что ты хочешь выпить? — спросил он, вертя в руках тонкую ножку своего бокала.

— За тебя.

— Почему за меня?

— Потому что ты — единственный мужчина в моей жизни, которого стоит любить.

— Тогда, за меня!

Кайлин залпом осушила бокал и поморщилась, когда мелкие пузыри газа обожгли ее

нос.

— Ты вообще голодна? — спросил Гийон, даже не пытаясь наложить себе в тарелку хоть что-нибудь из приготовленного.

— Ты хочешь правдивый ответ?

— От тебя я хочу слышать только правду.

— Я не хочу есть. И пить я тоже не хочу. Я вообще ничего не хочу, — ответила она и поднялась из-за стола.

— Мне разукрасить ему лицо? — спросил Гийон, приближаясь к ней.

— Не стоит. Не хочу, чтобы ты испачкал свои руки.

Гийон протянул к ней ладонь и взял за руку.

— Пойдем. Я приготовлю для тебя ванную, а потом мы займемся любовью, если ты конечно, захочешь.

Кайлин пропустила последние слова мимо ушей. Она вошла в свою комнату и, скинув с себя одежду, прошла в ванную. Гийон включил воду и добавил морскую соль.

Кайлин присела внутрь и, откинувшись на борт, закрыла глаза. Гийон вышел, оставив ее наедине со своими мыслями. Спустя пятнадцать минут она вылезла из остывающей воды и, накинув на себя халат, вошла в спальню.

Гийон лежал одетый на кровати.

Она легла рядом с ним, даже не пытаясь прикоснуться. Он ждал. Словно понимал, что ей нужно время, чтобы выплеснуть все то, что терзает ее с момента возвращения домой. Они лежали в абсолютной тишине довольно долго, пока, наконец, Кайлин не заговорила:

— Человек — существо социальное. Мы живем рядом друг с другом, общаемся, взаимодействуем. И это вроде бы нормально, так и должно быть. Но иногда в этом социуме мы превращаемся в стадо. Почему мы теряем собственное лицо? Почему позволяем кому-то управлять нашим поведением? Мы говорим, что боремся за собственные идеи. Но разве таким образом мы должны отстаивать то, во что верим? И на самом ли деле наши убеждения истинны? Может, кто-то слишком часто нашептывал нам на ухо о том, что это действительно так? Может и не наша это вера на самом деле? Иногда по вечерам, оставаясь в своем доме одна, я ложилась в постель, закрывала глаза и представляла, какой могла бы быть моя жизнь, если бы я не инфицировалась Вереллеем. И знаешь что? Как бы ни старалась, я не могла нарисовать себе этот иллюзорный мир. Кем бы я стала? Какую профессию выбрала? К чему бы стремилась и чего достигла? И я засыпала, осознавая, что больше не могу мечтать, что судьба лишила меня иллюзий и изуродовала не только мое будущее, но и меня саму. Я никогда не считала себя привлекательной. Постепенно, я перестала и следить за собой. Почему? Потому что внимание людей, а особенно мужчин, сделало бы мое существование окончательно невыносимым. Я превратилась в собственную тень, которую замечали лишь те, кому это было необходимо. Не верь, если кто-то скажет, что ему все равно, как к нему относятся. Каждый хочет быть особенным и красивым, пусть даже для одного человека, но все же, хочет. Меня много кто ненавидел. В основном те, от кого я требовала невозможное. И я получала то, чего хотела. Однажды, проходя мимо своего секретаря, которому я сделала замечание по оформлению документов, мне в спину было "брошено" слово "сука". Я услышала то, чего не должна была слышать, и обернулась, перепугав Феклу до смерти. "Да, я сука" — ответила я. "Умная сука. А ты — любовница руководителя проекта". Следует сказать, что Фекла была моей единственной подругой в последующие годы. Она погибла за три месяца до моей смерти: выбросилась из окна своего

пентхауса. К ней на похороны не пришел никто из сотрудников, кроме меня. Тогда я поняла кое-что: лучше пусть тебя искренне ненавидят, чем возносят фальшивые признания в любви. Ты говоришь, что любишь меня, но можно ли любить того, кто сам себя ненавидит? Однажды я спросила Феклу, зачем ей все это. Неужели зависимость от кого-то может быть настолько сильной? "Ты думаешь, я его люблю? — засмеялась Фекла. — Нет, Катюша, я привыкла жить в роскоши, и он дает мне все это. А секс — это всего лишь секс, не больше, не меньше". "А если ты встретишь другого? Того, кто не сможет дать тебе всего этого?" "Я откажусь от него. Без денег в этом мире нас не ждет ничего хорошего". "Заработай сама", — возражала я. "А я и зарабатываю!" — ответила Фекла. Я так и не смогла понять ее. У Феклы было будущее, а у меня — нет. Большая разница, великолепные перспективы. Как жаль, что люди способны с легкостью разбрасываться теми вещами, которые представляют ценности для других. Очень жаль. Жаль, что она все-таки поплатилась за свою беспечность. Я бы никогда не пожелала ей этого. Но, такова, наверное, была ее судьба. Перейти грань очень легко, тяжело потом признаться самому себе, с какой же легкостью ты сделал это. Мы все зашли слишком далеко. Я была первой среди них. Затем брат и Денис, который руководил проектом. Очень быстро к нам присоединились Женя, Марина и Фекла. Я рада только одному: брат и Фекла не дожили до этого дня. Саша оставил мне код доступа. Измененный СаКаР и есть этот код. Все просто. Кодировка позволяет активировать частицу и предоставляет возможность влиять на мозговую деятельность. Инфицировав человека этим новым СаКаРом во второй раз, можно управлять им, как марионеткой, передавая импульсы наномашине на расстоянии. Страшное оружие, которое создали мы, сами того не желая. Когда я умирала, брат пообещал мне исправить ошибку. Создать наномашину, которая бы удаляла все частицы СаКаРа из тела человека. "Я создам "второй шанс"", — говорил он. Ты читал письмо, и знаешь, что он добился успеха. И передать эту частицу он мог мне только одним способом: оставив ее вместе с письмом в вакуумной колбе в нужном количестве. Ты и я, Гийон, мы стали носителями "второго шанса". Я знаю, что вируса в моей крови больше нет. Помнишь тот день, когда мне было плохо? Предполагаю, что таким образом мое тело отреагировало на процесс очищения от остатков СаКаРа. И если я инфицируюсь СаКаРом снова, меня можно будет криогенизировать, точно так же, как и других пробужденных. Но, к чему это приведет? Людей сдерживал тот факт, что процедуру можно пройти всего лишь один раз. И теперь вы носите вирус в ампулах, зная, что второй попытки у вас не будет. Я не хочу отдавать им "второй шанс". Не хочу. В твоём теле все еще есть эти частицы. Ты можешь распорядиться ими, как пожелаешь, и я не смогу остановить тебя. Одно цепляется за другое. СаКаР — это прежде всего оружие, Гийон. А "второй шанс" — это способ беспрепятственно инфицировать людей этим оружием.

Гийон повернулся к ней и, проведя ладонью по ее бедрам, коснулся носом ее шеи.

— Я не стану отдавать его, если ты не хочешь.

— Могу я попросить тебя еще кое о чем?

— Я слушаю.

— Никогда не пытайся криогенизировать меня снова. Никогда. Если ты попытаешься это сделать, то все, за что я и мой брат боролись, достанется им. Их не интересуют люди, им не важно, к чему это может привести, они жаждут заработать, нажиться, раздавая мое детище не больным детям за благодарность, а любому желающему за миллион.

Он молчал. Она брала с него слово. И в действительности, если с ней что-нибудь случится, сможет ли он упустить этот "второй шанс" быть рядом с ней?

— Я обещаю, — произнес он, прижимаясь к ее животу. — Я позволю тебе умереть, если это то, чего ты хочешь.

— Спасибо.

Он раскрыл полы ее халата и, прижавшись губами к ее животу, обхватил бедра руками.

— Я дал тебе слово. Могу я взять слово с тебя?

— Можешь.

— Если ты забеременеешь, ты не станешь делать аборт.

Такого поворота событий Кайлин никак не ожидала. Действительно, что сделала она, чтобы обезопасить их отношения от незапланированной беременности?

— Вот, черт...

— Что, попал в точку?

— У меня скоро менструация. Так что ничего непредвиденного не случится.

— Кайлин, я не слышал твоего ответа.

— Дети. Ты говоришь о них, как о чем-то реальном! Да, я девственности лишилась только на прошлой неделе!

— Кайлин, я серьезно.

— Обещаю. Ты доволен? Обещаю!

— Таблетки буду пить я, — сказал он и начал целовать ее снова.

— Ты?

— Сейчас так принято.

— В первый раз слышу.

— Думаешь, я тебе вру?

— Нет, — засмеялась она, когда он начал дуть на ее пупок.

Гийон снял с нее халат и прикоснулся губами к ее бледно-розовому соску.

— Так не честно, — произнесла она.

— Почему?

— Ты — одет.

— Тогда раздень меня.

Кайлин потянулась руками к пуговицам на его рубашке и начала расстегивать их по одной, медленно спускаясь вниз, к поясу его штанов. Гийон внимательно смотрел на нее, пока она не подняла глаза и не встретила с его напряженным взглядом.

— Ты не мигаешь, — прошептала она.

— Нет нужды, — пожал плечами он.

— А твой компьютер? Он не мешает тебе смотреть?

— Я смотрю сквозь него. Как в очки. Это удобно и в любой момент я могу увеличить изображение, сфокусироваться на чем-нибудь или изменить воспринимаемый спектр освещения.

— И как ты этим управляешь?

— Мысленно. Так же, как и ты своими глазами.

— То есть, твой обруч и твои глаза — одно целое?

— Да.

— И никто никогда точно не может сказать, куда ты смотришь?

— Нет.

— А меня ты тоже тайком рассматривал?

Гийон закрыл глаза, когда почувствовал, как ее руки расстегивают застежку его штанов.

— Гийон? — позвала она и снова заглянула в его глаза.

Она улыбалась.

— Ты ведь рассматривал меня?

— Да, — ответил он.

— И на что тебе нравилось смотреть больше всего? — она обхватила его своей рукой и провела по нежной коже.

— На грудь, — простонал Гийон. — У тебя великолепная грудь, Кайли. Скажу больше, когда я резко затормозил на дороге во время нашего путешествия, это потому, что я засмотрелся на твою грудь.

— Так, ты подглядывал! — воскликнула Кайлин, сжав его слишком сильно, так, что боль смешалась с удовольствием.

— Ты меня наказываешь?

— Да, за ту проститутку, что ты тискал в бане.

— Я даже не прикасался к ней, — ответил он, стягивая с себя штаны.

— Я готова была тебя убить!

— А я был готов накинуться на тебя в той парилке и сделать все, на что хватило бы фантазии.

Гийон раздвинул ее бедра и, положив руку на ее лоно, поцеловал ее между своих разведенных пальцев.

— Гийон! — закричала она.

— Тебе не нравится или тебя это смущает? — серьезно спросил он, приподнимаясь над ней.

— Мне нравится все, что ты со мной делаешь. Но...

— Что, "но"?

— Я пока не сделала того же для тебя.

— А я и не жду этого. Даже если ты никогда не прикоснешься ко мне таким образом, я все равно буду целовать тебя там, где захочу.

Кайлин села на кровати и внимательно посмотрела на него.

— Что? — засмеялся он, чувствуя, как во взгляде ее зарождается нечто вызывающее.

Она опрокинула его на спину и, потянувшись к его губам, тут же получила простой и ясный ответ на свой вопрос: он хотел ее, любым из возможных способов он ее хотел.

Кайлин поняла, что не успокоится, пока не попробует сделать кое-что. И не потому, что он делал это для нее. Не затем, чтобы вообще узнать, что это такое. Она хотела попробовать тот его особенный вкус и доставить удовольствие таким образом. Хотела.

Кайлин, упершись рукой ему в живот, придавила его к матрацу и поудобней устроилась сверху.

— Так мы еще не пробовали, — засмеялся он, пальцами прикасаясь к ее груди.

Она наклонилась к его животу и провела по нему своим языком, поцеловав пупок. Он не двигался, гадая, что же она предпримет в следующий момент.

Кайлин провела рукой по его бедру и подалась вниз. Гийон перестал дышать.

Подойдя к кромке мужского треугольника, она прикоснулась пальцами к тому, что доставляло ей особое удовольствие. Гийон едва не выгнулся под ней, стараясь сдержаться и не опрокинуть сейчас же на спину.

Кайлин обхватила его рукой и накрыла своим ртом, мягко прикасаясь губами и проведя по нему языком. Гийон схватился руками за простыню и сжал ее в своих ладонях. Его жена

никогда не делала этого для него, а удовольствие, которое он за деньги покупал у невад, ни в какое сравнение не шло с теми ощущениями, которые дарил ему Кайлин. И одна мысль о том, что это она ласкает его своими губами, заставляла ладони его сжиматься сильнее, а спину отрывать от мягкого матраца.

— Кайли, — застонал Гийон, когда она снова накрыла его своим ртом и втянула в себя.

Спустя несколько минут, когда Гийон понял, что сдерживаться больше не в состоянии, он потянул ее на себя и перевернул на спину.

Она смеялась, прикасаясь к нему руками и поглаживая своими пальцами.

Гийон широко развел ее ноги и губами коснулся ее влаги. Горячая, нежная, она откликалась на каждое движение его языка.

Гийон приподнялся и прохрипел:

— Перевернись на живот.

Кайлин тут же перевернулась и почувствовала его пальцы там, внизу, где хотелось снова ощутить его.

— Приподними бедра, — приказал он, и она без тени сопротивления подалась выше, когда почувствовала, как он входит в нее.

Новое положение, новые эмоции, другой мир и такое близкое удовольствие от каждого его толчка отразились на ее лице гримаской наслаждения и нетерпения. Его руки обхватили ее талию и прижали к себе. Кайлин не выдержала и закричала. Гийон остановился и, все еще оставаясь в ней, снова приказал:

— Подведи одну ногу под себя.

Она изогнулась и почувствовала новую точку своего тела. Он снова стал медленно двигаться в ней, сбивая ее сердце с ритма и заставляя снова стонать.

Кайлин поднялась на колени, и снова он проник туда, где она не ждала его ощутить. Гийон прижался к ее спине и медленно приподнялся, увлекая вслед за собой. В таком положении она могла двигаться вместе с ним, ощущая, как влажная от испарины кожа ее спины трется о его грудь, как его руки смыкаются на ее груди, сжимая между пальцев ноющие соски, как его теплое дыхание ласкает ее шею и влажные губы целуют заветную ямочку за ушком. Она могла слышать, как он шепчет ей о своем желании быть в ней всегда и содрогаться, когда она выкрикивает его имя. Она могла повернуть свою голову и увидеть, как его наслаждение отражается на его лице. Она могла прикоснуться к нему губами и заплести свой язык с его языком, касаясь его неба и прикусывая губы, что так нежно ласкали ее рот. Она могла прокричать его имя, когда чувствовала, что конец уже близок, и не бояться, что он не почувствует судорог ее тела или не услышит ее слова о том, что она любит его.

Кайлин выгнулась в его руках, обхватив ладонями его бедра и двигаясь ему навстречу, чувствуя, как он приближает ее к развязке и погружает в пучину наслаждения и экстаза. Рука Гийона плавно заскользила вдоль ее живота и окунулась вниз, лаская ее там, где концентрировалось ее удовольствие.

— С днем рождения, любимая, — прошептал он и закричал, почувствовав, как она конвульсивно содрогается в его руках.

Он подарил ей самый дорогой подарок, который вообще может подарить мужчина женщине. И изливаясь в ее кричащее тело, он подумал о том, что рано или поздно его старания принесут свои плоды...

Без сил она рухнула на кровать рядом с ним. Ей нравилось, когда он прижимал ее к себе, словно боялся выпустить из своих рук и из своей постели. Он делал так вчера, он

повторял это ночью и снова притягивал ее к себе сейчас.

— У тебя взрывной темперамент, — прошептал он ей на ухо и поцеловал.

— Это плохо? — спросила она, закрывая уставшие глаза.

— Нет, глупая. Это сводит меня с ума.

"Их не интересуют люди, им не важно, к чему это может привести, они жаждут заработать, нажиться, раздавая мое детище не больным детям за благодарность, а любому желающему за миллион..."

Из разговора от 17.11.3565

Кайлин проснулась от звонка будильника, заведенного на шесть утра. Гийон тут же выпустил ее из объятий и накрыл голову подушкой.

— Ты сам не захотел уходить.

— Не дождешься, — буркнул он и перевернулся на живот.

Как ни странно, они снова умудрились опоздать на работу. Гийона это заметно напрягло, но Кайлин старательно делала вид, что это не по ее вине они пришли на пять минут позже положенного срока.

Искренне улыбаясь всем присутствующим, Кайлин заказала свой "Латте" и начала дальше изучать карту меню.

— Аппетит прорезался? — не удержался от комментария Маркус.

— Не волнуйся, я сама за себя заплачу.

— Как там поживают наши образцы?

— Без понятия, — пожала плечами Кайлин. — Мы так и не встретились с Ерджи.

— Ну, вчера он не был нам нужен, — пожала плечами Сианна. — Честно говоря, я вообще не понимаю, на кой лад он сдался тебе.

Кайлин посмотрела на Гийона, но тот и вида не подал о том, что что-то знает.

— А где Женя? — спросил Рихтор. — Или ты умудрилась убить его еще вчера?

— Женя зализывает раны где-то в своем логове, — улыбнулась Кайлин. — Кстати, я хотела спросить, можем ли мы найти криогенизированный человека по возможной фамилии.

— Почему, "по возможной"? — спросил Гийон.

— Потому что я не уверена в том, что это ее фамилия.

— То есть, ты хочешь найти женщину?

— Да.

— Только если Старко даст официальный запрос.

— Тогда не нужно.

— Почему? И вообще, кто она?

— Забудь об этом. Потом попробуем этим заняться.

— Как хочешь, — ответил Гийон и углубился в изучение меню.

— Гийон, — окликнула его Кайлин.

— Да?

— Есть еще кое-что, что мы должны сделать.

— Что?

— Нужно найти человека, которого звали Денис Крипенин.

— В чем проблемы? Подними базу данных по переписи населения.

— Проблема в том, что он изменил свое имя.

— А лицо ты его помнишь?

— Да.

— Тогда составь с Ено фоторобот и попробуй найти по своему описанию. А кто он вообще такой?

— Бывший руководитель нашего проекта.

— Он жив? — удивился Гийон.

— Да. По крайней мере, Женя так утверждает.

Кайлин и Сианна после завтрака направились к криминалистам. Спустя тридцать минут взволнованная Кайлин влетела в комнату Гийона и начала, задыхаясь, что-то тараторить.

— Какой "твой СаКаР", Кайли? — пытался вникнуть в суть ее монолога Гийон, одновременно тряся ее за плечи, в попытках прервать поток речи.

Кайлин набрала в грудь побольше воздуха и....замолчала.

— Я ничего не могу понять, милая. Вообще ничего, из того, что ты пытаешься до меня донести.

— Гийон, звони Цемеи. Пусть немедленно приезжает сюда. У меня плохие новости и это, твою мать, дело Государственной важности! — закричала она.

— Успокойся, Кайли? Ты что?

— Я что? Вы что! Что вы?

— А что мы?

— Вы — полные идиоты! Все! Весь мир одних сплошных идиотов!!!

Спустя еще тридцать минут к Гийону в кабинет влетел седовласый мужчина с красными глазами и задал единственный вопрос:

— Что она знает?

Кайлин, вышедшая из комнаты отдыха со стаканом в руках, приветливо улыбнулась:

— И вам добрый день, Старко.

— Ты что, виски пьешь? Гийон?

— Я не мог ее успокоить. Она бы все здесь разнесла.

— Где тут можно поговорить?

— Все действующие лица собрались в комнате совещаний. Ждут только нас и тебя.

Старко открыл дверь наружу и демонстративно подал знак рукой "на выход".

— Стакан можешь оставить здесь, — бросил он Кайлин.

— Только из уважения в Вам, — ответила Кайли, и оставила виски на рабочем столе Гийона.

В комнате совещаний сидели Рихтор, Сианна, Маркус, Ено, Оуэн и Ерджи, который вообще не понимал, что происходит и при чем здесь он.

Старко вошел последним, закрыв за собой дверь и поставив на стол маленькую коробочку с мигающей красной лампочкой на крышке.

— Все, что будет произнесено в этой комнате, является Государственной тайной. Бумаги потом подпишите. Об ответственности за разглашение я не напоминаю.

— А это что? — спросила Кайлин, указывая пальцем на прибор.

— "Глушитель", — ответил Гийон и похлопал ее по плечу.

— Да, эта штучка нам понадобится.

— Ну, что ж, начнем? — спросил Цемеи, присаживаясь за стол.

— Сианна, помоги, — попросила Кайлин, пытаясь совладать с пультом от голографического монитора.

— Дай сюда, — ответила девушка. — То загрузи, то помоги... Как вчера родилась, ей

Богу.

На экране высветилось изображение, напоминающее стеклянную колбу с четырьмя тоненькими ножками внизу.

— Это — СаКаР, — начала свой доклад Кайлин. — Вирус, который состоит из двух частей: самого вирусного ДНК, которое создала я, и носителя — наномашины, которую создал мой брат и которую вы видите перед собой сейчас. Следующий слайд, пожалуйста.

Сианна нажала кнопку, и на экране запустился ролик, рассказывающий, как вирус криогенезации проникает в клетки.

— Это — наглядное учебное пособие для школьников вашего времени. Все просто: наномашина определяет тип клетки и инъецирует внутрь ДНК СаКаРа. После криогенезации эта наночастица, которую все вы принимали за вирусную часть, остается в клетках головного мозга, периодически проникая в кровь и обеспечивая возникновение стойкого иммунного ответа.

— То есть, это — не вирус, а машина? — спросил ошеломленный Оуэн.

— Вопросы потом, — прервала его Кайлин и продолжила.

— А теперь детально рассмотрим наномашину. Четыре сенсорных "ножки" и процессор, на который нанесен слой из белковых молекул. В случае повреждения, процессор и ножки распадаются на углеродные цепи, и найти эти части наноустройства в организме просто невозможно. Так вот, той наномашинкой, которую все вы видите перед собой, можно управлять, изменяя параметры работы процессора низкочастотными импульсами. А теперь представьте, что эти наномашинки могут объединяться и создавать свой собственный импульс, воздействуя на центральную нервную систему человека, и, в частности, на его мозг. Для того, чтобы данная функция стала активной, в организм следует ввести вирусную ДНК, которая объединяясь с наномашинкой, сообщала бы ей новые свойства. Этот вирус мой брат назвал "кодом". И я — человек, который его знает.

Все молчали. Цемеи потянулся за бутылкой с водой и, открыв крышку, начал пить прямо из горлышка.

— Следующий слайд, пожалуйста.

На экране высветился тот же вирус, что все присутствующие видели на первом слайде.

— А это, — Кайлин указала на проекцию, — СаКаР, который мы обнаружили в тканях всех пробужденных жертв, крови Маркуса и в ампуле, которую мне любезно предоставила Сианна.

— Так, в чем отличие? — не понял Оуэн.

— В этом! — произнесла Кайлин и кивнула Сианне.

На экране высветились две цепочки ДНК с красными метками на обеих.

— Наведи на эти фрагменты, — попросила Кайлин и подошла ближе к экрану. — Это — не тот СаКаР, что создала я. Это — его аналог, и я не знаю, руке какого вирусолога он принадлежит. Все бы ничего, но этот фрагмент ДНК слишком близок по последовательности нуклеотидов к "коду", который известен мне.

Кайлин развернулась ко всем присутствующим лицом и, уперев руки в стол, задала свой главный вопрос:

— А теперь задумайтесь, что в крови пробужденных делает полноценный СаКаР, и главное, почему он так напоминает этот чертов "код"?

— Центр инфицирует пробужденных? — не удержался Цемеи.

— И цели этого инфицирования должны быть вам предельно ясны.

Комната снова погрузилась в молчание.

— У нас нет прямых доказательств, — продолжала Кайлин, — пока мы не смогли найти необходимые параметры управления этими частицами. Это задача мне не по плечу. Однако, Ерджи мог бы попытаться.

Ерджи провел рукой по волосам и скривился:

— Здесь нужен не один инженер.

— Будет столько, сколько потребуется, — оборвал его Цемеи.

— Полный бред, — подал голос Маркус. — Получается, что кто-то сторонний может управлять мною?

— А теперь задумайтесь о том, что представляет собой нестабильность. Одни — впадают в прострацию, другие — в ярость. И мотивов нет никаких. И объективных причин.

— Что ты хочешь этим сказать? — не понял Гийон.

— Что такое безумие? То, что по мнению большинства выходит за рамки общепризнанного? Но, кто определяет, где находится эта тонкая грань? И, может, у всякого поведения есть свои причины? Нестабильность — это миф, и мы все с такой легкостью поверили в него. С самого начала я не могла понять, откуда вообще взялось это явление. Ведь мы провели тысячу экспериментов и ни в одном из них не увидели признаков этой побочной реакции. Так не бывает, — покачала головой Кайлин. — Это наука, а не карточный пасьянс.

Гийон поднялся со своего места и присел на край стола.

— А, ведь жертвы могли и не знать, в таком случае, чем они занимались...

— То есть? — спросила Сианна.

— Мы пришли к выводу, что все они подозревали у себя нестабильность. Что еще? Они вели двойную жизнь. Что, если они сами не знали об этом? Кайлин описала, что одна из девушек совершенно не понимала, где находится и как там оказалось. Мы не нашли следов токсических веществ в ее теле и предположили, что яд распался. Но, вспомните, другие жертвы тоже не проявляли признаков борьбы. Что, если никакого яда не было, если в это время они находились под чьим-то контролем?

— Невады, которые и сами не знали, чем промышляют? — перефразировал его идею Рихтор.

— В моей голове очень плотно засели слова одного из младших даниилов, которого мы встретили вместе с Кайлин.

— "Изрезала себя канцелярским ножом, а потом сказала, что это она так освободиться решила", — процитировала Кайлин и отвернулась.

— Ты тоже запомнила.

— Без доказательств это всего лишь домыслы, — покачал головой Цемеи.

— Что ты намерен предпринять? — спросил его напрямую Гийон.

— Я? — задумался Старко. — Я не могу прикрыть "лавочку" сегодня же. Нужны доказательства.

— Что ж, попробуем их найти.

— Пробуйте. Это все.

Цемеи поднялся с места и, подойдя к Кайлин, похлопал ее по плечу:

— У тебя талант, девочка. Прекрасный анализ, ничего не скажешь.

— Я знаю, кто Ваш информатор.

Цемеи вскинул брови и посмотрел на Гийона.

— Вижу, Вы не плохо поладили. Так, что там с моим информатором?

— Его зовут Евгений Лесков.

— Ты ведь не просто так мне это говоришь?

— Да, я хочу, чтобы вы задержали его по подозрению в серийных убийствах, которые мы расследуем.

— Ты полагаешь...

— Нет, это не он, Старко. Но мне нужно, чтобы вы его изолировали на время.

— В чем дело, Кайли? — забеспокоился Гийон. — Он тебе угрожал?

— Нет. Он замахнулся на то, что ему не принадлежит.

— Ладно, — пожал плечами Старко. — Три дня у тебя есть. Больше я продержать его не смогу.

— Спасибо, надеюсь, этого будет достаточно.

Работа в отделе снова "закипела". Рихтор и Сианна занялись повторным опросом возможных свидетелей. Ено перепроверял все доступные счета погибших, пытаясь отследить движения финансовых средств. Кайлин "зависла" у криминалистов, анализируя полученные вирусные частицы и вводя в курс дела подобранных инженеров нанопрограммирования. Гийон в свою очередь начал собирать всю доступную информацию по случаям нестабильности, зафиксированным за последние пять лет в городе. Он надеялся найти нечто общее во всех делах, провести параллели между пострадавшими, самими нестабильными и Центром криогенезации, апеллируя новыми данными и предположениями.

Два дня пронеслись, словно в тумане. Едва волоча ноги, Кайлин и Гийон возвращались домой, падая замертво на кровать и едва ли находя в себе силы, чтобы вовремя явиться на следующий день на работу. Утром третьего дня Рихтор забежал к Гийону в кабинет и со словами: "Нашли, где проживала четвертая жертва", — понесся к лифту.

Гийон еле успел "заскочить" в закрывающиеся двери, натягивая на себя куртку по дороге.

— Она жила у своего любовника. Один из таксистов, работающих возле здания, где находился офис девушки, вспомнил, что отвозил ее несколько раз по этому адресу.

— Как же он ее запомнил?

— Сказал, что таких женщин трудно забыть.

— Любовника задержали?

— Да. Он в третьем дознавательном управлении. Все ждут нас.

— Будем надеяться, что ему есть, что нам рассказать.

В пустой комнате с зеркалами сидел молодой мужчина. В свои тридцать лет он выглядел на все сорок. Не понятно, что так изменило его, но Гийон мог предположить, что смерть любимой женщины может быть всему причиной.

— Здравствуйте! — поприветствовал его вошедший. — Мое имя Гийон Самари. Я даниил четвертой степени власти и буду проводить ваш допрос. Вопросы или возражения есть?

Мужчина исподлобья посмотрел на него и отрицательно помотал головой.

— Итак, вы были знакомы с Тайей Лайрели?

— Да.

— Расскажите, пожалуйста, как вы познакомились...

Через три часа допрос был окончен. Уставшие Гийон и Рихтор вернулись в офис только к трем часам. Созвав совещание, они не без огорчения сообщили остальным, что Тайея

Лайрели действительно страдала провалами в памяти. Ее любовник рассказал даниилам о том, как Тайя могла среди ночи собраться и уйти в неизвестном направлении, а затем возвращалась через несколько дней и не могла сказать, ни где была, ни чем занималась.

Ее любовник даже не знал, что ее тело нашли не в чужом, а в собственном доме.

— Ублюдки, — произнесла Кайлин и стукнула кулаком по столу. — Сколько их, таких? Красивых и молодых?

— На то, чтобы опросить всех, подпадающих под данную характеристику пробужденных, уйдут месяцы работы. И то, вряд ли они захотят рассказывать о своих проблемах с памятью.

— Все-таки я не могу понять мотивов этих преступлений. Зачем Центру убивать этих девушек таким образом, если они могли просто заставить их покончить собой, например?

— Думаю, что изначально я оказался прав. Мы на самом деле имеем дело с серией убийств на сексуальной почве. Кто-то убивает невад. Кто-то, у кого именно с ними связан "заскок". Нужно найти его. Найдем его, узнаем, как он на них вышел. Возможно, там появятся и доказательства.

— Редко бывает, чтобы два дела были совершенно не связаны друг с другом, но так тесно пересекались, — заметила Сианна. — Я согласна с Гийоном. Необходимо найти этого "мясника".

— Значит, мне нужен Нистен, — ответила Кайлин. — И чем скорее, тем лучше. Осталось чуть больше недели. Потом мой дар ничем не сможет вам помочь.

— Нистен, так Нистен, — выдохнул Гийон и взял ее за руку. — Пойдем, я отвезу тебя домой. Думаю, нам всем следует отдохнуть. Общий сбор завтра в восемь внизу. На этом все. Отдыхайте.

Нистен приехал к Гийону около восьми вечера.

— Добрый вечер, — улыбнулся нейрами и прошел в дом. — Полагаю, что твое жилище оказалось не пригодным для проживания после волны беспорядков?

— Совершенно верно, — ответила Кайлин.

— Но, насколько я могу судить, тебя данные обстоятельства нисколько не огорчают? — усмехнулся Нистен и прошел в гостиную, следом за Гийоном.

— У Гийона вполне комфортно, — засмеялась Кайлин и присела на диван.

— Для начала, я хотел бы тебе объяснить, чем именно мы с тобой будем заниматься.

— Да, мне было бы интересно это узнать.

— Основываясь на своих знаниях и опыте работы, я пришел к выводу, что неспособность контролировать свой дар кроется в подсознательных мотивациях самих нейрами.

— Ты говоришь так, будто я сама хочу испытывать все это.

— Посмотрим. Возможно, ты сможешь доказать обратное.

— Абсурд, Нистен!

— Кайлин, мы не будем с тобой разговаривать о твоём прошлом и пытаться разобраться в твоих проблемах. Мы начнем с главного: я введу тебя в транс и попытаюсь пережить твой первый опыт общения с покойным вместе с тобой. Так я получу представление о твоих способностях и подсознательных переживаниях, связанных с этими способностями.

— Транс? Она будет в транс? — наконец, подал голос Гийон.

— Не беспокойся, ничего плохого с ней не случится.

— Ты не знаешь, через что ей приходится проходить! Да, она умирает вместе с ними!

— Ты же хочешь ей помочь? Иначе, зачем поднял на уши всю Гильдию?

— Что ты сделал? — переспросила Кайлин, обращаясь к Гийону.

— Ничего особенного я не сделал, — ответил Гийон и присел на диван возле нее.

Нистен засмеялся и устроился в кресле напротив.

— Ты хочешь пройти через это одна или вместе с ним?

— Ты понял, да? — спросил Гийон, беря Кайлин за руку и пряча ее в своих ладонях.

— Конечно. Еще в больнице. Ну, это ваше личное дело. Так что, Кайлин, ты хочешь, чтобы Гийон остался или мы попросим его приготовить тебе что-нибудь на ужин?

Кайлин накрыла руки Гийона своей ладонью и повернулась к Нистену:

— Хочу, чтобы он был рядом.

— Ты не против, Гийон?

— Нет.

— Хорошо. Теперь разберемся с атрибутами. Гийон, я хочу, чтобы ты выключил свет и зажег несколько свечей. Да, и принеси Кайлин какой-нибудь плед, она ведь устала и собралась немного поспать, — улыбнулся Нистен.

— Я?

— Да, сегодня вечером ты будешь спать, Кайлин.

Гийон за несколько минут все организовал и, раскинувшись на диване, обнял Кайлин, лежащую под пледом у него на коленях.

— Тебе удобно? — спросил Нистен.

— Да, вполне, — ответила Кайлин, которую руки любимого мужчины согревали больше, нежели шерстяной плед.

— Закрой глаза, Кайлин, и представь себе место из своего прошлого, где ты бы хотела вот так же лежать на руках у Гийона и ни о чем не думать.

Кайлин представила, как они сидят на веранде их старого загородного дома. Ее мама обязательно бы принесла им по стакану холодного кваса вместе со своим фирменным шоколадным кексом, а брат пытался бы выпроводить мать поскорее с веранды, чтобы оставить их одних.

Кайлин улыбнулась своим мыслям и поудобнее устроилась в руках Гийона.

— Где ты сейчас? — спокойно спросил Нистен.

— Я? В загородном доме, где мы с семьей проводили несколько месяцев в году. Мы с Гийоном сидим на веранде на старом выцветшем диване с видом на огромное зеленое поле и дерево, одиноко стоящее там, вдалеке.

— Солнце клонится к закату? — тихо спросил ее Нистен, и Кайлин представила себе багровое небо, окрашенное лучами солнца, что только начало перекатываться за тоненькую линию горизонта вдалеке.

— В доме, кроме твоей матери, есть еще кто-нибудь?

— Да, мой брат. Он долго выпроваживал маму с веранды, подмигивая мне на прощание.

— А где твой отец?

— Его нет. Он умер, когда мне было три.

— Ты бы хотела узнать, каким он был?

— Наверное, но мама не любила о нем говорить.

— Понятно. Кайлин? — позвал Нистен, а теперь я попрошу тебя закрыть свои глаза на той веранде и попытаться уснуть. Тебе тепло, и под ухом ты слышишь, как размеренно бьется сердце Гийона, и заходящее солнце мягко освещает твое лицо, и тебе хорошо, тебе

спокойно и так будет теперь всегда, всегда, Кайлин.

Гийон почувствовал, как она окончательно обмякла в его руках и, кажется, действительно уснула.

— Кайлин? — позвал ее Нистен, поднимаясь со своего места и присаживаясь на пол рядом с ними.

— Да, — сонным голосом ответила она.

— Ты помнишь день, когда впервые увидела чужую смерть?

— Да.

— Я хочу, чтобы ты отправилась туда. Расскажи мне, где ты сейчас?

— В маленькой комнате. Здесь слишком тесно и душно, и темно.

— Что ты там делаешь?

— Мы приехали на похороны брата моей матери, дяди Славы.

— Ты хорошо знала, своего дядю?

— Нет, он жил далеко и мы редко встречались.

— Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Мама и брат тоже там?

— Да. Мы все сидим напротив гроба, и Саша держит меня за руку.

— Тебе страшно?

— Да.

— Чего ты боишься?

— Его.

— Дядю?

— Да.

— Почему ты его боишься?

— Он не такой, каким был. Другой.

— Ты считаешь, что твоего дяди на самом деле там нет?

— Его больше нет.

— И ты не хочешь прикоснуться к его телу, потому что это — уже не он?

— Да.

— Но кто-то заставляет тебя?

— Я должна попрощаться с ним, это — традиция.

— Но тебе страшно к нему прикоснуться?

— Да.

— Чего ты боишься, Кайлин, прикоснуться к телу или стать такой же, как и твой дядя?

— Я боюсь смерти. Она повсюду здесь. Она висит надо мной и стоит где-то рядом.

— И ты думаешь, что умрешь, если прикоснешься к нему?

— Я умру! — пропищала Кайлин.

— Но ты все равно прикасаешься?

— Да.

— Почему. Ведь, можно убежать оттуда?

— Я не хочу бояться смерти. Не хочу бояться.

— И ты думаешь, если прикоснешься, то перестанешь ее бояться?

— Да, я посмотрю ей в глаза и не буду больше бояться.

— Прикоснись к телу, Кайлин.

Нийтен поднял свою руку и положил ее ей на лоб.

— Где ты сейчас?

— Это офис. Я пью свой кофе.

Нистен другой рукой схватился за грудь, почувствовав жгучую боль за грудиной. Кайлин тоже содрогнулась и вцепилась руками в Гийона.

— Кайлин, разве это ты пьешь кофе?

— Я!

— А кто тогда стоит у гроба дяди?

— Какого гроба?

— Тебе двенадцать и ты стоишь у гроба своего дяди. Разве ты можешь в это время быть в другом месте?

— Нет, но этот кофе...

— Кто его пьет, Кайлин? Ты или дядя? — повысил тон Нистен, сжимая руку на груди в кулак.

— Я!

— Ты или дядя? Ведь ты стоишь у гроба!

— Дядя, он пьет кофе!

— А где стоишь ты?

— Рядом с ним.

— В офисе?

— Да. Я прикасаюсь к его руке, но она холодная.

— Ты хочешь выпить этот кофе вместо него?

— Да.

— Почему, Кайлин?

— Я не хочу бояться смерти!

— И ты хочешь выпить этот кофе, чтобы узнать, что это такое — умереть?

— Да.

— И больше не бояться этого?

— Да, — заплакала Кайлин и схватилась обеими руками за грудь.

— Но ты уже умерла!

— Нет!

— Да, ты умерла уже. Ты не помнишь?

Нистен выдохнул от облегчения, когда боль в груди унялась.

— Да, там, в машине. Я умерла в машине.

— В какой машине, Кайлин? — спросил Нистен с ужасом в глазах поворачиваясь к Гийону.

— На трассе, в машине.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Куда вы ехали?

— В загородный дом.

— Где ты сидела?

— Справа от матери, она была за рулем.

— Вы одни?

— Да, мама злилась, потому что брат в последний момент отказался ехать.

— Вы ругаетесь из-за этого?

— Да. Я тоже не хотела ехать.

— Почему?

— Я могла пойти на вечеринку вместе с ним.

— И мама отвлеклась?

— Да, она начала кричать на меня и не заметила, что дорога начала извиваться. Нас выбросило за ограждение в кювет.

— Почему ты умерла, Кайлин?

— Потому что здесь темно, и я не смогу выбраться.

— Тебя прижало?

— Да. Меня зажало между дверью и приборной панелью. И я больше не могу шевелиться.

— А где твоя мама?

— Ее выбросило из машины через лобовое стекло.

— Она не пристегнулась?

— Нет.

— А ты пристегнулась и теперь осталась здесь одна?

— Да.

— Тебе больно?

— Нет, мне не больно. Здесь темно и я знаю, что умру сегодня по-настоящему.

— Тебе страшно?

— Да.

— Но ты не умерла в тот день.

— Нет?

— Нет, в тот день ты не умерла. Вспомни, кто тебе помог?

— Там люди вокруг. Они что-то кричат.

— Они помогут тебе?

— Да, они помогут мне.

— Вспомни, Кайлин, где ты сейчас находишься?

— На похоронах.

— Нет, Кайлин. Вспомни, где ты уснула и кто был рядом с тобой?

— На веранде. Я уснула на веранде.

— Нет, Кайлин. Вспомни, где ты ложились спать сегодня, и кто пришел к тебе в гости?

— Нистен! — прохрипела Кайлин и подорвалась с места.

Несколько минут она молча сидела на одном месте, пытаясь осмыслить, что именно только что пережила и как это стало возможным.

— Сколько ты просидела в той машине, Кайлин? — спросил Нистен, поднимаясь с пола.

— Полтора часа.

— У тебя есть проблемы с замкнутыми пространствами?

— Да, — выдохнула Кайлин. — Большие проблемы.

— Когда в следующий раз ты останешься одна в пустой комнате, закрой глаза и представь, что вокруг тебя люди. Это должно помочь.

— А что с ее даром? — спросил Гийон, обращаясь к Нистену.

— Она воспринимает все это таким образом только по одной причине: она боится

смерти и хочет умереть вместо них, чтобы побороть этот страх.

— А что с ее последним эпизодом?

— Не знаю. Может быть, она не почувствовала, как умерла. А может, что-то не давало ей покоя в этом деле. Кто знает, — пожал плечами Нистен.

— Я хочу продолжить! — резко ответила Кайлин.

— Не сегодня. Это слишком большая нагрузка на твою психику.

— Но, у нас нет времени.

— Я согласен с Нистеном: хватит с тебя на сегодня. Да, и сам Нистен наверняка устал.

Ты должна это понимать.

— Хорошо, — согласилось Кайлин. — Тогда продолжим завтра, если вы оба не против?

— Нет, не против, — улыбнулся Нистен и начал собираться.

Кайлин осталась в гостиной, а Гийон вышел проводить нейрами.

У самой двери Нистен обернулся к нему и, наклонившись поближе, сказал:

— Ты не сможешь оградить ее от этого. Как ни старайся, она все равно будет проходить через эти видения снова и снова. Если хочешь ей помочь, просто прими это и будь рядом в нужную минуту.

— Почему ты говоришь мне все это?

— Потому что сам через это прошел. Ты не сможешь ее остановить. Поэтому, просто прими.

— Спасибо, — ответил Гийон, пожимая руку Нистена на прощание.

— Завтра в восемь. Попробуем разобраться, почему она "зависла", и попытаемся исправить положение.

Кайлин услышала, как Гийон закрыл входную дверь.

— Все хорошо? — спросила она, ложась на диван и укрываясь пледом.

— Это я у тебя должен спрашивать, — улыбнулся Гийон и присел возле нее на полу.

Волосы Кайлин спутались, торча в разные стороны, лицо осунулось, а под глазами залегла тень усталости. Но, даже такой она казалась ему самой красивой и желанной в этом Мире. Что он потерял и что приобрел теперь? Она стала его смыслом, стимулом, чтобы жить дальше и не оглядываться на прошлое.

— Почему ты так смотришь? — спросила Кайлин, всматриваясь в его лицо.

— А как я смотрю?

— С грустью.

— Я люблю тебя, — сказал он невпопад и, подхватив ее на руки, поднялся с пола.

— Ты будешь опять мне доказывать это? — спросила Кайлин, пряча лицо у него на груди.

— Буду, зайчонок. Каждый день я буду тебе это доказывать.

Кайлин еще долго не могла уснуть. Неприятные мысли занимали ее голову. Она столько раз в жизни умирала. Пусть за кого-то, пусть однажды и по-настоящему, и вдруг она поняла, что ничто в будущем не способно уберечь ее от этого. Например, она завтра может выйти из дома и больше никогда в него не вернуться. Никогда. "Умирать легко", — повторяла она снова и снова, но неприятные мысли вновь заполняли ее разум и слезы появлялись на глазах.

Что изменилось сейчас? Все, наверное. Она задумалась о том, что будет дальше. Рано или поздно ремонт в ее доме закончится и тогда у нее не останется предлога для того, чтобы жить здесь, рядом с ним. А она не хотела уходить. Она хотела остаться. Но он не говорил с ней об этом. Да, и к чему? В его жизни все это уже было и, в отличие от нее, он пережил это

один раз. Захочет ли снова, вот в чем вопрос. И сможет ли она оставить его, даже если поймет, что он не захочет.

"Семья". Простое слово, состоящее из пяти букв. Но смысл его невозможно описать даже в пяти словах. Она хотела, чтобы у нее была своя семья. Он, она и еще кто-то...

Кайлин положила руки себе на живот и сжала пальцы. Каким бы отцом он был? Как воспринял бы новость о ее беременности? Так много вопросов, на которые у нее не было ответов.

Кайлин спрятала лицо в руках и, отвернувшись от спящего Гийона, заплакала. Ей было жалко себя, и это чувство, вызывающее в ней одно лишь презрение, заставляло ее плакать сильнее.

Тихие всхлипывания разбудили Гийона. Он огляделся и увидел, как она, свернувшись на краю постели, плачет.

— Кайли? — позвал он в тишине.

Она застыла на месте, не дыша.

— Зайчонок, что случилось? — спросил он, пытаясь заглянуть в ее зареванное лицо.

— Ничего, Гийон. Все в порядке. Спи.

— Ты переживаешь, я же вижу.

— Тяжело...

— Что "тяжело"?

— Тяжело это — смотреть в глаза человеку, перед которым чувствуешь свою вину. И не выносимо, когда понимаешь, что он не в состоянии тебя простить. Только теперь я это понимаю. Так смотрела на меня моя мать. Когда мама умерла, прощение уже не имело никакого смысла. Только потом, погибая на больничной койке в своей палате, я действительно пожалела о том, что так и не смогла простить ее. Это был мой крест, не ее. Только мой... А, Саша, у него было слишком много своих собственных проблем, но я не замечала, не понимала. Я превратилась в эгоцентриста, которому на все вокруг было наплевать. Мама и Саша, вот кто был моей семьей. Теперь их нет, и я осталась одна. Прости меня, Гийон. Со мной все слишком сложно.

— Со мной тоже, — тихо ответил он.

Губы коснулись ее щеки, а теплые руки притянули к горячему телу. Она повернула голову и встретила тот поцелуй, в котором нуждалась больше всего сейчас. И чувствуя, как он подминает ее под себя, как раздвигает бедром ее холодные ноги, она потеряла нить своих мыслей.

Слезы высохли на глазах, оставив стягивающие соленые следы на ее лице, и Гийон стер их все своими губами. Грудь заныла, требуя его ласк и прикосновений, и Кайлин подалась к нему всем телом, прижимаясь набухшими бледно-розовыми сосками к его груди, прикасаясь своим животом к его животу, чтобы в новой волне дрожи и желания, почувствовать тепло его тела и самой согреться этим теплом.

Рука Гийона плавно спустилась вниз по ее спине, притягивая ее еще ближе к себе и проникая между ее бедер, где пальцами можно было окунуться в ее желание и услышать тихий стон от малейшего движения этих пальцев.

Гийон почувствовал, как ее мягкая грудь вжимается в его тело и, склонив к ней голову, обвел влажным языком сначала один сосок, взяв его в рот и нежно прикусывая, а затем и другой, лаская его у себя во рту.

Гийон проник в нее пальцем и, как только Кайлин выгнулась под ним, оставил влажный

след от поцелуя на ее животе, продолжая просить податливое тело отдать ему все, все, что только он может от него получить.

Гийон привстал на колени и, широко раздвинув ее бедра, окунулся языком в ее сущность. Она больше не стеснялась заниматься этим с ним. И подавая бедра вперед, путаясь руками в простынях и подушках, издавая слабый крик от каждой ласки его губ и языка, начала просить о большем.

Кайлин потянула его за плечи на себя и, приподнимаясь над кроватью и оплетая его бедра своими ногами, заставила слиться с ней в одно целое. И каждое движение его тела в ней заставляло мышцы его спины напрягаться и дрожать, и так хотелось ощутить ее руки, врезающиеся в его спину и почувствовать, как ее живот соприкасается с его животом.

Он обхватил ее руками и приподнял к себе, наслаждаясь тем, что так хотел ощутить и вдыхая полной грудью аромат ее волос и целуя за ушком именно в том месте, где ей нравилось больше всего.

Она закричала, опрокидывая его на спину и садясь сверху, вбирая в себя и не прекращая свой танец, даже когда он потянулся и сел, удерживая ее в своих руках. И лицо, ее прекрасное лицо, на которое он мог смотреть часами, теперь было так близко от него, что невозможным стало не склониться к нему и не поцеловать маленький сладкий ротик, заплетая свой собственный вкус с ее.

Он обожал слушать, как она кричит, как с шумом вдыхает кислород и задыхается, когда испытывает самое сокровенное наслаждение. И еще он любил просить ее, просить прокричать для него или сказать что-нибудь, то, что имело смысл в такой момент.

— Скажи, что любишь меня, — прошептал он ей в губы.

— Я люблю тебя.

— Еще.

— Я люблю тебя.

— Скажи, как ты хочешь меня.

— Хочу тебя, всего, всего хочу тебя.

— И я люблю тебя. И хочу тебя. Всю. Всегда, — ответил он и, почувствовав, как она содрогается всем телом, услышав ее крик и протяжный стон, он окунулся в нее в последний раз и сам закричал.

Перед тем, как снова провалиться в сон, Гийон подумал о камне, который бы лучше всего подошел ей. "Сапфир", — пришел к выводу он: чистый васильково-синий сапфир.

"Вы все одинаковы. Вы презираете, хотя сделать ничего не можете. Вы приказываете, и мы выполняем. И каждый раз, используя нас, вы не говорите "спасибо". Вам просто наплевать. Одна форма зависимости, окрашенная разными тонами возможных причин. Для нее, скорее всего, этим тоном была нужда. Наверное, кто-то из богатых сыграл с ней злую шутку, мечтая увидеть под собой и после смерти. Но шутка не удалась, и по непонятным причинам она осталась здесь одна, вынужденная зарабатывать тем, что лучше всего умела. Не мне судить. И не вам. И не ублюдку, который это с ней сделал..."

Из разговора от 24.10.3565

Утреннее совещание началось в неформальной обстановке с доклада Рихтора, который в подробностях изложил ход вчерашнего допроса любовника одной из жертв. Затем слово взяла Сианна и рассказала о бесплодных попытках отдела криминалистики активировать полученные образцы СаКаРа. Гийону нечего было добавить, и он спросил Маркуса, в какую сторону движется повторный опрос знакомых и коллег погибших.

— Топчусь на месте. Ничего нового они пока не сообщили. Честно говоря, меня этот монотонный труд уже достал. Да, еще и СаКаР этот. Черт. Тебе не страшно, Кайлин? Не боишься, что они захотят повлиять на тебя?

— Нет. Они побоятся что-нибудь предпринимать. Ты — даниил, я — работаю рядом с Цеми. Меня больше тревожит Женя. Сегодня истекает срок задержания, и он наверняка захочет меня повидать.

— Об этом не беспокойся, — ответил Гийон. — Он ближе, чем на расстояние пяти метров к тебе больше не подойдет.

— Он — часть головоломки, Гийон. Он и еще Денис. Кстати, я бы хотела поработать с Ено. Возможно, по фотороботу он сможет найти его.

— Это все равно, что искать иголку в стоге сена. В городе живет около десяти миллионов жителей. Пусть даже только миллион из них будут подходить под нужные данные. Представляешь, сколько времени займет сверка? — покачал головой Гийон.

— Все равно, следует попытаться.

— С этим я не спорю. Ено, займись поисками этого Дениса. Кстати, меня утром не будет в отделе. Цеми просил заехать к нему.

— Хорошо, — пожал плечами Рихтор. — Сами как-нибудь разберемся.

К столику подошла молодая девушка с электронным планшетом в руках.

— Мы уже сделали заказ, спасибо, — буркнул Маркус и обернулся к девушке.

Незнакомка смотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых читалось не столько недоумение, сколько.....злость.

— Я похожа на официантку?

— Извините, — замялся Маркус, внимательно разглядывая ее вполне современный наряд: бирюзовую блузку с воротником стойкой и "фонариками" на плечиках, и темную юбку, очень интимно облегающую ее округлую попку.

— Перестаньте так смотреть на мой зад! Это не прилично!

Маркус от такого заявления просто приоткрыл рот и откинулся на стуле, переведя взгляд на ее лицо. Совершенное лицо с точки зрения самого Маркуса, и "весьма

симпатичное" по оценке остальных присутствующих.

Белая молочная кожа, оттененная холодным цветом ее иссиня-черных волос, тонкие брови, зеленые глаза с немного восточным разрезом, аккуратненький носик, маленький ротик и высокие скулы. В чертах ее лица было нечто им всем давно знакомое, но вот где раньше они могли ее встречать, не помнил никто.

Девушка, не спрашивая разрешения, присела на свободный стул между Маркусом и Гийоном.

— Наверное, я слишком рано приехала. Цемеи наверняка не успел связаться с вами.

— Нет, не успел, — покачал головой Гийон.

— Меня зовут Полина Звойнич. Меня прислал Старко для работы с вами.

— И? — саркастически улыбнулся Маркус. — Чем же вы сможете нам помочь?

— На вашем месте я бы так себя не вела.

Маркус расхохотался в голос.

— Вам ведь нужны доказательства того, что нестабильности на самом деле не существует?

— А что известно об этом тебе?

Девушка покачала головой и, достав из сумки контактный обруч, бросила его на стол.

— Хорошая технология, но слишком глобальная.

— Что ты имеешь в виду? — наклонился к ней Маркус.

— В этом мире все унифицировано. Для того, чтобы сделать покупки не требуется даже выходить из дома: достаточно сделать заказ по сети и автоматически расплатиться карточкой. Вот, например, зачем Центр около трех лет назад заказал полную реконструкцию инфразвукового оборудования для одной маленькой фирмы на другом конце Света?

— Откуда у тебя эта информация? — удивился Гийон.

— Вы ведь еще не получили официальное разрешение на работу с личными банковскими счетами членов правления Центра?

— На получение разрешения уходят месяцы.

— А без разрешения — два дня. Ну, по крайней мере, у меня это заняло два дня.

— Ты взломала банковские счета? — шепотом переспросил ее Маркус.

— Да, — кивнула Полина.

— И нашла доказательства?

— Нашла зацепку. Доказательства искать будете вы.

— И ты так просто пришла сюда сегодня и выложила все это нам?

— Ну, с сегодняшнего дня я ведь работаю в вашей группе.

— В нашей группе? И кем же?

— Специалистом по программному обеспечению.

— Старко ничего об этом мне не говорил, — покачал головой Гийон.

— Значит, мой новый опекун тоже не в курсе происходящего?

— А кто твой новый опекун?

— Маркус Уинтерс.

Все в молчании уставились на Маркуса, который от неожиданности даже приоткрыл рот.

— Это не я, — наконец, засмеялся он. — Нет-нет, какой к черту опекун? Это ошибка!

— Никакой ошибки! — спокойно сообщил ему Ено. — Согласно ее регистрационному свидетельству с сегодняшнего дня ты являешься ее опекуном.

— Я не давал согласия на это!

— Все еще хуже, чем ты думаешь.

— Куда хуже?

— Она зарегистрирована по твоему адресу, Маркус.

— Какого черта?!

— Не кипятись, — недовольно произнесла девушка. — Это на несколько недель. Так сказал Старко.

— Мой дом — это мой дом, а не твой!

Девушка облокотилась о стол и начала нервно заламывать свои пальцы. Маркус посмотрел на нее и не сдержался:

— Перестань так делать! Это бесит!

— Что бесит?

— Это! — он положил свою ладонь на ее руки и сжал тоненькие пальчики.

Девушка побледнела на его глазах, и из сведенного судорогой горла вылетел всего лишь один маленький писк.

— Что? — не понял Маркус.

Девушка выдернула свои руки и сложила их на своей груди. Сделав несколько глубоких вдохов, она, кажется, успокоилась и пришла в себя.

— В чем дело?

— Извините, это мои призраки.

— Ты что, боишься прикосновений?

— Да, если прикасаются не знакомые мне люди.

— А знакомых ты не боишься?

— Нет.

— Мне нужно связаться со Старко и все обговорить с ним, — перебил их диалог Гийон. Пока я этого не сделал, ты останешься здесь вместе с Маркусом и будешь меня ждать.

Маркус не стал спорить с ним и снова вперил взгляд в незнакомку. Она была высокой и при всем при этом она не смотрелась угловатой. Наоборот, в ее манере держаться, да и вообще во всех движениях прослеживалась какая-то определенного рода грация. И если бы не неприятный инцидент с "заламыванием" собственных пальцев, он бы мог подумать, что все это досталось ей от природы.

Кайлин на прощание бросила в сторону девушки ободряющий взгляд и подмигнула. Полина слегка улыбнулась и в следующее же мгновение погрузилась в собственные, очевидно не очень приятные, мысли.

— Кто обучил тебя? — спросил Маркус, как только они остались наедине.

— Обучил чему?

— Я знал многих женщин, Полина. Все твои движения слишком плавные, а спину настолько ровно так уже давно никто не держит. Никто, кроме невад...

— Хочешь сказать, что я — проститутка?

— Вряд ли. С твоими страхами в этой профессии нечего делать.

Девушка обернулась и посмотрела на него.

— Рискну предположить, что обучала тебя именно невада.

— Это не твое дело.

— Почему же. Мне, как твоему опекуну, было бы интересно узнать, что ты представляешь собой на самом деле.

Девушка отвернулась в сторону и на глазах у Маркуса поникла. Ее плечи опустились вниз, а напряженная спина, наконец, расслабилась. Она протянула руку к электронному планшету и, включив его, начала что-то набирать.

— Работаете?

— Не твоё дело.

— Ещё раз огрызнёшься, и будешь ночевать на полу в подвале.

— Это не тебе решать.

— Посмотрим, — усмехнулся Маркус и откинулся на спинку стула. — Посмотрим...

Спустя тридцать минут к ним спустился Гийон и сообщил, что всё сказанное утром Полиной, является правдой.

— Почему Старко сам не сообщил нам об этом? — негодовал Маркус.

— Он думал, что Полина приедет только после обеда и он успеет встретиться со мной, — пожал плечами Гийон.

— Но почему я должен её опекать?

— Он не назвал причин. Это приказ — вот и всё.

— А почему она должна жить именно в моём доме?

— Он сказал, что это в целях её безопасности и всего на несколько недель.

— Вот, дерьмо!!!

— Успокойся.

— Подвалило проблем, в общем. Ладно, Полина, "отрывайся" от своего компьютера и пойдём со мной. Надеюсь, хоть ты клаустрофобией не страдаешь?

— Нет, — ответила девушка, продолжая что-то набирать на сенсорном экране.

— Можно её в подсобку определить? — спросил Маркус, обращаясь к Гийону.

— Определяй куда хочешь. Только не стони.

На составление фоторобота Дениса ушло полтора часа. Оказалось, что не смотря на столь долгое общение Кайлин со своим непосредственным начальником, она всё-таки не могла вспомнить черты его лица. Возможно, Кайлин никогда и не всматривалась в Дениса. К чему? После того, как проект СаКаРа "продали" одной влиятельной корпорации, Кайлин прекратила общение с Денисом, высказав ему всё, что она по этому поводу думала.

В последний раз Кайлин видела Дениса после похорон Феклы, на которые тот не пришёл. Тогда она высказала ему всё, что думает о нём лично, и пожелала начальнику "гореть в аду". Чтобы она сказала ему сейчас, имея представление о причинах его отсутствия на похоронах бывшей любовницы? "Я всё знаю?" "Всё понимаю?" "Прости меня за те слова?" Неубедительно, тем более, что Кайлин его так и не простила.

Гийон вернулся в отдел ближе к обеду. О встрече с Цемеи он ничего не говорил, отделавшись парой фраз, что Старко пытается по своим каналам раздобыть информацию. В два часа дня все спустились вниз пообедать и только тогда поняли, что Маркус забыл позвать Полину с собой.

— Ну, ты даешь! — засмеялся Гийон. — Разве так можно?

— Можно! — огрызнулся Маркус и направился обратно в офис.

Маркус вошел в подсобку без стука и обомлел. Девушка сидела на стуле к нему спиной с контактным обручем на глазах и активно перебирала пальцами в воздухе. Всё бы да ничего, если бы она предусмотрительно не задрала свою узкую юбку и не закинула босые ноги на стол. Красивые ноги. Точнее, идеальные длинные красивые ноги с маленькими накрашенными ноготками на пальчиках, обрамленные в чулки с кружевной отделкой на

бедрах.

Маркус подошел поближе и сглотнул ком, подступивший к горлу. Его взору в вырезе блузки как на ладони престала небольшая упругая женская грудь, украшенная атласной оторочкой ее лифчика, вздымающаяся при каждом вдохе девушки.

И тут Полина подняла свои глаза и взглянула на него, после чего последовал испуганный крик и попытки опустить слишком узкую юбку с бедер до колен, не снимая при этом контактного обруча с глаз.

— Пора обедать, — уставшим голосом сообщил ей Маркус и присел на стол.

Он внимательно наблюдал за ее телодвижениями, когда она, наконец, сумела опустить подол и наклонилась, чтобы найти свои брошенные на полу туфли. Не будь он ее опекуном, да и вообще, будь она "нормальной" во всех смыслах девушкой, он бы задрал ей юбку прямо сейчас и в этом кабинете. Будь она "норамальной", потому что Полину Звойнич "нормальной" назвать было трудно. Она вытворяла "все это" у него на глазах, даже не пытаясь снять свой обруч с глаз и, кажется, совершенно не задумываясь над тем фактом, что он все-таки мужчина, который без зазрения совести пялится на ее непредусмотрительно выставленный округлый зад.

Маркус почувствовал свой неуместный в данной ситуации "дискомфорт" и, закинув ногу за ногу, отвернулся от вожделенного зрелища.

— Обруч сними, тогда и туфли найдешь.

Девушка резко выпрямилась и остановилась. Сделав несколько движений пальцами в воздухе, она сняла свою "оправу" и посмотрела на него.

— Стучаться нужно, а не подкрадываться, словно мышь!

— У нас не принято задирать на работе юбку и забрасывать ноги на стол. Радуйся, что Гийон тебя в таком виде не увидел: мало бы не показалось.

— Извините, — ответила Полина и, нацепив туфли на ноги, вышла в коридор.

Он заметил, как ее лицо и шея покрылись красными пятнами, словно у шестнадцатилетнего подростка. Да, "нормальной" Полину Звойнич назвать никто бы не смог.

— Извините за опоздание, — тихо произнесла девушка и опустилась на стул возле Гийона за столом.

— Ничего страшного, — ответил начальник и посмотрел на Кайлин.

— Мне ты так никогда не отвечал, — заметила она и улыбнулась.

— Так ты же никогда не извинялась! — засмеялся Гийон и посмотрел на Маркуса.

Другу было не до смеха. Он молча изучал обеденное меню и, казалось, вообще не обращал на происходящее никакого внимания.

— Расскажи, кем ты работала в прошлой жизни? — обратился Гийон к новой подопечной.

— Программистом.

— Старко сказал, что ты очень талантливый программист.

— Ему виднее.

— Странная ты, какая-то, — озвучила общие мысли Сианна. — Свалилась на наши головы из ниоткуда. Да еще и эти твои проблемы с прикосновениями.

— Вы говорите это с таким презрением, будто перед Вами не человек, а животное.

— Эту у Сианны манера общения такая, — попыталась исправить ситуацию Кайлин. — Вот мне, например, твое лицо кажется очень знакомым. Мы не встречались с тобой раньше?

— Вряд ли.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать восемь.

— Мне тоже. А когда тебя криогенезировали?

— В 2080 году.

— Также из двадцать первого века, — покачал головой Маркус.

— Все равно не могу отделаться от мысли, что встречала тебя ранее.

— Как продвигается ремонт в твоём доме? — перебила её Сианна.

— Никак. Строители предоставлены сами себе. Что из этого обычно выходит, знает каждый из вас.

— Ну, Гийон же тебя выгонять не собирается, — засмеялась она, — да и вряд ли ты вообще собираешься туда возвращаться...

Кайлин исподлобья посмотрела на Сианну и прищурилась:

— Ты на что-то намекаешь?

— Ну, могла бы получить гражданство, благо, возможность у тебя такая есть.

— Ты о чём говоришь? О замужестве?

— Естественно, — усмехнулась Сианна, — зачем проходить тест, если можно одним выстрелом убить двух зайцев: и мужчину получить, и гражданство.

— Ты думаешь, что я хочу женить на себе Гийона, чтобы получить гражданство? — взъерепенилась Кайлин.

— Прекратите обе! — рявкнул Гийон.

— А тебя никто не спрашивал! — огрызнулась Кайлин. — Вы что думаете, я не смогу пройти какой-то там тест?

— Никто в тебе не сомневается, — так же громко ответил Гийон. — Сианну интересует другое. Да, Сианна?

— Свой интерес можешь заткнуть себе, сама знаешь куда! — продолжала кричать Кайлин.

Полина тихонько поникла и попыталась слиться с окружающим пространством. Это сразу же заметил Маркус, и, наклонившись к девушке, тихонько прокомментировал:

— Сианна постоянно грызется с Кайлин. Не обращай внимания.

Девушка наигранно улыбнулась в ответ и кивнула головой.

— Хватить цапать! Надоели, обе! — прокричал Гийон, поднимаясь со своего места.

— Можно подумать, это я во всем виновата, — буркнула Сианна и притихла.

— Ты куда? — спросил Маркус, глядя на друга снизу вверх.

— Работать!

Гийон развернулся и направился в сторону проходной. Кайлин даже не посмотрела ему вслед.

— Ну, что, девчонки, — улыбнулся Рихтор, — довели начальство? Теперь весь день будет дуться.

— Пусть дуется, — ответила Кайлин. — Также мне, пуп Земли.

— И эта туда же, — вздохнул Рихтор. — Перестань, Кайлин. В твоих мысленных способностях никто не сомневается.

— Конечно, — согласилась Кайлин и, поднявшись из-за стола, направилась к выходу из кафе.

— Кайлин? — позвал её Маркус. — Ты куда?

— Домой, Маркус. Я еду домой!

— Но, Гийон...

— Всем, пока! — наигранно помахала рукой Кайлин и, выйдя на улицу, сразу же остановила такси. — Южный парк 9, пожалуйста.

Гийон вернулся домой в семь вечера. Где он был все это время, Кайлин спрашивать не стала. Гийон прошел на кухню и удивился, увидев тарелку с запеченным мясом и картошкой на столе.

— Ты приготовила сама? — спросил он, присаживаясь на стул.

— Да, — ответила Кайлин, выключая телевизор и поднимаясь с дивана в гостиной.

— Сейчас оценим твои кулинарные изыски, — ответил Гийон и, отрезав кусочек мяса, положил его в рот.

Кайлин присела за барную стойку и подперла рукой голову.

— Вкусно, спасибо, — загробным голосом произнес он.

— Что именно? Резиновое мясо или пресная картошка?

— Просто ты неправильно выбрала режим жара в духовке, а картошку забыла посолить.

— Всего-то, — пробурчала Кайлин и уткнулась головой в столешницу.

Гийон поднялся со своего места и подошел к ней:

— Кайли, больше не поступай со мной так, ладно?

— Ты бы все равно не стал меня там держать, а Ено прекрасно справился с задачей стороннего наблюдателя.

— Так нельзя, Кайлин. Взрослые люди так не поступают.

— Странно даже, я думала, что ты вернешься домой и устроишь мне сцену. А ты пришел и просто попросил так больше не делать. И теперь мне стыдно за свое поведение. Честно.

— Обещаешь так больше не делать?

— Обещаю, — ответила она и, повернувшись к нему лицом, положила голову на его теплую грудь.

Гийон обнял ее и прижал к себе.

— Я не хочу, чтобы ты переезжала. Оставайся здесь, со мной. Мы вполне мирно уживаемся под одной крышей, ты не находишь?

— И ты готов есть резиновое мясо и несоленую картошку?

— Да, если ты приготовишь это специально для меня.

— Знаешь, вирусолог из меня более талантливый вышел, нежели повар.

— Ну, должны же быть и у тебя пробелы, — Гийон улыбнулся и поцеловал ее в макушку. — Пойду в душ схожу и переоденусь. Хочешь, пойдем вместе?

— В восемь придет Нистен. Если я пойду с тобой, боюсь, нейрами дверь уже никто не откроет.

— В этом ты права. Кстати, Ерджи со своими коллегами, кажется, нашли нужные кодировки для запуска СаКаРа.

— Правда? — подняла голову Кайлин.

— Да, они показали мне действие на мышах.

— И ты не позвонил и ничего мне не сказал?

— Было уже пять часов. Что толку звонить тебе? Завтра все увидишь сама.

— И как вели себя мыши?

— В зависимости от частоты сигнала они впадали в спячку, грызли друг друга и... — Гийон не договорил.

— Спаривались...

— Ужасное зрелище, если честно. Я думал, что Маркуса вообще вывернет прямо на пол в смотровой, но плохо стало все-таки Полине.

— Полина была там?

— Да, вызвалась помочь Ерджи с подбором импульсного сигнала. Я не стал сопротивляться.

Кайлин отстранилась и внимательно посмотрела на него:

— Со мной ты так себя не вел...

— Как, "так"?

— Мне ты все запрещал, а ей — разрешаешь.

— Кайлин, ты что, ревнуешь?

— А есть основания?

— Нет, никаких, — улыбнулся он и притянул ее обратно к себе. — Этой девушке нужна помощь, и Старко попросил меня позаботиться о ней.

— А, Маркус? Он же ее опекун?

— Маркусу в этом вопросе я не вполне доверяю.

— Почему?

— Он либо переспит с ней либо наделает других глупостей, что, собственно, является одним и тем же по существу.

— Ты что-то слишком плохо только что о нем отозвался.

— Это правда, "зайчонок". Если он сейчас переспит с ней, эта интрижка долго не продлится. Он всегда бросает своих женщин через несколько месяцев после знакомства.

— Почему?

— Говорит, что пока не встретил ту, с которой хотел бы встречаться дольше.

— А ты что думаешь?

— Я думаю, что он боится привязаться к женщине. Ты просто не знаешь о том, что в прошлой жизни он едва не женился в двадцать девять лет. Только вот невеста его изменила ему с его знакомым, и застал он их у себя дома на полу в прихожей.

— Ужасно...

— Не спорю. Потому и говорю, что если он с ней не переспит сейчас, потом они просто начнут ссориться и все это перерастет в неприязнь. Рано или поздно, но их дорожки все равно разойдутся.

— Ты говоришь об этом, как о состоявшемся факте.

— Я знаю своего друга, Кайли. Можно даже сказать больше: в каком-то смысле я его понимаю.

— То есть?

— Если бы я застал тебя с другим мужчиной...

— Что за бред...

— Вот именно, я даже представить себе этого не могу. А он через это прошел.

— Гийон, я верю в то, что рано или поздно, он встретит женщину, которую просто не сможет отпустить.

— Когда это ты успела стать оптимисткой?

— Он сказал мне нечто похожее в самом начале нашего знакомства. Тогда я смеялась над его словами, а сейчас понимаю, насколько он оказался прав.

— Ты говоришь про меня?

— Да, про тебя.

Кайлин подняла голову и поцеловала его в мерцающий подбородок.

— Ты новости не смотрела?

— Нет.

— Старко отдал приказ опечатать здание Центра криогенезиции.

— Так скоро?

— А чего тянуть? Думаю, к завтрашнему дню все филиалы по всему Миру постигнет та же участь.

— То есть, Старко свяжется с другими Верховными даниилами?

— Нет. Все это будет решаться на уровне правительства и Президента в частности.

— Ты поэтому так поздно вернулся? — спросила Кайлин, ругая себя за этот вопрос.

— Что, боишься, что я налево захочу сходить? — рассмеялся Гийон.

— Я переживала, а ты... — пробурчала она и отвернулась.

— Зайчонок, перестань, я же пошутил.

— Я в следующий раз тоже так пошучу. Посмотрим, что на это ответишь ты!

— Убью обоих, — серьезно ответил Гийон, и Кайлин даже обернулась, посмотреть, серьезно ли он.

— Кайли, я очень ревнивый, так что номера с опозданием домой без причины у тебя не пройдут.

Кайлин положила обе руки ему на грудь и снова поцеловала мерцающий подбородок.

— А я не стану опаздывать, — промурлыкала она, прикусывая его нижнюю губу.

Гийон ответил на ласку, и все действие через несколько минут уже грозило развернуться на полу, если бы сам Гийон во время не остановился и не отправился в холодный душ.

Нистен пришел ровно в восемь. Гийон выключил в доме свет и зажег свечи. Укрыв Кайлин пледом, он присел на диван и обнял ее.

— Ну, что Кайлин? Готова немного отдохнуть?

— Да, честно говоря, у меня такое чувство, что я сейчас точно усну.

— Вот и отлично. Закрой глаза и представь себе место, где бы ты сейчас хотела находиться вместе с Гийоном.

— Мы вдвоем в моей старой квартире. Лежим на кровати в моей спальне. Брата нет дома: скорее всего он на работе. Вокруг много разных бумаг и изгрызенные мной карандаши.

— Ты хочешь спать?

— Да, я хочу спать.

— Тогда засыпай. Гийон будет рядом с тобой.

Тут Нийстен замолчал и, спустя несколько минут, подошел к ней и положил руку ей на лоб.

— Кайлин? — позвал он.

Она молчала.

— Кайлин, ты меня слышишь? Это Нистен.

— Да, слышу, — пробурчала сонным голосом Кайлин.

— Я хочу, чтобы ты вернулась в тот день, когда мы впервые с тобой встретились. Ты помнишь, почему это произошло?

— Да. Что-то случилось с моим даром. Я потеряла контроль над ним.

— Хорошо. Вспомни, как этот день начался для тебя?

— Я проснулась с утра. Черт, голова ноет.

— Тебе плохо?

— Да. Уже тошнит от этой боли. Нужно принять таблетки, иначе она сведет меня с ума.

— Ты пришла на работу. Как ты себя чувствуешь?

— Отвратно. Гийон и Маркус делают вид, что ничего не произошло. И это бесит меня сильнее, чем мысли о том, что Гийон собирался сделать с той проституткой.

— Ты злишься?

— Да. Я не спала полночи, и все из-за него. Он ненавидит меня, и от этой мысли становится еще больнее.

— Ты приехала на место преступления. Опиши свои эмоции.

— Никаких эмоций, кроме злости. Голова просто раскалывается, даже свет начинает резать глаза. А тут еще и младшие даниилы смотрят на меня, как на рождественскую елку.

— Ты хочешь, чтобы все это побыстрее закончилось для тебя?

— Да.

— Что происходит дальше?

— Гийон пытается запретить мне контактировать.

— А ты?

— А я все делаю ему назло. Я присаживаюсь и касаюсь рукой холодного тела.

Кайлин судорожно вздохнула и схватилась за Гийона.

— Кайлин, где ты сейчас?

— Я дома. Он за моей спиной.

— Кайлин, где ты на самом деле находишься?

— О, Господи! Помогите!

— Кайлин, остановись! Замри!

Кайлин перестала дышать.

— Где ты сейчас?

— Я в ванной, закрылась от Гийона.

— Хорошо, Кайлин. А теперь вернись назад и со стороны посмотри на происходящее.

Что ты видишь?

— Она борется, но он сильнее.

Кайлин поежилась, ощущая, как сталь проникает в ее тело, но не испытывая боли при этом.

— Ты видишь его лицо? — спросил Нистен, испытывая те же эмоции, что и она.

— Он в маске. Глаза светлые, голубые. Он пробужденный.

— Что дальше?

— Я падаю на пол и больше не могу двигаться.

— Ты все еще видишь что-то?

— Да. Я смотрю на него.

— Что он делает?

— Он смотрит на меня. Думает, что я уже умерла. Но я все вижу. Вижу его!

Кайлин заметалась в руках Гийона, но он сильнее прижал ее к себе.

— Что дальше, Кайлин? Что он делает?

— Он приподнимает маску... О, Боже!!! — заголосила Кайлин и начал что-то кричать на русском.

— Кайлин, успокойся, вспомни, где ты! Где ты, Кайлин?

— Я в ванной, — ответила Кайлин и начала плакать. — Я в ванной.

— Нет, Кайлин, вспомни, где ты на самом деле?

Кайлин застонала, но все же ответила:

— В квартире. Сплю рядом с Гийоном.

— Кайлин, где ты спишь на самом деле? Вспомни!

Кайлин открыла глаза и подорвалась с дивана, прижимая ладони к лицу и продолжая что-то бормотать.

— Кайли? — позвал ее Гийон. — Кайли, все хорошо, ты здесь, со мной, все в порядке.

Гийон попытался обнять ее. Но она заметалась по комнате, вышагивая взад и вперед.

Нистен покачал головой и присел на диван.

— Ты знаешь его, вот в чем все дело, — заговорил нейрами. — Ты увидела то, чего не ожидала, и не смогла это принять. Потому твой мозг метался, пытаясь все разложить по своим местам, но ты продолжала отрицать очевидное. Кто он, Кайлин? Кто этот человек?

Кайлин остановилась посреди комнаты и, стирая рукой слезы со щеки, произнесла:

— Денис Крипенин. Это — Денис Крипенин!!!

В десять часов вечера в офисе Гийона творилось черт знает что. Младшие даниилы, эксперты-криминалисты и люди Цемеи заполнили все вокруг. Переговариваясь, что-то обсуждая, они ждали, когда, наконец, закончится допрос Кайлин Рудецкой по на шумевшему делу. Допрашивал девушку никто иной, как Верховный даниил.

Гийон в окружении своих подчиненных наблюдал за всем из смотровой комнаты, прислонившись плечом к стене и не двигаясь, вот уже в течение тридцати минут. Полине Звойнич тоже разрешили присутствовать в смотровой, и девушка, уставшая и измотанная еще недавними экспериментами с Ерджи и мышами, пристроилась в самом дальнем углу комнаты на стуле. Маркус внимательно наблюдал за происходящим, переводя взгляд то на Кайлин, то на Гийона, то на свою пробужденную.

— Значит, — продолжал Цемеи, — Евгений Леков при встрече сказал тебе, что твоя подруга Фекла состояла в личных отношениях не только с руководителем проекта, Денисом Крипениным, но и твоим братом, Александром Рудецким.

— Да. Не знаю, откуда это стало известно ему, но причин не верить Жене у меня нет. Я никогда не знала, с кем проводит свое свободное время мой брат. Когда Фекла пришла к нам в лабораторию, они с братом сразу же поладили, но я и подумать не могла, что они и раньше знали друг друга.

— Когда же она начала встречаться с Денисом?

— Фекла говорила мне, что их познакомил общий знакомый.

— Думаешь, она имела в виду твоего брата?

— Я уже и не знаю, что она имела в виду. Женя сказал, что она инфицировала Сашу и Дениса Верелеем. Это вполне может оказаться правдой.

— Почему?

— Она любила встречаться с разными мужчинами. Даже находясь на содержании у Дениса, она умудрялась изменять ему с другими. Поймите, Фекла была очень привлекательной женщиной. Такие, как она, запоминаются. Кроме того, она была очень коммуникабельна и знала, как получить от мужчины именно, чего хочет.

— Ты говоришь, что она выбросилась из окна своего пентхауса. Ты замечала какие-нибудь странности в ее поведении перед смертью?

— Нет, в том-то и дело. Я говорила следователям еще тогда, что Фекла не могла сама

этого сделать, но разве кто-нибудь меня послушал?

— Думаешь, это он сделал?

— Уверена. Теперь уверена.

— Скажи, почему ты не использовала свой дар, чтобы помочь следствию с расследованием обстоятельств гибели Феклы?

— Я хотела проконтактировать с ней. Но мне не позволили. В то время все с предубеждением относились к моим способностям, многие в них попросту не верили. Меня не подпустили к телу, и хоронили ее в закрытом гробу.

— Евгений также сообщил тебе, что твой брат погиб через год после твоей смерти. Ты веришь в то, что он мог покончить жизнь самоубийством?

— Не знаю, честно. Но более вероятной мне представляется версия о причастности к его смерти корпорации, на которую мы все работали.

— Центра криогенезации?

— Это сейчас она так называется. А тогда это была крупная фармакологическая корпорация.

— Почему ты полагаешь, что его убили?

— Задумайтесь, Цемеи. Я знала, что никогда не смогу откреститься от этого проекта. Они следили за нашей квартирой, за нашими передвижениями. Постоянно за спиной можно было найти несколько парней из нашего отдела охраны. Корпорация даже не скрывала этого обстоятельства. Они называли их "службой безопасности" и убеждали нас, что это все только в наших же интересах. Мы подписывали такие документы, Старко, что неразглашение по сравнению с ними просто детский лепет.

— Конкретнее, Кайлин, если можно?

— Конкретизировать? Ну, например, "в случае гибели одного из участников экспериментов, беру на себя всю ответственность", или, "в случае несчастного случая на производстве, не имею к руководству никаких претензий".

— Но, это же абсурд!

— Возможно, но мы все подписывали это.

— То есть, вы работали нелегально?

Кайлин засмеялась и покачала головой:

— Какое легально, Старко? Мы поставили эксперимент на человеке через год, после синтеза СаКаРа! Работай мы по лицензии, на исследования ушли бы годы, понимаете?

— И вы сознательно нарушали закон?

— Люди, которые платили нам, и были "законом". На нас давили каждый день: "быстрее", "что нового?", "как продвигается эксперимент?". Вы понимаете, что юридически нас шестерых вообще не существовало?

— Я понял, кивнул Цемеи. Ладно, расскажи про Дениса. Что ты знаешь о нем?

— Нанопрограммист. Работал с братом. У него было много связей. Это он нашел корпорацию, которая согласилась вложить деньги в наш проект. Так он получил место моего руководителя.

— А каким человеком он был?

— Не знаю. Ублюдком он был, понятно? Так ему и надо. Мы всегда друг друга недолюбливали. Он пытался совать свой нос, куда не следует, и мне приходилось постоянно отделяться от него. Зато Феклу он любил. В этом я уверена. Она вертела им, как хотела. Одежда, машина, квартира, постоянные путешествия. Все вздыхали свободнее, когда они в

очередной раз в году брали отпуск за свой счет и отправлялись куда-нибудь южнее на пару недель.

— То есть, он любил деньги и красивых женщин?

— Славу он тоже любил. Поначалу пытался работать, а потом вообще отстранился от всего. Одни приказы, отчеты и постоянный контроль.

— Вы ругались с ним?

— Да, постоянно. Последняя крупная стычка случилась, когда он не явился на похороны Феклы. Это меня шокировало, если честно. На следующий день я влетела к нему в кабинет и закатила скандал. Меня вывела из здания корпорации охрана. Брат только через два часа забрал меня из отделения неврозов, куда они засунули меня.

— И что после этого?

— Ничего. Я больше не приходила на работу. Моя болезнь прогрессировала и я начала ночевать в больнице, возвращаясь домой под расписку только на выходные.

— А твой брат? Почему он не пришел на похороны Феклы?

— Не знаю. Никто из лаборатории не пришел. Только я.

— Обычно, сотрудники прощаются с умершими коллегами, тебе так не кажется?

— Хотите правду? Им просто было наплевать на нее. Со мной тоже никто не пришел попрощаться, словно и не существовало меня никогда. Я умирала медленно, и единственным человеком, который находился рядом все это время, был мой брат. Почему он не пришел проститься с Феклой? Откуда мне знать, — пожалала плечами Кайлин. — В конце — концов, это она заразила его Вереллеем.

— Ты подписывала отказ от реанимации?

— Да. Как только они подключили меня к приборам, я поняла, что не хочу больше так жить.

— Почему ты подписала отказ и от криогенезации?

— Я прекрасно понимала, что даже если и проснусь, все мои достижения, все, чего я добилась за эти годы, будет безвозвратно потеряно. Я останусь одна неизвестно где и, главное, зачем.

— То есть, ты не хотела начинать все сначала?

— Нет. Я устала, понимаете? К тому моменту я слишком устала бороться. Да, и кто мог знать, чем обернется массовое внедрение криогенезации? И главное, я понимала, что пробудить меня могут только ради одной цели: получить коды или новые разработки.

— Кайлин, расскажи пожалуйста о своей племяннице.

Кайлин тяжело вздохнула и отвернулась.

— Откуда вы узнали про нее?

— Это не важно.

— О ее существовании мне поведал Женя. Честно говоря, мне трудно поверить в то, что у моего брата и Феклы был общий ребенок.

— Ты собиралась разыскать ее?

— Да, Женя сказал, что она все еще спит. Я посчитала, что смогу пробудить ее уже после того, как все это закончится.

— Понятно. Кайлин, сейчас я буду допрашивать Евгения. Если хочешь, можешь понаблюдать за нами из смотровой комнаты.

— С радостью, — выдохнула Кайлин и поднялась со стула.

Женю ввели в помещение для допроса под конвоем. Усадив его на стул, конвоиры

вышли за дверь, оставив молодого человека наедине со Старко.

— Рад видеть Вас снова, — улыбнулся Верховный Даниил.

— Я уже рассказал все, что знаю.

— Нам нужно больше. Предполагаю, что вам известно место пребывания некого Дениса Крипенина?

— Ни черта мне не известно!

— То есть так?

— Именно!

— Ну, ладно. Девочка моя, не хочешь ли ты сказать несколько слов своему бывшему опекуну? — громко спросил Цемеи, обращаясь к зеркалу.

Полина спокойно поднялась со своего места и направилась к выходу из смотровой.

Маркус схватил ее за руку и дернул на себя.

— Что здесь происходит?

— Отпусти меня, мне больно.

Маркус разомкнул пальцы, и холодное запястье выскользнуло из его ладони.

Девушку проводили в комнату для допросов.

— Рад видеть тебя в добром здравии! — улыбнулся Женя.

— Пошел ты, ублюдок, — шикнула девушка и присела на стул, который ей принесли.

— Все-таки осмелилась к ней прийти?

— Она не такая, как ты рассказывал.

— Да, шлюха она, того же посола, что и твоя мамаша!

— Это ты — шлюха. Не знал только, как к ней подлезть, чтобы только от вируса избавиться.

— Ты тоже хотела от него избавиться. И информацию на их группу, прошу заметить, собирал не я, а ты!

— Я, в отличие от тебя, не сделала им ничего плохого. А ты, получается, прикрывал своего дружка.

— Никого я не прикрывал!

— Не ври!!! — закричала Полина и подорвалась со стула. — Я видела тебя с ним, с этим Денисом!!! Он привозил тебя на своей машине!

— Это был не он!

— Как же! Хотел показать ему меня?! Показать дочь Рудецкого и Феклы?!

Кайлин прикрыла ладонью рот, потому как все поняла. Лицо этой девушки показалось ей знакомым, потому что в ней было нечто общее не только с Феклой, от которой она унаследовала этот оттенок волос и столь необычный разрез глаз, не только с ее братом, от которого ей достался этот зеленый цвет радужек и высокие скулы, но и с ней самой, потому как в остальном она была похожа на свою тетку, то есть, саму Кайлин.

Женя рассмеялся Полине в лицо.

— Такая проникательная... У нас был уговор, Поли. Я бы позволил Денису тра...те тебя, если бы он дал мне код доступа на управление вирусом Кайлин. Но когда мы тебя пробудили, Денис тут же скривил лицо и сказал, что убогие его не привлекают. Можешь себе представить, как я обрадовался, когда понял, что Сильвии удалось совершить невозможное? Я тут же напомнил Денису о нашем давнишнем договоре и привез его посмотреть на тебя, обновленную. Ты даже не заметила камеры, которую я оставил в твоей спальне. Представляю, сколько он раз кончал на тебя, подглядывая, как ты любишь

раздеваться перед сном и спать нагишом!

— Ублюдок!!! — закричала Полина и бросилась на бывшего опекуна.

Ее остановили младшие даниилы, влетевшие в комнату и заломившие ей руки.

Девушка начала кричать на русском, призывая на помощь, и Кайлин в ужасе обернулась к Маркусу:

— Она же не выносит...

Маркус влетел в допросную и набросился на конвоиров.

— Да, успокойтесь же вы все!!! — прогремел бас Цемеи, и все действующие лица замерли на своих местах. — Вы, двое, — обратился он к младшим Даниилам, — вон отсюда! Полина, сядь на свое место и успокойся. Маркус, ты тоже можешь идти. Полина больше не станет кидаться на него. Да, Поли?

— Стану! Я удавлю эту свинью!!! — снова закричала она и поднялась с места.

Маркус тут же оказался за ее спиной и, положив руки ей на плечи, силой усадил на стул. Девушка на его прикосновения никак не отреагировала, и Старко даже вскинул брови в знак своего удивления.

— Ты смотри, а вот и защитник на твой зад нашелся, — засмеялся Женя. — Только Дениса это все равно не остановит. Пойми, ты не жилец на этом Свете. Он убьет тебя точно так же, как и всех остальных. Точнее, он во что бы то ни стало тебя найдет, тра...т, а затем убьет. Точно так же, как он убил твою мамашу и отца.

— Какая же ты мразь...

— Кстати, глушить чужие сигналы не хорошо, дорогая моя.

— Что, догадался? — улыбнулась Полина и облокотилась о стол.

— Не думал, что талант тебе папуля все-таки передал.

— Моя "глушилка" работает. И твоему дружку до меня не добраться. А вот его скоро поймают, и тогда посмотрим, кто кого поимеет!

— Я не знаю, где он сейчас. Можете дома поискать, но вряд ли он будет вас там ждать.

— Адрес! — прокричал Цемеи.

— Северный парк 12. Дом на имя Артема Пригодского.

"Наверное, я с самого начала знала, что его "обещаю" верить не стоит..."

Из разговора от 06.11.3565

Северный парк — самый престижный район города, был наводнен патрульными машинами. Шикарный трехэтажный особняк, возвышающийся посреди раскидистых зеленых елей и окруженный высоким кованым забором, в течение десяти секунд был взят штурмом, однако владельца этого дома они так и не смогли найти.

Что почувствовала Кайлин, когда поняла, что он смог сбежать? Облегчение, наверное. Ведь сегодня ей не придется смотреть в глаза человеку, с которым она работала столько лет, и которому ей было, что сказать.

Все вернулись в Центр управления даниилами ближе к часу ночи. Уставшие и измотанные, они разместились в комнате совещаний.

— Ну, что, рассказывай, дорогая моя пробужденная, все с самого начала, — начал Маркус, обращаясь непосредственно к Полине.

— Думаю, вы и так уже все поняли.

— Когда тебя пробудили?

— Два месяца назад. Опекуном был Женя, а Дениса, собственно, я никогда толком и не видела, только знала его имя и то, что они с Женей работают вместе.

— Почему ты сразу не пришла к Кайлин? Почему работала вместе с ним?

— А что бы я ей сказала? Здравствуй, я твоя племянница? Женя утверждал, что Кайлин была в него влюблена и ненавидела мою мать, потому что та заразила моего отца Вереллеем.

— О какой "глушилке" он говорил?

— Управление наномашинами основано на использовании инфразвука, как вы уже знаете. Главное — это подобрать нужную волну для конкретного человека. Как только я поняла, что таким образом можно управлять и мной, я задалась целью создать устройство, которое бы глушило этот сигнал. Естественно, что Женю в это дело я не посвятила.

— И где оно, это устройство?

— Прямо перед тобой, — Полина указала пальцем на свой "планшетник" и небрежно толкнула его рукой.

— Зачем Жене и Денису нужна была Кайлин?

— Они думали, что она владеет информацией по последней разработке моего отца. Наночастице, которая способна выводить СаКаР из организма. Женя называл ее "вторым шансом".

Маркус взглянул на Гийона и по спокойному выражению его лица, понял, что для друга все то, о чем говорит Полина, давно не новость.

— Так ты все знал? — спросил он, поднимаясь со своего места.

— Неужели ты думал, что я бы подпустил к нам так близко совершенно незнакомого человека? Конечно, отец сразу посвятил меня в детали дела, тем более, что на него вышла сама Полина и попросила о помощи.

— Почему? — Маркус повернулся к ней и заглянул в испуганные глаза.

— А что мне оставалось? Ждать, пока Женя или его дружок заявятся ко мне домой? Он показал меня ему неделю назад! — заголосила Полина. — Мне некуда было пойти!!! —

девушка опустила на стул и заплакала.

Кайлин спокойно поднялась со своего места и подала ей бумажные салфетки.

— Ты была инфицирована с рождения? — тихо спросила она.

— Да, — ответила Поли и спрятала лицо в ладонях.

— Здесь тебя никто не обидит, обещаю. А с тобой, — она указала пальцем в сторону Гийона, — у меня еще состоится обстоятельный разговор!

Гийон покачал головой, но противиться не стал.

— Итак, теперь, по крайней мере, нам понятно, что Денис явится за Полиной, — произнес Гийон. — Вопрос только в том, будем ли мы готовы к этому визиту.

— Будем, — громко ответил Маркус и положил Полине руку на плечо. Девушка дернулась, но руку убрать не попросила. — Пусть только объявится, урод. Пусть только придет.

— С этого момента Ено и Маркус будут постоянно находиться рядом с тобой, — обратился он к Полине. — Не бойся, сейчас, по крайней мере, мы знаем, кого ищем.

— Ты не мог бы выйти на минуточку? — обратилась Кайлин к Гийону.

— Прямо сейчас?!

— Немедленно! — повысила голос Кайлин и вышла из совещательной, хлопнув дверью.

— Удачи, — бросил в его сторону Маркус и присел на свое место.

Гийон проследовал за ней в свой кабинет и вошел внутрь, закрыв за собой дверь.

Кайлин прислонилась к его столу и сложила руки на груди.

— Почему ты сразу не сказал мне, кто она?

— Потому что сама Полина этого не хотела. Это было ее условие, одно из ее условий, — улыбнулся Гийон и подошел к Кайлин вплотную.

— И ты не злишься на меня за то, что я сразу не сказала тебе о ее существовании?

— Я был зол на тебя сегодня днем, когда узнал, что ты скрыла от меня попытку шантажа со стороны Жени. Почему не рассказала мне? Мы бы сразу прижали эту скотину.

— Я и предположить не могла, что он может быть связан со всем этим. Думала, что все, о чем он говорил, — пустые угрозы.

— Мне очень жаль, Кайлин.

— Помни, они не должны ничего узнать о "втором шансе". Эту технологию я не могу им отдать.

— Я помню, зайчонок, — ответил Гийон и прикоснулся к ее губам.

Он впервые целовал ее в своем рабочем кабинете. И называл ее так здесь тоже впервые. Кайлин подалась ему навстречу и ответила на поцелуй, а затем прижалась к его груди.

— Я устала. Пойду, прилягу в своей комнате. Разбуди меня, когда нужно будет ехать домой.

— Хорошо, — ответил Гийон и, поцеловав ее в макушку, пошел обратно.

Кайлин прошла к себе и легла на диван. Глаза закрылись сами собой, и она быстро погрузилась в сон. Неизвестно, сколько она проспала, но когда проснулась, поняла, что физиология как всегда, не вовремя взялась за свое. Живот начало предательски скручивать, а никаких средств гигиены у Кайлин с собой не было.

Она вышла из комнаты и прошла в совещательную. Ребята все еще работали там, находясь на связи с постами даниилов, расставленных на выезде из города. Кайлин заглянула внутрь и подозвала к себе Сианну.

— Что такое?

— Прокладки есть?

— Нет. И тампонов нет. А что, началось?

— Да, — скривилась Кайлин и прислонилась к стене.

— Тут недалеко есть ночной гипермаркет. Можно отправить кого-нибудь туда.

— Нет, сама съезжу.

— Куда ты собралась ехать? — спросил Гийон, выходя из совещательной в коридор.

— Менструация, — выдохнула Кайлин.

— Что, прямо сейчас?

— Ты сказал это таким тоном, будто я специально приказала ей начаться именно сегодня! — огрызнулась Кайлин и отвернулась.

Гийон недолго размышлял, затем, вернувшись в кабинет, извинился и сказал, что вернется через минут тридцать.

— Со мной может съездить Ено.

— Мне тоже нужно проветриться. Да и еды на вынос взять не мешало бы.

— Как хотите, — хмыкнула Сианна. — Мне что-нибудь из говядины возьмите, Рихтору лучше свинину.

— Хорошо, — пробурчал Гийон и, взяв Кайлин под руку, направился к выходу.

Гипермаркет действительно находился в пяти минутах езды по земле. Гийон припарковался на подземной автостоянке, и они вместе отправились в торговый павильон.

— Далеко не отходи, пожалуйста, — попросил он, беря ее за руку.

— Посмотри, здесь никого нет — пустые ряды.

— Я сказал, держись рядом.

— Хорошо, — ответила недовольная Кайлин.

Спустя десять минут они купили практически все, кроме того, зачем, собственно, отправились сюда. Гийон немного успокоился, но оглядываться по сторонам и рассматривать случайных единичных покупателей не перестал.

— Где-то по правому ряду должно быть то, что тебе нужно.

Они вместе прошли к нужному стенду и остановились.

— О, там энергетические напитки. Нужно взять на всех.

— Иди, бери, я пока что-нибудь выберу.

Гийон снова осмотрелся и, никого не заметив рядом, все же отпустил ее руку.

— Никуда не уходи. Я сейчас.

Он развернулся и пошел дальше по проходу.

Кайлин присмотрелась к многочисленным коробочкам, выставленным на полке. Взяв одну из них, она повертела ее в своих руках и забросила в корзину.

Интересно, какого это — пользоваться тампонами и не бояться, что красные пятна появятся там, где их не ждешь?

Кайлин обернулась, почувствовав на себе чей-то взгляд. В ряду возле нее оказался какой-то мужчина и тоже что-то рассматривал. "Для жены, наверное" — подумала Кайлин и развернулась, чтобы посмотреть, куда пропал Гийон.

Удар бьющегося стекла прозвучал где-то в стороне и Кайлин, содрогнувшись от этого звука, обернулась. Он, тот мужчина, что стоял в проходе возле нее, держал в руках разбитую бутылку вина и смотрел на нее. И в этом взгляде Кайлин не увидела ничего человеческого. Пустота. Одна пустота.

Корзинка выскользнула у нее из рук, ударившись о пол, и пачка еще недавно выбранных

тампонов откатилась куда-то в сторону. Кайлин знала, что не убежит. Просто не успеет, ведь он стоит так близко от нее.

Был ли он не нормальным, этот пробужденный? Или кто-то повелевал его разумом, дергая за ниточки и управляя марионеткой? Кто он? Почему выбрал красное вино и тампоны? Для кого? Жены? Любовницы? Или просто для той, которую любит? Что скажет она, когда поймет, что он не вернулся во время домой? Что он вообще больше никогда не вернется домой?

Гийон заметил кого-то мужчину в черном плаще, который зашел в примерочную секции одежды. Он и сам не понимал, что в этом человеке привлекло его внимание. Возможно, то, что мужчина был пробужденным, возможно, что по описанию походил на Дениса Крипенина. Но, достав оружие из кобуры, он все-таки решил проверить документы у незнакомца, скрывшегося за шторой примерочной кабины.

Звук бьющегося стекла где-то вдалеке заставил его обернуться.

Мужчина занес руку, и Кайлин закрыла глаза. "Гийон", — подумала она, — "я люблю тебя".

Острый осколок вонзился в ее грудь и дыхание свело. Ноги Кайлин подкосились, и она упала на пол. Она видела, как ярко-синий пучок плазмы угодил в голову неизвестному, что больше никогда в своей жизни не вернется домой.

Кто-то кричал там, вдалеке. Кто-то звал Кайлин по имени, с такой легкостью отрывая ее от пола. Кто-то прижимал свои руки к ее груди, пытаясь остановить слишком быстро льющуюся кровь.

Она приоткрыла глаза и сквозь дымку увидела его мерцание.

— Не будет второго шанса, — прохрипела она. — Они никогда не узнают...

Кайлин закашлялась, и брызги пенящейся крови попали ему в лицо.

— Нет, Кайли. Нет!

— Ты обещал, — попыталась улыбнуться она. — Ты дал мне...

Она не смогла договорить. Грудь сдавило и воздуха больше в ней не осталось. Она не могла вдохнуть. Схватившись за него, она попыталась глотнуть кислород ртом, но из этого ничего не вышло. Агония пожирала ее и единственное, чего она хотела, это побыстрее раствориться в своем сознании и прекратить столь изощренную пытку.

— Я не отпускаю тебя, слышишь? Я не разрешал тебе уходить!!!

Кайлин в последний раз открыла глаза и через мгновение погрузилась во мрак.

Гийон достал из кармана заветный красный флакон и приложил его к ее шее, нажав на кнопку.

— Где тут холодильник? — прокричал он служащему, стоящему среди зевак за его спиной.

— Там, — ответил молодой человек и указал пальцем в сторону подсобных помещений.

Дениса Крипенина обезвредили на подземной парковке гипермаркета. Два младших даниила, что дежурили здесь, сразу заметили высокого мужчину в черном плаще с кейсом в руках, быстрым шагом направляющегося к своему автомобилю. На просьбу остановиться, незнакомец никак не отреагировал и побежал вперед, прячась за припаркованными автомобилями.

Если бы он не достал свое оружие и не начал стрелять, все могло бы закончиться иначе. Но он выстрелил первым и тем самым запустил последовательность действий, неминуемо приведших его к собственной гибели.

Дениса Крипенина убили выстрелом в голову при задержании. При себе у него оказалось странное устройство, напоминающее старый ноутбук. Экспертиза впоследствии докажет, что напавший на Кайлин человек работал вместе с Денисом в Центре криогенезации, а устройство, которое Крипенин нес в черном кейсе было как раз предназначено для отправки инфразвуковых сигналов и настроено на управление наномашинами нападавшего мужчины. Там же эксперты найдут и параметры управления СаКаРом других пробужденных, в том числе и погибших женщин.

Связать воедино детали этого дела окажется совсем не сложно. На протяжении пяти лет, что Крипенин проработал в Центре после своего пробуждения, он постоянно встречался с женщинами. К сожалению, только четверо из них были коренными и вступали в сексуальные отношения с Денисом по собственной воле. Одной из этих женщин окажется шестая жертва преступника. Никто из ее знакомых так и не сможет вспомнить ни имени бывшего любовника, ни того, что он вообще был пробужденным.

Соседи опознают машину Крипенина как второй автомобиль четвертой жертвы, на котором она часто приезжала по их мнению "к себе домой". В последствии так же будет доказано, что Крипенин являлся отцом не рожденного ребенка пятой погибшей. Группе Гийона удастся найти и остальных его любовниц. И никто из них так и не сможет опознать человека, с которым они довольно часто проводили время наедине...

Вопросов останется много. Главным из них будет: что побудило Дениса отправиться в центр города и проследить за Кайлин, находясь всего лишь в нескольких метрах от Центра управления даниилами. Так же никто не сможет ответить на вопрос, почему он взял с собой "марионетку", переложив всю грязную работу на его плечи.

Ответы на эти вопросы знал лишь один Денис.

Он ненавидел ее. Выскочка, все в своей жизни делавшая по-своему, знавшая о похождениях своей подружки и покрывающая ее, женщина, имя которой вспомнили перед собственной смертью и Фекла, и Саша.

Каждый из них просил оставить ее в покое, и каждому из них он пообещал, что обязательно доберется и до нее. Он знал, что они придут за ним. Человек из отдела безопасности Центра криогенезации сообщил ему о появлении в Центре даниилов.

Денис понял, что им известен их секрет, и еще он понял, что только сегодня он сможет выполнить свое обещание.

Он взял с собой "марионетку", понимая, что сам вряд ли сможет приблизиться к Кайлин. Он ждал, когда она вернется со своим опекуном в Центр управления даниилами. Ведь, рано или поздно, она должна была появиться там.

И она вернулась. Ее опекун держал ее за руку. Как быстро она смогла найти себе мужчину? Убожество, в котором раньше едва ли можно было разглядеть женщину, теперь походила на одну из тех проституток, что он знал. Все они одинаковы.

Он оставил "марионетку" в проходе, а сам отправился в примерочную кабинку. Интересно, насколько быстро "марионетка" найдет жертву и получится ли у него то, что он задумал? Успеет ли опекун спасти свою шлюху, или "марионетка" нанесет удар первым?

От случая зависит многое, и Денис улыбнулся, услышав крики в павильоне. Связь с "марионеткой" была потеряна, а это означало только одно: пробужденный уже мертв.

Маркус, приоткрыв дверь холодильной камеры, увидел Гийона, лежащего на полу возле покрытого изморозью тела Кайлин.

— Пойдем, Гийон, — сказал Маркус, подхватывая его под руки.

— Ей будет страшно здесь одной.

— Ено посидит с ней, — мягко ответил Маркус. — Ты ведь доверяешь Ено?

— Ено?

Гийон поднялся и отошел к двери. Он не чувствовал холода, словно это не его тело колотилось в ознобе сейчас.

Маркус вывел его из холодильной камеры и кивнул Сианне.

— Она меня не простит, — покачал головой Гийон.

— Кто тебя не простит? — спросила Сианна, аккуратно кладя руку ему на плечо.

— Кайлин. Когда проснется, она меня не простит...

Сианна и Маркуса переглянулись.

— Гийон, — попытался заговорить с ним Маркус, но Сианна отрицательно покачала головой, призывая его молчать.

— Нужно позвонить отцу, — продолжал шептать Гийон. — Он поможет.

Отец. Он никогда в их присутствии не называл Старко отцом.

— Позвонишь, — ответила Сианна. — Потом позвонишь...

Гийон повернулся к ней и снял с глаз свой контактный обруч. Он посмотрел на Сианну абсолютно осмысленным взглядом, будто реально понимал, что говорит сейчас и что делает. Сианна в ужасе отпрянула от него.

— Ты думаешь, я сошел с ума? — спросил он, свербя ее своими красными глазами.

— Да, Гийон, — ответила она, упираясь спиной в грудь стоящего позади Рихтора.

— Если у меня ничего не получится, я, наверное, действительно лишусь рассудка. Я обещал ей кое-что. Что ж, впервые в жизни я не смогу сдержать своего слова, — ответил он и, развернувшись, направился к выходу из магазина.

Садясь в свою машину, он надел на себя свой контактный обруч и набрал заветные цифры.

— Да, — ответил уставший голос Цемеи.

— Я когда-нибудь просил тебя о чем-нибудь? — спросил Гийон, заранее зная ответ.

— Нет.

— Теперь я прошу тебя мне помочь...

Кайлин вдохнула воздух полной грудью и закричала. Свет, что так сильно слепил ее глаза, казалось, ворвался внутрь и обжег ее внутренности. Незнакомые тени замелькали перед ее глазами, общаясь друг с другом и прося ее успокоиться.

— Гийон!!! — закричала она, сквозь боль, разрывающую грудь. — Гийон!!!

Кто-то придавил ее к столу, зафиксировав голову и прижимая к ее носу пластиковую маску. Она почувствовала, как медленно теряет связь с происходящим вокруг. Безразличие опустилось на нее и накрыло все тело. Уставшие глаза больше не хотели смотреть и закрылись сами собой. Спать. Она так устала... Спать...

В комнате было темно, когда она проснулась. Она подняла руку и прикоснулась к своей груди: под простыней прямо над сердцем была наклеена повязка, и от соприкосновения с ней кожу начинало саднить.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил до боли знакомый ей голос.

Кайлин повернула голову и посмотрела на него. Слезы обожгли ее глаза, когда два светящихся темно-красных луча в спектре переливающихся неоновых вспышек в пространстве приблизились к ней.

— Ты не сдержал своего слова, — произнесла она.

— Нет.

— Ты предал меня.

— Кайлин, — прошептал Гийон, опускаясь возле ее кровати на колени.

— Уходи, — ответила она, отворачиваясь. — Уходи.

— Неужели ты так просто сможешь отказаться от меня?

— Уходи, Гийон.

Он ушел той ночью, тихо закрыв за собой дверь ее больничной палаты. Он не оглядывался назад, потому что понимал, что спасая ей жизнь, он все равно обрек себя на одиночество. Она не могла его простить. Предательство она не могла ему простить.

В день выписки Кайлин к нему домой заехал Маркус. Гийон знал, что они с Полиной каждый день бывают у нее. Но друг ничего не говорил и даже не пытался узнать, как у Гийона дела. Он встречал его каждый день на работе и видел, что с ним происходит. Маленькая хрупкая девушка, которую он когда-то презирал, в которой не видел ничего женственного, сумела раздавить его всего лишь за один день. Гийон спас ей жизнь, а она отвернулась от него.

Ни Маркус, ни Полина не понимали, почему Кайлин так упорно пыталась скрыть существование "второго шанса", особенно после того, как они нашли истинную причину нестабильности. Этот новый вирус мог бы стать лекарством, способом просто и навсегда избавиться от элементов СаКаРа.

Ответы на вопросы Маркуса знал Гийон. Он понимал, что человек, который посвятил всю свою жизнь поискам лекарства от неизлечимой болезни, которой прикасался к успеху своими пальцами и, казалось, вот — вот да и получил бы возможность спасти себя и остальных, в один момент потерял все. У нее не спросили разрешения, ее детище отобрали и выставили на продажу.

И вот, перед самой своей смертью она узнает, что вместе с братом создала оружие, настолько универсальное и идеальное, что его применение в последствие обернется гибелью многих тысяч людей по всему миру.

А потом она просыпается и находит "второй шанс". И этот вирус может предоставить возможность снова и снова использовать СаКаР. Он может даровать человеку вечную жизнь. Откуда ей знать, чем обернется его применение? Как может она быть уверенной в том, что его снова не отберут и не станут использовать по своему личному усмотрению?

И Кайлин попросила его, его, которому доверила свою тайну, не предавать ее, сохранить в секрете существование "второго шанса". Но Гийон не смог выполнить обещание. Пусть не ради денег, пусть не ради славы и громкого имени, но он использовал "второй шанс" в личных целях: спас любимую женщину, когда та хотела, чтобы он ее отпустил.

Гийон размышлял над этим каждый день. Каждый день из тех двадцати трех, что она провела в больнице. И чем больше он погружался в анализ ее мотивов и принятых ею решений, тем больше склонялся к мысли о том, что она никогда его не простит. А он... Он разгромил свою спальню, разбив фотографии покойной жены и ребенка, он вынес все воспоминания об их существовании из своего дома. Он сходил к ним на кладбище и, оставив цветы, наконец, сказал "прощайте". Сказать это же слово и ей он не мог, не был в состоянии.

Когда Маркус предупредил его о том, что приедет вечером за вещами Кайлин, Гийон отправился в ее комнату и аккуратно упаковал все, все, что она привезла с собой.

Выставив сумки у входной двери, он быстро вручил их Маркусу и, не спрашивая друга ни о чем более, указал ему пальцем на дверь.

Так же поступила и Кайлин. Она позволила Маркусу внести вещи, и тем же немым жестом приказала ему уйти.

— Ты завтра выйдешь на работу? — спросил он, оборачиваясь.

— Да, — ответила она и закрыла за ним дверь.

Утром Гийон опоздал на десять минут. Присев за столик, он кивнул Сианне, Рихтору, Маркусу и Полине, которые в гробовом молчании смотрели на него. Затем он повернулся к Кайлин, но она сделала вид, что очень внимательно изучает утреннюю меню.

Она прекрасно выглядела. Насыщенно-синий тон ее блузки оттенял глаза, и они казались немного светлее, чем были на самом деле. Все те же аккуратненькие черты лица, нос, скулы и губы, только лица бледного, будто бы обтянутого полупрозрачной кожей.

Гийон достал из кармана куртки маленькую пластиковую карточку и, положив ее на стол, пальцами протянул ей.

— Что это? — спросила она, не поднимая головы.

— Твое водительское удостоверение на право вождения автотранспорта по земле.

Кайлин подняла глаза и с прищуром посмотрела на него. Одного взгляда хватило, чтобы к горлу ее подступил ком, а сердце сжалось настолько сильно, что стало невозможно терпеть эту боль. Он похудел. Его лицо осунулось, а среди черных коротко остриженных прядей волос начала проступать седина.

Кайлин протянула руку и взяла со стола свои новые права.

— Спасибо, — тихо ответила она и вновь занялась изучением меню.

— Я хотел бы кое о чем поговорить с тобой, — снова подал голос Гийон.

— Можно решить все вопросы сейчас, пока мы завтракаем.

— Хорошо. Скажи, ты останешься работать в нашей группе, или предпочитаешь уйти?

— Если ты не выгонишь меня, я, наверное, останусь.

— Не выгоню.

— Тогда, все в порядке.

— Я бы мог бы договориться с начальником отдела криминалистики, чтобы ты могла работать с ними в вирусологической лаборатории.

— Пока я не хочу этим заниматься.

— Ладно, но если захочешь, скажи мне.

— Договорились. Кстати, я хотела поинтересоваться, до каких пор за мной будет следить Ено?

— Привыкай. Ты свидетель, и твоя безопасность многих волнует.

— Понятно.

— Если хочешь, я мог бы отпустить тебя с Маркусом сегодня пораньше. Наверняка ты захочешь присмотреть себе автомобиль, а на это дело уходит много времени.

— Перестань.

— Что перестать?

— Перестань вести себя так! — закричала Кайлин, бросая меню на стол. — Я сама могу решить все свои проблемы, и твоя помощь мне в этом не требуется!

— Как хочешь, — спокойно ответил Гийон, поднимаясь из-за стола.

— Ты куда? — спросила Сианна.

— В офис. Работы много.

Сианна проводила взглядом Гийона, а затем в упор уставилась на Кайлин.

— Ты что-то хотела мне сказать?

— Ты знаешь, что мы не нашли доказательств причастности к делу Центра?

— Что ты имеешь в виду?

— Все дело сводится к одному сумасшедшему, который управлял женщинами, склоняя их к сексуальным отношениям с собой, а затем убивал.

— То есть, на данный момент вы не можете доказать, что нестабильности на самом деле не существует?

— Нет, не можем.

— Наверное, даже будь у вас доказательства, это дело все равно бы не получило огласки. Расскажи мы всем правду, к чему бы это привело? Люди как использовали СаКаР, так и будут использовать.

— А как же "второй шанс"? Это ведь своего рода лекарство от "нестабильности"? — воспротивилась Полина.

— Не беспокойся. Скоро они внедрят его в производство, и все ваши проблемы будут решены. Центр криогенезации скорее всего перейдет в собственность государства, и мое оружие будет по-прежнему работать, только на этот раз на благо "законной" стороны.

— Ты видишь во всем только плохое. А сколько жизней спас твой вирус? Об этом ты когда-нибудь задумывалась?

— А сколько унес?

— У медали всегда две стороны, — покачала головой Поли.

— Давайте, оставим эту тему. — Расскажите лучше, где сейчас Женя?

— Он согласился сотрудничать с Цемеи, — ответил Рихтор. — Хотя и толку от него мало. Его пробудил Денис. Со слов Евгения, он хотел, чтобы Женя помог найти ему "второй шанс". Они вместе решили, что ключом ко всему можешь оказаться ты. Однако, сговорившись, они оба убедили Центр в твоей бесполезности. Только поэтому тебя и отпустили к Цемеи.

— То есть, они не сказали Центру о том, что это я изобрела СаКаР?

Сианна засмеялась:

— Можешь себе представить, как были удивлены мы все, когда подняли материалы твоего личного дела? Там ты значилась, как простой рядовой вирусолог, сестра гениального ученого, которая и получила-то место в лаборатории Дениса только потому, что брат замолвил за тебя слово.

— А кто же тогда, по их мнению, создал СаКаР?

— Твой брат и Женя.

— Получается, что они вели двойную игру? Хотели избавиться от возможного влияния Центра?

— Получается, что так.

Кайлин рассмеялась.

— Как же ловко они смогли всех надуть? Удивляюсь, как их вообще нашли и пробудили, если никто ничего о нас шестерых не знал.

— Первым пробудили Дениса. По воле случая, подошла его очередь "просьпаться". Тогда же они и поняли, на кого наткнулись. Денис пять лет проработал в их лаборатории. Со слов опять-таки Жени, он занимался разработкой специфических программ управления СаКаРом. Представляешь, как был шокирован Женя, когда они с Денисом поняли, что кодировки управления вирусом Центру давно известны?

— Но, документального подтверждения этому вы не нашли?

— Нет.

— А как они объясняют повторное инфицирование измененным СаКаРом?

— Они настаивают на том, что никакого повторного инфицирования не происходило.

— Что, простите?

— Видоизмененный СаКаР действительно не выводится из организма. И они утверждают, что именно этим вирусом были криогенезированы все пробужденные.

— То есть они настаивают на том, что их вирус оригинален?!

— Именно.

— А как же остальные пробужденные из моего времени? Неужели, не осталось ни одного "замороженного", чтобы пробудить его и доказать обратное?!

— Не хочу тебя расстраивать, но все люди, покоящиеся в криогенезационных камерах инфицированы новым типом вируса.

— Черт!

— Мы подозреваем, что это массовое инфицирование было произведено еще в двадцать первом веке.

— Получается, что остается только мое слово против них?

— Еще слово Жени, как одного из шести разработчиков вирусной частицы.

— И он даст показания?

— В обмен на снятие всех обвинений.

— И что? Цемеи пойдет на сделку?

— Уже пошел.

— Странно тогда, что я все еще жива.

— А никто и не догадывается, что ты — ключевой свидетель. Все полагают, что это по наводке Евгения мы обрушились на Центр. А ты... Ты просто осталась работать с нами потому, что спишь со своим опекуном.

— Блестяще. Уж лучше так, чем как Женя: жить и постоянно оглядываться по сторонам.

Кайлин повернулась к Маркусу, который все это время загадочно молчал.

— Ты не сможешь мне с выбором новой машины?

— Извини, но не помогу.

— Так, значит...

— Ты же сама в состоянии решить все свои проблемы. Вот и решай их сама.

— Перестань! — обрушилась на него Поли. — Она ни в чем перед тобой не виновата!

— Она ведет себя глупо! Сколько можно вытирать об него ноги? Сколько?!

— Никто не вытирает об него ноги!

— Ты просто не знаешь! Не видела, как вели они себя раньше!

— Это не твое дело! — продолжала кричать на него Полина.

— И не твое тоже! Хватит! Чего ты вообще ко мне прицепилась?! Мало того, что сегодня я из-за тебя снова опоздал, так еще и попрекать меня в присутствии остальных будешь? Я не половая тряпка, девочка! Пора бы уже и понять это!

— Пошел ты!

— Сама туда иди, идиотка!

Маркус поднялся из-за стола и направился в сторону проходной.

— Теперь, ваша с Рихтором очередь. Да, и Ено не забудьте. Ведь у вас у всех есть что мне сказать, — покачала головой Кайлин.

Ребята ничего не ответили на ее реплику. Спокойно позавтракав, они все вместе

вернулись в офис и разбрелись по своим кабинетам.

Кайлин тихо вошла в комнату Гийона, и, даже не поднимая от пола глаз, молча прошествовала к себе.

Весь день она провела с контактными очками на глазах, пытаясь выбрать для себя наиболее подходящий автомобиль, но мысли ее постоянно оказывались в соседней комнате. Она слышала, как он несколько раз выходил, как разговаривал с кем-то по сети и даже кричал. Она встретила его глазами, когда он позвал ее на обед, а она сказала, что не голодна.

В следующий раз Гийон зашел к ней около четырех, чтобы сказать, что уезжает к Цеми и до конца рабочего дня не вернется. Он задержался в дверях несколько дольше, чем требовалось. Его ноги будто приросли к полу, а глаза все никак не могли оторваться от ее лица. И эта минута показалась Кайлин вечностью. И сердце ее уже бросилось вскачь, и дыхание перехватило, и в где-то внутри появилось желание прикоснуться к нему, прикинуть всем телом... Но он отвел глаза и, сказав на прощание "пока", вышел, закрыв за собой дверь.

Кайлин еще долго сидела в одной и той же позе, не в силах перестать смотреть на закрытую дверь, через которую еще недавно вышел человек, которого она все еще любила.

"...Саша, у него было слишком много своих собственных проблем, но я не замечала, не понимала. Я превратилась в эгоцентриста, которому на все вокруг было наплевать. Мама и Саша, вот кто был моей семьей. Теперь их нет, и я осталась одна..."

Из разговора от 21.11.3565

Ночью она опять плохо спала. Ей снилось, что он рядом, что обнимает ее и вот-вот его губы прикоснутся к ее губам... Она начала метаться по кровати и проснулась от собственного крика, когда позвала его во сне, но не слышала ответа на свой зов.

Пытки продолжались три дня. Ежедневно она встречала его по утрам, затем в обед и, наконец, вечером, когда он заходил к ней в конце рабочего дня и сообщал о том, что уезжает. И каждый раз, когда они встречали взгляд друг друга, в пространстве повисала тишина.

Самому Гийону даже начало казаться, что он сходит с ума. Ему нужна была женщина. И это уже становилось действительно проблемой. Но при мысли о близости с другой женщиной, ему становилось противно. Он не хотел других. Он хотел ее.

И Гийон просыпался посреди ночи от нестерпимой боли в паху и от того, что вместо теплого тела своей девочки обнимает холодную подушку.

Раньше, когда он не видел ее, все было проще. Ему снились кошмары о том, как она на его глазах падает на пол в супермаркете, о том, как кровь льется из ее груди и он не может ее остановить. И он с криком просыпался посреди ночи и звонил Ено, чтобы услышать спокойный голос робота, в который раз убеждающий его в том, что с Кайлин все в порядке и она спит в своей палате.

В тот день Кайлин приехала на работу на своей новой машине: точно таком же, как и у Гийона "ягуаре", только черном. Почему она выбрала именно эту марку автомобиля? Сианна с Рихтором пытались подтрунивать над ней целый день, но кроме раздражения это не вызывало никаких эмоций.

Гийон зашел к ней в половину пятого. Как всегда, "застряв" в дверном проеме, он несколько минут молча смотрел на нее.

— Я... — он задумался над тем, что хотел сказать, и, почему-то не смог вспомнить, что именно его сюда привело.

Все стало бессмысленным, потому что он увидел слезы, стоящие у нее в глазах.

— Кайлин...

— Уходи! — закричала она. — Уходи...

— Ты отказалась от меня только потому, что верила в свою идею. Неужели это того стоило?

— Ты наплевал на мои убеждения! Я доверила тебе тайну, а ты предал меня, оставил меня ни с чем!!!

— У тебя бы был я!!! — закричал он и, подойдя к ней и наклонившись, притянул к себе и впился в маленький ротик.

Она прокусила его губу и ударила по лицу.

— Ты достаточно долго унижала меня, — ответил он, отворачиваясь. — Может быть, хватит? Чего ты хочешь? Чтобы я стал на колени перед тобой?

— Это тебе не поможет!!!

— Тогда на коленях будешь стоять ты, когда захочешь ко мне вернуться.

Гийон вылетел из собственного кабинета, сбив с ног Маркуса, идущего по коридору.

— До каких пор все это будет продолжаться?! — прокричал Маркус вслед Гийону, который даже не удосужился извиниться перед ним.

Кайлин проплакала у себя в комнате до конца рабочего дня. Маркус вошел к ней, когда она пыталась собрать свои вещи.

— Что ты делаешь?

— Ухожу отсюда. Не хочу больше здесь работать! Не хочу!!!

— Думаешь, этот поступок решит все ваши проблемы?

— Нет больше наших проблем! Есть мои проблемы и его проблемы! И тебе лучше сюда не лезть!!!

— Ответь мне только на один вопрос, Кайлин, — отворачиваясь, попросил Маркус.

— Спрашивай, — с презрением бросила она.

— Если бы это он лежал там, в магазине, истекая кровью на твоих руках, чтобы сделала ты, будь у тебя при себе ампула с СаКаРом?

Маркус вышел из кабинета, хлопнув дверью на прощание.

"...Чтобы сделала ты, будь у тебя при себе ампула с СаКаРом?"

Кайлин осела на пол и в молчании уставилась на закрытую дверь. Просидев так несколько минут, она поднялась и прошла в офис к Гийону.

Взглянув в тот угол, где раньше висела картина бывшей супруги Гийона, она ничего не нашла, кроме следа на стене. Краска там сохранила прежний оттенок, тогда как по сторонам давно уже выцвела. Когда он убрал эту картину? И почему она не заметила этого?

Кайлин отвернулась и подошла к его рабочему столу. Проведя по гладкой столешнице рукой, она присела в его кожаное кресло и откинулась на спинку.

Она не заметила пропажи картины, потому что все это время старалась не смотреть в тот угол. Потому что знала, что как только увидит ее на прежнем месте, поймет, что в жизни своей он до сих пор ничего не собирается менять.

Кайлин потянулась к нижней шухлядке и открыла ее. Мысли о том, что она поступает неправильно, в ее голове даже не проскочило. Она словно имела право знать, что там лежит, словно это он сам разрешил ей заглянуть в свой рабочий стол и свою личную жизнь заодно.

В ящике, наполненном какими-то карандашами (кстати, такими же, какие Гийон приносил ей каждую неделю), лежал листок бумаги и книга, что он отобрал у нее когда-то.

Кайлин знала, что это за листок, склеенный скотчем из мелких обрывков. Только она не думала, что он станет его хранить. И книгу эту. Зачем она ему нужна?

Кайлин потянулась к твердой обложке и достала "раритет" из ящика. В середине была закладка. Кайлин открыла ее и долго, очень долго смотрела на свою фотографию.

Это был один из ее университетских снимков. Молодая девушка, все еще привлекательная и ухоженная, смеялась на нем, и, кажется, вся жизнь ее все еще была впереди и имела какой-то смысл.

Кайлин знала, что это за фотография. Она держала лабораторную мышь за хвост, а один из сокурсников снял ее в этот момент на любительскую фотокамеру. Гийон обрезал снимок, и белой мыши теперь на нем не было.

Кайлин спрятала фото и убрала книгу на место. Убедившись, что все вещи лежат именно в том "беспорядке", в котором их оставил Гийон, она закрыла шухлядку.

"...Чтобы сделала ты, будь у тебя при себе ампула с СаКаРом?", — крутилось в ее голове, пока она гнала машину по темной трассе вперед."...Чтобы сделала ты, будь у тебя при себе ампула с СаКаРом?" "...Чтобы сделала ты, будь у тебя при себе ампула с СаКаРом?"

Гийон пил виски, когда в дверь кто-то позвонил. Распахнув ее настежь, он увидел ее, стоящую на пороге. На нем не было рубашки, а на бедрах висели те самые джинсы, которые он купил в магазине на обочине дороги охраняемых земель.

Кайлин без приглашения вошла внутрь и, бросив свои вещи на пол, прошла на кухню. Он готовил мясо. Аромат специй распространился по всему дому, напоминая о том, что здесь все-таки кто-то живет.

Он давно не убирался. Грязная посуда была свалена горой в раковине, на полу валялись какие-то ношенные носки и рубашки. На диване в гостиной, среди пустых бутылок из-под спиртного, были разбросаны обертки из-под пакетов с едой быстрого приготовления.

Гийон закрыл за ней дверь и следом вошел на кухню. Помешав ложкой подливку к мясу, он выключил плиту и отставил сковородку в сторону. Затем повернулся к ней лицом и замер, опершись руками о столешницу. Он молчал.

Только вот ее глаза по-прежнему сводили его с ума. Ее грудь, едва заметно колышущаяся в глубоком вырезе блузки, напоминала ему о тех мгновениях, когда он был вправе прикасаться к ней. Ее бедра, затянутые в облегающие штаны, будили в его голове воспоминания о том, с какой силой он мог прижимать их к себе.

Она смотрела на него и тоже молчала. Он не знал того вопроса, что крутился все это время, словно заезженная пластинка, в ее голове.

Она пробежалась глазами по мышцам его груди, по линии, пересекающей его живот и спускающейся куда-то за кромку его потертых джинсов. Она знала, где именно эта линия круто изгибается и переходит на стальное бедро.

Она подняла глаза и встретилась с ним взглядом. И вожделение, что дремало в ней все это время, наконец, закипело.

Гийон увидел этот огонь. Он ощутил его всем своим телом, и это принесло гораздо больше боли, нежели воспоминания об их сегодняшней ссоре.

И вдруг она двинулась с места и оказалась возле него. Ее руки расстегнули его джинсы. Она не сводила с него глаз, окунаясь рукой под пояс его штанов и смыкая ладонь на его безумии. Гийон не шелохнулся. Он смотрел на нее с высоты своего роста и ждал.

Она медленно опустилась перед ним на колени и, распахнув губы, проглотила его своим ртом.

Гийон застонал и ухватился руками за столешницу. Она не остановилась, прикасаясь к нему своим языком и упиваясь его откликом на ее ласки. Его аромат, его вкус, его подрагивание под ее ладонью, — все было ей знакомо. И только сейчас она ощутила в полной мере свою зависимость от него. Стоять на коленях перед ним ей не было стыдно. Именно так она просила у него прощения за все, что сделала с ним.

Гийон снова застонал и, когда столешница затрещала под его руками, когда с желанием обладать ею стало невозможно бороться, он резко оторвал ее от себя и, повалив на пол, начал срывать с нее одежду.

Раздвинув ее бедра, он провел рукой по ее плоти, и, ощутив вожделенную влагу, сразу же вошел в нее.

Она изогнулась от первого толчка, и Гийон застонал, понимая, что зависимость от этой женщины вряд ли когда-нибудь исчезнет или потухнет. Он всегда будет хотеть ее. И ее

строптивный норов только сильнее будет разжигать в нем этот пожар. И жить без нее он тоже больше не сможет. И отказаться не сумеет. И, черт с ним, с этим Миром, пусть катится в тартарары. Она рядом с ним и он больше никогда не отпустит ее.

— Кричи, — простонал он и проник в нее настолько глубоко, насколько был способен.

Она издала непонятный звук и, когда он приподнял ее бедра и с новой силой вошел в нее, закричала.

Он наклонился к ней, и нетерпение, что переполняло его, растворилось в трепете, который он испытал, двигаясь в ней. Он остановился, припав к ее голове, запустив руки в ее шелковистые волосы, вдохнув аромат ее белоснежной кожи, и накрыл ее рот своим.

Нежное движение заставило ее снова застонать. Она раскрыла губы и встретила его поцелуй, прикасаясь к нему и лаская его своим ртом. Она захватила губами то место, где еще несколько часов назад оставила след от своих зубов, и нежно провела по нему бархатной поверхностью своего языка.

Он продолжал плавно двигаться внутри, с каждой секундой приближая ее все ближе к вершине давно забытого оргазма. Она обхватила руками его спину и сильнее прижала к себе, подаваясь навстречу каждому из его толчков.

— Я люблю тебя, — прошептал он ей на ухо, не прерывая своего ритма. — Люблю тебя...

— Гийон! — закричала она, когда почувствовала первые судорожные отклики своего тела.

— Скажи, что любишь меня.

— Люблю тебя. Я люблю тебя.

— Скажи, что не оставишь больше!

— Не оставлю!

— Ты — моя, слышишь? Моя! Я никогда не отпущу тебя. Никогда!!!

— Да, — закричала она и почувствовала, как взрывается на его глазах, сильнее вдавливая ногти в его спину и царапая, словно ставя свое собственное клеймо.

Гийон простонал в последний раз, охваченный судорогами ее существа, и через мгновение рухнул на пол возле нее.

Он протянул свои руки, как всегда делал после близости с ней, и притянул ее к себе.

Кайлин положила голову ему на грудь и заплакала.

— Кайли, — тихо позвал он, вытирая ее слезы. — Я не хочу, чтобы ты плакала.

— Прости меня. Я не смогу отпустить тебя, — ответила она и сжала его голову в своих руках. — Даже если бы дала тебе слово, все равно бы не отпустила.

Гийон почувствовал, как желание снова вливается в него. Это ощутила и она. Приникнув к его рту, она в следующее же мгновение оказалась под ним на полу, не предоставляя ему возможности вырваться из плена своих рук или остановиться.

Кайлин проснулась посреди ночи от собственного крика, когда снова завала его во сне.

— Да, "зайчонок", — прошептал охрипший голос Гийона ей на ухо.

Его рука покоилась у нее между ног и вытворяла как раз те вещи, которые ей только что приснились.

— Маленькая моя, сладкая, я так скучал по тебе.

— И я скучала.

— Хочу, чтобы ты стонала, — прошептал он, подминая ее под себя. — Хочу, чтобы ты кричала.

Гийон развел ее ноги, наклонился и припал к ней своим ртом. Кайлин выгнулась под ним, цепляясь руками за простынь.

— О, Боже, Гийон, — прокричала она.

— Девочка моя...

Кайлин начала что-то говорить на русском. Гийон оторвался от нее, приподнимая свою голову.

— Я ничего не понимаю, — улыбнулся он.

— Неужели, — простонала она и, обхватив его ногами, подалась навстречу.

Он подтянул ее вверх, и через мгновение она почувствовала, как он снова заполняет ее тело.

— Тебе хорошо? — тихо спросил он, медленно двигаясь внутри.

— Да, Гийон, — ответила она и сильнее прижалась к нему. — С тобой мне всегда очень хорошо.

Они вошли к кафе ровно в восемь утра.

— Где Ено и эти двое? — спросил Гийон, потирая заспанные глаза.

— Я здесь, — ответил робот, подходя к столу и присаживаясь возле Рихтора.

— Почему опаздываешь?

— Ну, я же за Кайлин все-таки наблюдал.

В этот момент Гийон пересекся взглядом с Кайлин и оба поняли, где именно всю ночь провел робот по их вине.

— Ено, извини, — ответила Кайлин.

— Ничего страшного.

— А в чем собственно дело? — поинтересовался Рихтор.

— Кайлин ночевала у меня, — как ни в чем не бывало ответил Гийон и, снова потеряв глаза, взял карту меню в руки.

Повисло неловкое молчание, прерванное затяжным "а-а-а..." от Сианны.

— Мне двойной "эспрессо", — ответила Кайлин и, закрыв глаза, откинулась на спинку стула.

— Что, прости? — не понял Гийон.

— "Эспрессо" — крепкий черный кофе.

— И много еще таких странных названий ты знаешь?

— Да, — улыбнулась Кайлин.

— "Эспрессо", — хмыкнул Гийон. — Ну, ладно. Осталось только официанта просветить.

В этот момент к столу подошли Маркус и Полина.

— Вы опоздали, — сделал замечание Гийон.

— Кто-то не может вовремя собраться, — буркнул Маркус и присел на свое место.

— Кто-то водить не умеет! — отчеканила Полина и присела рядом с опекуном.

— Твое мнение меня не интересует.

— Еще бы! Зачем было покупать такую машину? Телега бы вполне сошлась!

— Мне все это надоело, понимаешь? Ты не можешь найти свои туфли, хотя они валяются перед твоим носом, а потом кричишь на меня и обвиняешь в том, что это я их туда вчера забросил!

— А ты и забросил!

— Нечего оставлять их на моей полке!

— Там вполне хватает места для двух пар обуви!

— Что-то мне это напоминает, — перебила их диалог Кайлин.

— И мне, — усмехнулся Гийон.

Маркус с осуждением посмотрел на обоих и углубился в изучение меню. Полина быстро сникла и, допив утренний кофе, молча поплелась в офис следом за опекуном.

— Влюбленный Маркус, — усмехнулась Сианна. — Не думала, что когда-нибудь увижу его таким...

"...Ты — единственный мужчина в моей жизни, которого стоит любить"

Из разговора от 17.11.3565

— Я ее удавлю, когда-нибудь, — жаловался Маркус, опорожняя очередную баночку с пивом в подвале у Гийона. — Это невыносимо. Вчера она решила навести порядок на моей кухне, а сегодня утром я пятнадцать минут искал ключи от машины!

— Ты хранишь их на кухне?

— Да. На холодильник обычно кидаю.

— И куда она их положила?

— На полку в прихожей.

— Логично, — пожал плечами Гийон.

— И эти электронные приборы в ее комнате! Там места живого не осталось! На прошлой неделе я даже случайно сел на ее контактный обруч и, естественно, сломал его.

— Это как?

— Она его на кровать кинула, а я не посмотрел и сел прямо на него.

— А что ты вообще делал в ее комнате и на ее кровати в частности?

Маркус задумался.

— Что ты хочешь знать?

— Это был простой вопрос. Если ты сам не знаешь на него ответа, так и скажи.

— Не знаю. Я просто к ней захожу.

— Ясно...

— Что тебе ясно?

— Я не стану рассказывать тебе о том, как ты смотришь на нее и как смог добиться того, что она без ужаса в глазах прикасается к тебе.

— Заметил?

— Все заметили.

— Ей это очень тяжело далось. Никогда не думал, что простое прикосновение может вызывать такой страх.

— И как она преодолела его?

— Я просто начал прикасаться к ней, а она попыталась сдерживать свои эмоции. Вот и все.

— У тебя талант работать с чужими проблемами.

— Ты в свое время помог мне. Теперь я помогаю другим. Все правильно.

— Ты тоже в свое время мне помог.

— Когда это?

— После того инцидента в туалете. Ты смог указать мне на очевидное, и я кое-что понял.

— Что именно?

— Рано или поздно, но я бы затащил ее в свою постель, — засмеялся Гийон.

— Пожалуйста. Теперь жить тебе с этой женщиной до конца дней твоих.

— А я на меньшее и не рассчитываю.

— Я собираюсь переехать, — вздохнула Полина и положила голову на барную стойку,

за которой сидела.

— А разве ты можешь это сделать без разрешения Цемеи?

— Он разрешит.

Кайлин засмеялась.

— Зря ты так думаешь, он разрешит мне переехать. И опекуна сменить тоже разрешит.

Кайлин оборвала смех и с удивлением посмотрела на нее.

— Поли, ты что-то хочешь мне сказать?

— Прости меня, Кайлин, — ответила девушка, приподнимая свою голову. — Все получилось несколько не так, как я ожидала.

— Ты сама выбрала себе опекуна?

Полина ничего не ответила.

— Но, почему именно Маркуса, Полина?

— Ты сама была инфицирована. И ты знаешь, что это такое — прожить в полной изоляции от окружающего мира столько лет. Это сейчас ты видишь меня такой. А раньше я больше походила на молодого неухоженного парня. Женя как-то признался мне, что когда увидел меня в первый раз, испугался. Потом он привык к моему внешнему облику, и даже смог разглядеть нечто интересное в моей внешности. Он посоветовал мне обратиться к неваде, чтобы опытная девушка помогла мне привести себя в порядок. Я работала вместе с Сильвией месяц. Когда Женя увидел меня такой, обновленной, он расхохотался. Сказал, что если бы изначально знал, какая я на самом деле, лишил бы меня девственности в первый же день нашего знакомства. Тогда я плюнула ему в лицо, а он послал меня куда подальше и ушел. Через несколько дней я приехала в Центр управления даниилами и, обосновавшись в баре, начала ждать. Вы вовремя в тот день пришли на обед. И тогда я увидела его, — вздохнула Полина и отвернулась.

— Кого?

— Маркуса, если ты все еще не поняла.

— Ты влюбилась в Маркуса? Человека, которого видела всего лишь один раз?

— Ошибаешься, я видела его не в первый раз. Мы встречались с ним в прошлой жизни, только он и не помнит уже ту двадцатилетнюю девушку, которая помогла его коллегам найти кое-какие данные.

— Это как?

— Маркус был очень известным человеком. Ему удалось раскрыть дело о серии преступлений на сексуальной почве и обвинить во всем не кого-нибудь, а окружного судью, не без моей помощи, если быть честной. Мы виделись с ним несколько раз, но ты и сама понимаешь, что мне не на что было рассчитывать. Маркуса криогенизировали здесь — единственном в то время Центре криогенезации в мире. Он попал в аварию, и от воздействия лекарств у него отказало сердце.

— Полина, и ты согласилась на процедуру только ради него? — в ужасе произнесла Кайлин.

— Нет, что ты, — улыбнулась девушка. — Я вспомнила о нем только тогда, когда прочла его имя в списке даниилов, работающих в группе с Гийоном. Я даже нашла его фотографию и только тогда убедилась, что это — именно тот человек, которого я встречала когда-то. Мне стало интересно. Ведь, в мое время он был кем-то, вроде супергероя.

— И ты решила прикоснуться к его жизни?

— Да, — выдохнула Полина. — Только теперь понимаю, насколько глупым было мое

решение. Глупым и неправильным. Да, я была напугана и понимала, что без помощи Цемеи мне не обойтись. Но, не стоило просить его отдать меня на поруки Маркусу. Не следовало мне этого делать.

— И что теперь?

— Ничего. Я уйду точно так же, как и появилась: внезапно.

— Ты не можешь. Это не правильно.

— Это как раз таки правильно, Кайлин.

— Мы с тобой родственники, а родственники должны держаться друг друга.

— От меня больше проблем, чем пользы, — улыбнулась Полина. — Если что-нибудь понадобится, отправь сообщение по электронной почте. Я обязательно на него отвечу.

— Пора домой, — пробурчал Маркус, проходя на кухню. — Поведешь ты.

— Хорошо, — улыбнулась Полина и поднялась со стула.

— Не нужно, — покачала головой Кайлин.

— Да встречи, — подмигнула ей девушка и направилась к выходу.

Как только Гийон вернулся на кухню, он обнял Кайлин и поцеловал ее в макушку.

— Ты привязалась к ней?

— Да. Она добрая, в отличие от многих других, кроме того она дочь Феклы и Саши, и глядя на нее я всегда невольно вспоминаю их.

— Но она не твоя подруга Фекла, и не твой брат.

— Я знаю, но что-то общее, что меня с ней объединяет, у нас все-таки есть.

В дверь позвонили.

— Кто это?

— Наверное, ребята что-нибудь забыли. Сейчас открою.

Кайлин присела на стул и подперла голову руками.

— Отец? — услышала она удивленный возглас Гийона.

— Привет, Гийон. Можно войти?

— Да, — замялся тот. — Есть хочешь? — спросил Гийон.

— Нет. Я по делу.

— Странно, обычно ты меня вызываешь в свой кабинет.

— Ну, это вроде как личное дело, — пожал плечами Цемеи и направился на кухню.

Кайлин вежливо кивнула Цемеи и начала заваривать чай.

— О чем ты хотел поговорить?

— Тут дело серьезное зреет. Мы выдвигаем обвинение против Центра криогенезации.

— Я в курсе.

— Я уже стар, Гийон, и для меня все это тяжело.

— К чему ты клонишь?

— Я хочу, чтобы одним из обвинителей на процессе выступил ты.

Гийон скептически скривил лицо и облокотился о столешницу.

— Не стоит так реагировать. Это — прекрасная возможность сделать карьеру. И если бы я не был уверен в тебе, не предложил бы.

Кайлин посмотрела на Цемеи, затем на Гийона и, наконец, изрекла:

— Это действительно стоящее дело.

— Почему я? Ты понимаешь, какая это ответственность? Сколько мне придется готовиться к этому делу? Уйдут месяцы, а то и годы. Кроме того, я не могу выступить обвинителем, поскольку все еще являюсь опекуном Кайлин. Я не имею права допрашивать

ее в суде.

— Об этом я и хотел поговорить с Вами, — перебил его Цемеи.

— Что ты хочешь сказать?

— Все было бы намного проще, получи она гражданство.

— На подготовку к тесту уйдет много времени, — покачал головой Гийон.

Кайлин бросила пачку с чаем на стол и уперла руки в бока.

— Что? — не понял Гийон.

— Прости, девочка, я воспитал глупца.

— Нет, он не глупец, он просто не хочет жениться!

— Что ты такое говоришь?

— Не хочешь, не надо. Я понимаю, что ты не готов или вообще больше не желаешь связывать себя с кем-то, ладно. Но слышать об этом, на самом деле, обидно.

Гийон замер на месте и опустил голову.

— Отец, у тебя талант все портить.

— Ты о чем? Не хочешь жениться, имей мужество сказать ей об этом.

— А ты не подумал о том, что она сама хотела пройти этот тест? Она умна, всегда была независимой и много добилась еще в прошлой жизни.

— Хочешь сказать, что я бы отказала тебе только потому, что это слишком простой способ для меня получить гражданство?

Гийон посмотрел на нее.

— Нет?

Кайлин обернулась к Цемеи.

— Он не глупец, Старко, он — дурак!

— Может, хватит меня оскорблять?

— А вот теперь я за тебя точно не выйду.

— Почему?

— Да, потому что каждая женщина хочет, чтобы это предложение исходило из недр души, а не в качестве разумного решения проблемы.

— Значит, откажешь мне?

— Естественно! Уж лучше за Маркуса выскочить. Тот, хотя бы, о любви говорить не станет.

— За кого ты собралась? — закричал Гийон.

— Ну, это же фиктивный брак будет, ты же понимаешь.

— Никакого брака не будет!!! — продолжать орать Гийон. — Ты в своем уме? Да, катись оно все к черту! И ты, — он указал пальцем на отца, — тоже катись отсюда.

— Успокойся, — ответил Старко, как будто к такому обращению к своей персоне уже давно привык.

— Думаешь, я не думал о женитьбе на тебе? — спросил Гийон, поворачиваясь к Кайлин.

— Откуда мне знать. Я люблю тебя. И даже если ты не собирался делать предложения, я все равно не смогу оставить тебя.

Гийон круто развернулся на месте и пошел в сторону лестницы.

— Ты куда? — прокричала Кайлин ему вслед.

— Стой там, где стоишь!!! — ответил он и побежал наверх.

— Куда это он? — спросила она у Цемеи.

— Откуда мне знать. Он всегда был себе на уме. Можешь представить, как я удивился, когда он позвонил мне и попросил тебя спасти?

— Так, он попросил Вас?

— Естественно. А к кому он еще мог обратиться? В Центр? Ты не подумала о том, что и по сей день известие о появлении "второго шанса" не разлетелось по всему Миру?

— Ну...

— Вот тебе и "ну". Центр не знает о твоём "втором" возрождении. Ты просто выжила, вот и все.

— А он мне ничего не сказал.

— И я о том же.

Гийон, тем временем, появился на лестнице, перепрыгивая через ступеньки и сбегая вниз.

— Лоб расшибешь, — засмеялся Цемеи.

— Папа, тебе пора домой.

— Выгоняешь? Ладно. Приятно было увидеть тебя, девочка.

— И мне, — улыбнулась Кайлин, но с места не сдвинулась.

Гийон закрыл за отцом входную дверь и подошел к ней, пряча руку за спиной.

— Что там? — спросила Кайлин.

Гийон опустился перед ней на одно колено и взял за руку.

— Черт, забыл, с чего хотел начать.

— А ты не спеши. Я подожду.

— Сарказм в тебе переливается через край, дорогуша.

— Еще раз назовешь меня "дорогушей", и я покажу тебе третий палец.

— Только не палец, — засмеялся Гийон, целуя ее руку.

— Ну? — вопросительно произнесла она.

— Что, "ну"?

— Начинай! Расскажи, как ты меня любишь, как не можешь представить себе свой завтрашний день без меня, как я способна довести тебя до кипения всего лишь несколькими фразами, но ты все равно продолжаешь хотеть меня и при каждом удобном случае тащишь в свою постель.

— Да, ты, я смотрю, готовилась больше, чем я?

— Давай, заливай, про то, что ты готовился. Если бы не папаша, ты бы даже и не вспомнил об этом, засранец.

И тут Кайлин расплакалась. Вытирая слезы своей рукой, она отстранилась от него и присела на стул.

— Думаешь, мне приятно все это? Вот так? Ты испоганил все, что мог, Гийон. Не хочу я за тебя выходить. Будешь до конца дней своих моим опекуном.

Он встал на колени перед ней и протянул маленькую черную коробочку.

— Что это?

— А ты открой.

Кайлин взяла в руки обтянутый бархатом предмет и открыла его.

На шелковой белоснежной обивке покоилось золотое кольцо с огромным сапфиром, возвышающимся в центре.

— Оно новое... — прошептала Кайлин, взглядываясь в кристально чистый синий оттенок камня, который еще в ее времена стоил не меньше маленького состояния.

— Я давно купил его для тебя.

— А, почему не подарил сразу?

— Ты с Сианной тогда поругалась. Кричала, что в твоей голове достаточно мозгов, чтобы пройти тестирование на интеграцию, и ее мысли о том, что ты хочешь побыстрее получить гражданство, выскочив за меня замуж, она может засунуть себе...

— И ты не стал дарить его.

— Не стал.

— В моей голове действительно достаточно мозгов, чтобы пройти тест.

— Я знаю.

— Но, кому все это нужно? Мне не нужно гражданство. Я хочу, чтобы ты был рядом со мной.

— Я буду, только несколько в другом амплуа.

— Муж. Уж не знаю, стоит ли так рисковать, — улыбнулась Кайлин. — Опекуном ты был, словами не передать, а вот какой из тебя получится муж?

— Ну, заешь... — Гийон поднялся с пола и протянул руку к коробочке. — Отдавай!

— Нет! Я загоню это кольцо по спекулятивной цене!

— Что?

— Согласна!

— На что? На такого мужа, как я?

— Ну, ты же мне сам предложил. И кольцо даже выбрал... Красивое...

— Кайли?

— Поверь, жена из меня выйдет более невыносимая, чем пробужденная.

— Это точно...

— Что? — Кайлин подскочила с места, надевая на палец кольцо и пытаясь ухватить Гийона за плечи.

— Все! Сдаюсь! — засмеялся он, опрокидывая ее на пол и придавливая своим телом сверху.

— Не похоже на капитуляцию...

— Правда? — спросил он, проникая своей ладонью под ее белье.

— Я люблю тебя, — ответила Кайлин, прижимаясь губами к его шее.

— Ты выйдешь за меня? — прохрипел он, вдыхая аромат ее волос и окунаясь в них своим носом.

— Да.

— И я люблю тебя, зайчонок. Боже мой, как же сильно я тебя люблю...

Полина рассчитывала на следующий день остаться дома и спокойно собрать свои вещи, чтобы тихо скрыться затем в никуда. Но планам ее не суждено было сбыться. И, наверное, в основном потому, что Маркус и Гийон прекрасно слышали все, о чем она говорила со своей родственницей на кухне.

Войдя в дом, Маркус даже не дал ей возможности снять с себя пальто. Навалившись на девушку всем своим телом в прихожей и прижав ее к стене, он без зазрения совести впился в ее рот, с жадностью и нетерпением прикусывая теплые губы.

Полина совершенно не сопротивлялась такому натиску. Он обнял его за плечи и, ответив на поцелуй, прижалась к нему бедрами. Маркус наклонился и проникнул руками под ее очередную узкую юбку, рванув плотную ткань вверх.

Полина вскрикнула от неожиданности и залилась краской. Маркус развел ее ноги и

прижался к ее лону своим возбуждением.

— Ты ведь знаешь, что это? — тихо прошептал он ей на ухо.

— Да, — пролепетала она.

— И ты осознаешь, что назад дороги уже не будет?

— Да.

Он прикоснулся теплыми губами в ее шею и провел по нежной коже кончиком языка.

— Тогда можно сейчас я сделаю все так, как давно хотел?

Его губы коснулись ее уха, а язык окунулся в ямочку за раковинкой. Полина судорожно вздохнула, но все же ответила:

— Да.

Он снова притянул к ее рту и приспустил ее кружевные трусики. Мужские пальцы коснулись скопившейся влаги снизу, и Полина на этот раз тихонько застонала.

— Напоминаю, что ты мне все разрешила, — быстро проговорил Маркус и, опустившись перед ней на колени, окунулся своим языком в ее влагу.

— Маркус!!! — закричала Полина и вцепилась руками в его плечи.

Он потянул ее вниз и уложил на полу прямо в пальто. Затем окончательно стянул с нее белье и, разведя ее ноги, продолжил с того, на чем остановился.

Расставаться с девственностью в двадцать восемь лет довольно легко, особенно когда любимый мужчина при этом впервые в жизни осознает, что бывают ситуации, при которых невозможно не только добраться из прихожей до кровати, но и просто полностью раздеться...

— Ненавижу все эти больницы, — бурчал Маркус, прохаживаясь по коридору акушерского отделения взад и вперед.

Гийон спокойно сидел на диванчике и показывал маленькой девочке, сидящей в слинге у него на груди, одноразовый картонный стаканчик. Ребенок сначала внимательно его рассматривал, а затем схватил своими крошечными ручками и начал комкать.

— Только не ешь, — со всей серьезностью произнес Гийон, будто ребенок был в состоянии внять его просьбе.

— Как ты управляешься с ней?

— Очень просто. Девчонки более покладистые, чем мальчишки. Да, котенок?

— Она даже не понимает тебя.

— Пока нет, но скоро будет, — ответил Гийон и поцеловал дочь в нос.

— Ты так спокоен... У вас ведь их двое скоро будет.

— Я хотел девочку, а Кайлин — мальчика. Так что, все по-честному.

— На тебе еще этот процесс висит.

— Он скоро закончится. Жаль только, что это ничего коренным образом не изменит.

— Ну, по крайней мере криогенезация станет "Государственной" процедурой.

— Да, но доказать, что нестабильности не существует, нам так и не удалось.

— Зато Кайлин разрешила использовать "второй шанс" для выведения вирусных частиц из организма.

— Только ты при ней об этом не говори. Ее сразу тряссти начинает.

— От чего же? Она стала первой пробужденной, которую хоть кто-то начал уважать среди коренных. Еще бы, человек, что создала "лекарство против нестабильности", не может быть обычной женщиной. И лекции эти ее в университете пользуются популярностью, насколько я могу судить.

— Для нее это хоть какая-то отдушина. Я-то понимаю, что работа аналитиком никогда не сравнится с тем, чем она занималась в прошлом. Соня, не грызи стакан.

— Все, ее подготовили. Можешь идти.

Кайлин, с огромным животом наперевес, прислонилась к стене, а Маркус с криком "спасибо", помчался к палате своей жены.

— И это тот человек, который еще два года назад не собирался ни на ком жениться, — улыбнулась Кайлин и присела рядом с мужем и дочерью.

— А это та женщина, которая еще два года назад не собиралась никого рожать.

— Маркус доложить успел?

— Он подколот меня еще когда ты Соню рожала. Только я тогда был слишком занят: бегал по отделению и искал того предурка, что не смог тебя обезболить.

— Ничего, выжила, как видишь.

Гийон положил руку ей на живот и нежно погладил.

— Не могу больше, — простонала Кайлин. — Устала я. Скорее бы уже родить и забыть об этом.

— С Соней ты говорила то же самое.

— Больше никаких детей, Гийон. Хватит. Пора остановиться.

— Трех, я больше просить не стану.

— Двое — это мое последнее слово, — ответила Кайлин и показала мужу язык.

Девочка, глядя на маму, тут же повторила движение и уставилась невинными глазами на отца.

— Ну, вот, научила, мамашка. Кто теперь отучит?

— Ты, конечно!

Кайлин положила голову ему на плечо и закрыла глаза.

— Зайчонок, может, домой поедем? Когда Полина родит, тогда и вернемся.

— Нет, твой лучший друг пребывает в неадекватном состоянии.

— У него это впервые.

— Посмотрим, что ты запоешь через две недели, опытный ты наш.

Кайлин медленно поднялась с дивана и разогнулась.

— Все-таки, домой? — с надеждой в голосе спросил Гийон.

— Уже не знаю. Спина что-то слишком сильно ноет, да и Сашка как-то притих.

И тут Кайлин почувствовала, как по ее ногам начинает что-то сочиться. Гийон в ужасе устоялся на пол, где под ее ногами образовалась маленькая лужица.

— Черт, — произнесла Кайлин.

— Черт!!! — завопил Гийон и подорвался с места.

В тот день в акушерском отделении городской больницы родилось два мальчика, которых назвали Саша Самари и Гийон Уинтерс.

Больше книг на сайте - Knigolub.net